

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

**Выпуск № 4
2015**

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2015

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. А. Левитская – ректор СКФУ (председатель); **Д. А. Сумской** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **В. Ш. Авидзба** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **А. В. Гладышев** – д-р ист. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **А. М. Ерохин** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **В. И. Карасик** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Крюссман** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **И. В. Крючков** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Мамонов** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Мелконян** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Л. П. Репина** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Ф. Саваи** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **Ю. Н. Стариков** – д-р юрид. наук, профессор; **О. И. Федотов** – д-р филол. наук, профессор; **Д. Д. Фролов** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия

И. В. Крючков – д-р ист. наук, профессор (председатель); **В. Ю. Апрыщенко** – д-р ист. наук, профессор; **К. Р. Амбарцумян** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **В. В. Василенко** – д-р ист. наук, доцент; **Л. Н. Величко** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Е. В. Галкина** – д-р полит. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **Е. Н. Ежова** – д-р филол. наук, профессор; **А. Г. Кибальник** – д-р юрид. наук, профессор; **И. Н. Ключовская** – д-р юрид. наук, профессор; **М. Е. Колесникова** – д-р ист. наук, профессор; **С. И. Маловичко** – д-р ист. наук, профессор; **О. И. Лепилкина** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Н. Ломтева** – д-р пед. наук, профессор; **Н. Л. Москвитская** – д-р пед. наук, профессор; **И. В. Мухачев** – д-р юрид. наук, профессор; **Э. С. Навасардова** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Серебряков** – д-р филол. наук, профессор; **С. В. Серебрякова** – д-р филол. наук, профессор; **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **В. П. Ходус** – д-р филол. наук, профессор; **Т. А. Шебзухова** – д-р ист. наук, профессор; **О. С. Шибкова** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Ануприенко И. А. Итальянская купеческая среда и гендер в эпоху позднего средневековья.....	7
Василенко В. В. «Любите истину и никогда и ни за что не уступайте ее...». Роль М. М. Ковалевского в становлении научного мировоззрения П. А. Сорокина.....	13
Величко Л. Н., Садченко В. Н. Модели региональной интеграции в Черноморском регионе на современном этапе: проблемы институализации.....	20
Галушко А. А. Нина Берберова о масонстве в России в начале XX века: причинах возрождения и его последствиях.....	26
Головина Э. Т. Особенности функционирования изб-читален на Ставрополье в 1920–1930-е гг.	31
Дмитриев В. А. Об актуальности категории «этнографический факт»: Часть 1. Факт и источник.....	37
Дударев С. А. К социокультурной трактовке некоторых произведений средневековой поэзии Ближнего Востока.....	42
Захарченко О. Н. Артистические кафе Парижа во второй половине XIX–начале XX вв. и их роль в жизни богемы.....	46
Зельнишкая (Шларба) Р. Ш. Торговые контакты абхазов и сопредельных областей Кавказа в XIX–XX вв.	51
Зозуля И. В. Институт городских судей в России: функции и деятельность в начале XX века.....	56
Истягин В. Р. Реализация государственной переселенческой политики в Северо-Кавказском крае в начальный период коллективизации: переселение цыган, корейцев, ассирийцев.....	60
Калинченко С. Б. Основные тенденции историографии истории науки на Северном Кавказе.....	66
Каменева Г. Н. Опыт службы женщин в рядах военно-морского флота (1941–1945 гг.): на материалах юга России.....	72
Каширина Т. В. Конференция в Думбартон-Оксе в 1944 г. и ее влияние на развитие международных отношений в антигитлеровской коалиции.....	79
Кудрявцев А. А. Специфика формирования и историческая роль гребенского и терского казачества на раннем этапе развития.....	82
Лобанова Д. В. Комсомол Ставрополя на страницах газеты «Молодой Ленин» (1934–1937 гг.).....	88
Любушкина Е. Ю. Деятельность благотворительных общественных организаций по открытию приютов для детей на Дону во второй половине XIX – начале XX вв.	94
Марченко Е. М. Социально-правовой статус материнства на Северном Кавказе в 1920-х гг. (идеи и реализация).....	98
Оборский Е. Ю. Ставропольские большевики в 1917 году: от попыток сотрудничества к захвату власти.....	104
Плохотнюк Т. Н. Столичные города России и Германии в трансграничной миграционной системе в последней трети XIX века: компаративный анализ.....	111
Покотилова Т. Е. Благотворительность в светском образовании Ставропольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте отечественных модернизационных процессов.....	119
Пуховский Н. В. Проблема взаимоотношений донских органов госбезопасности и партийных структур в 1920–1921 гг.	126
Рыкун Г. Н. Исторический опыт в современной практике международного военного сотрудничества.....	131

Танцеева А. В. «Огонек» – еженедельник Советской страны: к истории функционирования в 1920-е годы.....	135
---	-----

Трапш Н. А. «Войны памяти» в виртуальном пространстве: региональная история XIX столетия в сетевом дискурсе адыгских и абхазских блогеров.....	141
---	-----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авдеев Е. А. Российское законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений в контексте современной конфессиональной правовой политики.....	146
---	-----

Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые аспекты информатизации регионов: опыт Канады.....	151
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С. Н., Марченко Т. В. Категория φύσις в экзистенциалистских текстах.....	155
--	-----

Гусаренко С. В. Пропозиция как компонент актуального дискурса.....	159
---	-----

Ежова Е. Н., Буров А. А. «Давайте меняться сознательно!»: формирование ценностей здорового образа жизни в медиапространстве современной России.....	164
--	-----

Луговая Е. А. Метафоризация как типологическая характеристика произведений жанра «fantasy».....	168
--	-----

Останкович А. В., Пономаренко Е. Н. Из Америки в «тишину монастыря» (о православной традиции в лирике Е. А. Христиани).....	172
--	-----

Попова Л. Г. Лингвистические средства убеждения в англоязычной социальной рекламе (на материале британской видеорекламы).....	177
--	-----

Селиверстова Г. Е. Деятельность А. Х. Востокова в эпистемологическом пространстве эпохи конца XVIII – начала XIX века: к методологическим истокам филологической науки.....	180
--	-----

Сведения об авторах.....	185
---------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Anuprienko I. A. Italian merchant environment and gender in the late middle ages.....	7
Vasilenko V. V. «Love the truth and never give it up» the role of M. Kovalevskiy in forming of Sorokin's scientific outlook.....	13
Velichko L. N., Sadchenko V. N. Models of regional integration in the black sea region at the present stage: problems of institutionalization.....	20
Galushko A. A. Nina Berberova about freemasonry in Russia at the beginning of the XXth century: reasons of revival and its consequences.....	26
Golovina E. T. Specific features of village reading room's in stavropol region in 1920–1930s.	31
Dmitriev V. A. On the relevance of «ethnographic fact» category: part 1: the Fact and the source.....	37
Dudarev S. L. On the interpretation of certain sociocultural works of Middle East medieval poetry.....	42
Zakharchenko O. N. The role of artistic cafes in the life of «parisian bohemians» of the XIX – early XX century.....	46
Zelnitskaya (Shlarba) R. Sh. Trade contacts of abkhazians and the neighboring regions of the Caucasus during XIX–XX centuries.....	51
Zozulya I. V. Institution of urban judges in Russia: functions and activities in the early XX century.....	56
Istyagin V. R. Realization of state resettlement policy in the north Caucasian region at the initial stage of collectivization: resettlement of gipsy, koreans and assyrians.....	60
Kalinchenko S. B. The main trends in historiography of science in the North Caucasus..	66
Kameneva G. N. Navy women service experience (1941–1945): based on materials of the South of Russia.....	72
Kashirina T. V. Dumbarton-Oaks conference in 1944 and its influence on the development of international relations in the anti-hitler coalition.....	79
Kudryavtsev A. A. Specific features of formation and historical role of grebensky and tersky cossacks at the early stage of development.....	82
Lobanova D. V. Komsomol of Stavropol region on pages of the newspaper «Molodoy Leninets» (1934–1937).....	88
Lyubushkina E. Yu. The activities of charitable organizations to open shelters for children on the Don in the second half of XIX – early XX cc.	94
Marchenko E. M. Social and legal status of maternity in the North Caucasus in the 1920s. (ideas and implementation).....	98
Oborskiy E. Y. Stavropol bolsheviks in 1917: from attempts of cooperation to seizing the power.....	104
Plokhotnyuk T. N. Capital cities in Russia and Germany in the cross-border migration system in the last third of XIXth century: comparative analysis.....	111
Pokotilova T. E. Charity in secular education in the Stavropol province in second half XIX – early XX c.c. in the context of Russian modernization process.....	119
Pukhovskiy N. V. The problem of relations between the don state security services and the party apparatus in 1920–1921.....	126
Rykun G. N. Historical experience in the modern practice of international military cooperation.....	131
Tantsevova A. V. «Ogonyok» – the weekly journal of the soviet country: the history of functioning in the 1920s.	135
Trapsh N. A. «Memory wars» in virtual space: the egional history of XIX century in the network discourse of adyghe and abkhaz bloggers.....	141

LEGAL SCIENCES

Avdeyev E. A. Russian legislation in the field of state-confessional relations in the context of contemporary confessional legal policy.....	146
Koybaev B. G., Zoloeva Z. T. Legal aspects of informatizing the regions: the Canadian experience.....	151

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin S. N., Marchenko T. V. Φύσις category in existential texts.....	155
Gusarenko S. V. Proposition as a component of actual discourse.....	159
Yezhova Y. N., Burov A. A. «Let's change consciously!»: development of healthy lifestyle values in media of modern Russia.....	164
Lugovaya E. A. Metaphorisation as the typological characteristics of «fantasy» genre works.....	168
Ostankovich A. V., Ponomarenko E. N. From America into the «silence of the monastery» (on religious identity of E.A. Christiani's lyrics).....	172
Popova L. G. Linguistic means of persuasion in social video advertising (based on Britain video advertising).....	177
Seliverstova G. E. The activity of A. KH. Vostokov in epistemological field of XVIII – early XIX c.: to the methodological sources of philology.....	180
Information about the authors	185

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 63.3

И. А. Ануприенко

ИТАЛЬЯНСКАЯ КУПЕЧЕСКАЯ СРЕДА И ГЕНДЕР
В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается итальянская купеческая среда и гендерные стереотипы поведения в эпоху позднего средневековья. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, в среде правящей элиты итальянских городов сложились определенные установки, которые легли в основу новоевропейского гендерного поведения: при заключении брака учитывалось происхождение жен-

шины, способствовавшее усилению статуса мужчины, а в связи со стабилизацией самого института церковного брака появились значимые фигуры женщин-хозяек и управительниц семейных дел.

Ключевые слова: гендерный статус, позднее средневековье, матримониальность, брак, супруги.

I. A. Anuprienko

ITALIAN MERCHANT ENVIRONMENT AND GENDER
IN THE LATE MIDDLE AGES

The article discusses the Italian merchant environment and gender stereotypes of behavior in the late Middle Ages. On the basis of the research the author comes to the conclusion that among the ruling elite of Italian cities specific sets developed, which formed the basis of modern European gender behavior: the origin of women was taken into consideration in marriage, it

contributed a lot to strengthening the status of men. As there was stabilization of the Institute of Church marriage there emerged significant figures of women-housewives and manageresses of family affairs.

Key words: gender status, the late Middle Ages, matrimonial, marriage, spouses.

В современной медиэвистике много внимания уделяется особой социальной роли, которую играли для средневековой цивилизации элитарный слой и его представители, находящиеся в социальном пространстве. Их образцы поведения нередко становились общекультурной нормой, и поэтому обращение к купеческой социальной группе проливает дополнительный свет на ценностные ориентиры позднесредневекового общества в целом, и в Италии в частности [17, с. 230].

Цель автора – опираясь на имеющиеся в исторической литературе наработки, выявить некоторые исходные установки гендерного поведения, присущего пополюсской среде итальянских городов-государств, закре-

пившиеся в национальной традиции Италии на длительное время.

Гендерные отношения находились в центре политической жизни Средневековья, и к ним вынуждены обращаться даже исследователи, специально не занимающиеся женской проблематикой. Интересные материалы по рассматриваемой теме содержатся в ставших классическими и прочно завоевавшими симпатии российских читателей монографиях французских историков (Ф. Ариеса, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа и др.). Собственно, гендерные аспекты европейской средневековой истории находят освещение в работах Л. П. Репиной, А. Г. Суприянович, А. Л. Ястребицкой, И. А. Красновой, М. Л. Абрамсон и др.

Статья Ш. Ортаер «Соотносится ли женское с мужским так же, как природное с культурным» вышла в сборнике «Женщины, культура, общество» и открыла многолетнюю дискуссию по проблемам содержания понятия «гендер» [15, с. 76]. Большинство зарубежных исследователей согласны с тем, что учет гендерного фактора необходим при любых социальных исследованиях, поскольку он позволяет раскрыть многовариантность влияния пола как такового на исторические процессы.

В итальянских городах Средневековья в силу специфики исторической ситуации сферы публичного и домашнего оказались тесно связаны, это привело к усилению внимания к матримониальным делам: в первую очередь вопросам передачи наследства, заключения брака, сроков рождения сыновей и прочее.

Гендерная проблематика довольно полно представлена в рамках так называемой «новой истории семей» – сравнительно нового направления в итальянской историографии, интерес к которому активизировался в связи с появлением микроисторической методологии. В качестве примера можно привести фундаментальное исследование Лоренцо Фаббри [4], изучающего историю клана Строцци как процесс инкорпорирования фамилии в постоянно меняющийся мир социальных отношений коммунального сообщества. Фаббри рассматривает такие понятия, как «цепь брачных альянсов», «брачная стратегия», «рынок брака», которые непосредственно влияли на положение и место женщины в семье. По его мнению, система браков всегда регулировалась обществом, а тем более если выбор осуществлялся в среде знатных и состоятельных семей Флоренции. В исследовании мы приводим неоспоримые доводы о том, что брак должен был не только способствовать выживанию семей, но и выполнять функции эффективной адаптации их в коммунальное сообщество, способствуя экономической и социальной эскалации. В этом случае брачные союзы осуществлялись в качестве коммерческих сделок. Эта идея была присуща также юридическим традициям позднесредневекового города [4, с. 38–39].

Власть была по преимуществу мужской и патриархальной, но женщины, представительницы купеческой среды, выступали в политическом пространстве как важные

посредники, медиаторы. Анализируя подход людей того периода к проблеме брачных союзов, нельзя забывать о традициях семьи-консортерии. Практика браков находилась в руках родителей или близких, т. е. прямо заинтересованных людей [11, с. 184]. Отец должен был еще при жизни об этом официально позаботиться: собирать информацию, активизировать контакты, управлять переговорами, все брать под контроль как главе семейства. Редки были случаи, но все же, имелись, когда этим занимались матери семейств. Некоторые рекомендации нам дает Джованни Морелли при заключении браков: «... выбирать нужно, все хорошо и зрело обдумав, опираясь на советы людей, которые являются истинными друзьями» [9, с. 207].

Поиск знатных и богатых невест и борьба за наследия был одним из основных стержней, вокруг которого концентрировалась политика, власть и влияние. В браке осуществлялась передача от родителей детям своей благородной крови, поэтому особую роль приобретало происхождение как женщины, так и мужчины. Купеческие капиталы, властные права, знатность происхождения («кровь») сливались воедино при заключении брачных стратегий.

Действия этих принципов брачной стратегии очень заметны на примере союзов в семействе Строцци. В июле 1465 г. Марко Паренти был занят поисками жены для своего родственника Филиппо Строцци, сына монны Алессандры Строцци, на дочери которой Марко был женат. Сначала Марко и Алессандра выбирали невест по всей Флоренции на имеющемся «брачном рынке». В результате были присмотрены несколько девушек и собрана различного рода информация, интересовавшая Филиппо [8, с. 447–451]. При этом выяснилось с очевидностью, что при выборе брачных партнеров применялись логика и способы торговой сделки с определенными стандартами и нормами, выполняемыми сторонами, вступающими в договор. Выбор зависел от политической и общественной конъюнктуры, при этом часто стороны руководствовались политическими соображениями [6, с. 249].

Для семьи Строцци, например, в их документах раскрываются общие критерии, которые считаются необходимыми для брака: демографические факторы (рождение сыновей для продолжения рода), возраст,

экономические потребности, финансовые причины, знатность и иерархия в обществе, гарантирующие возможность престижного родства [4, с. 137]. В семьях все девушки учитывались для создания будущих брачных союзов с соблюдением законных критериев иерархии. В семейных кланах подготавливался примерный «список» женихов, в котором классифицировали кандидатов для предстоящих брачных союзов. Например, в 1427 году Леонардо Строцци объявил сыну Филиппо о намерении женить его, приводя обоснования для заключения брачной сделки, просчитывая все выгоды в процессе подготовки документов для заключения контракта [4, с. 138]. Для успешного осуществления этой стратегии необходима была самая полная информация о потенциальных женихах и невестах.

Выбор супруга или супруги всегда был очень сложным для семьи делом, в котором на первый план выдвигались также и социально-экономические аспекты брачной стратегии. К примеру, сер Лапо Никколини, преуспевающий флорентийский торговец, должен был получить приданое в 1384 г. в размере 700 флоринов, но когда через 20 лет он женился вторично, то взял уже 1 000 флоринов [4, с. 50]. В середине XV в. Алессандра Мачинги Строцци, которая искала жену для сына, написала, что 1 000 флоринов – это приданое для простого мастера, и дополнила: «... кто берет жену, тот хочет деньги». Она – женщина, однако тоже говорила о невесте, как о «подходящем товаре» [8, с. 597], хотя незадолго до этого, выдавая замуж своих дочерей, она с удручением писала о том, что может дать за младшей из них, Маргаритой, только 1 000 флоринов приданого, тогда как минимальная сумма, необходимая для привлечения наиболее богатого и знатного жениха, – 1 200 флоринов [8, с. 600]. На этом примере, очевидно, что гендерная асимметрия основательно укоренилась и в сознании женщин.

На первое место Лапо ди Джованни, Никколини де Сиригати и его отец ставили в купеческих браках образование семейных альянсов. Отец Лапо выбирал супругов для своих детей, руководствуясь одним из принципов: либо со стороны и выше статусом, тем самым вступая в союз с семьей более значимого общественного положения, либо по соседству и с равным статусом, тем самым укрепляя местные связи. Одна из сестер Лапо

получила в приданое 975 флоринов, что отражало движение вверх по социальной лестнице в форме союза с семьей, владевшей землей и обладавшей высоким престижем. Брат Лапо Никколо женился на молодой женщине из линьяжа Барди, самого крупного во Флоренции и запечатленного в названии улицы «Виа деи Барди», где были сгруппированы их многочисленные дома и предприятия. Лапо и его брат Филиппо женились внутри своего собственного квартала Святого Духа, получив от своих невест в качестве приданого 700 и 800 флоринов [7, с. 81–82].

Повышение социально-политического престижа семьи Никколини де Сиригати и увеличение богатства отразились в социально-экономическом аспекте брачной стратегии. Маттео ди Никколо Никколини, женившись в 1352 г., получил приданое за свою жену 600 флоринов, в 1383 г. дал своей дочери 900 флоринов, но в 1401 г., его вторая дочь, Франческа получила 600 флоринов, и ее сестра Андреа в 1403 г. выходила с такой же суммой в приданое. Вероятно, сильная эпидемия чумы 1400 г. обусловила браки двух этих девочек и дала возможность отцу выдать замуж их очень дешево [7, с. 223].

Приданое в размере 6 000 флоринов давал кардинал Джованни Медичи, будущий папа Лев X, говоря при этом о своей дочери: «Она достигла брачного возраста, и мужчины женились бы на ней с удовольствием из-за размера приданого, но не было ни одного, кто горел бы желанием взять ее, опасаясь столь ответственного политического союза» [5, с. 94]. В данном случае вступили в противоречие два основных показателя: деньги и политика, – причем, преимущество оказалось на стороне политических интересов.

В городах богатые молодые люди вступали в брак с большей осмотрительностью, чем их бедные соседи. Стремясь сделать карьеру торговца, банкира, или адвоката, они ждали от брака гораздо большего, чем ремесленники, в первую очередь желая увеличить свое состояние благодаря существенным размерам приданого. Высокие ставки на брачном рынке подталкивали богатого молодого человека к долгим поискам жены и затягивали переговоры, когда невеста была найдена. Соответственно, мужчина по большей части не мог жениться по любви даже тогда, когда сам того желал [5, с. 222].

Таким образом, мужская гендерная идентичность в традиционном обществе не в последнюю очередь была связана с престижностью статуса женатого человека и отца; в случае несоответствия вступали в силу механизмы общественного давления. В популяционной среде постоянно ощущалась необходимость обеспечения стабильности своей моши посредством наличия наследников мужского пола, что и отражалось в чередности и характере заключаемых ими браков. Значимость матримонимальной политики в Италии не снизилась, определяя модели заключения браков.

В записках и мемуарах итальянских купцов при упоминании о женах и их роли в семье учитываются три основных фактора: количество рожденных ею детей, сумма приданого и степень знатности ее рода. Цели брака и создания семьи сформулировал Джованни Морелли, высказывания которого на это счет А. Тененти резонно сопоставлял с идеями трактата Леона Батиста Альберти [12, с. 124]. Морелли постулировал три основных принципа управления семьей: приращение или хотя бы сохранение и стабилизация семейного достояния, приобретение политического престижа и доступа к государственным структурам власти. Главное же – физическое продолжение рода, которого следует добиваться, производя на свет сыновей.

Хозяйственная книга Маттео Корсини не содержит каких-либо специальных высказываний по поводу жен, но все же дает основание прийти к выводу о том, что Маттео ценил два качества в женщинах: сумму приданого, которое они приносили в дом мужа, и их плодovitость. Его собственная супруга Лоренца за 24 года брака произвела на свет 20 детей, его невестка Сальваджа – «прекраснейшая женщина» – за 8 лет брака родила 6 детей (умерла в 24 года при родах) [10, с. 81]. Обратившись к «Домашней хронике», мемуарам («Ricordi»), «Секретным тетрадям» и другим памятникам так называемой купеческой литературы можно фиксировать и подтвердить вышеуказанный вывод.

Женщина должна была рожать, вскармливать и воспитывать наследников в раннем возрасте, ибо это было ее основным занятием. У Франческо Барбаро была масса наставлений, как должно выполнять эту функцию: «Затем природа дала всем животным, которые плодятся, питание молоком, напол-

няя им сосцы, подобно 2 источникам изобилия, из которых дети получают свою пищу; и не для чего иного она дала их два, как на случай, что, если одновременно рождаются два близнеца, мать имела бы возможность давать необходимую пищу, чтобы накормить их. Такие вещи являются по правде с высшего позволения упорядоченными. Природа вложила неимоверную любовь у матерей и отцов к детям. Хотя необходимо отметить особую точность этой самой природы, которая поместила другим животным сосцы под брюхом, а женщинам прикрепила их к груди. Таким образом, чтобы они могли легко давать молоко и одновременно обнять, и поцеловать ребенка, как будто бы желая подчеркнуть, что им (женщинам – И. А.) особенно была дана обязанность рожать, вскармливать и воспитывать детей» [2, с. 127], – или: «Самые тяжелые обязанности ожидают женщину, жену и мать. Имея любовь в сердце, пусть будет она во всем скромна, в доме пусть царит и управляет, имея детей, пусть вскармливает их своим молоком, и воспитывает по-мужски для их блага» [2, с. 45]. Таким образом, можно констатировать возрастание роли женщины в рамках малой супружеской семьи прежде всего как продолжательницы рода.

В этой связи и строилась вся совокупность отношений в семье, от которых зависела эмоционально-духовная атмосфера. Исходя из этой функции, женщинам предъявлялись определенные предписания в браке, и семья требовала от женщин исполнения функций деторождения, начинающихся с непосредственно полового акта как ежедневной брачной пищи, ради которой вступают в брак. Общественная мораль представляла способность к деторождению как высшую женскую добродетель, особенно если даже в преклонных годах плодородие женщин не слабело. Наличие многих детей оценивалось обществом как положительное явление, доставляло славу женщинам и считалось почетным делом, отсутствие их воспринималось как наказание за какой-нибудь грех и встречалось довольно редко [16, с. 181]. И поэтому при выборе невесты имело значение не только ее богатство и происхождение, но и ее здоровье. Паоло да Чертальяно говорил: «Проследи за тем, чтобы семья невесты не была поражена проказой, золотухой или другой подобной болезнью, так как очень часто случается, что дети, рожден-

ные в такой семье, перенимают полностью или частично имеющиеся в ней пороки или болезни» [3, с. 114].

Ради производства законных наследников был необходим принцип единобрачия, который являлся средством концентрации значительных богатств в одних руках, притом в руках мужчины, стремящегося обеспечить ими именно свое законное потомство. Женщина должна была стать матерью детей, относительно которых отец должен быть убежден, что именно он является их родителем. Семейные отношения должны были ограничиваться сношениями между одной женщиной и одним мужчиной, притом в рамках соединяющего их брака. Таково было требование, предъявленное человеку институтом единобрачия. Однако незыблемость этого закона была объявлена только для женщин, для мужчин в лучшем случае он имел официальное значение, и рассматривался как «естественный порядок вещей» [16, с. 20]. Отсюда очень высокие требования, которые предъявлялись к целомудрию и чистоте девушек-невест и верности замужних женщин. Как писал Л. Б. Альберти, «в невесте мужчина должен искать красоту ума, то есть хорошее поведение и добродетель» [1, с. 222].

Тот факт, что женщины должны были в первую очередь выполнять функции деторождения в условиях патриархальной семьи, делал очень актуальной проблему целомудрия невесты и жены. Муж должен был быть уверен в том, что в жилах детей течет его кровь. С одной стороны, придавалось большое значение физической нетронутости девушки, с другой стороны, часто выявлялось то, о чем мы уже упоминали, а именно, что предписания добрачного целомудрия иногда нарушалось. В полном соответствии с канонами церковного брака в нормах права и в массовом сознании очень резко осуждались любые формы супружеской измены. Это ярко показано в религиозно-нравственных трактатах того времени, а также в новеллах Дж. Боккаччо и Ф. Саккетти.

Женщине, совершившей прелюбодеяние, грозило суровое наказание. Если ее застал на месте преступления муж, то он мог тут же убить ее; суд в таких случаях освобождал мужчину от наказания. Допускалась и выдача виновной для осуществления казни ее же роду. Новеллы, созданные в городской среде, пестрят такими прецедентами: «До глубины души возмущенный случившимся, он без

всяких объяснений велел трем своим слугам схватить обоих и заключить в одном из своих замков; весь дрожа от бешеной злости, он вознамерился предать обоих позорной казни» [14, с. 114]. В другом случае за измену жены муж угрожал наказанием ее же родственникам, которые обязаны были это сделать за ее непристойный поступок: «Больше я тебя, гадина, бить не буду, – я сейчас пойду к твоим братьям и расскажу про твои шашни, пусть-ка они за тобой придут, поступят с тобой так, как им подскажет их честь, и уведут тебя. В моем доме тебе, право слово, делать нечего» [14, с. 465].

Женщина, уличенная в адюльтере светским судом, могла быть повешена. Случаи судебного преследования мужчин за прелюбодеяние встречались гораздо реже и, видимо, лишь тогда, когда их статус существенно уступал статусу оскорбленной жены [13, с. 146]. Местные власти и городские магистраты резко выступали против супружеских измен. В городах существовала так называемая «полиция нравов», действия которой нередко пользовались поддержкой населения. Жители подвергали осмеянию, с одной стороны, прелюбодецов, с другой – обманутых мужей, которых именно в то время стали называть обидными кличками: «козлами», «рогоносцами» и др. [13, с. 147] Мужчины имели полное право применять телесные наказания по отношению к женам как своеобразное воспитание: «И добрый, и дурной конь любят шпоры, и добрая, и дурная женщины любят господина, каковым является палка» [3, с. 170], – так утверждал Паоло да Чертальдо.

Итак, функции воспроизводства рода являлись главным предназначением женщин в браке. Если в этом возникала необходимость, то функциями вскармливания потомства и его воспитания в раннем возрасте жертвовали во имя задачи продолжения рода.

Существовала в купеческой среде практика повторных браков вследствие давления внешних обстоятельств или индивидуального темперамента. Овдовевшие мужчины стремились вторично вступить в брак предпочтительно с молодыми невестами для приумножения числа детей. К примеру, Григорио Дати женился четырежды, произведя на свет 28 детей [5, с. 251], большая часть которых умерли во младенчестве. В последний раз он женился в возрасте 62 лет, что не помешало

ему произвести на свет еще 6 детей. Конечно, только от случайности зависело, что жены иногда умирали раньше мужей или в браке не рождались наследники, тогда неугодную жену можно было отправить в монастырь и вступить в новый брак.

В период позднего средневековья в среде правящей элиты итальянских городов сложились определенные установки, которые, на наш взгляд, легли в основу новоевропейского гендерного поведения. Особенно хочется подчеркнуть несколько особенностей. Во-первых, уже в эпоху раннего Средневеко-

вья большое значение при заключении брака получило происхождение женщины, способствовавшее усилению статуса мужчины. Итальянские купцы стремились выбирать жен из фамилий зажиточных родов, отводя при этом немаловажное место знатности происхождения. В период позднего Средневековья в связи со стабилизацией самого института церковного брака в популяционной среде в Италии произошло изживание затрагивающих гендерную сферу аскетических установок, ознаменовавшееся появлением фигуры женщины-хозяйки и управительницы семейными делами.

Литература

1. Alberti L. B. I libri della famiglia // L.B. Alberti. Opere volgari / A cura di C. Grayson. Bari, 1966. V. I.
2. Barbaro F. De re uxoria liber // Prosatori latini dell'Quattrocento / A cura di E. Garin. Milano, Napoli, Torino, 1976. V. I.
3. Da Certaldo P. Il libro di buoni costumi. Documento di vita trecentista fiorentina / A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945.
4. Fabbri L. Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del' 400. Studio sulla famiglia Strozzi. Firenze, 1991.
5. Herlihy D. Klapish-Zuber Ch. Tuscans and Their Families: A Study of the Florentine Catasto of 1427. London, 1985.
6. Kent F. W. Household and Lineage in Renaissance Florence. The family life of the Capponi, Ginore and Rucellai. Princeton, 1977.
7. Klapish-Zuber Ch. Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy. Chicago, 1985.
8. Macinighi Strozzi A. Lettere di una gentildonna Fiorentina del secolo XV ai figliuoli esuli / A cura di C. Guasti. Firenze, 1977.
9. Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956.
10. Pandimiglio L. Giovanni di Pagolo Morelli e la ragion di famiglia, in studi sul Medioevo Cristiano offerti a Raffaello Morgben per il 90 anniversario dell'istituto Storico Italiano (1883–1973). Roma, 1974.
11. Tamassia N. La famiglia Italiana nei secoli decimoquinto e decimosesto. Roma, 1910. Roma, 1971.
12. Tenenti A. Credenze, ideologie, libertinismi tra Medioevo ed Eta Moderna. Bologna, 1978.
13. Бессмертный Ю. А. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 240 с.
14. Боккаччо Дж. Декамерон / пер. с итал. Н. Любимова. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. 720 с.
15. Пушкарева Н. А. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86.
16. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Смоленск: Русич, 2002. 622 с.
17. Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с.

УДК 930.2+94/99

В. В. Василенко

**«ЛЮБИТЕ ИСТИНУ И НИКОГДА И НИ ЗА ЧТО НЕ УСТУПАЙТЕ ЕЕ...».
РОЛЬ М. М. КОВАЛЕВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ
НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ П. А. СОРОКИНА**

В статье рассматривается вклад М. М. Ковалевского в развитие русского позитивизма, его влияние на становление научного мировоззрения П. А. Сорокина.

Ключевые слова: М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин, масонство, плюрализм факторов, позитивизм, интегрализм.

V. V. Vasilenko

**«LOVE THE TRUTH AND NEVER GIVE IT UP»
THE ROLE OF M. KOVALEVSKIY IN FORMING
OF P. SOROKIN'S SCIENTIFIC OUTLOOK**

The article studies Kovalevskiy's contribution to the development of Russian positivism and its influence on Sorokin's scientific outlook.

Key words: M. Kovalevskiy, P. Sorokin, freemasonry, pluralism of factors, positivism, integralism.

Достижения отечественных ученых (А. С. Лаппо-Данилевского, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина и др.) в области методологии социального познания позволили российской науке в конце XIX – начале XX вв. занять ведущую позицию. Значительный вклад в развитие социального познания внес ученый с мировым именем, основатель российского позитивизма, представитель эволюционизма Максим Максимович Ковалевский (1851–1916).

В современной отечественной литературе имя М. М. Ковалевского чаще упоминают при рассмотрении проблем, связанных со становлением и отечественного правоведения и социологии. Исторические труды М. М. Ковалевского почти не известны, к ним редко обращаются современные исследователи.

Как методолог М. М. Ковалевский оказал заметное влияние почти на все социальные и гуманитарные науки, в которых работал. Он заложил основы отечественной социологии. Как педагог воспитал ученого с мировым именем П. А. Сорокина (1880–1968).

Продолжая дело своего учителя, П. А. Сорокин участвовал в создании социологического факультета в Гарвардском университете, а позже был избран президентом Международного института социологии, Со-

циологического конгресса, Международного общества сравнительных исследований цивилизаций, Американской социологической ассоциации и др. Создал интегральную методологию, выходящую далеко за пределы социологии.

М. М. Ковалевский отличался широким мировоззрением и энциклопедическими знаниями. Его интересы и деятельность были разносторонними. Он активно участвовал в политической и общественной жизни России, много работал в Европе. Дореволюционный журналист А. Руманов вспоминал М. М. Ковалевского как «одну из колоритнейших фигур потонувшего мифа», характеризовал его как «русского барина, помещика, типичного интеллигента, любителя острого слова и каламбура, превосходного рассказчика, профессорскую голову, начиненную невероятным количеством знаний, по иным вопросам – ходячий университет по эпохе английского короля Георга III и Звездной палаты – непревзойденного авторитета» [6, с. 166].

М. М. Ковалевский родился в семье отставного генерала в 1851 г. После окончания с золотой медалью Харьковской гимназии в 1868 г. поступил в Харьковский университет на юридический факультет. Специализировался по государственному праву Западной

Европы. По рекомендации учителя историка Д. И. Каченовского был оставлен на кафедре государственного права для получения профессорского звания. Как отмечал сам М. М. Ковалевский, Д. И. Каченовский «подготовил длинный ряд поколений в идеях гражданского равенства, публичности, свободы, народного самоуправления» [6, с. 168]. Д. И. Каченовский, по мнению М. М. Ковалевского, определил его дальнейшую судьбу, зародил в нем первые семена политического свободомыслия, познаколив с конституционным устройством западноевропейских стран.

В возрасте 21 года М. М. Ковалевский уехал за границу. В 1872–1876 гг. он продолжил образование в Европе. Об этом периоде он вспоминал: «Моя умственная жизнь была особенно деятельна в годы ученичества в Лондоне и Париже, то есть между 23 и 30 годами жизни, когда были намечены почти все темы, которые я разрабатывал и разрабатываю по настоящее время» [6, с. 168]. Большую часть своей жизни он находился в Западной Европе, слушал лекции в Берлине и Париже, в Лондоне посещал салон К. Маркса и занимался в Британском музее. Он был лично знаком с выдающимися личностями, такими как Г. Спенсер, Г. Тард, Э. Тейлор, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. С. Тургенев, М. Горький и многими др. О себе М. М. Ковалевский предпочитал говорить: «Я только – эрудит, собиратель и коллекционер фактов, а не творец самостоятельных систем» [4].

По возвращении в Россию с 1878 г. по 1887 г. он преподавал в Московском университете. В 1880 г. защитил докторскую диссертацию «Общественный строй Англии в конце средних веков». Серьезное влияние на М. М. Ковалевского оказал В. Ф. Миллер. В 1879–1880 гг. они вместе издавали журнал «Критическое обозрение», а в 1883 г. совершили этнографическую экспедицию на Кавказ. М. М. Ковалевского привлекал анализ проблем эволюции всего человечества, медленного усовершенствования общественных учреждений и институтов. На Кавказе ему удалось собрать уникальный эмпирический материал по истории правовой культуры народов Кавказа, который в дальнейшем был обобщен и послужил основой для написания труда по истории обычного права «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» [12].

Демократические идеи М. М. Ковалевского были восприняты как «отрицательное отношение к русскому государственному строю» и в 1887 г. он был уволен из Московского университета. М. М. Ковалевский вернулся в Европу и обосновался в Лондоне, Париже. Его приглашали с лекциями в Стокгольмский, Парижский, Оксфордский и др. университеты. На вилле М. М. Ковалевского, расположенной рядом с Нищей, в Болье, гостили А. П. Чехов, М. Горький, П. Л. Лавров и др.

Имя М. М. Ковалевского прочно связано с историей масонского движения. Как отмечает отечественный исследователь масонства Д. Харитонович, «новое российское масонство ...было масонством филантропическим и теоретическим ... по своим корням являлось французским и в первую очередь политическим [22, с. 130]. Известно, что первые попытки создания русских масонских лож в Париже с целью их дальнейшего переноса на российскую почву связывают с именем П. Н. Яблочкова. Он основал ложу Космос, которая должна была объединить российских деятелей науки и культуры за рубежом. После возвращения П. Н. Яблочкова в Россию, организацию возглавили находившиеся в тот период в Париже М. М. Ковалевский и Е. В. Де Роберти.

В 1901 г. М. М. Ковалевский вместе с Е. В. Де Роберти и Ю. С. Гамбаровым организовали Русскую высшую школу общественных наук. В ней выступали с лекциями общественные деятели различных политических взглядов – И. И. Мечников, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. М. Чернов, И. О. Милуков, П. Б. Струве, Г. Тард и др. Как отмечали современники, в кругах русских эмигрантов масонство было популярно во многом благодаря личным качествам и обаянию М. М. Ковалевского.

В 1905 г. после начала буржуазно-демократической революции, М. М. Ковалевский возвращается в Россию, где на политической арене различные политические течения, партии и союзы, а в Государственной думе непримиримые дебаты. В Петербурге М. М. Ковалевский активно занялся общественной, политической, педагогической и научной деятельностью. Он организовал либеральную «Партию демократических реформ», был избран в Государственную Думу, в Государственный Совет. Учитывая международный авторитет и призна-

ние, в 1907 г. его также избрали президентом Международного института социологии.

Под воздействием событий, связанных с революцией 1905 г., мировоззрение восемнадцатилетнего Питирима Сорокина претерпело серьезные изменения. В годы обучения в школе деревни Римье он познакомился с творчеством А. Чехова, М. Горького, Л. Толстого и др., а в период учебы в хреновской церковно-учительской духовной семинарии встречался с представителями различных политических партий – социалистами-революционерами, монархистами, анархистами, либералами, консерваторами и др. В дневнике он аккуратно фиксировал названия прочитанных книг и имена авторов [14, с. 36]. Позже он отмечал, что, контактируя с этими людьми, он «впитал много новых идей и ценностей, узнал состояние общества». Его «старое мировоззрение и система ценностей были заменены «научной теорией эволюции» и «естественнонаучной философией». Приверженность монархической системе правления и «капиталистической» экономике сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими взглядами. Политическая индифферентность уступила революционному порыву» [14, с. 37].

Идеология эсеров наиболее отвечала миропониманию молодого человека. С точки зрения П. Сорокина, она была более целостной, «эсеровские взгляды отводили большую роль в социальных процессах и человеческом поведении таким важным неэкономическим факторам, как созидательные идеи, личностные усилия, «борьба за индивидуальность вместо «марксистской борьбы за существование» [14, с. 37]. В 1906 г. за агитационную деятельность П. Сорокин был заключен в тюрьму г. Кинешма. Находясь в заключении, он продолжал размышлять над проблемами российского общества, изучать теории переустройства, произведения П. А. Кропоткина, Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, К. Маркса и др.

С накопленным идейным багажом П. Сорокин перебрался в 1908 г. в Петербург. В своем автобиографическом романе он вспоминал, что значительную поддержку в столице ему оказал земляк, выходец из Коми, преподаватель Черняевских курсов К. Ф. Жаков. П. А. Сорокин не только посещал вечерние занятия Черняевских курсов по программе гимназического экстерната, но и,

по приглашению земляка, участвовал в «литературных и философских» дискуссиях в его доме. Именно в доме К. Ф. Жакова П. Сорокин познакомился с М. М. Ковалевским.

Ряд исследователей масонства упоминают, что в период с 1906 г. по 1910 г. в Москве была предпринята попытка организации первой масонской ложи Возрождение, которая из-за внутренних разногласий вскоре была распущена. Существует точка зрения о том, что отличительной особенностью петербургского масонства было активное участие в педагогической деятельности. Действительно, петербургские масоны участвовали в создании частных учебных заведений, таких как Психоневрологический институт, Высшие женские курсы и др.

«В русском масонстве, – по мнению историка русской философии В. В. Зеньковского, – формировались все основные черты будущей «передовой интеллигенции – на первом месте здесь стоял примат морали и сознание долга служить обществу, вообще практический идеализм» [8, с. 108]. Основная задача заключалась в духовном построении подлинной человеческой личности, «духовной геометрии», идеального человеческого общества как «храма – дома духа», стены которого слагаются совершенных личностей, посвятивших свои жизни самосовершенствованию ради общечеловеческого дела.

К 1912 г. была учреждена масонская организация Великий Восток народов России. Как отмечает Д. Харитонович, «в этой организации было очень мало от классического масонства, практически упраздняясь (или существенно упрощаясь) ритуал, отменялись обязательные символы, не присваивались высокие степени и т. д. Одной из основных целей деятельности было стремление участников проникать во все отрасли государственной жизни и менять общество, незаметно направлять ход жизни» [22, с. 138]. Поэтому эту ложу часто называют «думским масонством». Примечательно, что в Великий Восток народов России входил А. Ф. Керенский, позже возглавивший второе коалиционное Временное правительство, в котором П. А. Сорокин выполнял функции его секретаря.

Мироощущение и идеалы масонства – мир, братство, свобода, демократия, терпимость и личное самосовершенствование, – безусловно, привлекали передовую часть мо-

лодежи. По всей видимости, влияние масонской идеологии, направленной на соединение людей в идеальное человеческое общество и их духовное самосовершенствование на основе общих человеческих ценностей – чести, благородства, высоких моральных принципов, – привлекали П. Сорокина. Идея неустанного творческого поиска истины и знания, личного самосовершенствования и служения обществу стала одной из ведущих в его творческой биографии.

Завершив обучение на Черняевских курсах, в 1909 г. П. А. Сорокин поступил на службу в Психоневрологический институт. Как отмечалось выше, в организации этого института участвовал М. М. Ковалевский. Позже П. А. Сорокин вспоминал, что в тот период его более всего интересовала социология, а в институте была открыта единственная в тот период в России кафедра социологии, которой руководил М. М. Ковалевский. По свидетельствам современников, молодежь привлекала царящая в институте особая демократическая атмосфера. Студенты, в основном выходцы из рабоче-крестьянских сословий, отмечали «особый тон и сердечность» профессуры, их «стремление к движению общества и страны». Как уже отмечалось, в эти годы П. Сорокин осмысленно работал над собственной системой «целостного единого мировоззрения».

Широкий кругозор, энциклопедические знания и жизнелюбие М. М. Ковалевского влекли к нему огромное количество студентов Психоневрологического института. Сам ученый, несмотря на стремление к смене существующего строя, считал, что в отличие от открытой политической борьбы, в этом деле более действенна повседневная кропотливая культурно-просветительская работа, и сам был открыт для общения с молодежью. Вместе с тем, целенаправленно и последовательно свою научную школу М. М. Ковалевский не создавал.

П. Сорокин проявлял огромный интерес к учебе. Наибольшим авторитетом у него пользовался М. М. Ковалевский, и за годы обучения в институте у них сложились теплые дружеские отношения, которые сохранились до последних дней жизни учителя. Спустя годы, в период профессорства П. А. Сорокина в Гарвардском университете, по его собственным признаниям, он старался воспроизвести в своей преподавательской деятельности мане-

ру чтения лекций и способ организации учебного процесса в стиле М. М. Ковалевского.

После первого года обучения в Психоневрологическом институте, считая воинскую повинность «наихудшей формой насильственного порабощения свободного человека самодержавием, а военное искусство – обучением искусству массового убийства», стремясь избежать призыва в армию, П. А. Сорокин, по совету педагогов, в 1910 г. поступил в государственный университет на юридический факультет. В этом учебном заведении кафедра социологии отсутствовала, так как социология в то время считалась едва формирующейся наукой, и дисциплина официального признания еще не имела. Многие аспекты и вопросы социологии рассматривались на юридическом факультете, где преподавал М. М. Ковалевский. Под дружеским руководством М. М. Ковалевского П. Сорокин продолжал заниматься социологией. В годы своего обучения на юридическом факультете Петербургского университета П. Сорокин отмечал: «[мне] ... просто повезло, что составляющие такое чудесное созвездие ученые были моими учителями, а позже и друзьями. Эти выдающиеся профессора не требовали, чтобы мы сильно принимали на веру их теории – именно этим они и отличались от ученых среднего уровня ... Напротив, мэтры скорее даже поощряли обоснованное критическое отношение к их точке зрения и всей душой приветствовали проявление творческой оригинальности у студентов» [14, с. 59].

В университетские годы П. А. Сорокин познакомился с А. Ф. Керенским и, как он сам позже писал, активно участвовал в политической жизни страны, выступая за свержение самодержавия в агитационных лекциях, политических дискуссиях, в научных семинарах. В 1911 г. П. Сорокину грозил арест, но М. М. Ковалевский помог ему скрыться, переправив по фальшивому паспорту в форме курсанта Военно-медицинской академии как сопровождающего «тяжело больного друга, инженера» в Италию, в Сан-Ремо. В 1913 г. П. Сорокина все же арестовали. А. Ю. Согомонов обнаружил письмо, написанное в тюрьме П. Сорокиным М. М. Ковалевскому, где ученик оправдывался пред учителем следующим образом: «Сидел себе над книгами, читал много докладов в ряде научных кружков, писал статьи, написал за зиму книгу о ка-

рах и наградах, которую Вы знаете и... Право же, при таких обстоятельствах, я думаю, мудро еще заниматься политикой» [13]. По ходатайству М. М. Ковалевского, П. Сорокин был освобожден из-под стражи, и вскоре ему была предложена должность частного секретаря и ассистента М. М. Ковалевского.

В 1914 г. увидел свет первый серьезный научный труд П. А. Сорокина, книга «Преступление и кара, подвиги и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» [Сорокин, 1914]. Предисловие к этому изданию было написано М. М. Ковалевским, который обращал внимание на то, что автор «разносторонне подготовлен, ему известна не только литература по психологии, социологии на четырех европейских языках, но и материалы законодательных и религиозных книг ... он постоянно орудует данными психологии, этнографии, истории с тем научным пристрастием, которые, к сожалению, так редко встречаются в сочинениях по обществоведению» [20, с. 6].

В научных кругах М. М. Ковалевского ценили за стремление к широким обобщениям. Следуя идеям О. Конта, смысл социального познания он видел в раскрытии и объяснении всех сторон общественной жизни в прошлом и настоящем. Социологию определял как общую теорию социального развития, как науку о порядке и прогрессе человеческих обществ, о законах социальной статистики и динамики. В социологическом разрезе рассматривал и историю. В понимании предмета и метода истории отталкивался от эволюционизма. Он признавал развитие глобального исторического процесса, но придерживался идеи медленного усовершенствования общественного строя, «красной нитью» выделял смену общественных и политических укладов. Перемены в хозяйственной сфере связывал с ростом знаний и техники. Большое значение придавал влиянию экономического прогресса на сословную организацию общества. Важнейшим фактором общественного прогресса считал углубление сферы солидарности между народами, социальными группами. В анализе явлений прошлого и настоящего следовал методологическому приему – разбивал целое на части, сравнивал их, выявлял причины и следствия.

В марте 1916 г. 65-летний М. М. Ковалевский простудился, заболел воспалением

легких с осложнением. Ю. Дойков приводит воспоминание А. Руманова о том, как «умирал Ковалевский от мучительной болезни». Он пишет: «Последние часы у него сидел его ученик Питирим Сорокин и по просьбе умирающего друга читал ему Лермонтова «по небу полуночный ангел летел. И когда он кончил: И песен небес заменить не могла // Ей скучные песни земли... Максим Максимович слабым голосом прошептал: «А как еще этих скучных песен хотелось бы послушать!» [6, с. 174].

М. М. Ковалевский был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. Коллега и единомышленник М. Туган-Барановский произнес речь, в которой прозвучала мысль о том, что «со времени смерти Льва Толстого русское общество не переживало такой крупной потери... Русский народ конечно, не знал Ковалевского, но русская интеллигенция редко кого так любила. Он был для нее не профессор Ковалевский, и тем более не член Государственного совета, а Максим Максимович» [6, с. 175].

От имени учеников у могилы учителя выступал П. А. Сорокин: «Любите истину и никогда и ни за что не уступайте ее, – вот то, чему учил нас Максим Максимович ... и мы, ученики его, прощаясь навек с дорогим для нас учителем, не забудем этой заповеди, которую сам Максим Максимович ни разу в жизни не нарушил» [16].

По инициативе П. А. Сорокина было создано «Русское социологическое общество имени М. М. Ковалевского». Его целью была «разработка вопросов социологии и других общественных наук, а также распространение знаний по этим наукам» [1, с. 139]. В него вошли И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, Л. И. Петражицкий, Н. И. Кареев, М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, П. М. Милуков и др., а возглавил его академик А. С. Лаппо-Данилевский. В 1919 г. председателем был избран Н. И. Кареев.

М. М. Ковалевскому П. А. Сорокин посвятил несколько научных трудов. Наиболее ценной в теоретико-методологическом плане является статья «Теория факторов М. М. Ковалевского» [21, с. 8]. В ней П. А. Сорокин анализирует методологический плюрализм М. М. Ковалевского, как самую интересную часть его теории.

М. М. Ковалевский учитывал всю сложность и многогранность взаимодействия

большого числа социальных (хозяйственных, правовых, государственных, религиозных), космических, биологических и др. факторов, не разделяя их на главные и второстепенные. Любое явление рассматривалось им не только как пассивное следствие предшествующих событий, но и как причина последующего развития. М. М. Ковалевский учил видеть всю полноту связей и факторов. Ему удалось выявить, что в различные эпохи могут выдвигаться и временно занимать ведущее положение отдельные факторы – объективные причины развития общества. Он отрицал методологический монизм, утверждая, что «нельзя сводить историю той или иной эпохи к решению уравнения с одной неизвестной» [21, с. 8]. П. А. Сорокин очень высоко оценивал теорию М. М. Ковалевского и подчеркивал заслугу учителя, состоящую в том, что он «... совершил переход от субстанционального понятия факторов к методологическому конструированию фактора» [15, с. 189]. Свои исследования как в российский период научного творчества, так и в американский П. А. Сорокин строил на основе плюралистической теории фактов.

Не менее ценным, с точки зрения П. А. Сорокина, являлся сравнительно-исторический метод, сформулированный М. М. Ковалевским. Особенность сравнительно-исторического метода М. М. Ковалевского состояла в «параллельном изучении развития форм общежития у различных древних и современных народов, – изучении, которое должно дать нам общую формулу социальной эволюции». М. М. Ковалевский писал: «Применяя этот метод, мы не должны останавливаться на особенностях проявления какого-нибудь закона общежития у того или другого народа, у той или иной расы, но иметь в виду его общую эволюцию у всего человечества. Факты из истории отдельного народа должны при этом лишь постольку привлекать наше внимание, поскольку они освещают эволюцию данного явления вообще, т.е. повторяются в жизни других народов. Историко-сравнительный метод более заботится об установлении сходства, чем о выделении черт различия» [11, с. 13].

Н. М. Дорошенко вполне справедливо критиковал российских позитивистов, отмечая, что, «сделав ставку на процессуальный характер истории, позитивисты так и не вышли за рамки описания событий, механически

соединенных между собой какой-нибудь надисторической закономерностью вроде «формулы социальной эволюции» или «формулы социального прогресса». Составляя глобальные схемы исторического процесса, они рассматривали общество как высший и конечный этап социальной эволюции, лишенный внутренних противоречий.... Взяв на вооружение теорию линейного прогресса, позитивисты первого поколения отождествили историю с однонаправленной социальной эволюцией и, соответственно, – историзм с вульгарным эволюционизмом. К тому же, не понимая относительности самого понятия развития, они абсолютизировали динамику в ущерб статике, гипертрофировали диахронический подход в ущерб синхронному» [7, с. 53].

Создавая интегральную концепцию в США, П. А. Сорокин стремился преодолеть эту ограниченность. Он сконструировал обобщенные исторические типы для понимания современного состояния общества. В повторяющихся процессах и повторяющихся аспектах процессов он выявил разнообразные, в том числе линейные процессы (непрямолинейный в осциллирующем, спиралевидном и разветвляющемся типе), нелинейные, циклические процессы (в абсолютном и относительном типе) и вариантно или творчески повторяющиеся процессы. И все же стремление к глобальным построениям при анализе социокультурной динамики, выявление не только отдельных фактов, но и общих связей, процессов и закономерностей, придание особой роли творческому созидательному альтруизму и др. П. А. Сорокин унаследовал от М. М. Ковалевского. Как справедливо отметил В. П. Золотарев, «...отношения Сорокина и Ковалевского далеко выходят за рамки уровня «учитель – ученик», они трансформировались во взаимоотношения «старший коллега – младший коллега» и далее последовало «друзья по науке», «заботливый отец – любимый сын» [9, с. 138]. М. М. Ковалевский был для П. А. Сорокина безусловным авторитетом и образцом для подражания.

П. А. Сорокин всегда считал себя воспитанником и продолжателем русской социологической традиции, традиции в которой «он играл весьма значительную роль» и, как показало время, стал «завершающей фигурой» [5, с. 116].

Литература

1. Бороноев А. О., Капустина Е. Г. История и основные итоги деятельности социологического общества им. М. М. Ковалевского // Наследие 2013. № 3. С.137–144.
2. Вилич В. Умер М. М. Ковалевский // Вестник знания. 1916. № 3. С. 220–226.
3. Виноградов П. Г. М. М. Ковалевский. (Некролог) // Известия Императорской академии наук. 1916. Сер.VI. С.1163–1170.
4. ГАРФ. Ф. 692. Оп. 1. Д. 13.
5. Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избранные сочинения: в 2 книгах / под ред. В. В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2002. 304 с.
6. Дойков Ю. В. Самые знаменитые историки России. М.: Вече, 2004. 384 с.
7. Дорошенко Н. М. Философия и методология истории в России (конец XIX– XX века). СПб.: Изво СПб. гос. ун-та, 1997. 180 с.
8. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2. Т.1. Л.: ЭГО, 1991. 221 с.
9. Золотарев В. П. М. М. Ковалевский и П. А. Сорокин // Наследие. 2014. № 2 (5).
10. Ковалевский М. М. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений // Юридический вестник. 1878. Т. 1. С. 3–24.
11. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1895. 147 с.
12. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1, 2. М.: Типография В. Гатцук, 1890. 756 с.
13. Сапов В. В. Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования. 1990. № 3. С.112–114.
14. Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с.
15. Сорокин П. А. Знание как фактор поведения // Ежемесячный журнал. 1916. № 7–8. С. 187–198.
16. Сорокин П. А. М. М. Ковалевский и его западные друзья // Биржевые ведомости. 30 апреля 1916 .
17. Сорокин П. А. М. М. Ковалевский как профессор // Путь студенчества. 1916. Май.
18. Сорокин П. А. Памяти дорогого учителя и обожаемого друга // Русские ведомости. 1916. 24 марта.
19. Сорокин П. А. Последние дни М. М. Ковалевского // Биржевые ведомости. 1916. 24 марта.
20. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914. Я. Г. Долбышев, 1914. 504 с.
21. Сорокин П. А. Теория факторов М. М. Ковалевского. Черновик статьи // ГАРФ. Ф. 692. Оп. 1. Д. 13.
22. Харитонович Д. Массонство. М.: Весь мир, 2001. 224 с.

УДК 327.7

А. Н. Величко, В. Н. Садченко

**МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ**

Черноморский регион является одним из уникальных геополитических регионов, в котором реализуются различные интеграционные формы. Однако интеграция порождает ряд сложностей, которые являются препятствием на пути к созданию эффективно работающей интеграционной модели. Постоянное балансирование между различными центрами силы, такими как ЕС, США, Россия и Турция, отсутствие четкой классификации и определе-

ния функциональных возможностей в рамках интеграционных объединений и организаций, отсутствие стабильной политической ситуации, «затяжные» конфликты и отсутствие стабильных экономических показателей роста не позволяет заключить, что в Черноморском регионе успешно идет процесс интеграции.

Ключевые слова: региональная интеграция, Черноморский регион, интеграционные процессы, ОЧЭС, ГУАМ, Blackseafor.

L. N. Velichko, V. N. Sadchenko

**MODELS OF REGIONAL INTEGRATION IN THE BLACK SEA
REGION AT THE PRESENT STAGE:
PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION**

The Black Sea region is one of the unique geopolitical regions which features various forms of integration. However, the integration poses a number of difficulties which are an obstacle to the creation of effective integration model. Continuous balancing between different centers of power, such as the EU, the USA, Russia and Turkey, the lack of clear classification and definition features in the framework of integration

associations and organizations, unstable political situation, «protracted» conflicts, and the lack of stable economic growth rates lead to the conclusion that the integration process in the Black Sea region is not successful.

Key words: regional integration, the Black Sea region, integration processes, BSEC, GUAM, Blackseafor.

Одной из современных мировых тенденций общественного развития, трансформирующей государственно-правовые и социально-экономические модели, а также порождающей новые культурные связи, является региональная интеграция. С одной стороны, она становится эффективным механизмом создания гибких межгосударственных связей, способных переориентировать отношения между бывшими соперниками и создать площадки для сотрудничества в различных сферах общественной жизни. С другой стороны, интегрированным союзам удастся эффективно реагировать на вызовы глобализирующегося мира, прежде всего в области региональной и международной безопасности, а также сни-

зить экономические и социально-политические издержки в случае кризиса, сделать региональную экономику конкурентоспособной. Интеграционные проекты выступают в качестве альтернативы традиционным участникам международных отношений, особенно когда «малые» государства не могут самостоятельно сыграть сколь-нибудь существенную роль в отстаивании своих национальных интересов на мировом уровне. Кроме того, в области политических отношений интегрированные союзы нацелены на поиск конструктивного диалога, направленного на создание устойчивых международных связей, предоставляющих им возможности и перспективы для дальнейшего

развития как в рамках интеграционных объединений, так самостоятельно.

В настоящее время региональная интеграция имеет различные формы и модели, а европейская интеграционная модель не является универсальным образцом межгосударственных объединений, особенно в свете последних событий, когда ЕС демонстрирует несостоятельность своей политики в ряде вопросов. Большинство современных исследователей полагают, что проблема реализации модели успешной региональной интеграции может рассматриваться только в условиях, когда регион имеет общие природные географические границы, сформированные институты региональной безопасности, высокую степень сотрудничества в политической, экономической и военной сферах, наличие общего культурного пространства. При этом интегрирующийся регион должен обладать правоспособностью и легитимностью с точки зрения других участников международного сообщества.

Начавшиеся в начале 50-х годов XX в. в Западной Европе интеграционные процессы получили свое распространение в 1980–1990-е гг. в Южной и Латинской Америке, Азии, а также на постсоветском пространстве. Это свидетельствует о том факте, что большинство государств Латинской Америки и Азии смогли заявить о себе на международной арене как о странах с перспективно развивающейся экономикой, где происходят процессы перехода от военно-политических и авторитарных режимов к демократической модели. И это стало возможно лишь в условиях интеграционных процессов, позволивших им выйти на мировую арену.

Одним из уникальных регионов, ставшим самостоятельной геополитической зоной после распада советской системы, является Черноморский регион, в котором моделируются и развиваются интеграционные процессы, основанные на стремлении сближения и взаимодействия национальных хозяйств, формировании региональных экономических группировок, поиске политических компромиссов и обеспечении безопасности. Но его уникальность создает не только благоприятные условия для успешной политической интеграции в современное геополитическое пространство, но и порождает ряд сложностей вхождения государств региона в мировую политику.

Государства Черноморского региона имеют общие природно-географические границы, а море и его бассейн создают необходимую коммуникационную сеть между ними. Это является одним из условий успешной интеграции, однако неравномерность экономического и политического развития, сохраняющаяся напряженность в отношениях между субъектами региона, мультикультурность и полирелигиозность, а также активное влияние извне создают существенные проблемы для эффективной консолидации. Особенную роль здесь играет отсутствие длительного опыта построения самостоятельных интеграционных моделей и наличие объективной необходимости постоянного балансирования между различными центрами силы, представленными ЕС, США, Россией и Турцией, стремящейся к лидирующим позициям. И тем не менее на протяжении последних двадцати пяти лет, последовавших за распадом советской системы, черноморские государства активно пытаются проводить политику сотрудничества и более глубокой интеграции.

Одним из успешных проектов интеграции можно считать деятельность Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), которая была создана в 1992 году. Это наиболее полномасштабная региональная организация, включающая одиннадцать стран, территориально связанных с черноморским бассейном: Республика Албания, Республика Армения, Азербайджанская Республика, Республика Болгария, Грузия, Греческая Республика, Республика Молдова, Румыния, Российская Федерация, Турецкая Республика, Украина, Республика Сербия. Приоритеты ОЧЭС, как это указано в ее Уставе, формируются в таких областях сотрудничества, как торговля и экономическое развитие, банковское дело и финансы, коммуникации, энергетика, транспорт, сельское хозяйство и сельскохозяйственная промышленность, здравоохранение и фармацевтика, охрана окружающей среды, туризм, наука и технологии, обмен статистическими данными и экономической информацией, сотрудничество между таможенными и пограничными службами, борьба с организованной преступностью, наркотиками, нелегальным ввозом оружия и радиоактивных материалов, терроризмом и нелегальной миграцией, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, малый

и средний бизнес, образование, институциональные реформы и эффективное управление.

Несмотря на свою явно выраженную экономическую основу, ОЧЭС призвана укреплять безопасность и стабильность регионального сотрудничества как части интеграционного процесса в Европе, основанного на правах человека и основных свободах процветании через экономическую свободу, социальную справедливость и равную безопасность, и стабильность. Особенно подчеркивается отсутствие политического подтекста при формировании и функционировании этого объединения [11].

Практически одновременно с ОЧЭС, были созданы ГУАМ, Blackseafor – Черноморская группа военно-морского сотрудничества, Содружество Демократического выбора – СДВ, «Черноморская гармония», Черноморский форум и Комиссия по защите Черного моря от загрязнения. Инициатором создания самостоятельных интеграционных ядер в регионе стал ЕС под эгидой которого были созданы Дунайско-черноморская целевая группа, транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия (ТРАСЕКА) и Межгосударственная Транспортировка нефти и газа в Европу (INOGATE), которые включают транспортную сферу, проблемы водоснабжения и обеспечение энергоресурсами. Хотя каждая из программ имеет разные задачи, все они направлены на углубление регионального сотрудничества как основы для стабильности и безопасности в Черноморском регионе [12].

Между тем такое количество объединений не является гарантией эффективной работы каждой из упомянутых организаций, поскольку черноморские государства являются параллельно участниками других региональных организациях, дающих альтернативные решения вопросов, поднимающихся в ОЧЭС, Blackseafor, ГУАМ и других черноморских объединениях. Прежде всего следует отметить особую роль ЕС как интеграционной системы, интерес которого к черноморскому региону особенно велик, поскольку он включен в орбиту европейского проекта «Восточное партнерство», а два члена ЕС: Болгария и Румыния – являются Черноморскими государствами. К тому же отдельные европейские государства, такие как Польша, страны Балтии и Словакия, способствуют активному реформированию политической системы в Украине,

а также в государствах Южного Кавказа с целью создать твердую опору в лице национальных правительств и успешно противостоять влиянию на них России, которая также входит в Черноморский регион. В этом они находят активную поддержку со стороны США, чья политика в черноморском регионе состоит в интеграции постсоциалистических обществ в евроатлантическое пространство безопасности и расширении влияния такой организации, как НАТО.

Еще одним препятствием на пути успешной интеграции в Черноморском регионе является отсутствие четкой структурированности и определения функциональности внутри интеграционных объединений и организаций. Так ОЧЭС, имея постоянные структуры, такие как секретариат, банк развития, парламентская ассамблея, деловой совет, исследовательский центр и тематические рабочие группы, страдает от ряда недостатков: медленный процесс принятия решений, нехватка средств, недостаток квалифицированного экспертного персонала и ограниченное количество участников со стороны малого бизнеса и представителей общественных организаций. Все это существенным образом снижает эффективность ее деятельности, что в свою очередь уменьшает привлекательность и авторитетность организации на международном уровне.

О необходимости реформирования ОЧЭС было сказано на 31-м заседании Совета министров иностранных дел, проходившего в Салониках в декабре 2014 г. В частности, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации В. А. Небензия, отметил, что, несмотря на продуктивную работу, проведенную в текущем году рядом комиссий организации, нельзя не отметить необходимость повышения эффективности ОЧЭС и ее реформирования [5]. Прежде всего речь идет о необходимости определения конкретных целей и сроков обязательств и юридические механизмы их реализации в рамках решений, принятых ОЧЭС, что обеспечит их дополнительную значимость в сравнении с индивидуальными усилиями государств-членов. Кроме того, следует увеличить бюджет ОЧЭС, на основе введения пропорциональных взносов, что позволило бы организации осуществлять совместное финансирование крупных проектов, представляющих региональный интерес,

а также создать специальные финансовые фонды по примеру Греческого Фонда Развития и активизировать деятельность Черноморского банка торговли и развития [12].

Следует отметить, что необходима разработка всеобъемлющего механизма регулярных консультаций и координации между ОЧЭС и всеми другими региональными организациями и инициативами (правительственными и неправительственными), а также с «внерегиональными» партнерами, что позволит избежать «дуближа» в реализации конкретных проектов. Трудно также определить степень согласованности экономических инициатив, исходящих из ОЧЭС и мировых тенденций, а также то, как они синхронизируются между собой, поскольку большинство стран региона принимают участие одновременно во многих из этих процессов и инициатив. Это приводит к смешению стратегий, нерациональному использованию ресурсов и сокращению возможностей для наращивания потенциала в таких стратегических областях, как торговля, окружающая среда, энергетика, транспорт, наука и технологии [4].

Однако успешное устранение существующих организационных и структурных проблем в ОЧЭС не является гарантом того, что членство в ней станет приоритетным направлением в экономической стратегии государств-партнеров, поскольку в условиях политической нестабильности в регионе действенным остается двусторонний диалог. В этой связи показательна политика Турции, которая, являясь инициатором создания ОЧЭС, активно заключает двухсторонние соглашения вне рамок организации, но с ее членами, в частности с Российской Федерацией. С декабря 2004 г., когда состоялся официальный визит В. В. Путина в Турцию, прошли более 30 встреч на высшем уровне и было принято решение о создании Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ). Совет является руководящим органом, разрабатывающим стратегию и основные направления развития отношений между Россией и Турцией, координирует реализацию важных проектов политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. В рамках ССВУ действует Совместная группа стратегического планирования под председательством министров иностранных дел двух стран. Регулярно проводятся ее заседа-

ния (последнее – 27 апреля 2014 г. в Москве), в ходе которых обсуждается широкий круг региональных и международных вопросов, ключевых проблем, а также двустороннее сотрудничество [9].

По оценке болгарского политолога Огняна Минчева, Турция, являясь инициатором создания ОЧЭС, получила, с одной стороны, еще один формат экономического и политического партнерства, где она пользуется положением «сверхдержавы», с другой стороны, установила тесные контакты с Россией, так же претендующей на гегемонию в этом регионе. Тем не менее, стратегической задачей Турции по-прежнему остается вступление в ЕС [2]. Кроме того, события конца ноября 2015 г., связанные с различными позициями Российской Федерации и Турецкой республики по вопросам антитеррористической операции в Сирии, уничтожение российского военного самолета СУ-24 и последовавшие за этим российские санкции заморозили на неопределенный срок наметившиеся устойчивые отношения между государствами.

Еще одной преградой на пути успешной интеграции в регионе является такой феномен, как конфликт между глобализацией и национальной спецификой. По мнению Кеннена Аллахвердева, на Кавказе сохраняется доминирование этнополитических принципов развития, причины которых связаны, с одной стороны, с особенностями природно-географических и религиозно-этнических условий формирования политических объединений, а с другой стороны, со слабостью экономической составляющей этносоциального развития, и отсутствием длительного опыта самостоятельной государственности. «Этнополитические процессы на Кавказе с внутренней необходимостью должны были пройти – и в настоящее время проходят – определенные стадии и «дозреть» до заданной мировым сообществом планки социально-экономического и политического развития. Такое стадийное этнополитическое развитие, встраивается в предлагаемое глобализацией «социально сжатое время». Поэтому можно считать объективно закономерным эволюционирование в регионе этнонационализма (пока доминантного) в плебисцитарный национализм, представляющий демократические инструменты достижения межэтнического компромисса и межэтнической кооперации [3].

Следует отметить, что еще одним существенным препятствием в проведении последовательных интеграционных мероприятий является отсутствие стабильной политической ситуации в Черноморском регионе. Современная геополитическая обстановка такова, что изменение государственных границ Украины и Грузии, дестабилизация политической ситуации внутри этих государств, оказала существенное влияние на функционирование региональных организаций. Так, Грузия после российско-грузинского военного конфликта августа 2008 г. отозвала свои силы из «Blackseafor», а в 2014 г. деятельность этой организации была приостановлена до урегулирования ситуации в Украине [8].

Неопределенной остается ситуация вокруг ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие), в которую входят Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова. Идея политического противовеса России оказалось основной консолидирующей силой, объединившей эти государства, что сделало ГУАМ формальным сообществом. Несмотря на то, что оно продолжает существовать, мероприятия, которые проводятся под началом ГУАМ, не имеют существенного регионального значения, а решения, принимаемые на них, имеют скорее декларативный характер, чем практическую значимость. Так, на специальном заседании СМВД ГУАМ, приуроченном к 15-летней годовщине создания организации, было заявлено, что с момента своего возникновения ГУАМ превратился в эффективный институт, который способствует региональной стабильности и интеграции через проекты и программы сотрудничества практически во всех областях. Совет проанализировал работу, проделанную в различных сферах сотрудничества, и подчеркнул свое удовлетворение его результатами, достигнутых в сферах торговли, транспорта и транзита, борьбе против транснациональных угроз, развитию культуры и туризма. Между тем за истекшие три года каких-либо существенных решений по актуальным проблемам развития региона ГУАМ не принимал. В основном высказывалось отношение государств-членов в отношении политической ситуации в Украине и Грузии. Заседание 7-й Парламентской Ассамблеи, состоявшейся 10–11 ноября 2014 года в Кишиневе, приветствовало подписание и ратификацию Грузией, Республикой Молдо-

ва и Украиной Соглашений об Ассоциации с Европейским Союзом, включая Соглашения о создании зон свободной торговли, и оценила это как значительный шаг вперед, достигнутый в создании амбициозной базы взаимоотношений соответствующих стран ГУАМ с ЕС [10]. Подобные заявления в очередной раз демонстрируют формальность этой организации и нацеленность государств-членов на интеграционные связи за пределами Черноморского региона.

Означенный регион характеризуется как зона «затяжных» конфликтов, что является еще одним препятствием на пути к интеграции. Проблемы Молдовы и Приднестровья, Турции и Курдистана, напряженная ситуация в Украине, этнополитические конфликты на Южном Кавказе не гарантируют стабильного экономического и политического развития региона. В вышедшей в 2015 г. монографии Эсмиры Джафаровой «Урегулирование конфликтов на Южном Кавказе: вызовы международным организациям» отмечается роль крупных международных акторов, таких как ОБСЕ и ООН, в возможном разрешении проблем, но региональные организации не расцениваются как заслуживающие внимания и не берутся в расчет. Это подчеркивает тот факт, что международное сообщество приветствует позитивные шаги в плане интеграционных усилий государств региона, но не рассматривает их как значимые. Основанием для таких сомнений служит незавершенность ряда инициатив черноморских государств по урегулированию затяжных конфликтов. Так, в 2008 г. Турецкая республика предложила программу «Платформа по сотрудничеству и стабильности на Кавказе», которая предусматривала исключение военного решения политических противоречий в регионе. Инициатива по созданию «кавказской платформы» была обнародована 13 августа 2008 года во время официального визита премьер-министра Турецкой республики Р. Т. Эрдогана, однако она не имела разработанных механизмов реализации, с одной стороны, с другой, сами региональные державы и Турция прежде всего оказались не готовы к отказу от территориальных амбиций. Как отметила Элени Фотио, научный сотрудник Международного центра черноморских исследований, у турецкой инициативы был бы шанс на реализацию, если бы она была включена в Европейскую политику

соседства, возможно, в формате ЧЭС-ЕС или в рамках мероприятий ОБСЕ [1].

Появление Абхазской республики и Республики Южная Осетия как самостоятельных акторов международных отношений также не могло не повлиять на интеграционные процессы в регионе, изменив их формат. 24 ноября 2014 г. был подписан договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве, который продолжает развитие двусторонних равноправных конструктивных отношений в целях достижения качественно нового уровня региональной безопасности, союзничества и стратегического партнерства, основанных на принципах взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности [6]. А 18 марта 2015 г. по итогам переговоров между президентами России и Южной Осетии был подписан двусторонний договор о союзничестве и интеграции, предусматривающий формирование двумя странами общего пространства обороны и безопасности, свободное пересечение российско-югоосетинской границы, интеграцию таможенных органов, тесное взаимодействие по линии органов внутренних дел. В социальной и гуманитарной сфере предполагается упрощение процедуры получения российского гражданства и решение вопросов пенсионного обеспечения граждан Южной Осетии [7].

Реакция государств Черноморского региона на указанные договоры была негативной, что не может не усиливать напряженность в регионе. В частности, МИД Грузии, Украины и Болгарии однозначно высказались против договоров, подчеркнув невозможность проведения Абхазией и Осетией самостоятельной внешней политики, определяя их как территорию Грузии.

Учитывая экономическую специфику Черноморского региона и современные геополитические реалии, трудно создать всеобъемлющий проект региональной интеграции в общепринятом смысле, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Несмотря на то, что экономические трудности и необходимость регулирования региональных торговых и финансовых рынков порождают потребность в региональном сотрудничестве, интеграции и координации политики, эти задачи отходят на второй план, уступая место необходимости разрешения межнациональных конфликтов и территориальных споров. Вероятнее всего, проблема устойчивого процесса интеграции региона требует применения политической воли и определение основного инициатора объединения. В настоящее время такого инициатора нет, поскольку велик узел противоречий между государствами.

Литература

1. Fotiou E. Caucasus Stability and Cooperation Platform: What is at Stake for Regional Cooperation? [Electronic resource]. URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?id=104737> (Accessed: 18.08.2015).
2. Minchev O. Major interests and strategies for the Black sea region. Framework analytical review [Electronic resource]. URL: <http://www.harvardbss.org/static/files/122/BlackSeaFrameworkAnalyticalReview.pdf> (Accessed: 19.08.2015).
3. Аллахвердиев К. Кавказ: между «молотом» и глобализации и «наковальной» этнополитики // Кавказ&Глобализация. 2007. №1(2). С. 6–19.
4. Арешев А. «...точка политической ясности в современном пространстве Кавказа» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2015/03/21/tochka-politicheskoy-jasnosti-v-sovremennom-prostranstve-kavkaza.html> (Дата обращения: 21. 08. 2015).
5. Выступление его превосходительства г-на В. А. Небензя, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, на 31 Заседании ОЧЭС Совета министров иностранных дел (Салоники, 12 декабря 2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/nsipecon.nsf> (Дата обращения: 10.07.2015).
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/bdcomp/spd_md.nsf/0/0ED91E668705ACB343257E0D002D594E (Дата обращения: 2.08.2015).
7. Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/4819 (Дата обращения: 12. 08. 2015).

8. Источник: попытки Киева добиться исключения РФ из числа участников Blackseafort провалились [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/1327177> (Дата обращения: 14. 09. 2015).
9. О динамике отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [Электронный ресурс]. URL: http://www.turkey.mid.ru/hron2_r.html (Дата обращения: 12.07.2015).
10. Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ [Электронный ресурс]. URL: <http://guam-organization.org/> (Дата обращения: 18.07.2015).
11. Устав Организации черноморского экономического сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsec-organization.org/documents/Legal Documents/statutory/charter/Download/CHARTER%20web%20080630.pdf> (Дата обращения: 13.08.2015).
12. Черноморский регион: горизонт 2020. Доклад комиссии по Черному морю [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/13> (Дата обращения: 13.08.2015).

УДК 061.236

А. А. Галушко

НИНА БЕРБЕРОВА О МАСОНСТВЕ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРИЧИНАХ ВОЗРОЖДЕНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

В статье исследуются оценки российской эмигрантки Н. Н. Берберовой возрождения масонских тайных обществ России в начале XX века, выявляются его причины, а также численность и состав российских лож. Обосновывается вывод о том, что масонские ложи, согласно Н. Н. Берберовой, претерпели серьезные трансформации в течение 1906–1917 гг. и сыграли, безусловно, важную роль в политической жизни

страны. Главным источником является книга Н. Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия».

Ключевые слова: общественно-политическое течение, масонские ложи, мартинисты, филалеты, ответственное министерство, арьергард, полупосвященные, трансформация, реформирование.

A. A. Galushko

NINA BERBEROVA ABOUT FREEMASONRY IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY: REASONS OF REVIVAL AND ITS CONSEQUENCES

The article studies the reflection of the Russian emigrant N.N. Berberova as regards the revival of Masonic secret societies in Russia at the beginning of the XX century, its reasons, and also number and structure of Russian lodges. The conclusion is made that Masonic lodges, according to N. N. Berberova, underwent serious transformations during 1906–1917, and played

an important role in political life of the country. The main source is N. N. Berberova's book «People and lodges. Russian masons of the XXth century».

Key words: the political current, Masonic lodges, Martinists, filaleta, the ministry in charge, a rear guard, semi-devoted, transformation, reformation.

Масонство в виде общественно-политического течения зародилось в Европе в среде так называемого цензового населения, в начальный период индустриально-технической эпохи европейского континента. По мнению Нины Берберовой, возрождение же масонства в России в начале XX века было

вызвано тремя важными событиями: поражением России в японской войне, революцией 1905 г. и буйным ростом самосознания интеллигенции, которая выдвигала ряд демократических требований. Среди них, как установила автор, было проведение земельной реформы, создание рабочего законодатель-

ства, распространение грамотности; в политическом плане – открытие Государственной Думы с законодательными функциями и создание «ответственного министерства».

Нина Берберова связывала возрождение первых масонских лож в 1906 году с именем крупного общественного и политического деятеля Максима Максимовича Ковалевского.

М. М. Ковалевский являлся основателем Партии демократических реформ и издателем журнала «Критическое обозрение», был преподавателем в Московском Университете, читал курс государственного права. В 1887 году по приказу министра народного образования И. Д. Делянова был уволен из университета и с этого времени жил в Париже.

В 1901 году основал в Париже Русскую высшую школу общественных наук, где проходили обучение российские политики оппозиционного направления. Кроме того, Ковалевский был масоном, «достопочтимым братом» французского «Великого Востока». По словам Берберовой, Ковалевский был введен в масонскую ложу в Париже еще в конце XIX века. Нина Берберова отмечала, что Ковалевский занимал весьма прочное положение среди своих французских «братьев», поэтому ему было предложено взять на себя инициативу для открытия первых лож в российских столицах. И уже в конце 1906 года Ковалевский принял это предложение, вернулся в Россию и начал свою масонскую деятельность. Как писала Берберова, он прибыл в страну в первый для нее пореволюционный, и оттого беспокойный год, как раз к открытию I Государственной Думы и был избран в нее от Харьковской губернии. Выступал в Думе 62 раза по большинству обсуждавшихся вопросов [1, с. 34].

Первоначально Достопочтимыми Мастерами ложи Великого Востока М. Ковалевскому было поручено открыть две масонские ложи в Москве и одну в Санкт-Петербурге, но уже через два года в Москве, Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах, от Варшавы до Иркутска, было открыто не менее 18 лож [1, с. 35]. При таком темпе разрастания масонских лож они, очевидно, не могли не испытывать ряда организационных трудностей: соблюдения тайны общества, отсутствие собственных Достопочтимых Мастеров (они руководили ритуалом и церемониями в ложе), а также отсутствия упорядоченной системы объединений не-

скольких лож, связанных одной работой. Урегулирование каждого из этих вопросов не могло проходить без участия «братьев» французского Великого Востока. Но, несмотря на эти организационные трудности, в период с 1906 года вплоть до февраля 1917 года, как считала Нина Берберова, в России не было профессии, учреждения, государственного или частного общества, организации или группы, где не встречались бы масоны. В качестве примера Нина Николаевна приводила список людей, служивших в царском дипломатическом корпусе, в русских посольствах или за границей: в Англии – К. Д. Набоков, первый секретарь посольства; во Франции – Л. Д. Кандауров, советник посольства; в Италии – консул Г. П. Забелло; в Швеции – А. В. Неклюдов; в Норвегии – И. Г. Лорис-Меликов; в Швейцарии – агент Министерства иностранных дел А. Н. Мандельштам; в Сербии – Б. П. Пелехин; в Греции – Е. П. Демидов; в Черногории – консул Л. В. Иславин; в США – Б. А. Бахметьев; в Китае – Н. А. Кудашев; в Персии – поверенный в делах В. Ф. Минорский; в Бразилии – А. И. Шербацкий, глава дипломатической миссии; в Мексике – И. Я. Коростовец; в Монголии – А. А. Орлов, дипломатический представитель [1, с. 39–40]. По этому списку можно судить о том, с какой молниеносной быстротой распространилось русское масонство даже в такой области, где, как правило, были люди, в большинстве своем преданные режиму.

В отношении людей, которые должны были «защищать интересы родины перед правительствами других стран, к которым были аккредитованы» [1, с. 40], Нине Берберовой наличие такой «крамолы» [1, с. 40] кажется невероятным. Но, с точки зрения российского масонства, принадлежность к ложам нельзя назвать заговором или мятежом. Б. И. Николаевский в своей исследовательской работе «Масонство и Революция» писал, что масонство в это время никак не связывалось с революцией, и революционеров в ложах не было [2, с. 7]. Об этом же сообщала Нина Берберова: «Меньшевики было не более пяти-шести за все эти довоенные годы, социалист шел в тайное общество тогда, когда от его революционности (и социализма) оставались только следы» [1, с. 41]. Она рассматривала две возможности, допустимые русскими масонами: в случае первой, «министерства народного до-

верия», возникла бы коалиция либерального крыла царских министров с «общественниками». При второй – «ответственном министерстве» – инициатива принадлежала бы левым кадетам и трудовикам (или народным социалистам): в такое министерство не были бы допущены бывшие царские министры, оно должно было бы состоять исключительно из «общественников» и их ближайших сподвижников.

Как считала Нина Берберова, в 1916 году появился один из первых списков имен мирового масонства, в который были включены и русские имена. Она узнала об этом списке от П. Е. Шеголева, историка и пушкиниста, в нем было около 30 тысяч имен, и он был составлен всемирной антимасонской организацией. Вероятно, речь идет о французской «Association Antimazonnique», которая была основана в конце XIX века и которую возглавлял аббат Турмантэн. Шеголев узнал об этой ассоциации из докладных записок коллежского асессора К. Б. Алексеева, который был отправлен во Францию Особым Департаментом полиции, чтобы познакомиться с системой масонских организаций и методами ведения борьбы с ними [3, с. 55–58]. Несмотря на то, что русские фамилии в этом списке были исковерканы до неузнаваемости, кое-кто в виде исключения был назван верно: Ковалевский, Вырубов, Лорис-Меликов и др. По мнению Берберовой, этот факт свидетельствовал о значимости русского масонства как части мирового масонского движения.

1907–1916 годы – это время расширения количества масонских лож и различных направлений масонства в целом.

Так, оживилась деятельность, так называемых «мартинистов». Мартинист – член масонской организации, «Ордена мартинистов», последователь мистического христианства [4, с. 162]. Нина Берберова полагала, что даже император Николай II был мартинистом, по модному примеру своих заграничных родственников, однако, очень быстро вышел из тайного общества [1, с. 49].

Близко к мартинистам стояли филалеты. Филалеты – в переводе с французского языка «друзья истины», исследователи религиозной истины. Свободные мыслители всех стран, не подчиняющиеся общепринятым догматам, но исполняющие все гражданские постановления своих стран [5, с. 117]. Русская ложа филалетов была открыта в Париже и

вела свое происхождение от оккультного общества XVIII века.

В 1907 году была открыта масонская ложа «Северная Звезда» во дворце графа В. П. Орлова-Давыдова. Он был членом Государственной Думы и позже – прогрессистом. В нее вошла основная часть руководства кадетской партии: С. Котляревский, Е. Кедрин, В. Маклаков, В. Немирович-Данченко, В. Ключевский, с. Урусов, М. Маргулиес. Следует обратить внимание на замечание Нины Николаевны Берберовой о том, что материальный вопрос для русского масонства в первый период не стоял остро, поскольку многие аристократы отдавали под масонские храмы свои особняки и квартиры. Это в свою очередь способствовало разрастанию масонских лож еще активнее. Уже в 1907 году В. П. Орлов-Давыдов стал Великим Мастером «Северной Звезды». Любопытно также происхождение названия ложи. Берберова предполагала, что изначально ложа была названа по аналогии с французской «Etoile Polaire» – «Полярная звезда». Но такое название не могло устроить масонское общество, потому что так же называлась одна из яхт императора Николая II, поэтому ложу называли «Северной Звездой». Под этим же названием она была восстановлена в 1922 году уже в эмиграции [1, с. 53].

В 1908 году открылась ложа «Возрождение» с Великим Мастером Н. Н. Баженовым, знаменитым ученым и общественным деятелем. Тогда же появился русский «Космос», близнец парижского, в состав которого вошли: М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров, проф. Д. С. Аничков [1, с. 55].

Но основным, ключевым, событием в процессе развития российского масонства Нина Берберова считала создание в 1909 г. «Военной ложи», в которую вошли генералы, полковники и офицеры другой категории. Наиболее крупной фигурой (после А. И. Гучкова) Берберова назвала генерала А. Н. Алексеева – начальника штаба Верховного Главнокомандующего во время Первой мировой войны [1, с. 67]. Среди других членов «Военной ложи» Н. Н. Берберова отметила генералов А. М. Крымова, Н. В. Рузского, Н. В. Вырубова, В. В. Теплова. Из младших офицеров, членов «Военной ложи», еще были названы бывшие в 1909 г. капитанами А. И. Деникин и П. Н. Краснов, капитан-лейтенанта А. В. Колчак. В 1917 г. Деникин и Краснов – генерал-лейтенанты,

Колчак – вице-адмирал. Такое стремительное возвышение в чинах за 8 лет, совершенно не в традициях русской военной бюрократии, Берберова объяснила только масонским протекционизмом, а отнюдь, как она писала, не личными талантами, как уверял всех Деникин в своих мемуарах, а Колчак – на допросах в Иркутской ЧК [1, с. 71].

По мнению Нины Берберовой, создание «Военной ложи» свидетельствовало о серьезном политическом укреплении масонства. Это подтверждают воспоминания генералов А. С. Лукомского [6] и Н. А. Степанова [7].

Работу Военной ложи необходимо сопоставить с возобновлением в начале XX столетия масонских лож в России. Основываясь на статье М. Маргулиеса «Масонство в России за последние 25 лет», опубликованной в шестнадцатом номере официального органа французского масонства «Акация», Нина Берберова подчеркнула, что 1909 год был годом процветания трех лож в России: «Северной звезды», «Феникса» и «Военной ложи». В это же время департамент полиции активнее начал преследование масонских лож, и многие спиритические ложи закрывались сами «от скуки или от страха», как писал знаменитый основатель ложи «Астрей» Леонтий Дмитриевич Кандауров в своей «Записке по истории российского масонства, 1731–1936» [8].

Таким образом, можно заключить, что 1909 год – переломный момент в процессе возрождения и распространения масонства в России в начале XX века. Наиболее крупные, политически ангажированные ложи, укреплялись на политической арене страны и становились неотъемлемыми участниками значимых событий, в то время как ложи только мистического и спиритического характера закрывались департаментом полиции, или изживали сами себя по причине отсутствия интереса к дальнейшей деятельности.

К сожалению, мы еще слишком мало знаем о новых ложах, учрежденных после 1910 года. Видное место среди них занимала, судя по всему, ложа «Малая медведица» (1911 г.). В 1912 году в «Малой медведице» был посвящен А. Ф. Керенский [1, с. 88].

Из других новых лож обращала на себя внимание, по словам Нины Берберовой, думская ложа «Розы» (1910 г.), составившаяся из депутатов-масонов, членов III Государственной думы: Н. В. Некрасова, А. М. Колюбаки-

на, В. А. Степанова, Н. К. Волкова и других; причем среди них были не только кадеты, но и представители других политических партий, представленных в Думе: меньшевиков – Е. П. Гегечкори, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе; прогрессистов – И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов; трудовиков – А. Ф. Керенский. В этом, собственно, и состоял смысл учреждения думской ложи. В связи с этим, вряд ли можно согласиться с утверждением А. Ф. Керенского о том, что «они не влияли на события Февраля 1917 года».

В 1912 году был создан Верховный Совет Народов России, который контролировался масонским Конвентом. По словам Нины Берберовой, он был создан для осуществления масонского руководства над оппозиционными царскому режиму политическими партиями. Возглавили Совет кадеты Н. В. Некрасов, Терешенко и эсер А. Ф. Керенский, которые вступили в масонские ложи в 1909–1912 гг. и представляли собой новое молодое поколение масонов [1, с. 96]. Верховный Совет народов России координировал деятельность широкого спектра оппозиционных партий. Если перечислить их слева направо, то получится следующий ряд: меньшевики, эсеры, трудовики, кадеты, прогрессисты, октябристы. Следует также обратить внимание на одну очень важную, по мнению автора, деталь, о которой Нина Берберова сообщала вскользь. Верховный Совет создавался российскими масонами как орган политического воздействия на ситуацию, складывавшуюся в стране к 1917 году, и этот факт свидетельствует об укреплении политического влияния масонских лож в указанный период. Однако рост и укрепление влияния масонов, превращение масонских организаций в инструмент борьбы с самодержавием проходили не плавным, эволюционным, путем, а достаточно резко, как итог конфликта между «молодыми» и «старыми» членами масонских лож. Один из крупных исследователей российского масонства начала XX века, В. И. Старцев считал, что к 1910 году масонские ложи переживали определенного рода кризис, называя его «незримой драмой русского масонства» [9] начала XX века. Суть конфликта, по мнению В. И. Старцева, была в том, что в отличие от Н. В. Некрасова и его единомышленников, смотревших на масонство как на действенный инструмент борьбы с самодержавием, старое поколение русских

масонов в лице Д. О. Бебутова, М. С. Маргулиеса и других крепко держалось за морально-нравственные основы учения «вольных каменщиков» [9, с. 81]. Отсюда и конфликт между ними. Большинство «братьев» были на стороне Н. В. Некрасова и его сторонников. «Старики» вроде Д. О. Бебутова и Е. И. Кедрина, упрямо придерживавшиеся принципов «нравственного» масонства, им только мешали. Инициатором коренной реорганизации русского масонства на новых, более отвечающих политическим реалиям страны началах, был А. М. Колюбакин. Деятельную роль в этом процессе сыграли также его коллеги по кадетской партии Н. В. Некрасов и князь С. Д. Урусов [2, с. 65].

Таким образом, Н. Н. Берберова, во-первых, провела определенную классификацию членов российских масонских лож, общее количество которых она определила условным числом в 600 человек.

Во-вторых, автор делила российских масонов на посвященных и полупосвященных, или «арьергард». Число посвященных было засекречено и, по-видимому, оставалось неизвестным общественности, в то время как «второй слой» (полупосвященные) был весьма значительным, и именно ему Нина Берберова посвятила многие страницы своей книги. При этом, как она замечала, «арьергард» отводил себе пассивную роль в реализации программы перемен. Такую позицию автор объясняла инфантильностью этой части интеллигенции, которая лишь недавно начала думать о том, что, собственно, происходит и каково ее место в этих процессах.

В-третьих, Нина Николаевна Берберова выявила и проследила эволюцию развития российского масонства. Она выделила в процессе эволюции масонских лож несколько этапов.

Первый этап – 1906–1909 гг. – это период от появления первых масонских лож в 1906 году, основанных М. М. Ковалевским, до криза 1909 года, связанного с усилением работы Департамента полиции против масонов. Это способствовало тому, что масонские ложи спиритической и мистической направленности потеряли свои позиции и ушли с общественной арены, в то время как политически ангажированные ложи стали еще сильнее.

Второй этап – 1909–1912 гг. – характеризуется борьбой так называемого «старого» и «молодого» поколений российского масонства, в результате которой морально-нравственное течение масонства было отодвинуто на второй план, а его место заняло политическое течение.

Третий этап – 1912–1917 гг. – период укрепления российского политического масонства, прихода к власти его видных деятелей в Феврале 1917 года, их работы во Временном правительстве и, наконец, утраты масонами своих политических позиций, вплоть до запрета масонских лож после победы большевиков в Октябре 1917 года.

В итоге можно заключить, что масонские ложи, согласно Н. Берберовой, зарождались изначально как организации спиритического характера, претерпели серьезные трансформации в течение 1906–1917 гг. и сыграли, безусловно, определенную роль в политической жизни страны.

Литература

1. Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.
2. Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М.: Терра, 1990. 200 с.
3. Шеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М.: ГПИБ, 2004. 460 с.
4. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. 5140 с.
5. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1910. 1004 с.
6. Лукомский А. С. Воспоминания генерала. Берлин, 1922. // В. С. Кобылин Анатолия измены. Истоки антимонархического заговора. СПб.: Царское Дело, 2007. 640 с.
7. Степанов Н. А. Работа Военной ложи // П. Тихомиров. Военная ложа [Электронный ресурс] URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/07/16/voennaya_lozha/ (Дата обращения: 20.07.2015).
8. История России IX–XXI вв. от Рюрика до Путина / под ред. Я. А. Перехова. Р/Д.: Изд-во: Март, 2007. 671 с.
9. Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века: учеб. пособие к специальному курсу. СПб.: Третья Россия, 1996. 175 с.

УДК 93(470.630)

Э. Т. Головина**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИЗБ-ЧИТАЛЕН
НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920–1930-е гг.**

В статье изучаются особенности функционирования изб-читален в контексте культурной политики большевиков. Растиражированные новой властью, они были получены в наследство от Российской империи. Избы-читальни были призваны вести культурно-просветительскую работу в селе. Трудовая повседневность села, тяжелое материальное положение и неграмотность были факторами, которые приходилось преодолевать, и любыми возможными средствами вовлекать население

в избы-читальни, поэтому там налаживалась справочная работа и создавались специальные столы. Финансирование государство отчасти возлагало на население. Практика Ставрополья демонстрирует как положительные примеры деятельности изб-читален, так и примеры формального подхода к их работе.

Ключевые слова: изба-читальня, культурно-просветительская работа, культурная революция, ликвидация неграмотности.

E. T. Golovina**SPECIFIC FEATURES OF VILLAGE READING ROOM'S
IN STAVROPOL REGION IN 1920–1930s**

The article studies specific features of village reading rooms in the context of Bolsheviks cultural policy. The new government took the concept up from the Russian Empire. Village reading rooms were supposed to provide cultural and educational activities in rural areas. Hard routine work, challenging financial state and illiteracy were the factors that impeded the process. Therefore, the staff of reading rooms

carried out reference work. The funding partly rested with the people. Stavropol experience demonstrates both positive examples of village reading rooms activities, as well as examples of a formal approach.

Key words: village reading room, cultural and educational activities, Cultural Revolution, eradication of illiteracy.

Приход большевиков к власти определил смену приоритетов в культурном развитии страны. Центральное место в конструируемой духовности занимала «пролетарская социалистическая культура» [1, с. 96], главным элементом которой в свою очередь был «новый человек». Всему населению страны предстояло пройти социально-культурную переработку. Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский писал: «Провозглашение лозунга культурной революции обозначает чрезвычайно усиленный темп нашего продвижения к выработке нового человека. Он обозначает также чрезвычайно внимательный пересмотр тех принципов и путей, по которым мы шли до сих пор. За время некоторого застоя, некоторой затяжки мы, может быть, иногда теряли из виду настоящую цель»

[16, с. 299]. Таким образом, власть заявляла о массовости предстоящих мероприятий, так как достижение цели требовало колоссальных усилий от всего общества.

Библиотечная работа и образовательный процесс стали локомотивами в деле формирования «нового человека». В этой связи данному направлению власти уделяли самое пристальное внимание, что отразилось в новом институциональном оформлении культурно-просветительской отрасли и активном нормотворчестве. Отправными стали два нормативно-правовых акта. Совет Народных Комиссаров (СНК) 26 декабря 1919 г. принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» [12], а 3 ноября 1920 г. был утвержден декрет «О централизации би-

библиотечного дела в РСФСР» [11]. Серьезной проблемой для формирования и укрепления новой социально-экономической и политической системы стало малое количество библиотек в сельской местности, в то время как потребность в них была острой по причине низкого культурного уровня и неграмотности населения. Эти вопросы активно обсуждались на I Всероссийском съезде библиотечных работников в 1920 г. [17, с. 88].

В формируемом большевиками социокультурном пространстве часто наблюдалась преемственность с рухнувшей Российской империи. Примером такого наследования стала изба-читальня. Появившись в XIX веке, изначально она была центром просвещения в деревне. Однако в культурно-просветительских практиках дореволюционной России изба-читальня только формировалась, а в советской России оказалась активно востребованной. По набору функций она занимала промежуточное положение между библиотекой, школой и пунктом ликвидации неграмотности. В марте 1919 года VIII съезд РКП(б) вынес резолюцию «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне», в котором уже говорилось о необходимости проводить политпросветительские мероприятия в избах-читальнях [24]. В 1920 году по Ставропольской губернии была разослана инструкция по организации изб-читален. Согласно ей, задачи библиотек по снабжению населения литературой в деревне решали именно избы-читальни [7, л.44]. Инструкция предлагала для них следующие функции: «Основной работы избы-читальни, следовательно, заключается в получении книг и газет, в предоставлении каждому возможность читать их; в чтении всех, в организации беседований, чтений и лекций. При избе-читальне может быть школа грамотности, кружок самообразования и т. п.» [7]. В условия новой общественно-политической ситуации она стала значимым социальным институтом села и инструментом деревенской политпросветработы.

Проблему финансирования государство предпочло разделить с населением: «... избы-читальни часто содержатся на средства, отчисленные самими крестьянами, а частично на средства государства, на непосредственные нужды и содержание изб-читален средства дают сами крестьяне» [7]. Власть в культурно-просветительской работе шла

одновременно по пути и бюрократизации, и создания видимости демократии. Уездные отделы образования обязывались содержать при избе одного работника, но для управления по аналогии с библиотекой создавался совет, избираемый населением – «совет избы». В инструкции говорилось, что он «подыскивает помещение для избы-читальни, заботится о своевременном снабжении избы отоплением, освещением, о чистоте и сохранности имущества, своевременной организации чтений, бесед и вообще о надлежащем развитии всей работы избы-читальни» [7]. Волостные власти тоже обязывались принимать участие в деле культурного строительства на местах. В отношении изб-читален они должны были «организовать передвижение библиотеки, снабжать избы передовым советским граммофоном и волшебными фонарями [Э. Г. – проекционный аппарат]» [7]. Нечеткость механизма финансирования часто приводила к спорным ситуациям и злоупотреблениям. Например, в окружной политпросвет в июне 1929 г. поступила жалоба на действия зав. библиотекой Меркулову, которая в Петровской избе-читальне собирала по рублю с читателя на новые книги. Возмущение вызывало, что до этого она принимала и по 50 копеек, а с определенного момента стала требовать ровно рубль, кроме того, сборы совершались неоднократно [6, л. 1].

В 1922 году был издан циркуляр ЦК РКП(б) «О восстановлении изб-читален» [25], политический оттенок процессу воссоздания придавало требование об обязательной должности политработника. При этом на Ставропольской конференции политпросветов уже в 1921 году обсуждалась значимость изб-читален как политико-просветительских ячеек. Более того, констатируется полноценная их работа в селе: «Цель избы читальни – распространять программу коммунистических партий, ознакомить с советской конституцией и мероприятиями Советского правительства, приучение населения к газете и книге. Здесь устраиваются чтения, беседы, чтения вслух, организуются кружки самообразования, выставки и прочее» [8, л. 24]. Любыми возможными средствами приходилось вовлекать население в избы-читальни, поэтому там налаживалась справочная работа и создавались специальные столы. Справки выдавались самого разного характера: налоговые, о по-

гибших посевах и т. д. Так, в Курсавской избе-читальне за месяц было выдано 250 справок, а также устроены 3 читки, на которых всего присутствовали 180 человек [14, с. 59]. Ситуация с финансированием культурно-просветительской работы усугубилась с началом НЭПа, в период, когда сократилась библиотечная сеть. В этом контексте в 1922 году на заседании Ставропольского губисполкома постановили сократить число изб-читален и уменьшить смету расходов на них до двух миллиардов. Но, как было сказано выше, государство не полностью финансировало читальни, поэтому на средства населения или из местного бюджета они продолжали функционировать и в последующие годы. Примером стало создание в 1924 году Дома крестьянина им. тов. Калинина в г. Ставрополе. Причем средства были выделены Окружным земельным управлением. Ставрополь – город с близкой сельской округой, кроме того, сюда приезжали много крестьян из сел, а особенно большое их количество сосредотачивалось в районе Нижнего базара.

Помимо назначения гостиницы в форме распространенного тогда в виде общежития Дома колхозника, ставропольский Дом крестьянина наделялся культурно-просветительскими полномочиями, которые в селе выполняли избы-читальни и библиотеки. За постой бралась плата, а собранные деньги расходовались на нужды учреждения. Здесь имелись лекционный зал и библиотека, фонд которой сосредоточил преимущественно литературу по различным отраслям сельского хозяйства. В зале для приезжавших крестьян регулярно читались лекции приглашенным агрономом. В определенные дни проводил консультации приходящий юрист. Таким образом, по замыслу создателей, учреждение становилось одним из звеньев, связывающих деревню с городом. Власть нашла оптимальное сочетание функций учреждения, которое обеспечивало высокую посещаемость культурно-просветительских мероприятий. Меньше чем за полгода там побывали более 13 000 человек, из них более 6 000 присутствовали на лекциях [13]. Опыт Дома крестьянина им. Калинина был, скорее, исключением, нежели правилом. Изучение ситуации с культурно-просветительскими учреждениями показало, что в сельской местности не всегда дело обстояло благополучно. Сельские власти

зачастую не следовали строго указаниям по устройству изб-читален или же не имели материальной возможности их организовывать на нужном уровне. По этому поводу активисты сигнализировали в местную печать. Примером может служить воззвание к сельсовету из села Грачевского, опубликованное в журнале «Ставрополье». Там изба-читальня размещалась в частном домовладении и представляла собой «полуразрушенную хату, без столов и скамеек, с побитыми окнами, ободранными стенами, постоянно грязная, не привлекает читателей-крестьян». Здесь также размещалась библиотека, которая почти всегда была закрыта [18, с. 19]. В 1932 году газете Власть Советов информировала: «Изба-читальня в селе Спицевка не отапливается...» [19].

Исторически Ставрополье сформировалось как полиэтничный регион, поэтому местные власти в своей культурно-просветительской политике должны были учитывать и это обстоятельство. По данным 1924 г., в Ставропольском округе, кроме русского населения, проживало около 160 000 других народов. Так, в 21 селении проживали 123 000 украинцев, а немцев в 20 селениях – 10 000. В 19 аулах региона проживали 6 300 туркмен и татар. Преимущественно в городе проживали 4 500 евреев и 2 500 армян. В округе греки составляли 3 000 человек, эстонцы (в селе Подгорном) до 1 000 человек, поляки и литовцы (в Курсавском районе) – 700 человек, горских евреев – 250 [15]. Власти понимали, что работа среди так называемых «нацменьшинств» организована плохо, не хватало кадров. Неблагополучной оставалась ситуация в целом, в том числе с избами-читальнями, которые не везде были открыты. По сведениям 1924 г., наиболее плачевное положение было у туркмен, в местах проживания которых в связи с нехваткой средств сократилась сеть культурно-просветительских учреждений. Качественный состав преподавателей и руководителей тоже делал работу непродуктивной [15]. У немецкого населения были 2 избы-читальни, у эстонцев – 1, которую в 1924 г. сократили, у греков дополнительно к уже имеющейся планировалось открыть еще одну. Среди украинского населения работа на родном языке не велась, так как оно не проявляло к этому интереса, но украинская литература закупалась. Дефицит кадров касался не только национальных культпросветобъектов, был

проблемой всего Ставрополя. Выходом из ситуации стала организация краткосрочных курсов, в том числе и для «избачей». Например, работа таких курсов в Ставропольском округе началась в июне 1926 года, а контингент учащихся показал, что 42 человека из 47 приехали из села [9, л. 93].

Культурно-просветительская работа имела широкий спектр направлений, что сказалось на содержании работы избы-читальни, которая являлась инструментом идеологической и просветительской работы среди селян. Одновременно она была средством проведения молодежной политики. Комсомол был призван посредством своих активистов вести работу среди молодежи, вовлекая ее в работу читален. Для большей результативности комсомольцы должны были в столе справок разъяснять крестьянам суть советских законов и постановлений местных властей [9, л. 4]. Таким образом, решалась еще одна задача – пополнение рядов комсомольцев за счет сельской молодежи. Многофункциональность изб-читален проявлялась и в гендерной направленности их работы, так как особой областью их деятельности была работа с крестьянками [9, л. 11]. Непременным компонентом в условиях атеистического государства была антирелигиозная пропаганда, которая на протяжении 1920–1930-х гг. не утрачивала своей актуальности. Участвуя в ликвидации неграмотности, избачи должны были мотивировать население к обучению. В клубах и избах-читальнях проводились инсценировки, высмеивавшие уклонявшихся, проводились показательные инсценировки общественных судебных процессов – агитсудов.

Начало сплошной коллективизации скорректировало новые цели культурно-просветительской работы в аграрном регионе и сформировало новые средства их достижения. С целью придания нового импульса работе культурно-просветительских учреждений власти в духе времени устраивали культурные походы и соцсоревнования. С целью популяризации грамотности совершались библиотечные походы, которые были направлены на поднятие общего культурного уровня и усиления мотивации вступления в колхозы. Всем избам-читальням, красным уголкам, школам, библиотекам предлагалось уделять особое внимание вопросу приобретения определенной литературы, пропагандирующей дело

коллективизации (Артюхина «Крестьянка за коллективизацию», Соколов «Зерновая фабрика», Михайлов «Обгоняем пятилетку по коллективизации») [2, с. 13]. Вся эта литература и весь процесс ликбеза стали наполняться новым содержанием. Методическое руководство для избачей выделило ряд новых задач. В первую очередь, это была помощь в ликвидации кулачества как класса и сплошной коллективизации, посевной кампании и хлебозаготовках. В связи с этим избы-читальни по заданию крайисполкома и окрисполкома должны были формировать детские сельскохозяйственные коллективы, организовывать дошкольные, библиотечные и антирелигиозные культпоходы [23, с. 6].

С 1930-х гг. в культурно-просветительской работе и, соответственно, в библиотечном строительстве начался новый этап, связанный с жесткой централизацией советской государственной системы. Кроме того, был еще один фактор изменений – низкая эффективность библиотечной работы в 1920-е гг., подтверждением которого стало Постановление ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 г. «Об улучшении библиотечной работы» [20, с. 166–167]. Над всей библиотечной деятельностью в 1930-е годы был усилен контроль. Именно с этой целью в 1934 г. Наркомпрос принял решение провести перепись библиотек. В отношении изб-читален велась самостоятельная нормотворческая работа, и на данном этапе были приняты не циркуляры, носившие инструктивный характер, а постановление ЦК ВКП(б) в 1929 [22, с. 167–168]. По причине срашивания партийного и государственного аппаратов его содержание практически целиком повторилось в Постановлении СНК РСФСР от 07 февраля 1930 [21].

Принципиально важным моментом стало усиление социальной направленности работы. В условиях сплошной коллективизации изба-читальня была ориентирована на батрацко-бедняцкие и середняцкие слои, те, кто попадал в число кулаков, исключались из культурно-просветительской работы. Расширение сети было вписано в пятилетний план и предполагалось, что в 1932–1933 гг. при каждом сельсовете будет организована изба-читальня. Значительный груз финансирования снова ложился на плечи населения. В целях постоянной и бесперебойной работы избачам запрещалось совместительство,

и своем положении они приравнивались к учителям сельских школ первой степени. Им предоставлялись такие же права и льготы. Еще одним значимым моментом нового законодательства стало внимание к национальной специфике ряда территорий советского государства. Власти в районах со смешанным этническим составом должны были обеспечить работу читален на языках проживающих там народов, для кочевого населения работы переносилась в юрты (красные кибитки).

Нормативно-правовая документация являет исследователю установки власти, которые непременно корректировались реальностью на локальном уровне. На Ставрополье, по сравнению в 1920 гг., наблюдался количественный рост изб-читален. Если в 1925 г. их в округе было 132 [10, л. 3 об.], то в 1939 край имел уже 479 читален [3, л. 28], что во многом было связано и с расширением административных границ региона. Количественные показатели не определяли качества содержательной части. В 1939 г. бригадами ЦК и крайкома ВКП (б) была проведена ревизия сети культурно-просветительских учреждений края. Результаты были доложены на заседании крайкома и, оказалось, что большинство из проверенных объектов находится в неудовлетворительном состоянии. Докладчики подчеркивали, что большинство изб-читален, колхозных клубов, домов куль-

туры не оборудованы, не имеют радио, кино-передвижки не работают. Помещения не отапливались, библиотеки, избы-читальни плохо пополнялись литературой, а имевшиеся средства на пополнение книжных фондов не использовались [3, л. 28]. Кроме того, невзирая на работу курсов по подготовке кадров, «зав. избами-читальнями, домами культуры назначаются случайные люди подчас неграмотные (Александровский район, Черкесская область и др.)» [5, л. 63]. Проверки по районам выявили ряд недоработок каждого райисполкома. Далеко не каждый сельсовет в 1930 г. имел избу-читальню. В Солдато-Александровском районе читальни были только в двух сельских советах, из которых одна закрыта за отсутствием избача [4, л. 44]. В Спицевском районе вместо положенных шести их было только три. В Арзгире изба-читальня просто переродилась в молодежный клуб. Политическая конъюнктура стала неотъемлемой частью работы культурно-просветительских учреждений. Так, к концу 30-х гг. формируется новое направление их работы – оборонное. Коллективные читки, беседы и другие мероприятия были направлены на знакомство населения с международной обстановкой и предупреждение об угрозе военного нападения на страну. Однако на Ставрополье это направление оказалось слабо реализуемым.

Литература

1. Богданов А. О пролетарской культуре 1904–1924. Л.: Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.
2. Всем Райполитпросветам, избам-читальням, красным уголкам, библиотекам, школам, колхозам // Сборник материалов Ставропольского Окромона и Окргпроса. Ставрополь: Ставропольский Окромона и Окргпрос, 1930. С. 13–14.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.1. Оп. 1. Д. 465.
4. ГАНИСК. Ф.1. Оп.1 Д. 347. Коробка 43.
5. ГАНИСК. Ф.1. Оп.1 Д. 431. Коробка 52.
6. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Р. 300. Оп.1. Д. 490.
7. ГАСК. Ф.1026. Оп. 1. Д. 8.
8. ГАСК. Ф.Р. 164. Оп. 1. Д. 371.
9. ГАСК. Ф.Р.300.Оп.1. Д.412.
10. ГАСК. Ф.Р.300 Оп.1. Д. 387.
11. Декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» // Декреты Советской власти. Том XI. Октябрь–ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983. С.159–164.
12. Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди РСФСР» от 26 декабря 1919 // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 год. М.: Педагогика, 1974. С.377.
13. Дом крестьянина им. тов. Калинина в Ставрополе // Ставрополье. 1924. № 6. С.11–21.

14. Кильмизев Г. Партиработа на селе (по Курсавскому району) // Ставрополье. 1925. № 2–3. С. 15–21.
15. Коротин А. Среди национальных меньшинств Ставрополья // Ставрополье. 1924. № 8. С. 25–29.
16. Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976. 631 с.
17. Масяйкина Е. А. Материалы Всесоюзной библиотечной переписи 1934 года как источник изучения сельских библиотек // Культурология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 87–97.
18. На местах // Ставрополье. 1925. № 10. С. 17–26.
19. Наладь работу избы-читальни // Власть Советов. 1932. 12 января.
20. Об улучшении библиотечной работы: постановление ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 года // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. За 1917–1947 гг. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. С. 166–167.
21. Постановление СНК РСФСР от 07 февраля 1930 «Об избах-читальнях» // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917–1947 гг. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. С. 168–169.
22. Постановление ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1929 «Об избах-читальнях» // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917–1947 гг. М. [б.и.];, 1947. С. 167–168.
23. Председатель ОИК Савельев. Зав. Око Оно Куприяновский. Всем ОИК-ам Ставропольского округа. Об организации методической работы (Директивное письмо ОИК-а) // Сборник материалов Ставропольского Окрона и Окпрроса. Ставрополь: Ставропольский ОкрОНО и Окпррос, 1930. С. 17–24.
24. Резолюция VIII съезда РКП (б) «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 год. М.: Педагогика, 1974. С. 142.
25. Циркуляр ЦК РКП (б) «О восстановлении изб-читален» // Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. М.: Народный комиссариат просвещения РСФСР, 1931. С. 219.

УДК 303. 025

В. А. Дмитриев**ОБ АКТУАЛЬНОСТИ КАТЕГОРИИ «ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ»:
ЧАСТЬ 1. ФАКТ И ИСТОЧНИК**

В статье продолжается обсуждение необходимости использования категории «факт» в этнографической науке. Предлагается видеть факт в содержании любого наблюдения, позволяющего формировать источник этнографической науки. Этнографический факт выступает как потенциальный признак этнической

специфики, признаваемый в таком значении и исследователем и представителями общества – объекта изучения

Ключевые слова: факт действительно-сти, факт науки, фактосуждение, источник, этнография.

V. A. Dmitriev**ON THE RELEVANCE OF «ETHNOGRAPHIC FACT» CATEGORY:
PART 1: THE FACT AND THE SOURCE**

The article continues the discussion of the need for the category of «fact» in ethnography. It is proposed to consider the fact in the content of any observation that forms the source of ethnography. Ethnographic fact acts as a potential sign of

ethnic specificity as regards the object of study, recognized in this sense both by a researcher and the representatives of society,

Key words: the fact of reality, the fact of science, fact judgement, source, ethnography.

Дискуссия вокруг категории «этнографический факт» неизбежна на методическом и дисциплинарных уровнях, даже если необоснованно полагать, что она уже закончена.

Высказывания типа «факты принадлежат к объективному миру», «факты делают утверждения истинными или ложными» (Б. Рассел), «факт – это мысль, которая истина» (Г. Фреге) еще не помогли никому, поскольку либо повторяют собственно само определение факта, либо вызывают к категории истины, имеющей отношение к категории факта лишь в том случае, если факт трактовать только как сообщение [6, с. 79]. Любой наблюдатель, естественно, имея дело с сообщениями, хотел бы быть уверенным, что факт существует до сообщения и первичен по отношению к сообщению. Философ же, не имеющий отношения к предметному миру, не может не переводить проблему факта в проблему знания. В этом случае целесообразно говорить о видах знания, например, знании, полученном наблюдением, интроспекцией, экспериментом и т. д., знании фактуальном, вешном, фактах-положении дел, фактах-положении вещей, фактах-отношениях между предметом и его признаком; фактах необходимых и случайных, фактах теоретических и

эмпирических, фактах единичных и общих. Представителю конкретной науки – частного знания важен процесс вхождения в знание результатов взаимодействия наблюдателя и реальности. Но общая проблема у специалистов одна: общая проблема: постоянно возникающее совмещение «факта как истинного предложения с фактом как предметом истинного предложения» [6, с. 80]. Важность данного разделения позволяет увидеть структурные схождения в общеметодологическом и частнонаучном подходах, хотя каждый из них отличается собственным видением общих проблем. Ниже коснемся этнографического факта, т. е. подхода к определению факта в этнологии.

Некоторое время назад проблема этнографического факта получила разностороннее освещение в статье известного российского ученого В. В. Пименова [9, с. 42–51]. Целесообразно выделить некоторые положения данной работы, сохраняющие актуальность и сейчас.

1. Выдвижение проблемы факта в число наиболее обсуждаемых в науке в целом является следствием развития самого научного знания.

2. В научном знании существует некая вилка между признанием недостаточности разработки проблемы факта в теоретико-методологическом отношении и уверенностью в том, что факты сами могут указать верный и исследователю путь.

3. Трактовка факта может быть разнообразной, т. к. зависит от классовой, методологической и пр. позиции ученого, вариативность трактовок факта велика в силу его неисчерпаемости.

4. Стремление выделять факты частных дисциплин и разделять их естественно для научного познания, что определяется дифференциацией объекта науки.

5. Факты могут быть как истинными, так и ложными, примером последних были названы узусы пропаганды.

6. Имеющиеся трактовки исторического факта наиболее показательны в плане движения исследователя от объективной информации к схеме ее трактовки, здесь уместна цитата: «исторические (а в сущности этнографические) факты в том виде, как они трактуются ... выступают не как изначальные моменты и свойства самих исторических событий, но как продукты осуществляемой человеком концептуализации».

7. Отдельный факт информационно недостаточен, его смысл и значение может быть понято только в связи с другими фактами.

8. Существуют две категории фактов: факты действительности и факты науки; связь между ними состоит в «превращении «факта в себе» в «факт для нас», что является «переходом от незнания к знанию».

9. Положение «Любая наука начинается с собирания фактов» неверно, т. к. к отбору фактов исследователи подходят с определенной концепцией, что «вопрос о соотношении факта и теории, факта и концепции и т. п. не может быть решен однажды и навсегда ... между фактом-реальностью и фактом-знанием находится посредствующее звено, обладающее достаточно сложным строением, это процедуры выявления фактов, их поиска и фиксации».

10. В процесс фиксации фактов действительности включаются фактофиксирующие суждения – «показатели (индикаторы), образы, отражения, а не реальные свойства изучаемого объекта»; работая в поле, этнограф создает фактофиксирующие документы,

и только с ними он и другие исследователи имеют в дальнейшем дело.

11. Процесс накопления фактов требует его постоянной верификации.

12. В ходе исследований нередко встает задача, связанная с реконструкцией фактов.

13. В общей массе присутствует категория презентативных фактов, т. е. факты могут быть разделены по степени информативности и их ценности в решении задач, актуальных для исследователя.

14. Следует различать факт-предмет (вид жилища, костюмный комплекс, орудия труда и т. п.) и факт-событие (например, введение в 1930-х годах преподавания начальной грамоты на вепсском языке, первое исполнение удмуртской национальной оперы и т. п.), факт-процесс (заселение Сибири русскими, рост образования того или иного народа на своем национальном языке, эволюция репертуара национального театра и т. п.), факты сознания (факты-мнения, факты-идеи, факты-суждения информаторов).

15. Цепь фактосуждений начинается с первичного суждения, когда речь идет о сообщении информатора относительно факта-предмета или факта-события, исследователю недоступных [9, с. 42–48].

Данные высказывания представляются весьма важными, хотя понятно, что другой читатель мог бы по-своему резюмировать содержание указанной статьи и сделать свои выводы. В высказываниях присутствуют несколько позиций, с которыми можно согласиться. Так, несомненно, что проблема факта не может быть решена навсегда, поэтому к ней исследователи будут обращаться с переменами в обществе и в науке. Представления о факте могут меняться и быть различными на общеметодологическом и частно-конкретном уровнях, возможно более устойчивое общее определение факта, а также могут существовать дисциплинарные определения факта, в т. ч. в этнологии и ее подвидах, в частности в этнографической музеологии. Высказывания «факт независим от нашего знания о нем, но факт включает в себя деятельность современного исследователя» [1, с. 98–101], и «факт не может быть создан ученым, он может лишь быть найден, открыт или установлен» [17, с. 202; 12, с. 12] в равной степени истинны, так как указывают вектор отношения исследователя и действительности. Поэтому следует

отказаться от вульгарного противопоставления двух истин: факты – суть фрагменты действительности, находящиеся вне сознания познающего субъекта и факты – это отражения действительности познающим субъектом [9, с. 43; 2, с. 210; 11, с. 10–16] в пользу поисковой системы, в которой взаимодействуют мотивированный исследователь и мир изучаемой культуры. Подчеркнуто, что этнографический материал дает сведения для суждений о фактах и явлениях, синхронных наблюдателю [8, с. 5]. Категория факта при таком подходе превращается в сложную систему: факт действительности – фактосуждение – факт науки, сформированный единичным исследователем/наблюдателем – факт науки, верифицированный разными способами и признанный рядом исследователей.

Есть замечания по ряду представленных определений. Неудачен термин «первичный факт» в определении В. В. Пименова, то реальное явление, о котором рассказывает, и которое исследователь признает реальным, т. к., во-первых, не может быть факта после факта, если не оговорено их изменение, а во-вторых, если решение о «первичности» факта принимает исследователь, то такой факт есть фактосуждение, но выведенное не из области действительности, а из фактов науки. В высказывании же информатора о каком-то явлении содержится в любом случае первичная для исследователя информация. Если исследователю удастся самому «увидеть» тот факт, о котором ему рассказывал информатор, или кто-то еще раз расскажет об этом факте, исследователь получит информацию аналоговую, но никак не первичную, вторичную, третичную и т. д.

Здесь уместно вспомнить о таком термине, как параметр – выделенный исследователем аспект оценки и описания изучаемого явления, проявление какого-то признака. Параметры бывают собственные (непосредственно наблюдаемые), реляционные (полученные при сопоставлении с другими параметрами) и выводные (выведенные при использовании какого-то внешнего знания или логического размышления). Но факт – это не параметр, т. к. факт представляет собой сложное явление, а параметр – элементарное, применяемое при описании факта. В фактах науки есть не только полученные на основе фиксации реального явления, но и факты, которые мож-

но назвать и реляционными, и выводными. Существует задача реконструкции фактов, действиях, позволяющих в конечном счете доказать наличие в прошлом того или иного факта и о прогнозировании существования такого факта в будущем. Следование историческому динамизму позволяет выделить в фактах действительности, принадлежащих данной временной цепочке фактов, так называемые презентивные факты, содержащие такие признаки, которые можно экстраполировать и в будущее и в прошлое.

Статья В. В. Пименова, как и вся дискуссия об этнографическом факте, или собственно концепция этнографического факта, построены на абсолютизации позиции одного из наблюдателей этнографического факта – этнографа-полевого. Этнографический факт – конструкт полевой этнографии, поэтому интересно, как этнографический факт трактуется в методологии полевой этнографии.

Материал для суждения по этой теме сосредоточен в учебном пособии «Полевая этнография, написанном В. А. Козьминым, в котором учтены различные научные позиции, существующие на настоящее время, и сформирован целостный взгляд на данную научную дисциплину [3].

В пособии как синонимы употребляются термины «фактический» и «источниковый», основным инструментом сбора фактов является метод непосредственного наблюдения, есть словосочетание «фактический материал», отмечается необходимость материального отражения в источнике исторического факта. Также говорится об отношении народа к фактам исторической действительности как элементу фольклора, одного из источников этнографического исследования. Есть формулировки «зафиксированный в полевых условиях факт», «записи фактического свойства».

Акцент методологии в данном случае смещен от понятия «факт» к понятию «метод непосредственного наблюдения как основной способ получения этнографических фактов, подлежащих интерпретации посредством исследовательской процедуры». Конечно, ни в коем случае не отрицается получение фактического материала из других источников, например, исторических документов. В. А. Козьмин, делая акцент на характеристике этнографических источников, похоже, совсем не нуждался в концепции фак-

та. Причина не столько в разнице подходов В. В. Пименова и В. А. Козьмина, поскольку метод полевого сбора материалов, разделяющийся на метод непосредственного наблюдения и метод работы с информаторами, оба исследователя считают основным и главным в традициях и московской и петербургской школ. Причина в трудности различения объектных явлений, маркируемых терминами «факт» и «источник»: действительность можно трактовать как источник фактов и как объект наблюдения. На структурную сложность понятия «факт» накладывается структурная сложность понятия «источник». Очевидно, следует различать «источник фактов действительности», он же источник первичной информации и источник полевой этнографии, и «источник фактов науки» – источник, сформированный по результатам полевой этнографии.

Если признать, что категория факта нужна исследователю, что, как оказывается, не обязательно, то возникает несколько предварительных суждений.

Первое суждение: факт, понимаемый как объективная реальность – предпосылка результативности, правильности деятельности этнографа-полевого.

Второе: факт – компонент источников, создаваемых этнографической наукой, результат деятельности наблюдателя и интервьюера, факт, возникающий там, где работает грамотный полевик, этнографический факт в узком смысле.

Третье: факт как оценочная категория, критерий истинности излагаемой исследователем информации.

Четвертое: факт – гипотеза о соответствии факта действительности и факта науки.

Сложно представление о единичном факте. Этнографы декларируют настороженность по отношению к единичным фактам, единичный факт считается бездоказательным [5, с. 152]. Если же вводится понятие общего факта, обобщающего единичный [12, с. 13], в какой степени общий факт остается фактом, а в какой он уже относится к категории гипотез? Обычай – это факт? Почему для одного исследователя, факт – момент действительности, вырванный из нее и пересаживаемый в сознание [12, с. 12], а для другого факты не существуют сами по себе, а принадлежат концептуальной схеме [12, с. 7]?

Своя позиция была представлена там, где этнография стыкуется с фольклористи-

кой: этнографический факт – любое явление, актуальное для традиционной культуры, включенное в систему народных представлений, доступное для дальнейшей интерпретации [7, с. 174].

Категория факта имеет двойственную трактовку:

1) факт понятие, нуждающееся в аналитическом расчленении (факт действительности – факт наук: единичный факт – факт типический, факт реальный – факт скрытый, факт известный – факт неизвестный, факт истинный – факт неверифицированный и т. д.; цепочка может быть продолжена);

2) факт – несамостоятельная понятийная категория (допускается соединение категорий «факт» и «источник»).

У факта и источника есть общая область в объекте непосредственного наблюдения – фрагменте изучаемой жизни. Относительно отношения этих понятий несколько лет прозвучала достаточно резкая оценка: понятие «этнографический источник» более точно и лучше применимо в современных условиях интерпретации наблюдаемых явлений, чем «этнографический факт» [10, с. 65–66], но представляется, что предложение о соподчиненности категорий не совсем верно. Кроме того, отнесение источников к действительности привычно для источниковедения [4, с. 6–8], что сближает их с категорией факта.

Принять такую точку зрения, что факт и источник находятся в одном понятийном континууме, еще недостаточно, т. к. отношения между ними должны быть определены. Несомненно, факт представляет собой содержание источника, информацию, подготовленную исследователем при знакомстве с действительностью, адекватную ей и в дальнейшем неизменную, какие бы разновидности фактов науки вокруг данной информации не создавались. Подразумевается, что этнография предназначена вычленять свой предмет (этническое своеобразие) из наблюдаемого совокупного множества видов жизнедеятельности, что продлевается наблюдателем.

При рассмотрении этнографического наблюдения как межкультурного контакта отмечается, что идет встречное движение исследователя и этнофоров и сочетаются перенос на изучаемый материал воззрений этнографа-европейца и ответное приспособление внешнего облика аборигенной культуры ее

носителями к научным концепциям культуры [16, с. 17–22]. В этом случае этнографический факт получает и такую оценку – согласованное представление сторон о важности культурного признака или явления

Отметим, что позиция «факты формирует наблюдатель» была активно поддержана в дискуссии о возможностях исследователя из своей или иной этнокультурной среды в отношении получения сведений от общения со «знающими людьми», носителями сакральных традиций [15, с. 3–65; 13, с. 170–178].

Общим определением факта является рассмотрение его как предпосылки формирования источника, в т. ч. и этнографического. Этнографический факт выступает как потенциальный признак этнической специфики, признаваемый в таком значении и исследователем (наблюдателем) и представителями коллектива-этнофора. Объективность факта ровно такова, как объективность признака – смысловозначительной характеристики изучаемого явления.

Литература

1. Библер В. С. Исторический факт, как фрагмент действительности (логические заметки) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 89–101.
2. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. 248 с.
3. Козьмин В. А. Полевая этнография [Электронный ресурс]. URL: flatik.ru/polevaya-etnografiya (Дата обращения: 9.06.2015).
4. Курносов А. А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1977. С. 5–25.
5. Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. Вып. 1. М.: МГУ, 1977. 171 с.
6. Левин Г. Д. Опыт, факт и эмпирическое знание // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 76–84.
7. Мороз А. Б. Народная интерпретация этнографического факта. // Язык культуры: Семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. С. 174–183.
8. Пименов В. В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры // Советская этнография. 1967. № 5. С. 3–14.
9. Пименов В. В. Этнографический факт. // Этнографическое обозрение. 1990. № 3. С. 42–51.
10. Решетов А. М. О совершенствовании методов этнографической науки. // Советская этнография. 1987. № 5. С. 61–66.
11. Рубинов И. Г. К вопросу о понятии научного факта // Проблемы методологии и логики науки // Ученые записки Томского университета. 1968. № 70. Вып. 4. С. 10–16.
12. Семенов Ю. И. Этнология и гносеология // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 3–20.
13. Соколова З. П. И вновь о методологии и методике полевых исследований // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 170–178.
14. Соколовский С. В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 3–19.
15. Специальная тема номера «Свой» этнограф в российском сакральном «поле» // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 3–65.
16. Шандыбин С. А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 4–30
17. Semyonov Yu. I. Facts and Theory in Ethnography / Problems of the European Ethnography and Folklore//Summaries by the Congress Participants. M., 1982. P. 201–204.

УДК 93/94(075)

С. Л. Дударев

К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАКТОВКЕ НЕКОТОРЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В статье рассматриваются некоторые социокультурные аспекты творчества поэтов средневекового Востока на примере произведений Омара Хайяма. Они рассматриваются через призму религиозной философии суфизма, который играл большую роль не только в культурной, но и политической жизни мусульманского общества. Омар Хайям был представителем «персидского суфизма». Как ученик

Ибн-Сины, он придерживался учения, согласно которому не подвергается сомнению существование бога-творца, но закрепляется за природой и обществом возможность самостоятельного развития по собственным законам.

Ключевые слова: суфизм, хамрийа, рубайат, Коран, шариат, персидский суфизм, неоплатонизм.

S. L. Dudarev

ON THE INTERPRETATION OF CERTAIN SOCIOCULTURAL WORKS OF MIDDLE EAST MEDIEVAL POETRY

The article discusses some aspects of socio-cultural creativity of the medieval East poets by example of Omar Khayyam's writings. They are viewed through the prism of Sufism religious philosophy, which played a major role not only in cultural but also in political life of the Muslim community. Omar Khayyam was a representative

of «Persian Sufism». Being a student of Ibn Sina, he adhered to the doctrine which does not question the existence of God the Creator, but allows the possibility for nature and society to develop themselves according to their own laws.

Key words: Sufism, hamriya, Rubaiyat, the Koran, sharia, «Persian Sufism», neoaristotelizm.

Сегодня мы все чаще сталкиваемся с тем, что мир ислама ассоциируется у наших современников с понятиями «террор» и «экстремизм». Невозможно не согласиться с муфтием Равилем Гайнутдином, Председателем духовного управления мусульман Европейской части России, который говорит о некорректности понятия «исламский», или «религиозный» экстремизм, когда сам факт увязывания преступления с религией – «это прямое оскорбление чувств и убеждений миллионов наших и зарубежных граждан, а значит и их конституционных прав». Цель нашей статьи – вновь обратить внимание вузовской аудитории на большой духовный потенциал средневековой восточной мусульманской поэзии, который обращен и в сегодняшний день.

Творчество поэтов исламского Востока было пронизано гуманистическими идеями. И одним из самых ярких примеров этого является творчество последователя Ибн Сины, Омара Хайяма, которое и будет предметом рассмотрения в нашей статье.

Современники знали его прежде всего как математика, астронома и философа и в меньшей степени как поэта. Но именно как поэт он известен в наши дни. Его поэзия, как известно, пронизана мотивами винопития в жанре *хамрийа* (стихи, в которых воспеваются вино). Если попытаться установить наиболее известные сведения о том, что было главной темой поэтического творчества Хайяма, то почти наверняка подавляющее большинство читателей-неспециалистов, а также тех, кто Хайяма никогда не читал, но много о нем слышал, скажет, что тема эта – вино и, что даже еще определеннее, похвала вину. У многих этим исчерпывается все, что они знают о Хайяме и могут вообразить его едва ли не пьяницей. Но попробуем разобраться с этим подробнее.

В стэнфордской энциклопедии философии отмечается, что «вино» в рубайате Омара Хайяма выступает в трех качествах.

1. Опьяняющее вино.
2. Вино мистики.
3. Вино мудрости.

Омар Хайям лишает вино какой-либо интеллектуальной значимости, подчеркивает необходимость забыть нашу повседневную жизнь, которая полна страданий. Омар Хайям должен был предстать перед нами аскетом, обязанным придерживаться строгих норм поведения в быту, если мы его относим к суфиям. Использование Хайямом вина в рубайате позволяло ему обеспечить себя философской мудростью. Использование вина позволяло прийти к пониманию, что жизнь протекает в настоящее время, здесь и сейчас. Многие исследователи, толковавшие излюбленный хайямов символ, приходили к выводу, что это аллегория всех простых и доступных человеку земных радостей.

Неудивительно, что всякий европейский читатель, отказавшийся видеть в стихах Хайяма прямое восхваление вина как такового, обычно склонялся к тому, чтобы толковать эти стихи в духе анакреонтических идей и настроений. Такие представления сказались отчасти на характере восприятия хайямовых четверостиший в самом Иране. Не случайно, например, одному из многочисленных вариантов «Рубайята», изданных уже в наше время, было дано заглавие «Тарабхане» [5], что по-персидски означает «дом радости», «место увеселений», а в данном случае – некий приют счастья, где хотя бы на время можно за чашей вина отрешиться от забот и тяжких раздумий.

Уже давно существует и в последнее время заметно утвердилось мнение о том, что Хайям выбрал вино символом истинного блага прежде всего из желания придать более вызывающий характер своему неприятию мусульманских догматов и установлений. Поскольку употребление вина осуждается Кораном и некоторыми правилами шариата [К.: 5: 92: 90; 5: 93: 91], подчеркнутое восхваление этого напитка можно понимать как демонстративное пренебрежение заповедями, считааемыми всяким правоверным.

Признавая обоснованность тех или иных – кроме разве что религиозно-мистического – толкований винной символики у Хайяма, неправомерно было бы сводить всю эту сложную, многоплановую систему образов, художественных приемов, поэтических фигур и философских символов к какому-то единому значению. В разных четверостишиях вино и винопитие могут иметь различный смысл, а во многих случаях, как это вообще свой-

ственно Хайяму, обозначать сразу несколько понятий и явлений [3].

Символы у Хайяма не статичны: по отношению к телу душа – «вино», но она сама становится «кубком» для Бога: *«Вино – мой Бог и вера, о Кравчий благосклонный, / Моя душа, о Кравчий, сей кубок благовонный. / Вино ты отвергаешь как беззаконье, ересь, / А я вина и кубка всегда блюду законы»* (Пер. С. Липкина). Свойства этого «вина» (оно же «сок лоз», «живая вода», «вино познания») кардинально отличаются от обычного хмельного напитка. Духовное вино не притупляет чувства, а пробуждает духовное восприятие: *«Зачем я пью вино? Шататься под луной? / Прохожего пугать бравадой хмельной?... / Я из бесчувствия вытягиваю душу, / Затем и пью всегда, причины нет иной»* (Пер. И. Голубева).

И тем не менее духовное «трезвление» в конце концов приводит к опьянению Богом: *«Чем ближе к смерти я, тем каждый день живей; / Чем царственнее дух, тем плоть моя скудней... / Все удивительней вино существования: / Чем отрезвленной я, тем становлюсь хмельней»* (Пер. И. Голубева). «Дом питейный» («кабак, майхана, трушобы») Хайяма тоже весьма необычен; его описание заставляет подумать о монашеской келье: *«В дом питейный ты зря, наугад, не ходи, / Коль с монахами терпишь разлад – не ходи. / Этот путь – путь людей одиноких и гордых, – / В уголок этот ты для усад не ходи!»* (Пер. Н. Тенигиной).

Как видим, воспринимать «вино» Хайяма всегда буквально (как спиртосодержащую жидкость) – все равно, что дословно перевести известные слова Христа *«spiritusquidem promptus est, caro autem infirma»* как «спирт хорош, а мясо протухло» («Дух бодр, плоть же немощна») (Мф. 26.41). Хайям противопоставляет свое «вино» дурманящим субстанциям: *«Говорят: есть гашиш – так тоска не страшна, / С ним ни арфа, ни чаша вина не нужна. / По учению знающих точно известно: / Лучше сотни наркотиков – капля вина!»* (Пер. Н. Тенигиной).

Завершим наши рассуждения о символике вина в творчестве Хайяма вот этими рубаями. *«Одна рука – на Коране, другая – на чаше, / То мы благочестивы, то нечестивы. / Под этим мраморным сводом цвета бирюзы / Мы не являемся ни окончательно кафирами / Ни полностью мусульманами»*. Можно

понимать их, как ироническое, истинно хайямовское отношение к колебаниям между верой и неверием, выполнением предписаний ислама и искушениями, которыми пронизана вся история исламского общества и жизнь очень многих людей. И все же тема винопития у Хайяма, при всей внутренней сложности ее понимания, не лишена порой привычного обиходного смысла, важного в воспитательном плане. Вот характерные рубаи Хайяма: *«Запрет вина – закон, считающийся с тем / Кем пьется и когда, и много ли, и с кем. / Когда соблюдены все эти оговорки, / Пить – признак мудрости, а не порок совсем»*. Возможно и то, что кажущийся кому-то имидж гуляки и повесы у О. Хайяма был для поэта прикрытием более глубоких и опасных внутренних расхождений с канонами ислама: *«Во мне вы видите чудовище разврата? Пустое! Вы ль, ханжи, живете так уж свято? Я, правда, пьяница, блудник и мужелюб, Но в остальном – слуга послушный шариата»* (Перевод О. Румера).

Особое место в поэзии таких поэтов-мыслителей, как Омар Хайям, занимает критика реакционного духовенства. Она стала как бы нравственной традицией проявления верности и защиты собственного достоинства и своего пути к Истине от нападков реакционных сил теократической власти [4]. У нашего гения восточной словесности также есть острая критика религиозных организаций, которая была вызовом клерикализму и отдельным его представителям: *«Дух рабства кроется в кумирне и каабе, / Трезвон колоколов – язык смиренья рабий, / И рабства черная печать равно лежит / На четках и кресте, на церкви и михрабе»*. Острые выпады в адрес клерикалов имели явный социальный подтекст: *«Хоть я и пьяница, о муфтий городской, / Степенен все же я в сравнении с тобой; / Ты кровь людей сосешь, – я лоз. Кто кровожадней, / Я или ты? Скажи, не покриви душой»*.

Порой поэт бросает прямой вызов устоям ислама. *«Если бог не услышит меня в вышине – / Я молитвы свои обращу к сатане. / Если богу желанья мои не угодны – / Значит дьявол внушает желания мне!»*. Это вовсе не означает, что он был противником ислама, и уж тем более, безбожником. Ведь Омар Хайям был по одним источникам, шейхом, по другим, имамом суфийского толка. Но его критика, обращенная к представителям религиозных организаций, была ответом на рез-

кий рост фанатизма и мракобесия в тот период (газневидский террор против еретиков). В предисловии к алгебраическому трактату, написанному еще в молодые годы, Хайям отдает дань памяти погибшим на его глазах светочам мысли от рук религиозных фанатиков при погроме нишапурского медресе, и говорит о почти неизбежной альтернативе, стоящей перед ученым его времени (впрочем, разве только его?): либо путь нечестного приспособления, либо путь поругания.

Между этими двумя полюсами приходилось разрываться и Хайяму, о чем, с одной стороны, свидетельствуют его слова из трактата: *«Я не мог подобающим образом ни приложить моих стараний к работе подобного рода, ни посвятить ей дополнительных размышлений, так как мне сильно мешали невзгоды общественной жизни. Я был свидетелем гибели людей науки, число которых сведено сейчас к незначительной кучке, настолько же малой, насколько велики их бедствия, на которую суровая судьба возложила большую обязанность посвятить себя в эти тяжелые времена совершенствованию науки и научным исследованиям»*¹. Но большинство тех, которые в настоящее время имеют вид ученых, переодевают ложь в истину, не выходят из границ обмана и бахвальства, заставляя служить знаниям, которыми они обладают, корыстным и недобрым целям. А если встречается человек, достойный по своим изысканиям истины и любви к справедливости, который стремится отбросить суетность и ложь, оставить хвастовство и обман, – то он делается предметом насмешки и ненависти» [7].

С другой стороны, на тяжкие метания поэта и ученого указывают и его стихи. Вот вольнолюбивые мысли, направленные против власть имущих: *«Лучше впасть в нищету, голодать или красть, / Чем в число блюдолизвов презренных попасть. / Лучше кости глотать, чем прельститься сластями / За столом у мерзавцев, имеющих власть»*.

Поэт осмеливался адресовать свои упреки даже самому Аллаху: *«Жизнь сотворивши, смерть создал ты вслед за тем, / Назначил гибель ты созданным всем. / Ты плохо их слепил. / Но кто ж тому виною? / А если*

¹ От всего увиденного у поэта вырвалось: *«И минареты пусть, и медресе – падут, Иначе каландар вотще вершит свой труд! / Здесь веру ересь, здесь ересь верой чтут, / А божий человек – не мусульманин тут»* (Пер. И. Голубева).

хорошо, ломаешь их зачем?»¹. В этом не ничего удивительного. Суфизм вовсе не был ни заложником исламской ортодоксии, ни отстраненным от реальной жизни учением. Впрочем, Омару приходилось, порой, и адресовать, увы, льстивые слова остро критикуемым им власть предержащим: *«Скакуна твоего, небом избранный шах / Подковал золотыми гвоздями Аллах, / Путь-дорогу серебряным выстелил снегом, / Чтоб копыта его не ступали во прах»*².

Суфии считали, что истинное или собственное богатство человека заключено в его «сердце» (духовное богатство: божественная любовь, совершенство, добродетель), а не в том, что у него на спине, как у вьючного животного. Именно поэтому некоторые исследователи философии суфизма справедливо возражают против общепринятого мнения о его «аполитичности»: «Достоинства его усматриваются в том, что он якобы аполитичен, призывает к уходу от мира, от земных дел и проблем... История опровергает тезис об аполитичности суфизма: как религиозно-философское течение (а не как индивидуальное проявление аскетизма, переживания мистического опыта) он играл немалую роль именно в политической жизни исламского общества» [6, с. 9].

Согласно утверждению крупного востоковеда, академика Б. Г. Гафурова, «в суфизме на протяжении всех средних веков прослеживаются по крайней мере два течения – феодальное и народное, связанное с городом, ремесленными кругами, выражающее протест, служащее целям самозащиты масс от гнета феодалов... Суфии проповедуют любовь к человеку и не останавливаются перед вооруженной борьбой за достижение своей цели. Неверно было бы считать всех суфиев, боровшихся с оружием в руках против феодалов и иноземных поработителей, тем самым утратившими связь с «подлинным»

¹ Этим строкам, можно сказать, вторит Джелаладдин Руми в одной из своих причт: *«Когда б Аллах спасти меня хотел, / Что же он тогда моей душой не завладел?»* («Спор мусульманина с огнепоклонником»).

² Историк и правовеерный суннит Джамал ад-Дин ибн аль-Кифти, являвшийся недоброжелательным биографом О. Хайяма, сообщая о паломничестве того в Мекку, язвительно замечает, что Хайям совершил хадж, «придержав поводья своего языка и пера, из страха, а не из благочестия» [4, с. 69, прим.99].

аскетическим суфизмом... Во многие исторические периоды некоторые течения суфизма, не утратившие живой связи с ремесленниками и городскими низами, оказывались наиболее прогрессивными для данной исторической эпохи, хотя и исторически ограниченными общественными течениями» [2, с. 143].

Подводя итоги, следует сказать об идейной борьбе под оболочкой мистики (суфизм) на мусульманском средневековом Востоке, потому что преимущественно левое, пантеистическое ее течение было оппозиционным теократическому государству и официальному исламу. Антифеодальная борьба в форме религиозных и социальных движений, отраженных в рубайате приводит нас к мысли о том, что Омар Хайям принадлежал к типу «персидского» суфизма. Если «семитский» суфизм отражает путь очищения от всего мирского ради созерцания Бога, то под влиянием «персидского» суфизма происходит синтез различных традиций, формирование серии новых духовных практик, в которых представлена модель определения роли человека в социуме.

Омар Хайям выступал с беспощадной критикой по отношению к тем людям, которые самодовольно чванятся показной набожностью, хотя фактически заняты сухими формальностями веры и на самом деле весьма далеки от истинной сущности богопознания. Критика Омара Хайяма, впрочем, занимает особое место в поэзии поэтов-мыслителей. Она стала как бы нравственной традицией проявления верности и защиты собственного достоинства и своего пути к Истине от нападок реакционных сил теократической власти.

Философские взгляды Хайяма формировались под влиянием учения Абу-Али ибн-Сины (Авиценны), которое современные ученые определяют как средневековый восточный неоаристотелизм. В своих философских трактатах Хайям воспроизводит ту же модель мироздания, которая изложена в книге его учителя «Аль-Шифа» («Книга исцеления»). На наш взгляд, Омар Хайям придерживался этого учения, согласно которому не подвергается сомнению существование бога-творца, но закрепляется за природой и обществом возможность самостоятельного развития по собственным законам.

Литература

1. Дударев С. Л. Ситуация вокруг Сирии и возможные перспективы обстановки на Северном Кавказе // Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 26 апреля 2014 г. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. 276 с.
2. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. 379 с.
3. Зайцев В. Н. Омар Хайям и Эдвард Фитцджеральд // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982. 293 с.
4. Мухамедходжаев А. Мировоззрение Аттара. Душанбе: Дониш, 1974. 218 с.
5. Омар Хайям. Тарабхане. Тегеран, 1963.
6. Соколов В.В. Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979. 448 с.
7. Трактат «О доказательствах задач алгебры и алмукабалы» // Хайям Омар. Трактаты / перевод Б. А. Розенфельда. М.: Изд. вост. лит., 1961. 339 с.

УДК 63.3

О. Н. Захарченко

АРТИСТИЧЕСКИЕ КАФЕ ПАРИЖА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ БОГЕМЫ

В статье рассматривается роль артистических кафе Парижа в жизни художественного сообщества города в первой четверти XX века. На основе мемуаров французских писателей, поэтов и художников проанализирова-

ны основные особенности «богемы» как социокультурного феномена.

Ключевые слова: богема, кафе, артисты, художники, культура, Париж.

O. N. Zakharchenko

THE ROLE OF ARTISTIC CAFES IN THE LIFE OF «PARISIAN BOHEMIANS» OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article studies the role of artistic cafés in the life of the artistic community in Paris in the first quarter of the twentieth century. The main features of «La Bohème» as latent social institution

are analyzed on the basis of memoirs of French writers, poets and artists.

Key words: bohemianism, cafes, actors, artists, culture, Paris.

Ставший ныне столицей ночных заведений, Монмартр долгое время был самой симпатичной колонией кафе, какую только можно вообразить. ...По вечерам Монмартр живет лишь своими кафе, они поддерживают в квартале всю его жизнь. Расположившись наподобие небольших лодок вдоль текущего, словно река, бульвара, почти все они специализируются на определенной клиентуре [13, с.123].

А.-П. Фарг

Одним из важнейших элементов, характеризующих богемный образ жизни, является посещение артистических кафе. Чтобы убедиться в значительности положения, занимаемого различными кафе в жизни богемного Парижа, достаточно взглянуть на краткий пе-

речень произведений искусства, посвященных им в разное время. Герои знаменитой картины Э. Дега «Абсент» (1876) помешаются им на террасу кафе «Новые Афины». Французский художник, мастер графики и рекламного плаката Анри Тулуз-Лотрек оставил прекрас-

ную серию работ, запечатлевших такие места проведения досуга парижского общества как кабаре «Мулен Руж» и «Муленде ла Галетт». «Сын Монмартра» Морис Утрилло не раз выбирал предметом изображения увеселительные заведения Монмартра: «Кабаре Проворный кролик» (1927), «Проворный кролик» (1936), «Мельница де ла Галетт» (1940–1950), «Мулен де ла Галетт» (1908) и т. д. Оставили свои изображения артистических кафе и другие художники, среди них Э. Мане «В кафе Гербуа» (1969), «Кабачок папаши Латюиля» (1879), Пэгги Бэкон «В Ротонде» (1921), Жан Оберле «В Жокее» (1927), П. Пикассо «В кафе Ротонда или Ипподром» (1901) и т. д.

Известно, что уже в 1850-е годы многие представители артистической среды проводили вечера в увеселительных заведениях Монмартра. Среди них наибольшей популярностью пользовались кафе «Таранн», кафе «Тортонни», погребок «Андлер», «Кабачок мучеников» и другие [12, с.15]. В середине 1850-х гг. в погребке «Андлер» собирались ученики художников Э. Делакруа, Т. Кутюра и Ж. О. Энгра. Сторонники и поклонники Гюстава Курбе как одного из наиболее ярких представителей течения встречались в «Кабачке мучеников».

Местом встречи группы художников, объединенных позднее под названием импрессионисты, было кафе «Гербуа», расположенное на Гранрю де Батиньоль. Среди посетителей кафе являлись художники Э. Мане, Э. Дега, О. Ренуар, А. Сислей, К. Моне, К. Писсаро, писатели Э. Золя, романист и критик Л. Дюранти, фотограф Ф. Надар и многие другие. По четвергам происходили регулярные собрания, но каждый вечер там можно было застать группу художников, занятую оживленным обменом мнениями [12, с. 186]. «Не могло быть ничего более интересного, – вспоминал художник Клод Моне, – чем эти беседы и непрерывное столкновение мнений. Они обостряли наш ум, стимулировали наши бескорыстные и искренние стремления, давали нам запас энтузиазма, поддерживавший нас в течение многих недель, пока окончательно не оформлялась идея. Мы уходили после этих бесед в приподнятом состоянии духа, с окрепшей волей, с мыслями более четкими и ясными» [3, с. 106].

После франко-прусской войны 1870–1871 гг. центр артистической жизни Парижа

переместился из кафе «Гербуа» в кафе «Новые Афины» на площади Пигаль. Группа импрессионистов к началу 1880-х гг. стала постепенно распадаться, и только некоторые ее представители продолжали активно участвовать в спорах и дискуссиях, разыгрываемых в стенах кафе.

Настоящая слава пришла к артистическим кафе в более позднее время – с конца XIX века. Такие заведения Монмартра и Монпарнаса, как кабаре «Проворный кролик», кафе «Дом», «Купол», «Ротонда», «Клозери де-Лила», кафе «Флор» и другие, до сих пор тесно ассоциируются с богемой.

Например, кафе «Купол» на углу улицы Делаамбр и бульвара Монпарнас, открытое в 1897 году, стало местом проведения досуга многонациональной парижской богемы, особенно среди немцев, скандинавов, американцев и англичан.

Уроженцы Средиземноморья и славяне предпочитали заведение напротив – «Ротонду», бывшее некогда обувным магазином на бульваре Монпарнас и переоборудованное в 1910 году в кафе. В «Ротонде» можно было встретить русских революционеров, например, Л. Троцкого, который был знаком с художником Диего Риверой. Но чаще там бывали меньшевики Ю. Мартов, О. Лапинский, а также А. В. Луначарский [8, с. 84]. «Королева Монпарнаса» Кики вспоминала, что «Ротонда» представляла собой весь Монпарнас в миниатюре: «... здесь собрался весь мир. Здесь было ярко и музыкально» [8, с. 156].

Одним из самых знаменитых завсегдаев «Ротонды» являлся итальянский художник Амедео Модильяни. Описание его пребывания в заведении часто можно встретить в воспоминаниях современников. Дочь художника, Жанна Модильяни, рассказывает, что в течение долгих часов он рисовал портреты каждого, кто оказывался сидящим напротив него, после чего он часто продавал рисунки клиентам со словами: «Я Модильяни. Еврей. 5 франков». Большую часть работ покупали шведы [18, с. 128].

В 1920-е гг. «Ротонда» становится также местом, где собирается русская богема. Сын известного русского экономиста и историка М. М. Туган-Барановского подчеркивал, что в кафе собиралась самая разнообразная публика, причем, русских там было достаточно много: «Однако среди посете-

лей встречаются, будто недавно пойманные в джунглях: небритые, с гривками; девушка с прической неандерталки, с ногами разрисованными чертиками, напротив угрюмое существо в женской кофте, лицо худшее, губы почти отсутствуют – словом, ходячая смерть» [9, с. 251–276].

Кафе «Клозери-де-Лила» оказалось в центре событий благодаря своему удачному расположению. Последнее кафе бульвара Сен-Мишель или первое – бульвара Монпарнас, находившееся вблизи Латинского квартала, а также рядом с Сен-Жермен-де-Пре – старым издательским центром, оно было удобным местом встреч. В начале XX в., и особенно в 1903–1905 гг. кафе стало одной из литературных штаб-квартир Парижа благодаря знаменитым «вторникам», в которых принимали участие многочисленные писатели и поэты: А. Сальмон, Г. Аполлинер, М. Жаккоб, П. Валери, А. де Ренье, А. Жид, П. Луис, Р. де Гурмон, Ф. Карко и футуристы во главе с Ф. Т. Маринетти [10, с. 102–103]. В 1912–1913 годах художники быстро заволокли «Клозери-де-Лила», вытеснив поэтов [6, с. 109].

В 1920-е гг. кафе становится «меккой» американской колонии французской столицы. Причин наплыва американцев в Париж можно выделить несколько. Среди них Сухой закон в США, вступивший в силу в начале 1920 г., в то время как в Париже располагалось большое количество артистических кафе и обилие увеселительных заведений разного рода. Богемная слава города как центра мировой культуры манила американцев. Кроме того, экономические последствия Первой мировой войны негативно сказались на экономике Франции. Девальвация франка привела к его обесцениванию, а доллар, наоборот, укрепил свои позиции. Американец в Париже мог позволить себе гораздо больше, нежели в США.

Э. Хемингуэй, С. Фицджеральд, Г. Миллер и другие знаменитые американцы, приехавшие в Париж после окончания Первой мировой войны, запечатлели атмосферу артистических кафе той эпохи в своих произведениях. Например, Э. Хемингуэй в романе «Праздник, который всегда с тобой» [14] часто вспоминает время, проведенное им за столиками кафе, которое он коротко называет «Лила»: «Когда мы жили над лесопилкой в доме сто тринадцать по улице Нотр-Дам-де-Шан, ближайшее хорошее кафе было «Клозе-

ри-де-Лила», – оно считалось одним из лучших в Париже. Зимой там было тепло, а весной и осенью круглые столики стояли в тени деревьев на той стороне, где возвышалась статуя маршала Нея; обычные же квадратные столы расставлялись под большими тентами вдоль тротуара, и сидеть там было очень приятно» [14].

Кроме артистических кафе, популярными в богемной среде Парижа были и многочисленные кабаре, в большом количестве появившиеся на Монмартре и Монпарнасе в конце XIX – начале XX вв.¹ Отличие артистического кафе от кабаре заключалось в том, что второе имело насыщенную программу увеселительных выступлений. Кабаре являлись местом встречи артистов и писателей во Франции с XVII в. Первым кабаре современного типа стало кабаре «Черный кот», основанное в 1881 г. Оно сочетало в себе смесь музыки и развлечений, а также сатиры и политических дебатов. «Черный кот» собирал в своих стенах представителей разных социальных групп города: от влиятельных и знаменитых людей до богемных жителей Монмартра. Как утверждает французский историк А. Фьерро, к концу XIX в. в Париже существовало более 60 кабаре и кафе с музыкой [17, с. 788].

Популярность монмартрских кабаре «Мулен-де-ла-Галетт» и «Мулен Руж» была огромна. Маленькие провинциальные по духу кабаре Монмартра стали знамениты благодаря своей клиентуре. Франсис Карко, бывший завсегдатаем монмартрских кафе, вспоминал то время так: «... Монмартр имел свои кабачки, Латинский квартал – свои. Но на бульваре Сен-Мишель имелось гораздо больше литературных кафе, чем на бульваре Клиши. К тому же кафе на левом берегу знамениты до сих пор, так как здесь...оставили по себе память такие люди, как Верлен и его злой гений Рембо, Мореас, Поль Фор, Аполлинер. В одном Латинский квартал уступает Монмартру: там нет художников, которые могли бы соперничать с Лотреком, Дега, Пикассо, Утрилло» [4, с. 98].

В начале XX века большой популярностью пользовалось заведение под назва-

¹ Кабаре (франц. *Cabaret* – кабачок) – небольшой ресторан с эстрадой; первоначально во Франции XIX в.: артистическое кафе, в котором устраивались импровизированные представления с участием поэтов, музыкантов, актеров (Энциклопедический словарь. 2009). [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (Дата обращения: 14.10.2015).

нием «Проворный кролик» на углу улиц Соль и Сен Венсан. В 1905–1910 годах это был центр творческой публики Монмартра. Это заведение, открытое в 1860 году, изначально называлось «На воровской сходке», а затем «Кабаре убийц» (некогда его стены украшали картины, повествовавшие о преступлениях некоего Тропмана) [5, с. 171]. В 1875 году карикатурист Андре Жиль придумал для нее вывеску, изображающего выпрыгивающего из кастрюли кролика с бутылкой вина. В 1886 году таверну купила бывшая танцовщица канкана Адель, а в 1902 году ее приобрел Аристид Брюан, хозяин нашумевшего кабаре «Мирлитон» и друг Тулуз-Лотрека, который поручил управление Фредерику Жерару по прозвищу папаша Фреде.

Художники и поэты любили папашу Фреде и его заведение, так как «всегда можно было рассчитывать получить кусочек чего-нибудь у Фреде в «Кролике» и даже стаканчик вина в обмен на песню, которой мы не начинали, пока не ставили перед нами новую порцию. Фреде был человек неглупый; он любил артистов. У него можно было встретить художников, поэтов, писателей и тех очаровательных особ женского пола, которые были нам верными подругами» [4, с. 20].

Артистические кафе являлись не только местом проведения досуга представителей творческих профессий, но и местами, в которых они могли впервые продемонстрировать свои идеи и достижения, обсудить различные профессиональные проблемы в кругу единомышленников.

В первую очередь это было связано с теми изменениями, которые происходили в стране в экономической, политической и культурной сферах. Промышленный переворот, развитие капитализма, упрочение буржуазии, потеснившей аристократию не только в экономике, но и в политике, привели к тому, что искусство перестает быть привилегией высшего общества. Аристократия постепенно утрачивает позицию законодателя мод. Представители третьего сословия стремятся ввести в свой круг представителей творческой интеллигенции, а также украсить интерьеры домов произведениями искусства.

В XIX в. становятся видны изменения, произошедшие с функциями искусства: открывается дорога свободному рынку в искусстве, традиционная клиентура – аристократия и духовенство – исчезла.

Выход на свободный рынок, разнообразие потенциального круга заказчиков и потребителей произведений искусства приводит к активизации культурных процессов, появлению разнообразных культурных течений. Одной из указанных тенденций становится создание группы художников, выступивших со своей программой, резко отличающейся от официального курса Академии изящных искусств, являвшейся главенствующим институтом в мире живописи Франции XIX века, количество таких групп стремительно увеличивается.

Аналогичная ситуация происходила и в других европейских городах. Например, Л. Д. Бондарь в статье «Артистические кафе в Польше на рубеже XIX–XX вв.» [1, с. 34–38] анализирует причины популярности артистических кафе Кракова. Автор выделяет в качестве одной из причин популярности артистических кафе тот факт, что в них создавались отдельные группы «по интересам». Приверженцы новых направлений, которые не могли найти быстрого признания, требовали зрителя, единомышленников, каковых они могли найти в узком кругу, в котором могли обсудить и новшества и развернуть находящуюся понимание критику [1, с. 34–38]. Именно дух товарищества, свойственный атмосфере кафе, возможность найти здесь поддержку и единомышленников, отмечали как главную причину популярности артистических кафе, авторы большинства мемуаров, посвященных «великой эпохе».

Привлекательность артистических кафе заключалась и в том, что социальные границы там практически отсутствовали. Посетителями кафе могли быть одновременно представители самых разнообразных социальных групп: «... это могут быть и романисты, переведенные на двадцать шесть языков, и бездомные художники, и журналисты без работы, и министры без портфеля. Искусство и политика здесь существуют рука об руку, начинающие карьеристы и уже сделавшие карьеру оказываются рядом, учитель и ученик пускаются в галантные состязания, чтобы узнать, кто будет платить» [13, с. 230–231].

Теснота, маленькие жилищные площади, недостаток комфорта и другие характерные особенности условий проживания богемы начала XX века, также способствовали тому, что люди творческих профессий предпочитали

ли встречаться не в квартирах и мастерских, а в многочисленных и часто не дорогих заведениях Монмартра и позднее Монпаранса. Как подчеркивала Е. Н. Водовозова в книге «Как люди на белом свете живут» [2, с. 8–32], большинство жителей города, за исключением наиболее зажиточных и респектабельных семей, не имело возможности принимать у себя гостей, так как квартира среднестатистического парижанина была небольшой. Именно поэтому народ предпочитал встречаться вне дома [2, с. 8–32].

Яркие воспоминания о приюте, который предоставляло кафе в годы Первой мировой войны, встречаются в книге воспоминаний русской художницы Маревны, большую часть жизни прожившей в Париже: «В холодные, короткие и часто голодные зимние дни мы все околачивались в «Ротонде». Сюда приходили все. Богема. Проститутки. Солдаты. Мы толпились у туалета, чтобы умыться. ...У большинства из нас постоянно не было угля и газа, в печках давно уже сгорело все, что можно было сжечь, а в наших мастерских вода превращалась в лед» [7, с. 71].

Во многих кафе и ресторанах города всегда можно было найти свежую прессу,

причем не только французскую, но и иностранную. Многие парижане приходили в кафе с целью узнать о последних новостях и событиях в мире. Кроме того, кафе являлись и местами работы, а не только отдыха.

Следовательно, артистические кафе выполняли несколько функций. В первую очередь они были местами проведения досуга представителями творческих профессий. Кроме того, они являлись культурными центрами, в которых обсуждались проблемы развития искусства, велись оживленные споры и дискуссии, формировались группы единомышленников. Кафе давали возможность высказать свои взгляды, представить публике свои работы, так как в некоторых кафе часто бывали литературные вечера, иногда на стенах вывешивались работы художников. Таким образом, артистические кафе в начале XX в. представляли собой нечто гораздо большее, чем просто место проведения досуга. Они были культурными центрами, фабриками идей и местами презентации новейших направлений в искусстве.

Литература

1. Бондарь Л. Д. Артистические кафе в Польше на рубеже XIX–XX вв. // Восточная Европа: прошлое и современность: материалы научной конференции 7 апреля 1999 г. / под ред. Л. Д. Бондаря. СПб., 1999. С. 34–38.
2. Водовозова Е. Н. Как люди на белом свете живут. Французы. М., 1920.
3. Импрессионизм. Письма художников. Воспоминания Дюран-Рюэля. Документы. М.: Искусство, 1969. 388 с.
4. Карко Ф. От Монмартра до Латинского квартала. Salamandra P. V.V., 2011. 174 с.
5. Карко Ф. Утрилло – легенда и жизнь // Морис Утрилло. К портрету художника. М.: Изобразительное искусство, 1988. 240 с.
6. Креспель Ж. П. Повседневная жизнь Монпарнаса во времена Пикассо. М.: Молодая гвардия, 2000. 201 с.
7. Маревна (Мария Воробьева-Стебельская). Моя жизнь с художниками «Улья». М.: Искусство XXI век, 2004. 296 с.
8. Мемуары Кики / предисл. Э. Хемингуэя и Фуджиты. Salamandra P. V. V., 2011. 243 с.
9. Париж, 1925 год. Из воспоминаний эмигранта М. М. Туган-Барановского / предисловие и публикация Д. М. Туган-Барановского // Россия и Франция: XVIII–XX вв. М., 1995. С. 251–276.
10. Паризо К. Модильяни. М.: Текст, 2008. 269 с.
11. Перрюшо А. Жизнь Тулуз-Лотрека. М.: Радуга, 1994. 283 с.
12. Ревалд Д. История импрессионизма. М.: Искусство, 1994. 415 с.
13. Фарг Л.-П. Парижский прохожий // Аполлинер Г. Слоняясь по двум берегам. Фарг Л.-П. Парижский прохожий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 359 с.
14. Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой; Зеленые холмы Африки; Райский сад. М.: ЭЙ-ДИ-ЛТД, 1994. 416 с.

15. Энциклопедический словарь. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (Дата обращения: 14.10.2015).
16. Bradshaw S. Cafe society: bohemian life from Swift to Bob Dylan. London: Weidenfeld & Nicolson, 1978. 211 p.
17. Fierro A. Histoire et dictionnaire de Paris. P.: Robert Laffont, 1996. 1580 p.
18. Modigliani J. Modigliani: Man and myth. NY: The Orion Press, 1958. 296 p.

УДК 308.394

Р. Ш. Зельнишкая (Шларба)

ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ АБХАЗОВ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ КАВКАЗА В XIX–XX вв.

В статье рассматривается тема торговых контактов между абхазами и жителями соседних с Абхазией районов Северного Кавказа в период XIX и XX веков. Особо отмечаются те изменения, которые произошли в области частных торговых сделок в XX веке после уста-

новления Советской власти и то, какие трудности возникали при заключении частных сделок в советское время.

Ключевые слова: Абхазия, Карачай, Балкария, торговля.

R. Sh. Zelnitskaya (Shlarba)

TRADE CONTACTS OF ABKHAZIAN AND THE NEIGHBORING REGIONS OF THE CAUCASUS DURING XIX–XX CENTURIES

The article deals with the topic of trade contacts between Abkhazians and residents of neighboring Abkhazia regions of the North Caucasus during XIX and XX centuries. It highlights the changes in the area of private commercial

transactions in the XX century after the establishment of the Soviet Government and the difficulties in private transactions during the Soviet time.

Key words: Abkhazia, Karachay, Balkaria, trade.

Кавказ всегда был регионом интенсивных контактов, что обуславливалось его географическим положением, историческими условиями, полиэтничностью. Прямое или косвенное взаимодействие этнических культур может происходить практически во всех сферах культуры контактирующих этносов и иметь множество форм, видов и подвидов. Предварительно, представляя этнокультурные контакты как единый тип, можно выделить некоторые формы контактов, такие как хозяйственные, социальные, политические, бытовые и торговые. Прямыми этнокультурными контактами чаще всего называют возникшие на стыке территории расселения двух этносов при наличии у них общей этнической границы; косвенные этнокультурные контакты могут развиваться вне этой зоны между народами, территориально оторванными друг от друга.

Социальные, политические, природно-географические условия составляли другую, столь же важную в развитии этнокультурную группу факторов. Вышеназванные условия и факторы давали толчок появлению контактов в бытовой культуре и постоянному этническому обмену. Весь же комплекс условий и факторов создавал контактную (этноконтактную) зону, которую можно определить как пограничную линию расселения соседних этносов.

Хозяйственное общение народов всегда было важнейшей основой развития этнокультурных контактов. В первую очередь это торговля, хотя многие исследователи, побывавшие здесь на протяжении длительного времени, пишут о том, что кавказцы большей частью не занимались торговлей. Тем не менее известно, что карачаевцы и балкарцы поддерживали торговые связи с соседними народами

по обе стороны Кавказского хребта. Об этом исследователи пишут: «... основным предметом торговли была продукция, связанная с животноводством и земледелием, в частности растениеводством» [1]. Так как карачаевцы и балкарцы были знакомы с торговлей, часть изделий, которые производили дома, шла на продажу. Балкарцы развозили свои керамические изделия по всему Дагестану.

Одним из первых исследователей, который указывал на тесные торговые отношения кавказцев, был французский путешественник М. Пейсонель. Он довольно подробно описывает ввозную и вывозную торговлю черкесов в XVIII в. [9, с. 5]. Кроме того, как указывает Д. Дасания, в статье «Абхазы, карачаевцы и балкарцы: фамильные схождения», «... абхазы, в случае нападения на карачаевцев иноземных захватчиков, неукоснительно приходили на помощь к своим соседям. Так же, в исключительных случаях на помощь к абхазам приходили и карачаевцы. Бывали даже случаи, когда часть карачаевцев и балкарцев навсегда покидали свою родину из-за трагических событий» [3].

«Карачаевцы и балкарцы, – пишет К. Т. Лайпанов, – через перевалы Тонгуз-Орун, Чиперский, Кичкене-Кольский, Махарский, Марухский, Санчарский переходили в Закавказье» [8, с. 52–53]. Упоминая об абхазо-карачаево-балкарских контактах в военной сфере, К. Т. Лайпанов вместе с тем утверждает, что тюрки-савиры, «переселившиеся в Абхазию по приглашению абхазов для их поддержки в борьбе с иноземными захватчиками», постепенно были ассимилированы в абхазской среде, после чего «тюркский элемент стал значительным в этногенезе абхазов» [8, с. 53].

В укреплении традиционных связей между абхазами, с одной стороны, и карачаевцами и балкарцами, с другой, очень важную роль играли и различные формы некровного родства. Многие абхазские и карачаево-балкарские фамилии были связаны между собой узами аталычества и побратимства. Обычай аталычества навечно сблизил друг с другом представителей абхазской фамилии Квициния и карачаевского рода Наурузовых. Об этом, в частности, сообщал Ш. Д. Инал-ипа: «У отца Барака Квициния (с. Атара) не выживали дети: родившись, они, вскоре же, все умирали. Когда мать Барака была им беременна, знахари посоветовали будущего ребенка немедленно

после рождения отдать для воспитания в сторону. Родители так и поступили. Как только родился Барак, тотчас же, даже и не показав матери, отдали его аталыку из карачаевского рода Наурузов на Северном Кавказе. Интересно, что, когда забирали мальчика, вынесли его не как обычно через дверь, но вырыли землю под дверью и таким образом провели из-под порога» [5, с. 83].

Кроме торговли, для жителей Кавказа еще одним способом общения и налаживания контактов было отгонное скотоводство. Также большую роль в развитии уже налаженных контактов играло отходничество.

В данной статье речь пойдет, в большей степени, об установлении отношений между абхазами и жителями сопредельных областей Кавказа через торговлю, несмотря на то, что торговля среди населения Горного Кавказа была развита крайне слабо и ограничивалась, в основном, внутренними районами края. Местные жители совершали взаимный обмен необходимыми продуктами (зерно, кукуруза, масло, сыр, мед, воск, фрукты) и изделиями домашнего производства (ткани, одежда, обувь, головные уборы, утварь, оружие). Кроме того, предметами торгового обмена были также скот, еще в первой половине XIX в. служивший эквивалентом денег, металлы (свинец, железо и др.) и порох [2].

Подобные торговые связи для большинства народов Горного Кавказа были особенно характерны в дореформенное время, хотя, частично, обмен продуктами и товарами сохранился и позднее, когда в горные районы Кавказа стали проникать товарно-денежные отношения.

Основная торговля абхазов в первой половине XIX в. происходила в устье р. Кодор, куда из Турции приходили лодки с товарами. Причиной этому, скорее всего, было то, что устье Кодора удобно для подхода кораблей, а также отсюда в Кодорское устье «направлялись» ввозимые товары. Здесь абхазы обменивали кукурузу, самшит, буквое и пальмовое дерево, мед и воск на железо, соль, оружие, порох, шелковые и хлопчатобумажные ткани, сафьян разных цветов. В Абхазию же, против с. Соуксу (Лыхны) – резиденции абхазских владетельных князей Чачба (Шервашидзе) – приплывали с товарами лодки адыгов. Это был центр, где торговый обмен с абхазами, помимо адыгов, вели убыхы и южные

абазин. С 1820-х годов центром внутренней торговли абхазов постепенно становился Сухум-кале, в котором происходили еженедельные базары. Местное население приобретало здесь соль, железо и различный «красный товар», то есть мануфактурные изделия, привозимые торговцами из черноморского порта Редут-кале в обмен на шерсть, мед, воск. Из Кутаиси купцы по рекам и морю везли на продажу в Сухум и Поти шелковые и хлопчатобумажные ткани, лен, а также лисьи и куньи меха [2].

Важными путями сообщения Абхазии с Северным Кавказом были перевалы, о которых пишет Н. Ладария: «Абхазы через Клухорский и другие перевалы часто ездили в Карачай и другие районы Северного Кавказа для покупки лучших пород скота, а некоторые совершали туда набеги для отбития целого стада животных» [6].

Ситуация в области торговых отношений на Кавказе сильно изменилась в XX в., после установления советской власти. Единственным предметом частной торговли или обмена остались лошади, а торговля остальными предметами была полностью переведена на государственный уровень. Причиной того, что лошади продолжали оставаться предметом частных торговых сделок, скорее всего, было то, что горцы все еще с трепетом относились к своим лошадям, так как каждый уважающий себя мужчина-горец, должен был иметь коня, несмотря на то, что длительное время содержать в хозяйстве коня не разрешалось установленными властью порядками. Старожилы, которые помнили о том времени, когда владеть конем было престижно, вспоминают: «У моего прадедушки было восемь сыновей и одна дочка. У каждого из членов семьи было по две лошади. Одна для ближних поездок, другая – для дальних, то есть для торжеств или для участия в конноспортивных соревнованиях» [10]. Ухаживали за лошадьми «как за ребенком». По словам старожил с. Джгерда, его жительница сочинила частушки о каждом жителе села. Так вот, в своей частушке она не могла не упомянуть и своих дядя. Одного она назвала тем, кто с особой тщательностью ухаживает за семейными лошадьми, а его младшего брата, который был абреком, как человека, который в любой удобный для него момент может прийти в дом, оставить усталую лошадь и ускакать на той, которая ему по-

нравится [10]. Таким образом, лошадь не была только средством передвижения, но и демонстрировала статус хозяина, поэтому и уход за ней был, соответственно, более тщательным, чем за другими животными. «Есть три вещи, которые нельзя давать в долг. Это конь, оружие и свою жену», – говорят в народе [10].

Карачаевцы и балкарцы таврили лошадей тамгами¹ (фамильно-родовыми знаками). Тамгу ставили годовалому жеребенку на правую заднюю ляжку. К этому времени ему подстригали хвост и гриву, на огне раскаляли железный трафарет и прикладывали к ляжке².

Тамги такого же типа существовали и у абхазов. Ш. Д. Инал-ипа в монографии «Абхазы» подробно описывает подобные знаки отличия. Он, в частности, утверждает, что они стали использоваться вместе с появлением частной собственности. Первыми, кто стал оставлять свой знак, были охотники (*ихЦа аанижыт*), отмечая, таким образом, свои угодья. Соответственно, каждый охотник свой собственный узнаваемый знак³. После

¹ Тамга – клеймо, выжигаемое железом на коже животных, в особенности лошадей, а также других [4, с. 220].

² Самыми древними тамгами у карачаевцев были родовые – адурхаевцев (адурх тамга), будияновцев (будиян тамга), наурузовцев (науруз тамга), трамбовцев (трам тамга). Наряду с ними в XIX в. появились фамильные тамги [7]. Коллекция, собранная Северо-Кавказской экспедицией 1932 г., содержит тамги княжеского рода Абаевых, (Балкария, Верхне-балкарское общество, село Верхнее Кунюкум). В описи об истории возникновения тамги, читаем: «Возникновение тавро-родовых знаков собственности относится к доклассовому обществу, но на Северном Кавказе феодальные отношения монополизировали для правил привилегированных сословий. Права на тавро в Балкарии и Кабарде составляли прерогативу княжеского сословия. А зависимые сословия могли пользоваться только знаками своих владельцев. После крестьянской реформы 1867 г. тавро широко распространилось в дворянских кругах и с внедрения элементов капитализма превратились в своего рода «торговые марки» конских заводов. Одновременные знаки являлись популярными, а со времени принятия ислама почти единственным мотивом народного изобразительного искусства: они встречаются не только на могильных памятных камнях где указывающих родовую принадлежность, но и там, где последний фактор не является определяющим – на входной двери дома-/по дереву, на скалах Кукитала и Бабукова брода на Малке и в летних кошах» (РЭМ колл. 5519-36) [13, с. 155].

³ Метки могли быть самыми разными, и во все необязательно это были именно тамги. В селе Джгерда известна история про Багуза Амицба,

охотников свои знаки, согласно Ш. Д. Инал-ипа, стали использовать пастухи. Однако здесь следует возразить Ш. Д. Инал-ипа, поскольку нанятый пастух не имел права оставлять свою метку, тем более что у него и не могло быть своего знака отличия, и метку пастух ставил исключительно с дозволения хозяина скотины. Ш. Д. Инал-ипа отделяет метку от тамги, которые широко использовались у абхазов. Он утверждает, что тамги (по-абхазски «адамьга», по-кабардински «дамага», по-грузински «даги»), происходят, по-видимому, от тюркского «тамьга», являлись изображением родовых тотемов и использовались только для клеймения лошадей [4, с. 219–220]. Далее Инал-ипа перечисляет княжеские фамилии, у которых появились первые родовые тамги. Это Ачба, Чачба, Дзяпш-ипа, Емхаа, Маан, Лакрба и др. Так же, как и на Северном Кавказе, в Абхазии князья и дворяне выступали против того, чтобы крестьяне, даже если они происходили из «чистых», то есть свободных общинников, имели свои тамги. Но тем не менее и в народе, и в исторической литературе мы видим наличие у «чистых» крестьян своих тамги. По той тамге или метке, которая была оставлена на скотине, знатоки определяли, чья эта собственность. Абхазы даже в советский период продолжали их оставлять¹. Если, например, у крестьянина пропала скотина, он у своих знакомых из разных сел спрашивал, не видел ли кто ее. А тот, у кого спрашивают, задавал встречный вопрос: «А какая-нибудь метка есть у нее?» [12]. Перед покупкой скотины, особенно лошади, покупатель внимательно «изучал» товар, обращая внимание в первую очередь на наличие метки. А если на скотине была метка, то покупатель требовал от продавца объяснить, что это за метка.

Информант рассказывает, что хотя и изредка, но бывали случаи, когда спустя несколько лет после пропажи лошади хозяину возвращали коня, так как на нем была фамильная или личная метка. «Тот, кому достался конь, который оставил метку на месте убийства кабана, воткнув в дерево пулю. Дело в том, что пули могли быть мечеными и по отметке на пуле можно было легко определить хозяина ружья, из которого эта пуля была выпущена [11].

¹ В это время метки были уже не связаны с фамильным союзом или конкретной семьей, а были исключительно личными, что, по-видимому, было обусловлено тем, что происходил распад больших семей, результатом чего являлся раздел общесемейной собственности.

лась лошадь непонятного происхождения, то есть он купил ворованную, или она попала случайно в его земельные владения, конечно, может ее оставить себе. Но вопрос в том, что он с ней будет делать? Пахать? Это слишком дорогое удовольствие, так как хорошего скакуна используют только для определенных целей – для конноспортивных соревнований. А на ворованной лошади ты на люди не выйдешь, тебя снимут с седла. И зачем такой позор? У меня был конь, который часто убегал. Но я предупредил знакомых, а они – своих знакомых ребят, поэтому все знали, что это мой конь. Один раз как-то мне домой привели моего коня» [12].

Интересно, что в постсоветский период абхазы с небывалым энтузиазмом начали интересоваться своими фамильными тамгами. Это объясняется тем, что каждому хочется показать, что его род более древний, чем чей-либо из его соседей. А наличие тамги как раз может свидетельствовать об этом.

Возвращаясь к торговым контактам между народами Кавказа, следует отметить, что в советский период абхазы не только не забыли установленные их предками связи, но и продолжали поддерживать их. Как отмечалось выше, основной формой поддержания связей между кавказскими народами оставалась торговля лошадьми. Один из участников таких торговых сделок вспоминает: «Мы часто ездили в Карачай для покупки лошадей, так как нам были нужны скаковые лошади. А скаковые лошади нам нужны были для конноспортивных соревнований, которые мы проводим каждый год. Сначала мы ездили на «разведку», так сказать, выяснить, где и за какую сумму можно будет приобрести. Самым главным человеком, с кем мы вели переговоры, был зоотехник, именно он, как это было заметно со стороны, руководил хозяйством. От него зависело, получим ли мы нужных лошадей или нет». В некоторых случаях эти сделки проводились неофициально. В таких случаях чаще всего сделка была бартерной. «Им, карачаевцам, нужны были наши «монголки» – абхазская порода лошадей, так как «монголки» были низкорослыми и быстрее и лучше передвигались в горах. А получали карбардинок или терских, приспособленных для скачек. Они шли на маленькую хитрость. Для того чтобы со стороны властей не возникали вопросы, списывали лошадей и под видом бракованных и обменивали» [12]. Из этих

свидетельств можно сделать вывод о том, что, несмотря на жесткие порядки, установленные властью, местные жители находили способ для достижения поставленных целей.

Конечно, не все сделки были неофициальными. Можно было купить лошадей в Карачае или Пятигорске официально, если сделка проходила через спортивные школы. Таких спортивных школ в Абхазии было немного, и те располагались в Гудаутской (Бзыбской) Абхазии. Также официально можно было купить лошадь через колхоз. Например, житель села Джгерда вспоминает: «Цик Лакербай, житель села Дурипш, купил в Карачае 4 лошади, так как смог убедить правление колхоза потратить на это колхозные деньги» [12]. Когда сделка проводилась официально, покупатель получал паспорт на лошадь, но при этом платил высокую цену – от 3 000 до 80 000 рублей – в зависимости от достоинств покупаемой лошади. Когда же сделка совершалась неофициально, то лошадей переправляли в Абхазию через перевалы.

Кроме купли-продажи можно было брать лошадей в аренду. Те, у кого были связи, договаривались, и на время праздника брали в аренду, естественно, заплатив при этом определенную сумму.

Не всегда переговоры заканчивались успешно. По разным причинам, если даже уже договорились о передаче лошадей, в любой момент сделку могли прервать, как это случилось с нашим информантом: «В местечке Ходз была конная ферма. Они, со своей стороны, хотели продать нам лошадей, а мы, соответственно, купить. Я вел переговоры с зоотехником. Договорились о встрече в сентябре. В назначенное время мы поехали, но, к несчастью для нас, с нами поехал сын водителя, он был немного придурковатым. Когда зоотехник увидел незнакомого человека, не объяснив ничего, прервал переговоры. Наверное, испугался, что мы его «сдадим». Мы ни с чем вернулись домой» [12].

Важно отметить, что с карачаевцами были в тесных контактах жители именно тех сел Абжуйской Абхазии, мужчины которых увлекались конноспортивными соревнованиями и охотой. Чаше всего именно представители этих сел ездили на Северный Кавказ с целью совершения покупки лошадей или бартерной сделки. Эти поездки совершались с середины 60-х до конца советского периода. Сейчас больше всего сотрудничают с Пятигорском, а связь с Северным Кавказом в этом аспекте потеряна.

Возвращаясь в прошлое, хочу обратить внимание на то, что примечательным остается то обстоятельство, что удачные переговоры со стороны абхазов с Карачаем вели представители фамилий, когда-то относящихся к дворянскому сословию, таких как Маргания или Лакербай. Например, в современной Абхазии, особенно в Абжуйской ее части, несмотря на то, что классовой дифференциации здесь нет, поставкой лошадей для различных традиционных любимых конноспортивных соревнований занимаются представители фамилии Ачба, которые в настоящее время проживают в селе Кутол. По стечению обстоятельств, мать братьев Ачба до замужества носила фамилию Лакербайто, есть была из того самого рода, представители которого, имея некоторое влияние на председателей колхоза, могли официально закупать лошадей у карачаевцев. В настоящее время братья Ачба являются главными посредниками – все желающие закупают своих лошадей через них. Во время конноспортивных соревнований многие не хотят выставлять лошадей против их скакунов. Был случай, когда во время народного схода в селе Мыку хозяин лошади не захотел оспаривать первенство, так как он испытывал глубокую благодарность к братьям Ачба, при содействии которых он приобрел своего коня [12].

Литература

1. Баразбиев М. И. Торговля и хозяйственные связи // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М: Наука, 2014. С. 164–171.
2. Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М.: Наука, 1989. С. 159–215.
3. Дасания Д. М. Абхазы, карачаевцы и балкарцы: семейные сходжения [Электронный ресурс]. URL: <http://drdasan.forumssity.ru/viewtopic.php?id=101> (Дата обращения 30.06.2014).

4. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965. 695 с.
5. Инал-ипа Ш. Д. Труды. Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа). Сухуми: Алашара, 1988. 695 с.
6. Ладария Н. На заре моей жизни (Воспоминания абхазского крестьянина из времени последней русско-турецкой войны) // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 109–118.
7. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа // Кавказские тамги. М.: Наука, 1978. С. 91–174.
8. Лайпанов К. Т. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск: Карачаево-Черкес. гос. технол. ин-т. РИО, 2000. 80 с.
9. Пейсонель Ш. де Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. / в изложении Е. Фелицина. Краснодар: Общество изучения Адыгейской автономной области, 1927. 35 с.
10. Полевые материалы автора. 2008.
11. Полевые материалы автора. 2009.
12. Полевые материалы автора. 2014.

УДК 343.162

И. В. Зозуля**ИНСТИТУТ ГОРОДСКИХ СУДЕЙ В РОССИИ:
ФУНКЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье раскрываются особенности формирования и работы городских судей в Российской империи, предлагается на основе статистических сведений анализ их деятельности в условиях модернизационных процессов в России в начале XX века.

Ключевые слова: буржуазные реформы, судебная власть, городские судьи, Российская империя.

I. V. Zozulya**INSTITUTION OF URBAN JUDGES IN RUSSIA:
FUNCTIONS AND ACTIVITIES IN THE EARLY XX CENTURY**

The article deals with the peculiarities of formation and work of urban judges in the Russian Empire. The analysis of their activity in the conditions of modernization processes in

Russia in the early XX century is carried on the basis of statistical data.

Key words: bourgeois reforms, judicial power, urban judges, the Russian empire.

Система местных судебных органов Российской империи к началу XX века претерпела в сравнении с введенными новыми судебными уставами Александра II значительные изменения. К этому времени были осуществлены серьезные изъятия в статьях, регламентирующих деятельность суда с участием присяжных заседателей, и фактически повсеместно прекратила свое существование система мировых судов, на смену которой пришел институт земских участковых начальников. Именно он благодаря закону 12 июля

1889 г. завершил эпоху судебной контрреформы правительства Александра III. Земские участковые судьи осуществляли надзор за органами крестьянского общественного самоуправления и имели полицейские функции при отсутствии на месте чинов уездной полиции. Примечательно, что этот год стал в определенной степени важным и для волостного суда, лишившегося былой самостоятельности и независимости. Ранее местным должностным лицам запрещалось оказывать влияние на волостной суд и присутствовать на его засе-

даниях. Однако «Временные правила о Волостном суде» 12 июля 1889 г. поставили в зависимость от земских начальников и уездного съезда и этот судебный институт. При этом произошли изменения как в количественном составе крестьянских судов, так и в порядке их избрания.

В начале XX столетия в соответствии с новым законодательством вместо отдельных органов административной и судебной власти в уезде – уездных по крестьянским делам присутствий и мировых судей и их съездов – действовал институт земских начальников, который объединил в себе административные и судебные функции в отношении крестьян [1, с. 358]. Теперь дела, рассматриваемые ранее мировыми судьями, были переданы в пределах земского участка земским начальникам, в уездных и губернских городах – городским судьям, а остальные дела, находившиеся в юрисдикции мировых судей, – уездным членам окружного суда [7, с. 1–9].

С введением нового судебного института могли возникнуть пререкания о подсудности с другими судебными органами, вследствие чего законодатель ст. 10–15 в разделе II «О производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям» оговорил следующий порядок ведения дел.

1. Пререкания о подсудности между несколькими земскими начальниками одного уезда или между земскими начальниками и городскими судьями разрешались местным уездным съездом; пререкания о подсудности между теми же властями разных уездов решались тем съездом, в ведомстве которого возникло дело первоначально.

2. Пререкания между земскими начальниками, городскими судьями или уездными съездами, с одной стороны, и судебными следователями, мировыми судебными установлениями или уездными членами окружных судов, с другой, разрешались окружным судом, в ведомстве которого первоначально возникло дело, причем в состав присутствия суда приглашался местный, по нахождению суда, председатель уездного съезда.

3. Пререкания между земскими начальниками, городскими судьями или уездными съездами, с одной стороны, и окружными судами, военным или военно-морским начальством, судами духовного ведомства или иными судебными местами первой степени, с другой – возбуждаются не иначе как по

постановлениям губернских присутствий, последовавшим по представлениям уездных съездов. Пререкания эти решались местной судебной палатой в особом присутствии под председательством старшего председателя палаты в составе губернатора и двух членов палаты. Если пререкающиеся учреждения находились в округах нескольких судебных палат, то пререкание разрешалось особым присутствием той палаты, в округе которой находилось губернское присутствие, возбуждавшее пререкание.

4. Пререкания по судебным делам между земскими начальниками, городскими судьями или уездными съездами, с одной стороны, и административными установлениями, подведомственными Министерству внутренних дел, с другой, разрешались губернскими присутствиями. Пререкания по судебным делам между земскими начальниками, городскими судьями или уездными съездами, с одной стороны, и административными установлениями, не состоящими в ведомстве Министерства внутренних дел, возбуждались не иначе как по постановлениям губернских присутствий, следовавших по представлениям уездных съездов, и разрешались особым присутствием той судебной палаты, в округе которой находилось губернское присутствие, возбуждавшее пререкание [7, с. 12–13].

Вторая, апелляционная, инстанция была представлена уездным съездом в лице его судебного присутствия. В состав присутствия входили: на правах председателя – уездный предводитель дворянства, уездный член окружного суда, почетные мировые судьи, городские судьи и земские начальники данного уезда. Помимо них в отдельных заседаниях судебного присутствия мог находиться и товарищ прокурора окружного суда, который давал заключения по рассматриваемым в присутствии делам [7, с. 111, 220].

Говоря предметно об институте городских судей, заметим, что они представляли собой «власть единоличную». Судьи эти назначались министром юстиции из лиц, удовлетворяющих требованиям, указанным в ст. 200–201 Учреждения судебных установлений, а также постановлениям о судебных следователях, изложенным в ст. 202–203 того же учреждения:

1) в должности по судебному ведомству могут быть определяемы только русские подданные (ст. 200);

2) в должности по судебному ведомству не могут быть назначаемы:

– состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно подвергшиеся по судебным приговорам за противозаконные деяния заключению в тюрьме или иному более строгому наказанию, и те, которые, побывав под судом за преступления или проступки, влекущие за собою такие наказания, не оправданы судебными приговорами;

– исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;

– объявленные несостоятельными должниками и состоящие под опекою за расточительность (ст. 201);

– должности могли замешаться только лицами, имеющими аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, или о «выдержании экзамена в сих науках», или же доказавших на службе свои «познания» по судебной части (ст. 202);

– городскими судьями могли быть назначены лица, служившие по судебной части не менее трех лет в званиях не ниже секретаря окружного суда (ст. 203).

Городские судьи подлежали увольнению от должности только по постановлениям Консультации, учрежденной при Министерстве юстиции с утверждения министра юстиции. В случае замеченных неправильных или противозаконных действий городских судей информация о них сообщалась в соответствующий окружной суд. Относительно привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности и увольнения в отпуске городские судьи приравнивались к членам окружного суда.

Городские судьи были обязаны ежегодно составлять по установленной министром юстиции форме отчеты о движении у них дел за истекший год (табл. 1, 2).

Таблица 1
Движение уголовных дел у городских судей
Европейской России в начале XX века [5]

Год	Оставалось	Вступило	Решено	Осталось
1900	20 842	197 183	198 243	19 782
1902	28 463	237 500	240 657	25 306
1904	33 449	256 684	260 948	29 185
1906	38 720	229 786	221 715	46 791

Таблица 2
Движение гражданских дел у городских судей
Европейской России в начале XX века [5]

Год	Оставалось	Вступило	Решено	Осталось
1900	11 173	199 605	199 577	11 201
1902	14 764	255 729	254 990	15 503
1904	18 943	294 198	288 490	24 651
1906	27 349	294 570	289 556	32 363

Среди наиболее значительных дел, подлежавших ведению городских судей, можно назвать следующие категории:

– дела по спорам и искам на сумму не свыше 500 руб., возникшим по найму земельных угодий; по личному найму на сельские работы, в сельскохозяйственные должности и в услужение;

– дела о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более 6 месяцев;

– беспатентная продажа «питей» и табачных изделий.

Кроме названных городским судьям был подсуден и широкий круг дел, в которых иски не превышали денежной суммы в 300 руб. [3, с. 222–223].

Исполнение решений городских судей и другие исполнительные действия по их распоряжениям возлагались на состоящих при окружном суде судебных приставов.

С декабря 1902 г. по декабрь 1903 г. в соединенных департаментах гражданских и духовных дел, законов, государственной экономии и промышленности, наук и торговли Государственного совета велись бурные обсуждения и споры по вопросам возможного пересмотра судебных законоположений. Среди них – и судьба местного суда, который предполагалось создать с введением должности участкового судьи. Комиссия, обращаясь к закону 12 июля 1889 г., предлагала сохранить без изменений компетенцию земских начальников как органов судебно-административных для сельского населения, а установленный этим же законом судебный орган в лице городского судьи с судебной властью земского начальника, но без его административных функций, предложила упразднить, заменив его должностью участкового судьи.

Участковый судья, в отличие от городского, по мнению разработчиков проекта, должен был стать более независимой частью органов общей юстиции, подчиненных судебным местам. В возникшей вследствие

этого полемике Министерство внутренних дел заняло жесткую позицию отстаивания целесообразности сохранения без изменений установленного законом 1889 г. порядка дел, а Министерство юстиции не увидело в этом шаге опасности для сложившейся в стране системы земских участковых начальников. Правда, нельзя здесь не сказать о выявленной в ходе обсуждения этого вопроса значительной разнице между выносимыми приговорами по уголовным делам о краже в зависимости от ее совершения – в городе или селе, – что свидетельствовало о перекосе в действии, казалось бы, единого для всех категорий граждан российского уголовного законодательства.

Ожесточенность споров особенно ярко проявилась в вопросе о выборном начале местной юстиции как одном из главных оснований судебных уставов 1864 г. Вопрос этот впервые был подвергнут принципиальному обсуждению в правительственных сферах и, что особенно примечательно, вызвал существенные нарекания у министра юстиции, который предложил мировых судей, а в будущем и участковых судей не выбирать на местном уровне, а назначать Министерством юстиции. По его мнению, при выборном начале судья неминуемо будет зависим от своих избирателей, которые вольны после истечения срока его службы либо оставить его, либо выбрать другого кандидата на эту должность. В этом вопросе комиссия так и не смогла прийти к единому мнению, так как в противовес высказанным предложениям прозвучали веские доводы о том, что за десятилетия существования мировой юстиции не были выявлены существенные различия между избираемыми и назначаемыми мировыми судьями, но при этом именно избирательное начало приблизило мировую юстицию к населению страны, показав ему заинтересованность государства во мнении своих граждан.

Большая часть из этих проектов так и не нашла своего законодательного закрепления, и лишь незначительная их часть была со временем воплощена в жизнь, как, например, частичное восстановление Законом 15 июня

1912 г. «О преобразовании местного суда» принципов мировой юстиции, которые, правда, были введены лишь на территории 10 российских губерний (4, с. 212–220).

К началу Первой мировой войны и вступлению в нее России ситуация по результатам деятельности городских судей выглядела следующим образом (табл. 3).

Таблица 3
Движение дел у городских судей
Европейской России в 1914 г. [6]

Оставались	Вступили	Решены	Остались
Движение уголовных дел			
39 689	235 251	235 426	39 514
Движение гражданских дел			
24 125	273 226	271 338	26 013

В заключение отметим, что, в отличие от института земских участковых начальников, пришедшего на смену мировому суду, городские судьи исполняли исключительно судебную власть. Количество подсудных им дел росло год от года. Достаточно сказать, что число только осужденных городскими судьями Европейской России лиц ежегодно превышало 100 тыс. чел. Но даже несмотря на это, общество требовало восстановления местных судебных органов в том объеме, в каком они получили свое воплощение в судебных уставах 1864 г. Предшествовавшая началу нового столетия эпоха контрреформ 80–90-х гг. XIX в. принесла с собой двойственную позицию власти на развитие судебных учреждений России. Они должны были одновременно как обеспечивать дальнейшее развитие в стране буржуазно-правовых отношений и служить охраной законности и правопорядка, так и отвечать интересам «государственной целесообразности» и ни в коем случае не нарушать «прерогативы самодержавной власти» [2, с. 103–104].

К началу XX столетия назрела необходимость пересмотра действовавших в пореформенную эпоху судебных институтов, и на смену земским участковым начальникам вновь должна была прийти мировая юстиция в виде местного суда, частью которого пока продолжали быть в основном лишь городские судьи.

Литература

1. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России / под. ред. В. П. Желтова. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1969. 400 с.
2. Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881–1905 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 213 с.

3. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / науч. консультант проекта Е. А. Скрипилов. Т. IV. На рубеже веков: эпоха войн и революций / отв. ред. И. А. Исаев. М.: Мысль, 2003. 677 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32. Отделение второе. 1912. Петроград: Государственная типография, 1915. 1819 с.
5. Сборники статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуски 16, 18, 20 и 22. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1900, 1902, 1904, 1906 гг. СПб., 1901, 1903, 1906, 1907.
6. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 30. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1914 гг. Издание первого департамента Министерства юстиции по 3-му делопроизводству. Статистическое отделение. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1916. 503 с.
7. Свод законов Российской империи. Т. 16. Ч. 1. Судебные уставы. СПб.: Издание кодификационного отдела при Государственном совете, 1892. 348 с.

УДК 94 (470+571)"1917/1991"
(470.6):930.1(091)

В. Р. Истягин

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ:
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЦЫГАН, КОРЕЙЦЕВ, АССИРИЙЦЕВ**

В статье дан подробный анализ состояния историографического освоения различных аспектов переселенческой политики в 20–30-е гг. XX века на Северном Кавказе. Автором предпринята попытка проследить основные этапы и закономерности в изучении

аграрной политики СССР, охарактеризовать основные работы, а также выделить основные точки зрения по данной теме.

Ключевые слова: кавказоведение, Северный Кавказ, коллективизация, переселенческая политика.

V. R. Istyagin

**REALIZATION OF STATE RESETTLEMENT POLICY
IN THE NORTH CAUCASIAN REGION AT THE INITIAL STAGE
OF COLLECTIVIZATION: RESETTLEMENT OF GIPSY, KOREANS AND ASSYRIANS**

The article presents the detailed analysis of historiographic development condition as regards various aspects of resettlement policy in the 20–30th of the XX century in the North Caucasus. An attempt is made to track the main stages and regularities in studying agrarian policy

of the USSR, characterizing the main works, and also highlighting the main points of view on this subject.

Key words: Caucasus studies, North Caucasus, collectivization, resettlement policy.

В государственной переселенческой политике в период коллективизации на Северном Кавказе выделялись два направления, и оба они были вызваны насущной хозяйственной необходимостью развития колхозной системы. Первое направление – массовое переселение в кубанские станицы демобили-

зованных красноармейцев и создание красноармейских колхозов. Появление красноармейцев на кубанской земле не только было вызвано хозяйственной необходимостью, но и связано с трагической страницей кубанской истории – массовой депортацией населения «чернодосочных» станиц. Второе направле-

ние – национальное – было непосредственно связано с осуществлением государственной национальной политики и выразилось в курсе на оседлость цыганского населения и создания цыганских колхозов, а также образовании корейского рисоводческого и ассирийского колхозов. Необходимо отметить, что так называемый национальный поток отличался немногочисленностью переселенцев. При этом оба направления государственной переселенческой политики не пересекались друг с другом.

В научной литературе цели создания национальных переселенческих колхозов связывали с политикой государства в отношении различных национальных меньшинств. Первым о цыганских колхозах в контексте переселенческой политики писал Н. И. Платунов, перечисливший ряд законодательных актов о переводе цыган на оседлость, упомянувший наличие нескольких цыганских колхозов в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях и отметивший, что по экономическому положению и хозяйственно-организационному уровню цыганские колхозы были слабее русских [7, с. 265–266, 271]. Н. Деметер, Н. Бессонов, В. Кутенков анализировали причины появления цыганских колхозов в контексте мероприятий советской власти в отношении цыганского населения в предвоенные годы. Отметив, что к 1938 г. в стране были созданы 52 цыганских колхоза, указанные авторы констатировали: «Колхозная система сама по себе полностью противоречила цыганской ментальности». Цыганские колхозы либо оказались нежизнеспособными и распались, либо были уничтожены в ходе фашистской оккупации и никогда больше не возрождались [4, с. 203]. В подобном же ключе пишет о цыганских колхозах Н.Ф. Бугай [2, с. 46–47]. О корейском рисоводческом колхозе в советской научной литературе не упоминалось вовсе. В последние годы в работах исследователей истории советских корейцев Ж. Г. Сон [11, с. 87–104; 12, с. 174–177, 322–335] и Н. Ф. Бугая [1, с. 111–117] эта проблема получила определенное освещение. В случае с переселением корейцев на Кубань Ж. Г. Сон отметила совпадение национальной политики партии и необходимость освоение новой сельскохозяйственной отрасли – рисоводства [11, с. 175].

Во второй половине 1920-х – середине 1930-х годов в Советском Союзе в рамках реализации государственной национальной по-

литики осуществлялся комплекс мероприятий по переводу кочующих народов, в том числе и цыган, на оседлый образ жизни. Государственная власть стремилась не только сделать кочевавших цыган оседлыми, но и привлечь их к сельскохозяйственному труду, при этом в полном соответствии с идеологическими установками приоритет отдавался коллективным формам хозяйствования перед индивидуальными.

Коллективизация внесла коррективы в хозяйственное обустройство цыганских хозяйств. Оседлые цыгане, как и все сельское население страны, широко вовлекались в колхозы. Проблемы коллективизации цыган рассматривались 5 января 1931 г. на заседании правления Колхозцентра СССР. Правление констатировало большой наплыв за последнее время цыган-ходоков в земельные органы с ходатайствами о наделении их земельными участками для организации коллективных хозяйств. Заключив, что в цыганских массах происходит «коренная ломка кочевого образа жизни и стремление переключить себя на трудовые рельсы» посредством объединения в колхозы, Колхозцентр отметил недостаточную работу местных земельных органов и колхозсоюзов, зачастую проявлявших недостаточное внимание этому делу и не учитывавших особенности цыганской народности. Причем это касалось как уже существовавших, так и вновь созданных цыганских колхозов. В новом постановлении Колхозцентр предлагал установить всяческое поощрение расселения цыган группами, что позволило бы широко привлекать цыган в колхозы и проводить среди них политико-воспитательную работу. Колхозцентр обратился в Наркомзем СССР с просьбой отправить на места директиву о выделении особых земельных фондов как для прибывавших в колхозы цыган, так и для создававшихся колхозов [5, с. 210].

С момента заседания правления Колхозцентра до появления нового постановления о цыганах прошло более года. 1 апреля 1932 г. вышло постановление президиума ВЦИК «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган». Заслушав доклад инструктора ВЦИК Поповой о состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган, президиум ВЦИК констатировал, что на основе постановлений от 1 октября 1926 г. и 20 февраля 1928 г. отдельные группы трудящихся цыган стали оседлыми, организовали

колхозы и начали работать в промышленности и промысловой кооперации. С введением письменности и развитием культурно-просветительской работы на родном языке среди трудящихся цыган возросла «политическая сознательность и активность», они получили возможность активного участия в политическом, хозяйственном и культурном строительстве страны. Однако президиум отметил, что из-за недооценки отдельными центральными ведомствами и местными исполкомами, и советами значения работы среди трудящихся цыган намеченные мероприятия по их трудовому устройству и социально-культурному обслуживанию не получили надлежащего практического осуществления. В целях дальнейшего вовлечения цыган в промышленное производство и совхозно-колхозное строительство и усиления их культурно-бытового обслуживания президиум ВЦИК предложил наркоматам и организациям осуществить ряд мер. Наркомату земледелия РСФСР было предложено разработать и представить в Совнарком РСФСР конкретный план землеустройства трудящихся цыган для их компактного заселения, предоставить им земельные участки из государственного земельного фонда и организовать материально-техническую базу. Наркомату земледелия и Колхозцентру РСФСР, исполкомам и советам было предложено путем организационно-хозяйственного укрепления существующих цыганских колхозов, демонстрации и популяризации их работы усилить вовлечение кочующих трудящихся цыган в колхозы, которые должны явиться организаторами оседания цыган. Также предлагалось: развернуть работу по очистке колхозов от «классово-чуждых элементов»; предусмотреть необходимые мероприятия по хозяйственному укреплению создававшихся цыганских колхозов: финансирование и кредитование колхозов, обеспечение семенами, машинами и рабочим скотом; в месячный срок разработать и осуществить специальные мероприятия по подготовке колхозных работников из среды цыган [5, с. 210–211].

Президиум ВЦИК в постановлении предложил Всекопромсоюзу [Всероссийский союз промысловой кооперации – В. И.] наряду с дальнейшим вовлечением цыган в систему промысловой кооперации принять меры к организационно-хозяйственному укреплению существовавших артелей и к их очистке от классово чуждых элементов; обеспечить

трудовые артели цыган сырьем, полуфабрикатами и необходимыми средствами на капитальное и жилищное строительство, на оборудование и механизацию мастерских; развернуть в артелях общественно-массовую и культурно-просветительскую работу, обратив особое внимание на их бытовое обслуживание; организовать подготовку кадров из трудящихся цыган в системе промысловой кооперации путем открытия школ (ШУМП, ФЗУ) [ШУМП – школа ученичества массовых профессий; ФЗУ – школы фабрично-заводского ученичества, основной тип профессионально-технической школы в СССР (1918–1940 гг.) – В.И.] и краткосрочных курсов. Наркомату труда РСФСР было предложено на основании постановления президиума ВЦИК от 10 декабря 1931 г. о выполнении директив партии и правительства по формированию национальных рабочих кадров в АССР и автономных областях предусмотреть подготовку квалифицированных кадров для промышленности из трудящихся цыган на 1932 год. В свою очередь, местным исполкомам и советам предписали при проведении в жизнь постановления ВЦИК от 10 декабря 1931 г. учесть необходимость вовлечения в промышленность и совхозы трудящихся цыган.

Таким образом, в ряде постановлений центральной власти были сформулированы основные положения и механизмы реализации государственной национальной политики в отношении цыганского населения, заключавшиеся в стремлении сделать их оседлыми, наделить землей, на которой они могли бы работать, а с началом коллективизации максимально вовлечь цыган в колхозное производство. Привлекая цыган в качестве рабочих рук, государство решило сделать из неграмотных нищих кочевников полноценных граждан, а потому всемерно заботилось об их просвещении, повышении культурного уровня, охране здоровья и получении ими рабочих профессий и навыков работы в селе.

Цыганские колхозы создавались первыми из всех переселенческих хозяйств в начале коллективизации.

Решение о развитии культурно-бытового устройства в цыганских колхозах принималось на высшем уровне. Так, 5 января 1931 г. правление Колхозцентра СССР предложило национальному бюро и культурно-бытовому сектору Колхозцентра совместно с Наркома-

том просвещения организовать культурно-бытовые учреждения в цыганских колхозах: детские площадки, школы, клубы и т. д. [4, л. 79].

В постановлении президиума ВЦИК «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган» от 1 апреля 1932 г. отмечалось, что с введением письменности и развитием культурно-просветительской работы на родном языке, среди трудящихся цыган возросла «политическая сознательность и активность», они получили возможность активного участия в политическом, хозяйственном и культурном строительстве страны. Однако предпринимавшиеся усилия были признаны недостаточными. Поэтому ВЦИК поручил Наркомату просвещения РСФСР в кратчайший срок разработать мероприятия об охвате цыган обучением на родном языке; в течение 1932 г. во всех местах компактного проживания цыган организовать для них сеть школ первой ступени с интернатами; в течение года организовать курсы по подготовке и переподготовке педагогических кадров из трудящихся цыган и открыть цыганское отделение при одном из московских педагогических техникумов; обеспечить цыганские школы учебниками и учебными пособиями на родном языке. При комплектовании высших и средних учебных заведений, и рабочих факультетов следовало обеспечить максимальное вовлечение трудящихся цыган. Наконец, Наркомату здравоохранения РСФСР в постановлении ВЦИК предлагалось обеспечить медицинское обслуживание колхозников-цыган, обратив особое внимание на усиление сети охраны материнства и младенчества, с целью «освобождения рабочих рук женщин-цыганок для работы в колхозах...» [4, л. 31, 38].

Осуществлявшаяся работа по оседлости цыган и их вовлечению в колхозы и промысловые артели привела к определенным итогам. Летом 1935 г. президиум ВЦИК заслушал доклад отдела национальностей о результатах проверки выполнения постановления президиума ВЦИК от 1 апреля 1932 г. «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган». Президиум констатировал, что за прошедшие три года работа среди трудящихся цыган «несколько улучшилась»: были образованы 16 цыганских колхозов, определенное количество цыган были привлечены на работу в промышленность и на новостройки, были созданы школы-семилетки с интернатом, отделение рабфака и педагогического

техникума. Вместе с тем президиум отметил сохранявшуюся недооценку значения этой работы со стороны наркоматов и ряда местных исполкомов и советов, в результате чего ряд положений указанного постановления не были выполнены. По итогам заслушанного доклада президиум ВЦИК 1 июля 1935 г. принял постановление о дальнейшей работе с трудящимися цыганами. В постановлении предлагалось Наркомзему РСФСР совместно с Переселенческим управлением отвести в одном из многоземельных краев (областей) территорию для компактного заселения желающих заняться сельским хозяйством цыган, распространив на них полагававшиеся переселенцам льготы. До выполнения данного решения ВЦИК предложил Наркомзему РСФСР принять меры по организационно-хозяйственному укреплению существующих колхозов и подготовке колхозных кадров из трудящихся цыган. Всекопромсоюз получил предписание об оказании помощи и укреплению имевшихся цыганских промысловых артелей. ОГИЗ [ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР 1930–1949 гг. – В..] было предложено принять меры по обеспечению издания литературы и учебников на цыганском языке и усилению их распространению среди трудящихся цыган. 1 июля 1935 г. на заседании президиума ВЦИК была образована комиссия, которой поручили обсудить вопрос о целесообразности землеустройства цыган в одном месте, наметить места переселения и определить направления хозяйства: животноводческое, кустарно-промысловое или смешанное. Комиссии предложили созвать совещание с привлечением 8–10 представителей с мест, а также выработать проект практических предложений и представить их в президиум ВЦИК. 7 августа на заседании созданной 1 июля комиссии было решено поручить группе в составе представителей Наркомзема РСФСР, Наркомзема СССР, Переселенческого комитета, Отдела национальностей ВЦИК и представителя Наркомата совхозов СССР к 1 сентября 1935 г. определить оптимальные районы для сосредоточения в них трудящегося кочующего цыганского населения с переводом его на оседлость и необходимые для этого организационные и хозяйственно-финансовые мероприятия. Руководству промысловой кооперации было предложено в тот же срок наметить меро-

приятия по организационно-хозяйственному укреплению существовавших цыганских промысловых артелей.

Таким образом, в середине 1930-х гг. национальная политика в отношении цыган претерпела коррективы: подтвердив курс на оседлость и вовлечение цыган в колхозы и промысловые артели, власть решила сосредоточить цыган в одном регионе, создать некий цыганский район. Отказ Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев от приема цыган не означал принципиального неприятия этой политики, напротив, на территории краев существовали и успешно работали цыганские колхозы.

Следует признать, что в культурно-бытовом развитии для работавших в колхозах цыганских семей после принятия указанных выше постановлений произошли позитивные изменения. Так, в июле 1935 г. Токмаков в докладной записке в отдел национальностей ВЦИК предложил срочно командировать в Северо-Кавказский край в цыганский сельсовет сотрудника и по примеру 1933–1934 гг. организовать выпуск газеты на цыганском языке, «на основе трудовой жизни» и силами цыганского сельсовета. Необходимость возобновления издания такой газеты автор мотивировал тем, что каждый ее выпуск, а вышло всего два номера, поднимал «широкие массы трудящихся цыган на практическое и деловое обсуждение их производственных недостатков», а также обсуждался вопрос о положении цыган-кочевников. Все это делалось посредством обмена письмами между цыганскими колхозами, артелями и отдельными цыганами-кочевниками. Реализация данного предложения дала бы возможность высшей власти получить всестороннее представление о цыганской жизни [3, л. 6 об.]. Выходит, что в 1933–1934 гг. в единственном на Северном Кавказе цыганском сельсовете в районе колхоза «Труд ромэн» выпускалась газета на цыганском языке. Она, очевидно, действительно сыграла положительную роль в оседании цыган-кочевников и вовлечению их в колхозы, но по неуказанной причине газета практически сразу перестала выходить.

Культурно-бытовое состояние цыганских колхозов к середине 1930-х гг. было далеким от идеала, хотя и имелись отдельные «очаги культуры». В 1936 г. в колхозе «Нэво дром» имелась школа, детские ясли и медпункт [12].

В 1936 г. в колхозе «Труд ромэн» Минераловодского района Северо-Кавказского края имелось 40 саманных крестьянских домов в 1–2 комнаты, крытых черепицей и с глинобитными полами. Все дома нуждались в среднем и капитальном ремонте, надворные постройки находились в полуразрушенном состоянии. Клуба или избы-читальни в колхозе не было. В небольшой избе имелся красный уголок. Библиотеки и радиоточки не было, «избача или культурника нет». В колхозе имелась начальная школа, для которой была приспособлена крестьянская хата с двумя «классными комнатами». В школе было 70 учеников и всего 1 учитель. Всего числились 75 детей школьного возраста, все младшие школьники учились в школе. В колхозе имелись детские ясли на 40 детей – очень бедно оборудованное помещение в крестьянском доме. Но колхоз имел кредит в 3 000 рублей на оборудование яслей. По причине отсутствия в колхозе коммунистов не имелось парторга, были 12 комсомольцев с небольшим стажем. Очень редко выпускалась стенгазета [8, л. 65]. Посетивший весной 1936 г. три цыганских колхоза в Азово-Черноморском и один колхоз в Северо-Кавказском краях ответственный секретарь ВПК Захаров отметил: «... в домах цыгане живут грязновато. Нет необходимой домашней утвари, коровы стоят в хатах». Он предложил руководству купить и раздать цыганам-колхозникам табуретки и скамейки, чтобы в их квартирах был относительный уют. Он отметил, что газеты в цыганских колхозах почти не выписывают и политическая работа среди цыган не проводится. «Очень и очень требуется в каждом колхозе парторганизатор», – констатировал он [9, л. 13, 13 об.].

25 февраля 1937 г. президиум Азово-Черноморского крайисполкома признал недостаточной проводимую культурно-политическую работу Шербиновского, Ново-Титаровского и Тарасовского райисполкомов, горсоветов Ростова и Новочеркасска среди осевших цыган. Крайисполком обязал крайОНО обеспечить выделение средств в размере 9 000 рублей на оборудование школы в колхозе «Новый путь» Тарасовского района. КрайОНО предложили обеспечить полный охват детей школьного возраста в цыганских колхозах школьным обучением и закончить ликвидацию неграмотности и малограмотности в течение 1937 года [9, л. 17].

По данным посетившего в мае 1934 г. инструктора сельхозотдела Азово-Черно-

морского крайкома Савина, в ассирийском колхозе имени А. И. Микояна Курганинского района в 1933 г. была построена школа, в которой обучались 63 ребенка. Средства на ее строительство в размере 3 000 рублей были выделены Обществом ассирийцев, остальные средства были изысканы на месте. В 1934 г. в колхозе был построен клуб, «но в силу отсутствия средств не оборудован и нет библиотеки». В одном из домов были организованы детские ясли. В 1934 г. большинство колхозников жили в отдельных домах, но около 40 семей проживали по две семьи в одном доме, т. е. не имели отдельного жилья. Зарегистрированы 6 случаев покупки домов колхозниками в других станицах, с помощью колхоза они заканчивали их строительство и на новом месте [13, л. 77]. Наиболее острой в ассирийском колхозе была жилищная проблема, вызванная недостаточным количеством домов для колхозников. Краевая газета «Молот» 30 декабря 1936 г. сообщала, что в корейском рисоводческом колхозе имени Г. М. Димитрова Славянского района «блестяще развивается колхозная самодеятельность, создан духовой оркестр из пионеров, работают кружки, выписывается много литературы, газет». Колхозникам было выдано по 12,5 кг риса на трудодень [6, с. 681]. Парторг колхоза Хван Донхан констатировал: «Колхоз им. Димитрова стал зажиточным, у него есть 4 автомашины, 150 велосипедов и духовой оркестр. Это, бесспорно, работа райкома партии» [12, с. 330].

Таким образом, переселенцы: и бывшие цыгане-кочевники, никогда не работавшие на земле, и рисоводы-корейцы, и ассирийцы должны были активно строить новую жизнь, добросовестно и ударно трудиться в колхозах. В этом смысле различий между нацменами и красноармейцами не было никаких. В отношении национальных меньшинств переселение на кубанскую землю было обусловлено реализацией национальной политики и необходимостью вовлечения нацменов в колхозное производство. Национальных колхозов было немного, и едва ли они могли внести существенный вклад в сельскохозяйственное производство, однако опыт корейцев-рисоводов

был усвоен, рисоводство стало неотъемлемой отраслью кубанских хлеборобов.

Переселение представителей так называемых национальных меньшинств осуществлялось их национальными организациями и земельными органами и носило добровольный характер. Объективно оно имело целью сделать некогда обездоленных людей полноценными гражданами и привлечь их к созидательному труду в колхозах.

Культурно-бытовое обустройство национальных переселенческих колхозов в 1930-е гг. было далеким от идеала. Но принимая во внимание государственное значение переселенческой кампании, удалось добиться определенных позитивных сдвигов. В национальных колхозах были открыты и оборудованы школы, ясли и детские сады, имелись клубы. И если школы и детские сады работали, то учреждения культуры и досуга – библиотеки, клубы, кинотеатры – часто бездействовали. Это было тем более странно, что, в отличие от многочисленных красноармейских колхозов, цыганские колхозы создавались в рамках реализации политики оседания кочевого населения и вовлечения их в колхозы. Да и создавались они, в отличие от красноармейских колхозов, не в экстренном порядке. Цыгане за неимением колхозных партторгов были избавлены от партийной агитации и не были вовлечены в систему партпросвещения. А в остальном культурно-бытовое положение цыганских колхозов принципиально ничем не отличались от состояния красноармейских колхозов, они переживали те же трудности, что и красноармейские колхозы. Повседневная жизнь переселенцев – красноармейцев и цыган – по причине общности их сельского образа колхозной жизни и работы едва ли принципиально отличалась.

Несколько особняком стояли ассирийский и корейский колхозы. Созданные по инициативе национальных объединений, колхозы пользовались их поддержкой, в том числе финансовой, что позволяло им создавать социальную инфраструктуру: детские ясли, школу, клуб, библиотеку. В сравнении с цыганскими колхозами ассирийцы и корейцы были устроены гораздо лучше в культурном плане и зажиточнее в материальном.

Литература

1. Бугай Н.Ф. Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие. М.: ИШ Института российской истории РАН, 2015. 510 с.

2. Бугай Н. Ф. Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М.: Кучково поле; Лавандр, 2012. 352 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 31. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 5.
4. Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган – новый взгляд. Воронеж: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2000. 334 с.
5. Килин А. П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. С. 187–223.
6. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1972. 822 с.
7. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Издательство Томского ун-та, 1976. 383 с.
8. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 151.
9. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 141.
10. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 149. Л. 13 – 13 об.
11. Сон Ж.Г. «Корейский вопрос» в Азово-Черноморском крае в 1930-е годы // Голос минувшего. 2008. № 1–2. С. 87–104.
12. Сон Ж.Г. Российские корейцы: всевластие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. М.: Гриф и К, 2013. 533 с.
13. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 45.

УДК 93/99(470)

С. Б. Калинин

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НАУКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье дан анализ научных трудов, посвященных истории становления и развития науки на Северном Кавказе. С позиций проблемно-хронологического подхода определены направления исследований по изучению организации научных учреждений,

подготовки кадров, деятельности научных обществ, отдельных отраслей науки в регионе.

Ключевые слова: История науки, высшая школа, научные учреждения, научные кадры, отрасли науки.

S. B. Kalinchenko

THE MAIN TRENDS IN HISTORIOGRAPHY OF SCIENCE IN THE NORTH CAUCASUS

The article studies the scientific papers on the history and development of science in the North Caucasus. From the standpoint of problem-chronological approach the areas of research to study the organization of scientific institutions, training activities of scientific

societies, individual branches of science in the region are specified.

Key words: history of science, higher educational institution, research institutions, scientific staff, branches of science.

Развитие современного российско-го общества зависит от ряда экономических, политических, духовных и иных факторов, среди которых все большее влияние приоб-

ретают наука и образование. Государство использует научные исследования для создания экономики, военной мощи, идеологического оправдания своей политики и повышения

международного авторитета. Развитие российской науки связано не только с процессами ее институционализации в центре. Не менее важную роль играет деятельность ученых в российской провинции. Вызывает интерес становление и развитие науки на Северном Кавказе, где переплетаются национальные традиции и установки с современными социокультурными институтами, в том числе и научными.

Рассматривая научную литературу по проблеме становления и развития науки на Северном Кавказе, следует отметить, что обобщающего исследования по данной проблеме пока нет. Однако отдельные вопросы, касающиеся организации научных учреждений, деятельности ученых, институционализации науки в республиках региона и другие, затрагивались в различных научных трудах

В целом историографию истории науки на Северном Кавказе можно разделить на два хронологических периода – советский (1917 – конец 1980-х гг.) и постсоветский (с начала 1990-х годов по настоящее время), которые различаются теоретическими и методологическими подходами к изучению поставленной проблемы, репрезентативностью источниковой базы.

Советская историография рассматривала вопросы организации науки и деятельности ученых в тесной связи с процессами формирования новой советской интеллигенции, становлением советской культуры и построением социализма. Первыми научными работами, которые заложили указанные тенденции, явились труды 1920–1930-х гг. В произведениях того времени находили отражение процессы первого десятилетия советской власти: становление образовательных учреждений, борьба с неграмотностью, подготовка кадров учителей и научных работников и т. д. Несмотря на пропагандистский характер этих статей безусловной ценностью для исследователя является статистический и справочный материал, отражающий результаты советской политики в вопросах науки и образования. На Северном Кавказе это были труды В. П. Вельмина «Северо-Кавказская ассоциация научно-исследовательских институтов. (История возникновения и обзор деятельности)», А. И. Воскресенского, Н. Н. Сретенского «Научные работники и научные учреждения

Северо-Кавказского края», Я. Р. Гайлиса «Основные вехи научной работы на Северном Кавказе» и др.

Следующим этапом в изучении поставленной проблемы стали исследования конца 1930-х – начала 1950-х гг. особенностью методологических подходов тех лет была опора на марксистско-ленинское мировоззрение. Большая часть опубликованных работ в рамках указанной проблемы была посвящена истории образования и развития вузов как основных социокультурных учреждений региона.

К таким работам можно отнести статьи В. К. Дядькина «К 25-летию существования Северо-Осетинского государственного педагогического института имени К. Л. Хетагурова», О. А. Байрашевского «Дагестанский государственный медицинский институт за первое пятилетие своего существования (1932–1937 гг.)» и другие.

Достижения советского государства в области науки и техники конца 1950-х годов определили новый этап исторических исследований поставленной проблемы. Несмотря на то, что исследования этого периода анализировали роль КПСС в организации науки и культуры, авторы на большом фактическом материале убедительно показывали прогрессивные тенденции в развитии науки как в центре страны, так и в провинции. На Северном Кавказе появляются первые авторские работы обобщающего характера: А. А. Абилов «Борьба коммунистической партии за осуществление культурной революции в Дагестане», «Очерки советской культуры народов Дагестана», Б. А. Цуциев «Экономическое и культурное развитие Северной Осетии за годы советской власти» и др.

Одной из проблем, затронутой региональной историографией этого периода, стал вопрос о подготовке кадров, в том числе и научных. В этот период появляются работы, связанные с проблемой формирования национальной научной интеллигенции. Более обстоятельно этот вопрос был изучен С. Т. Дедегкаевым «Борьба Коммунистической партии за создание советской национальной интеллигенции Северной Осетии». Проведя исследование на материалах Северной Осетии, он выделил два источника формирования научной интеллигенции в республике. Первый был связан с привлечением старой интел-

лигенции к решению народно-хозяйственных проблем; второй – с подготовкой кадров в вузах. При этом необходимым условием формирования нового поколения интеллигенции автор считал создание вузов и средних специальных учебных заведений. Несмотря на то, что ученым был собран значительный документальный материал, ему не удалось избежать тенденциозности при анализе материала, характерного для того времени.

Важным шагом на пути дальнейшего изучения проблемы стало издание историй народов Северного Кавказа, в которые вопросы науки и высшей школы исследовались в общеисторическом контексте, в структурной взаимосвязи с социально-экономическими и политическими процессами. (Очерки истории Дагестана: в 2 т. / ред. кол. Г. А. Даниялов и др., История Кабарды с древнейших времен до наших дней / ред. кол. Н. А. Смирнов; Бербеков Х. М. Очерки истории Кабардино-Балкарии / под. ред. М. П. Ким; История Северо-Осетинской АССР. Советский период и др.).

Именно в этот период местные ученые перешли к более детальному изучению отдельных исторических этапов развития науки в контексте культурного строительства. В дальнейшем научное сообщество также не стало предметом самостоятельного исследования, однако контекст культурно-исторических процессов, в том числе и истории науки в регионе был расширен. Духовная жизнь общества стала одной из составных частей всей общественной жизни, успешное функционирование которой было невозможно без материальной поддержки государства.

История организации и развития науки в изучаемом регионе, начиная с 1960-х годов, также получила новый импульс, особенно в контексте восстановления научного статуса краеведения. В работах Б. А. Цуциева [11], М. С. Тотоева [9], А. И. Алиева [2], П. Н. Котова [6] в комплексе рассматривались вопросы экономического, социального, культурного строительства и отмечался высокий уровень духовного развития, достигнутый народами Северной Осетии и Дагестана, где отдельными параграфами затрагивались вопросы науки.

К этому времени в национальных образованиях Северного Кавказа сложилась группа исследователей, которая занималась

преимущественно изучением вопросов духовной жизни общества, в том числе науки в региональном аспекте: М. Х. Герандоков, Х. М. Сабанчиев, Х. М. Хутуев, З. К. Джамбулатова, А. Д. Даниялов, Г. Ш. Каймаразов, А. К. Хачиров, Б. С. Кулов, И. Эфендиев и др.

Особое место в работах указанных авторов на большом фактическом материале рассматривались такие малоизученные вопросы, как научно-просветительская работа, подготовка научных кадров, становление вузов и научных учреждений в регионе.

Обобщающим исследованием по истории формирования и развития национальных отрядов интеллигенции в республиках Северного Кавказа, в том числе и научной, является монография Г. Ш. Каймаразова «Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе (по материалам Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР)». Рассматривая широкий круг вопросов: привлечение старых специалистов к хозяйственному строительству, подготовку кадров в период восстановления народного хозяйства, развертывание и совершенствование процесса подготовки национальной интеллигенции – ученый подробно исследует закономерности и особенности этих процессов в национальных образованиях региона. При этом в монографии показан не только процесс формирования и роста различных отрядов интеллигенции, но и вклад ее в развитие народного хозяйства и науки.

Исследователи, занимавшиеся изучением проблем культурного и научного строительства, отмечали, что к концу 1930-х годов в Северной Осетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии была в основном решена проблема создания национальных отрядов интеллигенции, в том числе и научной. Однако Э. А. Шеуджен в исследовании «Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе» справедливо подчеркивал, что за такой короткий срок многогранная и сложная задача создания кадров, в том числе и научных, в национальных районах Северного Кавказа могла быть решена весьма приблизительно и только по основным направлениям.

В целом авторы представленных работ не ставили перед собой задачу специального исследования проблемы изучения науки на

Северном Кавказе, а только затрагивали отдельные аспекты этой проблемы.

Одним из направлений историографии научного строительства в регионе являлась история становления высших учебных и научных заведений в республиках Северного Кавказа. Как правило, эти издания по тематике были приурочены к юбилейным датам, или же в них подводились итоги работы вуза за определенный период. В это время исследователи обращают внимание на написание истории отдельных вузов. Старейшим вузом на Северном Кавказе был нынешний Северо-Осетинский государственный университет, который являлся первым учебным заведением, непосредственно готовившим учительские кадры для национальных областей. Однако значительный вклад в развитие науки региона, в создание высококвалифицированных кадров для народного хозяйства всех национальных образований Северного Кавказа, богатейший научно-педагогический опыт, накопленный за десятилетия существования, обусловили необходимость написания специального монографического исследования по истории Северо-Осетинского государственного университета. В этом плане значительно продвинулись вперед исследователи Дагестана (А. А. Абилов [1], А. М. Магидов [8], Д. Б. Загиев [4] и др.). С конца 1960-х г. ими были написаны монографии, посвященные истории Дагестанского госуниверситета, сельскохозяйственного и педагогического институтов.

Впоследствии к юбилейным датам Северо-Кавказского горно-металлургического и Горского сельскохозяйственного институтов были изданы сборники, охватывающие и характеризующие все стороны деятельности этих вузов: научную, педагогическую, воспитательную, их вклад в развитие и укрепление культурных связей народов региона. Однако в этих изданиях недостаточно полно показаны трудности и проблемы, с которыми сталкивались вузы на начальном этапе своей деятельности в период становления.

Статья Г. И. Цибирова «Развитие науки и научных учреждений в Северной Осетии в переходный период», в которой обобщается опыт работы научно-педагогических учреждений Северной Осетии в исследуемый период, удачно восполняет пробел в исследованиях по вопросам подготовки научных кадров. Значи-

тельное внимание в статье уделено проблемам, с которыми столкнулись на начальном этапе становления первые вузы Северной Осетии: Политехнический институт и Терский институт народного образования. Автор отмечает основные события в жизни этих вузов, анализирует меры по совершенствованию научных исследований, учебного процесса и подготовки кадров для народного хозяйства. Статья Г. И. Цибирова является первой попыткой обобщения опыта по созданию в Северной Осетии кадров научной интеллигенции через высшие учебные заведения.

История изучения научно-исследовательских институтов Северного Кавказа была представлена отдельными статьями, посвященными юбилейным датам научных учреждений или деятельности выдающихся ученых. (Мамбетов Г. Х. Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту 50 лет, Биюков М. И., Гочияева С. А., Шаманов И. М. Карачаево-Черкесскому НИИ – 50 лет, Пинчуков В. М. СНИСХу – 50 лет. и т. д.)

В целом для советской историографии была характерна зависимость ученых от официальной идеологии, запрет на изучение спорных вопросов, регламентированные научные дискуссии по актуальным проблемам развития науки и деятельности научной интеллигенции. Указанные черты свидетельствовали о кризисе советской методологии в отечественной историографии. Несмотря на это, изучение истории науки на Северном Кавказе без анализа трудов предшественников в современной науке невозможно по нескольким причинам. Во-первых, необходима научная преемственность изучения той или иной проблемы. Во-вторых, в результате критического анализа советской историографии, создаются новые методологические подходы изучения проблемы истории науки.

Со второй половины 1980-х гг. начался новый этап изучения проблемы истории науки на Северном Кавказе. Ученые активно обращались к ранее запретным темам, особенно это касалось вопросов взаимоотношения власти и ученых, науки в условиях тоталитарного государства.

Указанные тенденции в изучении истории науки получили свое развитие в начале 1990-х годов, когда стало актуальным изучение вопросов репрессированных ученых, социальной истории науки, истории истори-

ческой науки и т. д. К таким исследованиям относятся работы Л. Г. Берлявского «Отечественная наука и политика (1920–1930-е годы)», В. Я. Александрова «Трудные годы советской биологии», С. И. Романовского «Наука под гнетом российской истории» и др.

С начала XXI века с новых методологических позиций стали переиздаваться истории Северо-Кавказских республик, в которых отдельные параграфы посвящены развитию науки и общественной мысли регионов. («История Северной Осетии. XX век»; «История Дагестана. XX век»).

В постсоветский период в региональной историографии, в контексте общих работ по истории культурной революции и местной интеллигенции в регионе, появились самостоятельные исследования ученых Т. А. Булыгиной [3], М. Е. Колесниковой [5], Н. Д. Судавцова [7], И. Т. Цориевой [10], посвященные истории высшей школы, науки, формирования кадров ученых и другие проблемы.

Среди специальных работ, затрагивающих изучаемую проблему, следует выделить исследование А. Н. Еремеевой «Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века». Автор с новых методологических позиций социальной истории науки, устной истории и др. рассматривает статус ученых в обществе, их профессиональную общественную деятельность в контексте социально-политических изменений в обществе, стратегии адаптации к идеологическому, организационному воздействию со стороны государства, партии и др. Особое внимание автор уделяет региональным аспектам проблемы, характеризуя научное сообщество не только столицы, но и северокавказской провинции на различных этапах развития отечественной истории XX века.

Таким образом, анализ историографии истории науки на Северном Кавказе показал, что единое исследование проблемы как целостного явления отсутствует. В представленных работах история науки носит фрагментарный характер. Многочисленные труды, связанные с вопросами истории науки на Северном Кавказе отражают различные аспекты проблемы, которые можно объединить в следующие направления: исследования по истории государственной политики в

области науки и образования, организация и управление наукой; труды по истории высшей школы; работы по истории научных обществ, научных школ и направлений; исследования по истории отдельных отраслей науки; работы по истории научной интеллигенции и роли ученого в жизни общества; подготовка кадров для научных учреждений; биографии ученых и организаторов науки.

При всем разнообразии фактического материала и многовариантности проблем советскую историографию отличает единство теоретических подходов. Их суть состоит в следующем. Наука, ее структурные элементы выступали в качестве инструмента идеологии, как в содержании, так и в функциях. Все главные принципы научности ставились в зависимость от партийности. Любое исследование исходило из посылки о прогрессивном, поступательном развитии советской науки. Критика советской науки строилась не на анализе внутреннего научного механизма, а на политических оценках. Отсутствием возможности беспристрастного творческого изучения проблемы можно объяснить тот факт, что в советской историографии отсутствует обобщающий труд по истории науки и научного пространства как страны, так и отдельных регионов, в том числе республик Северного Кавказа.

Постсоветскую историографию отличает публицистическая размашистость, субъективистская политизированность, она стимулировала поиски болевых точек истории науки в целом, ее отдельных отраслей и структурных элементов. В этой литературе были намечены пути научного поиска, которые получили свое развитие в современной литературе конца XX начала XXI века. Разнообразные методологические подходы позволил нынешним историкам создавать работы, по-новому раскрывающие проблемы государственной политики в отношении науки в XX веке, организационных принципов управления, деятельности научных сообществ и выдающихся ученых, их социальный статус и т. д.

Поэтому остается перспективной задача изучения истории науки на Северном Кавказе на фоне общегосударственных преобразований и выявления региональной специфики проблемы.

Литература

1. Абилов А. А. Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина: Исторический очерк. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1981. 318 с.
2. Алиев А. И. Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат 1969. 223 с.
3. Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР. 1945–1985 гг. М.: ИГИ, 2000. 240 с.
4. Загиев Д. Б. Кузница кадров специалистов цветной металлургии. (К истории создания СКГМИ) // Известия СОНИИ. 1970. Т.28. С. 197–124.
5. Колесникова М. Е. Кавказское горное общество (страницы истории) // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. Вып. 2. С. 98–106.
6. Котов П. Н. Победа культурной революции в Северной Осетии – проявление закономерности и особенности социалистического строительства // Труды СКГМИ. 1970. Вып. XXVI. С. 305–346.
7. Ованесов Б. Т., Судаццов Н. Д. Ставропольское медицинское общество // Ставропольский хронограф. Ставрополь: СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2002. С. 208–215.
8. Магидов А. М. Дагестанский педагогический. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1981. 210 с.
9. Тотоев М. С. Октябрьская революция и культура северной Осетии в 1917-1920 гг. // Ученые записки СОГПИ. 1968. Т.28. Вып.2. С. 184–211.
10. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х-середина 60-х гг. XX в.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 360 с.
11. Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе: Кн. Изд-во управления печати СМ СОАССР, 1967. 280 с.

УДК 94(470.6).084

Г. Н. Каменева**ОПЫТ СЛУЖБЫ ЖЕНЩИН В РЯДАХ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
(1941–1945 гг.): НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ**

В статье представлен анализ мобилизационных наборов женщин Юга России в ряды Военно-Морского Флота (ВМФ) в годы Великой Отечественной войны, рассмотрены вопросы организации и сроков массовых призывов, работы медицинских комиссий, причин отсева девушек, первоначального военного обучения призывниц и подготовки участниц морских десантных подразделений, условий службы женщин-краснофлотцев и др. Приведены примеры трагического опыта первого потока мобилизации женщин в период Керченского отступления советских войск в мае 1942 года. В ходе исследования автор

приходит к выводу, что за годы войны более 4 тыс. девушек-комсомолок Юга России служили по 25 специальностям в составе Черноморского, Балтийского флотов и Каспийской военной флотилии.

Ключевые слова: женщины-краснофлотцы, флотские специальности женщин, Черноморский флот, Каспийская военная флотилия, женщины в морской пехоте, флотские экипажи, части береговой обороны и гидрографической службы, учреждения ВМФ, военно-морские учебные заведения, санитарно-медицинские части флота.

G. N. Kameneva**NAVY WOMEN SERVICE EXPERIENCE (1941–1945).
BASED ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA**

This article presents the analysis of women recruitment in Navy during the Great Patriotic War in the South Russia, the organization problems and periods of mass drafts, the work of medical commissions, the causes of women dropout, the original military training of recruits and the training of seaborne assault troopers, the service conditions of the Red Navy women etc. The tragic experience examples of first women mobilization stream during the Kerchensk retreat of Soviet troops in May 1942 are adduced. In the course of the study it is concluded that over the years more than four thousands of south Russia Komsomol

women served over twenty-five specialties as part of the Black Sea and Baltic fleets and the Caspian military fleet. Despite of all the costs of operational mobilizations the replacement between men and women in different posts let release men to stay in front lines.

Key words: The Red Navy women, the navy women specialties, the Black Sea Fleet, the Caspian military fleet, women-marines, naval depots, units of coastal defense and hydrographic service, navy establishments, naval educational institutions, medical fleet units.

Известно, что большую помощь войскам Южного, Северо-Кавказского, Сталинградского фронтов в годы Великой Отечественной войны оказали Черноморский флот, Азовская и Каспийская флотилии, однако малоизученным и 70 лет спустя после окончания войны является вопрос службы женщин во флотских формированиях Юга России. Исследовательский интерес представляю

различные вопросы: социально-демографические характеристики женщин-краснофлотцев, условия службы, их численность, дислокация, специализация и боевые подвиги.

Анализ показал, что массовые женские мобилизации женщин во флот пришлось на 1942 год, когда, учитывая большие потери личного состава Вооруженных Сил страны, государство решило одобрить патристиче-

ский порыв женщин. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны №ГКО-1703 от 5 мая 1942 г. в целях более рационального использования личного состава мужского пола в береговых частях и учреждениях Военно-Морского Флота (ВМФ) через обкомы, крайкомы ВЛКСМ по первому потоку мобилизации в ВМФ в стране были призваны 15 тыс. девушек-комсомолок и не-комсомолок-добровольцев, в возрасте от 19 до 25 лет, с образованием 5–9 классов [9, л. 202] (табл. 1).

Таблица 1
Мобилизационные наряды (1-го потока)
девушек в ВМФ для субъектов Юга России
[6, л. 14–17]

Организаторы мобилизации – организации ВЛКСМ субъектов региона	Количество призывниц	Место назначения (флоты и флотилии)
Сталинградский обком	300	Черноморский флот, г. Новороссийск, п. Кабардинка
Краснодарский крайком	550	
Орджоникидзевский крайком	550	
Ростовский обком	400	Каспийская военная флотилия, г. Баку
Сталинградский обком	450	
Калмыцкий обком	150	
Итого	2400	

В докладной записке секретаря Ростовского обкома Ю. Сорина, направленной заведующему военным отделом ЦК ВЛКСМ Постникову, о выполнении задания по мобилизации девушек в ВМФ от 6 июня 1942 г. сообщается о массовом добровольческом порыве женской молодежи служить во флоте и готовности обкома мобилизовать 700 девушек. Будущим краснофлотцам комитеты комсомола на местах организовывали теплые проводы. Уже к 1 июня 1942 г. было мобилизовано 470 девушек-добровольцев. Комсомолки составляли 75,3 % от мобилизованных. Сорин Ю. просил сообщить срок отправки 2-й группы девушек (сверх нормы) в количестве 300 человек. Однако оперативная мобилизация дала отсев 69 человек (14,6 %): среди доброволок оказались девушки с хронически-

ми заболеваниями, имеющие низкое зрение, с образованием менее 5 классов, старше 25 лет, беременные. К 5 июня 1942 г. 401 девушка были отправлены в г. Новороссийск, п. Кабардинка Геленджикского района [6, л. 67–68].

Согласно документам ЦК ВЛКСМ, к 4 июля 1942 года в состав Черноморского флота поступило 2367 девушек, в т. ч. 749 из Куйбышевской и Саратовской области. В боевые части было зачислено 1283 девушки, в части боевого обеспечения – 1084 [6, л. 23–26]. Вместе с тем, в политдонесении Северо-Кавказского Военного Округа (СКВО) от 31 мая 1942 г. указывается другая цифра мобилизованных девушек: всего в береговые и тыловые части Черноморского флота – 2700 девушек, 50 % из которых были добровольцы, 70 % – комсомолки. Из 2700 человек в гвардейские части было отобрано 595 девушек [9, л. 202–204]. Среди распространенных социально-политических причин отсева было наличие родственников – иждивенцев, репрессированных или проживающих за границей, осужденных, имеющих национальность коренных народов государств-противников. Прибытие девушек в места назначения происходило в период до 15 июля 1942 года. Проводилась разноплановая работа по выявлению и повышению политико-морального состояния девушек: беседы, опросы, агитационно-пропагандистские лекции, встречи с девушками-орденоносцами.

Весенне-летние призывы девушек 1942 г. проводились в период сложнейших военно-стратегических событий на Юге страны. Азовская флотилия и Черноморский флот по указанию Ставки Верховного Главнокомандования содействовали войскам Советской Армии в обороне побережья, перегруппировке наземных войск и доставке им воинских грузов, обеспечивали эвакуацию раненых и материальных ценностей, обеспечивали переправу частей 56, 9, 24, 37-й армий.

С первыми женскими пополнениями Базы Черноморского флота встретились уже в первые дни мая 1942 г. Женские мобилизации проводились в спешке, и как показывает анализ, имелись случаи, когда необученные и «необстрелянные» девчонки оказывались в эпицентре военных действий. Так, Ольга Акимовна Сердюкова (в девичестве Холодничкая) из станицы Азовской Северского района Краснодарского края свидетельствует о тех

драматических событиях: «Я была мобилизована 3 мая 1942 года в г. Краснодаре в числе 630 девушек-добровольцев. 5 мая мы оказались в Темрюке. Нас погрузили на корабль и сообщили, что повезут в тыл учиться на телефонисток. А 7 мая 1942 г. корабль прибыл в г. Керчь, где шли активные боевые действия. Ночь простояли на рейде, нас никто не пришел встречать, наутро оказалось, что пристань заминирована. Когда нас перебросили на сушу, мы ужаснулись: кругом изуродованная бомбежками земля и никого. Оказывается, люди укрывались в землянках под скалами. Нас бомбили день и ночь. Кухни не было, доедали то, что взяли из дома. Ни о каких занятиях не было речи. Мы друг друга плохо знали и командиров почти не видели. Только молодой лейтенант, который прибыл с нами в Керчь, так переживал, что поседел. Однажды нас, кто прятался в Аджимушкайских каменоломнях, собрали и сообщили, что 80 девчонок погибло. Каждый день кто-нибудь погибал. 16 мая мы впервые услышали, что нас называют девушками 50-го полка связи 47 Армии. Нам объявили, что за нами пришел катер. Но на него, хоть из 630 человек осталось 115, мы не попали – мужчины нас обошли. Переполненный катер ушел, а мы остались на мостике. Какой-то офицер сказал, что нужно спасаться, как можем, так как завтра здесь будут немцы. От отчаянья, когда подошел очередной катер с баржей, мы, восемь девчонок, державшихся вместе, бросились в воду. Пятерым удалось влезть на баржу. От перегрузки баржу начало заливать водой. С баржи открыли стрельбу, чтобы отогнать от нее людей. Мы отплыли, а сколько осталось... Когда до берега осталось 70 метров, нас начали обстреливать немецкие самолеты. Многие попрыгали в воду, прыгнули и мы. Из пятерых выплыли трое. Шли по берегу трое суток до Темрюка. Всюду были трупы людей, животных. В Темрюке нам выдали сухой паек и отправили по своим военкоматам. 26 мая я вернулась в ст. Азовскую. Дома думали, что меня уже нет в живых. А 10 июня 1942 года я была повторно мобилизована и направлена в Объединенную школу Черноморского флота» [1, с. 19]. Сведения О. А. Сердюковой подтверждают документы Центрального архива Министерства обороны – наряд по линии партийных и советских органов от 28 апреля 1942 г. за подписью

начальника штаба СКВО генерал-майора А. И. Бармина о мобилизации девушек и отправке их в Управление связи Крымского фронта в г. Керчь [10, л. 209]. Однако боевая обстановка во время трагедии Крымского фронта настолько стремительно менялась, что девушки после прибытия к месту дислокации в течение десяти дней находились при гарнизоне Керченской Военно-Морской Базы (КВМБ) в районе береговых частей наблюдения и связи. Они покинули Керчь вместе с оставшимися членами гарнизона КВМБ (военком В. А. Мартынов) и отдельными подразделениями отступающих войск. Ольга Акимовна служила до ноября 1945 года и до конца жизни задавала вопрос: как допустили эти бессмысленные жертвы? Немало девушек оказалось в плену. А пережившие в концлагерях издевательства и унижения, которые после освобождения столкнулись на родине с недоверием и подозрительностью.

Елена Петровна Нарыжная (в девичестве Залетова) из г. Орджоникидзе также с тяжестью в сердце вспоминает Керченское отступление. Ее готовили в составе спецгруппы войск НКВД к высадке воздушного десанта в г. Керчь. Однако операция не удалась. Большая часть десантников погибла в ст. Крымской в результате авиабомбардировки, спецбригада была расформирована, а выжившие включены в состав 47-й Армии, а затем в дислоцировавшуюся в г. Геленджике 81-ю бригаду морской пехоты 18-й Армии Северо-Кавказского фронта (отдел контрразведки) [5, с. 27].

Второй поток мобилизации девушек в ВМФ начался с августа 1942 года и составил по стране 10873 человек [6, л. 14–17]. В связи с начавшей оккупацией Северного Кавказа выполнение наряда мобилизации девушек 2-й очереди на Черноморский флот в количестве 2350 человек был приостановлен (с зачислением подобранного контингента в резерв ВМФ). Вместе с тем, Сталинградским и Калмыцким обкомами комсомола проводились мобилизации девушек в состав Балтийского флота и Каспийской флотилии.

Каспийская военная флотилия (КВФ) во время Великой Отечественной войны выполняла широкий круг задач: ее корабли сопровождали транспорты с военными грузами и нефтью, прежде всего, из Баку в Астрахань и Красноводск; обеспечивали доставку гру-

зов, поступающих по ленд-лизу из иранских портов на север, противовоздушную оборону морских транспортов. Канонерки и катера флотилии поддерживали огнем части Красной армии, защищавшие Сталинград. Корабли КВФ производили боевое траление на подходах к Астрахани, переброску на западное побережье моря корпусов, сыгравших важную роль в наступлении Северной группы войск Закавказского фронта.

Таблица 2

Мобилизационные наряды (2-го потока) девушек в ВМФ для субъектов Юга России [6, л. 44–54]

Организаторы мобилизации – организации ВЛКСМ субъектов региона	Количество призывниц	Место назначения (флоты и флотилии)
Сталинградский обком	500	Краснознаменный Балтийский флот (КБФ)
Калмыцкий обком	150	Каспийская Военная флотилия (КВФ)
Сталинградский обком	450	
Итого	1100	

Отсев девушек, направленных в ряды КВФ, составил 14,5 % (74 человека), из них 2/3 – по причине формального проведения местными военкоматами медицинских осмотров девушек. Массовое привлечение женщин в Вооруженные Силы страны выявило ряд неотработанных ранее вопросов в военно-мобилизационной работе: не всегда медкомиссии имели в своем составе гинеколога, терапевта, лор-врача, окулиста; отсутствие женской военной формы и необходимых для женщин в массовом количестве размеров одежды и обуви, гигиенических средств и особых бытовых условий для женщин; не была разработана система учета женского состава ВМФ и др. В РВК г. Астрахани не придерживались принципа добровольности. Большинство из призванных девушек были учащимися, которые заявили, что в день мобилизации в 12 часов дня у них закончился последний урок, к 14 часам они были вызваны в военкомат, а 18 часов началась отправка в г. Баку (в состав КВФ) [6, л. 60–62].

Анализ социально-демографических данных второго призыва в ВМФ по КВФ и ЧФ

показывает, что из числа мобилизованных преобладали девушки-служащие и учащиеся преимущественно 1919–1925 гг. рождения.

Во время нахождения мобилизованных в плановом карантине и прохождения через приемно-технические комиссии (ПТК), с девушками проводилась первоначальная военная подготовка из расчета 110 часов: изучение уставов – 28 час., химподготовка – 16 час., стрелковая подготовка – 26 час., строевая подготовка – 40 часов. В период обучения девушек привлекали к практическому несению службы в ротах и казарме в качестве: дежурных и дневальных по ротам, наряда во внутренний караул, пожарных постовых, наблюдателей по службе ВНОС.

Отбор призывниц производили первоначально по гражданским специальностям: электрики, радисты, телефонисты, шоферы, чертежники, топографы, метеорологи, писари, лаборанты, киномеханики, библиотекари, парикмахеры, повара, санитары и другие. Однако специализация девушек впоследствии была значительно расширена: автоматчики, пулеметчики, снайперы. В целом женщины служили по 25 специальностям. Многие девушки выражали настоятельное желание служить на передовых позициях.

В отчетных документах об анализе прохождения военной службы девушек начальником 2-го отдела УПК ВМФ Дмитриевым и начальником 1-го отделения 2-го отдела Курковым в ЦК ВЛКСМ в 1942 году докладывалось: «...В изучении специальности девушки имеют большие успехи, давая образцы, которые могут служить примером для краснофлотцев-мужчин. Девушки, исполняющие должности писарей, коков, санитаров и др. проявили себя с наилучшей стороны, благодаря чему многие командиры частей, ранее скептически относившиеся к использованию в частях девушек, сейчас требуют увеличения нарядов. Имевшие место опасения, в смысле неудобства совместной службы в одной и той же части мужчин и женщин по каким-либо аморальным явлениям, не подтвердились, и там, где сколочен крепкий, здоровый коллектив и правильно расставлены силы, девушки сами подают сигналы, предупреждающие возможность аморальных явлений» [6, л. 62].

Девушек направляли во флотские экипажи, порты, тыловые части береговой обороны, береговые части гидрографической

службы, военно-судебные и политико-просветительские учреждения ВМФ, военно-морские учебные заведения, в санитарно-медицинские части флота.

Так, в числе десятков госпиталей прибрежных районов Черноморья в период с 1942 по 1945 годы в Геленджике и Геленджикском районе базировался 43-й Военно-морской госпиталь Новороссийской военно-морской базы Черноморского флота. При госпитале была создана 19-я маневренно-корабельная хирургическая группа, которая забирала раненых с Малой Земли и доставляла в 43-й госпиталь. В госпитале работали медсестры Е. К. Пятова, В. А. Жменько, П. М. Дейдик, В. Жердева, М. Н. Куксина, Р. Незаметдинова, старшая операционная сестра Е. В. Ворожби-ева и мн. др. Всего за период боев в Новороссийске с сентября 1942 по сентябрь 1943 года 43-й военно-морской госпиталь принял 15 147 раненых. Указом Президиума Верховного Совета СССР госпиталь был награжден орденом Красного Знамени [2, л. 17].

В соединениях и частях ВМФ из девушек-краснофлотцев были укомплектованы десятки боевых расчетов и вахт. Качество работы этих расчетов было не ниже расчетов краснофлотцев-мужчин, а иногда и превосходило их. Например, только в частях ПВО Потийской ВМБ ЧФ насчитывалось 27 боевых расчетов, укомплектованных девушками: прожекторных станций – 2, аэростатных точек – 3, отделений телефонистов – 8, отделений радистов – 4. Прожекторная станция № 22, боевой расчет которой состоял из девушек, считалась одной из лучших в прожекторной роте. В июле 1944 года станция на протяжении месяца выполняла оперативное задание по обеспечению ночных полетов авиационной части. За хорошую работу командир авиационного полка объявил всему личному составу станции благодарность. Многие девушки-краснофлотцы освоили одновременно несколько военных специальностей» [6, л. 62].

Черноморский флот огнем корабельной и береговой артиллерии поддерживал соединения сухопутных войск в боях на приморских направлениях. Его соединения и части срывали морские перевозки противника, участвовали в обороне военно-морских баз, высадке морских десантов. Сотни женщин служили в бригадах морской пехоты. Отбор-

ные формирования Черноморской пехоты в годы Великой Отечественной войны превратились в своеобразный морской спецназ, которые командование использовало для выполнения самых сложных и нестандартных задач. Всего за годы войны Черноморским флотом было осуществлено 16 десантных операций, сыгравших стратегическое значение в развитии наступательных операций на Юге России. Так, доброволец Нина Марухно из станицы Гривенской Краснодарского края служила санинструктором с сентября 1942 г. в отдельной роте разведки Новороссийской ВМБ ЧФ, участвовала в выполнении спецзаданий в тылу противника, в диверсиях по разгрому малых гарнизонов врага в Анапском районе. С января 1943 года она служила санитаркой 393-го отдельного батальона морской пехоты ЧФ, в составе легендарного отряда Ц. А. Куникова участвовала в операции «Малая земля». В 19 лет Н. Марухно была награждена орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды [4, с. 1]. Среди участниц десантной операции «Малая земля» были также Мария Касьянова, Анна Пташко, Клавдия Недилько, Нина Хуцешвили, Антонина Бобкова, Надежда Горбачева, Полина Сербина, Александра Павленко, Елена Махновская, Александра Роман, Мария Мищенко, Панна Козлова и мн. др. [11, л. 137–141].

При комплектовании морских десантных частей и подразделений выбирали людей смелых, испытанных в боях, отважных, инициативных, готовых к самостоятельным действиям в экстремальной обстановке. По воспоминаниям Н. В. Старшинова, заместителя командира по политической части отряда Ц. А. Куникова: «Все без исключения участники десанта тренировались в стрельбе по звуку, в скалолазании, в метании гранат из любого положения. Учились быстро окапываться, ходить с завязанными глазами, метанию ножей, не глядя разбирать и собирать любое оружие, в том числе трофейное. Каждый должен был владеть пулеметами и минометами всех систем, орудиями противника. Учились распознавать минные поля, минировать и разминировать местность, по голосу и шепоту узнавать товарищей...» [8]. В составе отрядов морской пехоты служили медсестры Зинаида Романова, Лидия Верешагина, Надежда Ли-хацкая, Галина Воронина, Ольга Жерновая,

Любовь Шетинина; лейтенанты медицинской службы Анна Бондаренко, Мария Виноградова, Женя Хохлова, Валентина Пшеничная [8].

Девушки гвардейских частей демонстрировали образцы мужества и духовной силы. Клавдия Недилько (из г. Ейска), медсестра 83-й КБМП, погибла в боях под Новороссийском. В кармане у нее было найдено неотправленное письмо матери: «Привет, мамулька! Сегодня у нас необычный день. Мы идем в наступление, какое облегчение, какую радость испытывает каждый из нас. Настал час расплаты. Если нам придется даже отдать свою молодость, мы отдадим ее за своих отцов, братьев, сестер и матерей» [11, л.139].

В числе Героев Советского Союза – старшина медицинской службы Галина Петрова, доброволец из г. Новороссийска Краснодарского края. Осенью 1942 г. она была включена в состав 386-го отдельного батальона морской пехоты Новороссийской ВМБ ЧФ. Участница десантов на Малую землю и Керченский полуостров. Вовремя Керченско-Этильгенской десантной операции в Крыму 1 сентября 1943 г. поднялась в атаку по минному полю, увлекая за собой солдат. Вынесла в этом бою 30 раненых бойцов. За 1,5 года военной службы на ее счету сотни спасенных жизней советских солдат. Золотой Звезды Героя удостоена посмертно [12].

Сотни девушек-краснофлотцев служили в стрелковых частях ЧФ. Взводом отдельной роты автоматчиков 83-й бригады морской пехоты ЧФ командовала Евдокия Завалий (из Украины). Ее взвод всегда находился на острие боевых действий, служил тараном при наступлении бригады морской пехоты. Это подразделение наводило ужас на гитлеровцев дерзкими вылазками, за что немцы называли его командира «Фрау Черная смерть». Среди женщин – Героев Советского Союза, служивших в составе ЧФ, снайперы 255-й стрелковой морской бригады ЧФ – Елизавета Миронова (личный счет – более 200 солдат противника) и Ольга Васильева (185 солдат противника); уроженка г. Кропоткина Краснодарского края, снайпер Татьяна Костырина, 1924 г.р. (3-й стрелковый батальон 691-м стрелковый полк 383-й стрелковой дивизии отдельной Приморской армии), уничтожившая более 120 немецких солдат и офицеров [3].

Около 300 девушек Черноморского флота награждены были орденами и медаля-

ми. Только по Новороссийской ВМБ 53 девушки-краснофлотца удостоены правительственных наград. Несколько сотен девушек на флоте были награждены медалями «За оборону Кавказа», значками «Отличник ВМФ», «Отличный связист», «Отличный санитар» и др. [7, л. 55].

Согласно материалам аналитического доклада начальника комсомольского отдела Главного политуправления ВМФ, М. Головлева секретарю ЦК ВЛКСМ О. Мишаковой от 16 февраля 1945 года всего в составе флотов и флотилий страны служило 21292 девушки, в т. ч. по ЧФ – 3272 [7, л. 1]. Однако эти цифры представляются неполными, так как численность девушек по флотам и численность девушек по военным округам, призванным в состав тех или иных флотов, противоречивы. Комсомольские мобилизации не отражают всей совокупности женщин в ВМФ. Кроме того, до середины 1942 года численность женщин включали в общую численность военнослужащих, отлаженная система учета женского состава сложилась лишь к концу 1943 года. Учет потерь личного состава по гендерному признаку не велся. Поэтому безвозвратные, санитарные потери женщин оценить представляется весьма затруднительным. Расхождения о количестве женщин-военнослужащих Главное управление формирования (ГУФ) объясняло тем, что женщины поступали в части не только в результате целенаправленных призывов по субъектам, но и из лечебных учреждений через пересыльные пункты. Сохранились документальные свидетельства, указывающие на существование практики мобилизации граждан полевыми военкоматами [13, л. 211]. В период оккупации Северного Кавказа и прерванного 2-го потока мобилизации девушек в состав ЧФ через традиционную систему военкоматов, формирование бригад морской пехоты происходило за счет резервов стрелковых частей Северо-Кавказского фронта.

Вместе с тем, выводы М. Головлева о целесообразности привлечения женщин во флот однозначны: «Прошлые призывы девушек для службы в ВМФ полностью себя оправдали. Краснофлотцы-девушки с возложенными обязанностями справляются не хуже, а зачастую лучше мужчин. Приход девушек в части флота дал возможность высвободить краснофлот-

цев-мужчин, которые были направлены на передовые линии фронта» [7, л. 56].

Анализ показал, что пики мобилизации девушек в ВМФ пришлось на весну и осень 1942 года. Только по комсомольским призывам в состав Черноморского флота и Каспийской флотилии было призвано более 4 тыс. девушек, подавляющая часть которых являлись добровольцами. Всего девушками было освоено 25 специальностей, сотни женщин героически служили по медицинским и

стрелковым специальностям в бригадах морской пехоты. Привлечение женщин в 1942 г. в части флотов и флотилий Юга России, находившихся в стратегической взаимосвязи с сухопутными войсками, происходило в рамках общегосударственной политики для снятия остроты проблемы кадров в Вооруженных Силах страны в переломный период войны. Однако первый опыт массовый мобилизации женщин отличался издержками и непродуманностью.

Литература

1. Война. Керчь. Отступление // Вольная Кубань. 2004. 7 мая.
2. Геленджикский краеведческий музей (ГКМ). Ф.10. Оп.1. Д.222.
3. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь: в 2-х тт. М.: Военное издательство, 1987. [Электронный ресурс]. URL: <http://az-libr.ru/> (Дата обращения: 25.11.2015).
4. Дочь Кубани // Большевик. 1943. 10 июля.
5. «Малышка» из особого отдела // Кубанские новости. 2005. 7 мая.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.М-1. Оп.47. Д.53.
7. РГАСПИ. Ф.М-1. Оп.32. Д.331.
8. Старшинов Н. В. Зарево над волнами. Мемуары. Симферополь: Таврия. 1971. [Электронный ресурс]. URL: <http://az-libr.ru/> (Дата обращения: 25.11.2015).
9. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф.32. Оп.11289. Д.301.
10. ЦАМО. Ф.114. Оп.13189. Д.107, Д. 291.
11. ЦАМО. Ф.32. Оп.11310. Д.35.
12. Газета Северо-Кавказского фронта «Вперед за Родину!». 1943. 16 мая.
13. ЦАМО. Ф.47. Оп.1011. Д.215.

УДК 327(091)

Т. В. Каширина**КОНФЕРЕНЦИЯ В ДУМБАРТОН-ОКСЕ В 1944 Г. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ**

В статье на основе анализа документов международной конференции представителей СССР, США и Великобритании, проходившей в Думбартон-Оксе в 1944 г., рассмотрено сотрудничество стран антигитлеровской коалиции по проблеме создания ООН. Автором уделено внимание вопросам, по которым было достигнуто согласие между союзными державами, но и проблемам, по которым проявились разногласия. В первую

очередь, это вопрос членства и голосования в Совете Безопасности ООН. Сделан вывод о важной роли встречи в Думбартон-Оксе, которая способствовала развитию сотрудничества между державами антигитлеровской коалиции в годы Второй Мировой войны.

Ключевые слова: история, Вторая Мировая война, международные отношения, антигитлеровская коалиция, ООН, конференция, Думбартон-Окс.

T. V. Kashirina**DUMBARTON OAKS CONFERENCE IN 1944 AND ITS INFLUENCE
ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE ANTI-HITLER ALLIATION**

The article studies cooperation of the anti-Hitler coalition on the issue of the creation of the United Nations. The analysis is performed on the basis of documents presented by representatives of the USSR, the USA and Great Britain at the international conference held at Dumbarton Oaks in 1944. The focus is on the issues on which agreement had been reached between the Allied Powers, as well as the issues on which differences emerged. First and foremost

2015 год отмечен двумя важнейшими событиями. Это 70-летие Великой Победы над фашизмом, достигнутой героическими усилиями советского народа, вынесшего основные тяготы Великой Отечественной войны и сыгравшего определяющую роль в Победе над фашистской Германией.

В ходе Второй Мировой войны была создана антигитлеровская коалиция в составе великих держав СССР, США и Великобритании. Благодаря совместным военным и дипломатическим усилиям стран-союзниц удалось разгромить немецко-фашистского агрессора.

Вторая важная дата – это 70-летие создания Организации Объединенных Наций. Огромный вклад в создание ООН, в опреде-

ление задач и принципов ее функционирования внесли советские дипломаты.

Key words: history, World War II, international relations, the anti-Hitler coalition, the United Nations, Conference, Dumbarton Oaks.

ление задач и принципов ее функционирования внесли советские дипломаты.

Одним из важных этапов совместного сотрудничества стран антигитлеровской коалиции стала конференция представителей СССР, США и Великобритании, проходившая с 21 августа по 28 сентября 1944 г. в Думбартон-Оксе. Эта международная конференция заложила основы послевоенного устройства и фундамент ООН.

Конференция в Думбартон-Оксе была созвана по инициативе СССР. Советская делегация на Московской конференции в октябре 1943 г. внесла предложения об учреждении Всеобщей международной организации [5, с. 33] (первоначальное название будущей

ООН). Советские дипломаты подчеркивали необходимость согласования действий трех государств в связи с предстоящим созданием Международной организации безопасности и определением конкретных путей в этом направлении.

Решения Московской конференции были подтверждены на Тегеранской конференции Большой тройки в декабре 1943 г.

Нормативно-правовую основу для создания ООН составила Декларация Объединенных наций о совместных усилиях в борьбе против Германии, Италии и Японии, подписанная в Вашингтоне 1 января 1942 г. представителями 26 государств, в том числе СССР.

Военные успехи Красной Армии, открытие Второго фронта создали объективные предпосылки для создания ООН. В связи с этим с мая 1944 г. началась подготовка конференции в Думбартон-Оксе. Участвовавшие в конференции страны подготовили соответствующие меморандумы, которые стали основой для переговоров. США предлагали создать ООН до прекращения военных действий [5, с. 67–68]. Великобритания предлагала следующее – четыре великие державы, в т. ч. Китай, должны занимать особое положение, иметь постоянные места в ООН, и на них должна быть возложена ответственность за поддержание мира [5, с. 96–97]. В советском меморандуме подчеркивалась необходимость создания основных органов ООН (Общее Собрание, Совет, Международный Суд, Генеральный секретариат) и главной целью определялось – поддержание всеобщего мира и безопасности и разрешения международных конфликтов мирными способами [5, с. 102].

Советскую делегацию, в состав которой вошли видные дипломаты, историки, военные, юристы, возглавил посол СССР в США А. А. Громыко. Главой американской делегации был назначен заместитель государственного секретаря Э. Стеттиниус. Английскую делегацию возглавил заместитель министра иностранных дел А. Кадоган.

Местом конференции правительство США выбрало построенный в 1802 г. трехэтажный особняк в Думбартон-Оксе на окраине Вашингтона, принадлежавший Гарвардскому университету. В здании, где студенты изучали искусство античных и византийских мастеров, утром 21 августа 1944 г. государ-

ственный секретарь США Кордэлл Хэлл открыл заседание конференции.

За столом переговоров собрались представители стран с разными политическими и социально-экономическими системами, имевшими разные цели в послевоенном мире. И что особенно важно, вносящими разный вклад в разгром фашистской Германии. Основная тяжесть военных действий даже после открытия второго фронта продолжала лежать на Красной Армии.

На конференции была быстро достигнута договоренность о целях, принципах и основных органах ООН. В качестве главной цели на первый план было поставлено «поддержание международного мира и безопасности и принятие с этой целью эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и обеспечения мирными средствами урегулирования или улаживания международных споров, которые могут привести к нарушению мира» [5, с. 229].

В качестве важных целей было также указано развитие дружественных отношений между нациями и осуществление международного сотрудничества в области экономических и социальных вопросов.

Было договорено, что Международная организация безопасности должна действовать в соответствии со следующими принципами: принцип суверенного равенства всех миролюбивых государств; принцип выполнения государствами-членами взятых на себя обязательств; воздержания от угрозы силой; воздержании от помощи государству, против которого организацией предприняты меры превентивного или принудительного характера [5, с. 229–230].

В качестве основных органов организации, которую предлагалось назвать «Объединенные Нации», были намечены: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Международный Суд и Секретариат [5, с. 230], а также Экономический и Социальный Совет.

Было решено, что Генеральная Ассамблея будет состоять из представителей всех государств – членов международной организации, каждое государство будет иметь один голос. Генеральная Ассамблея будет избирать непостоянных членов Совета Безопас-

ности, членов других органов и по рекомендации СБ назначать генерального секретаря, утверждать бюджет организации. Решения Генеральной Ассамблеи должны приниматься большинством в две трети голосов.

Основные разногласия на конференции развернулись вокруг вопроса первоначального членства в ООН и о порядке голосования в СБ ООН. Советская делегация в число первоначальных членов ООН предлагала включить все 16 советских республик. Сталин мотивировал это тем, что советские республики, например, Украина и Белоруссия, по количеству населения и по территории превосходят некоторые европейские страны. На тот момент это предложение советской стороны не было поддержано.

Советская делегация внесла предложение о запрете членства в ООН для фашистских государств [5, с. 207], подчеркнув, что в состав должны войти миролюбивые государства [5, с. 230].

Острые дискуссии развернулись по вопросу о порядке голосования в СБ ООН. Было решено, что члены СБ должны приходить к единогласию. Страны-члены СБ, затронутые конфликтом, не должны были участвовать в голосовании, т.к. могли наложить вето. Окончательное решение по процедуре голосования было принято на Ялтинской конференции 1945 г.

Без особых дискуссий были приняты решения о Международном Суде, об Экономическом и Социальном Совете.

В заключительный документ конференции был внесен раздел о мероприятиях переходного периода, в котором указывалось,

что до создания ООН участники конференции должны консультироваться по совместным действиям, необходимым для поддержания международного мира и безопасности [5, с. 241].

На заключительном пленарном заседании глава советской делегации А. А. Громыко отметил «дружественную атмосферу, в которой делегаты проводили свою работу [5, с. 226]. В опубликованном коммюнике подчеркивалось, что «переговоры были полезны» [5, с. 228]. Газета «Нью-Йорк таймс» в номере от 15 октября 1944 г. отмечала, что прошлая неделя навсегда войдет в историю не только за битвы на полях сражений, но особенно за «опубликование ориентировочных предложений, разработанных в Думбартон-Оксе и подписанных представителями США, Великобритании, СССР» [5, с. 258–259].

Встреча в Думбартон-Оксе была одной из самых результативных дипломатических встреч Второй Мировой войны. Конференция являлась одним из значительных событий в процессе развития сотрудничества держав антигитлеровской коалиции в период Второй Мировой войны. Документы, разработанные на конференции, оказали влияние на послевоенное устройство мира, заложив нормативно-правовую базу ООН.

Изучение переговорного процесса, проходившего в годы Второй Мировой войны, является актуальным для понимания современных международных отношений и открывает перспективы для нахождения способов и путей урегулирования возникающих проблем и международных кризисов.

Литература

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: 2-х т. Т.2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М.: Политиздат, 1976. 328 с.
2. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / под ред. А. Д. Богатурова. Том II. М.: НОФМО, 2003–2004. 247 с.
3. Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1976: Сборник документов. Т.1: 1969 – май 1972: в 2-х кн. Кн.1: 1969-1971. М.: Международные отношения, 2007. 752 с.
4. Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1976: Сборник документов. Т.1. Кн. 2: январь–май 1972 / МИД РФ; государственный департамент США. М.: Международные отношения, 2007. 624 с.
5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов / МИД СССР. М.: Политиздат, 1978. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. – 28 сент. 1944 г.) 1978. 294 с.

6. Согрин В. В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
7. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сент. 1939 – август 1939 гг.). Докум. и материалы. М.: Политиздат, 1971. 671 с.
8. Christopher W. In the stream of history: shaping foreign policy for a new era. Stanford, Calif., 1998. 586 p.
9. Noguee J. L., Donaldson R.H. Soviet foreign policy since World War II. N.Y., 1988.

УДК 93.94

А. А. Кудрявцев

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГРЕБЕНСКОГО И ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА РАННЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

В статье акцентируется внимание на том, что в XVI в. важным проводником российского влияния на Северном Кавказе вступило гребенское и терское (низовое) казачество, формирование которого началось в низовьях Сунжи и Терека в XV–XVI вв. Отмечены специфика повседневной жизни быта гребенских

и терских казаков: хозяйственно-земледельческие для первых и традиционно-ватажные для вторых, что не отразилось на их главной задаче – защита интересов и южных рубежей России.

Ключевые слова: казак, происхождение, защита, хозяйство, служба, станица, городок, этнос, набег.

A. A. Kudryavtsev

SPECIFIC FEATURES OF FORMATION AND HISTORICAL ROLE OF GREBENSKY AND TERSKY COSSACKS AT THE EARLY STAGE OF DEVELOPMENT

Since XVI century the important bearer of Russian influence in the North Caucasus were Grebensky and Tersky (local) Cossacks. Their emergence began in lower reaches of Sunzha and Terek in the XV–XVI centuries. Everyday life features of Grebensky and Tersky (local) Cossacks are specified: economic and agricultural for the

former and traditional for the latter. It should be noted that it did not interfere with their main task – protection of interests and the southern boundaries of Russia.

Key words: cossack, origin, protection, economy, service, village, town, ethnos, attack.

Казачеству в многовековой истории России принадлежит особая роль, неразрывно связанная с основными этапами формирования и генезиса российского общества.

В процессе своего исторического развития, «казачество из буйной вольницы, смело боровшейся с воинственными соседями, постепенно превращается в неотделимую часть государства Российского, но с особым укладом своей жизни и своими обычаями» [2, с. 14].

Уже с XVI века Запорожское и Малороссийское казачьи войска на юге, Гребенское, Терское, Донское, Волжское, Яицкое (Уральское) – на юго-востоке, своеобразным кольцом окружали границу Русского государства, прикрывая его от нападения многочисленных врагов.

Среди региональных казачьих сообществ России терское и гребенское казачество занимает особое место, которое было обусловлено спецификой его развития, геополитической ролью и значением Северного Кавказа для Российского государства, полиэтничностью и многоконфессиональностью Северо-Кавказского региона. Оно раньше донского, волжского, яицкого казачества стало нести реальную «государству службу», и не случайно «с 1577 года ВЫСОЧАЙШЕ повелено считать старшинство нынешнего Терского казачьего войска» [12, с. 27].

Проблема времени появления и происхождения первых казаков на Северном Кавказе и сегодня остается дискуссионной в исторической литературе.

Одни исследователи считают, что на Терек и Сунжу казаки пришли с Дона, откуда казачьи «ватаги» расселялись по рекам: Волге, Яику, Тереку. Произошло это после разгрома астраханского хана Емургея и взятия русскими Астрахани в 1554 г. Однако, более вероятной является версия о заселении «гребней» и низовий Терека выходцами из Рязанской земли.

Местные казачьи предания возводят появление первых русских людей на «гребнях» и в низовьях реки Терека к времени Ивана III и связывают их с выходцами («беглыми» и «переселенцами») из юго-восточных территорий Рязанского княжества («Рязанской украины»), оказавшихся под сильным давлением Москвы.

По мнению И. Д. Попко, массовые переселения с территории Рязанского княжества происходили в XV–XVI вв., а последнее из них произошло в первой четверти XVI века, «когда рязанский удел окончательно утратил свою самостоятельность и был поглощен Москвой [12, с. 15]. При этом, основываясь на местных преданиях казаков одной из наиболее ранних гребенских станиц – Червленой (1567 г.), И. Д. Попко сопоставляет ее с Червленым яром в южной части Рязанского княжества. Изучения диалект, сохранивших чистоту своего языка гребенцов, проживавших в относительной замкнутости и изолированности, Н. А. Караулов пришел к выводу, что казаки вышли не из южных областей Рязанского княжества, а из восточных.

К числу наиболее ранних гребенских станиц, согласно данным Терского областного статистического комитета, относится и станица Шадринская (1569 г.). Терский войсковой атаман, генерал-лейтенант Г. А. Вдовенко (1861–1918 гг.) в связи с упоминанием уже в XVI веке казачьих сообществ на юго-востоке Российского государства, писал: «Я говорю «упоминаются», но, несомненно, что казачество в этих местах появилось гораздо раньше: уже одно присутствие в Терском войске знамен с эмблемами Вольного Новгорода – «медведь с креслом» – и Рязанского княжества – указывает, в какую эпоху они осели на Терке» [4, с. 19].

Проблема происхождения казачества и времени его появления в южнорусских степях и Предкавказье является дискуссионной и опирается на довольно обширную историо-

графическую базу, где довольно значительная литература посвящена версии о «бродниках» и их роли в становлении казачества на Юге России. Ряд исследователей (Б. А. Рыбаков и др.) предполагают возможность проникновения славянского этноса в степи Северного Причерноморья и Предкавказья еще в первые века н.э. Потомки представителей этих славянских племен могли оказать определенное влияние на этно-политическую обстановку в этом регионе, что способствовало даже появлению в отечественной историографии гипотезы о «Причерноморской Руси» (к известным «Киевской и «Новгородской»). В пользу подобного предположения о достаточно раннем появлении, еще до Тмутараканского княжества, славян в Предкавказье, Приазовье и Северокавказском Причерноморье свидетельствуют некоторые данные материалов археологических исследований и сообщений арабских авторов IX–X вв. о Кавказе. Так раскопки ряда раннесредневековых могильников VII–VIII вв. Северо-Западного Кавказа (Пашковский, Борисовский) выявили захоронения с обрядом трупосожжения, который исследователи связывают со славянами. В этой связи следует отметить сведения о славянах в Низовье Дона, на Таманском полуострове, в Предкавказье, которые сообщают очень авторитетные арабские историки IX века ал-Баладзори и Ибн-Хордадбех.

При описании похода знаменитого арабского полководца Мервана б. Мухаммада, позднее ставшего последним халифом из династии Омайядов, против хазар в 115–127 г.х. / 733–744 гг. ал-Баладзори (ум. 892 г.) писал, что «Мерван вышел из Дербента и, преследуя, «напал на славян», живших в стране хазар, дошел до славянской реки» (видимо Дона) и переселил из этих мест в Закавказье 20 000 славянских семейств [1, с. 18]. Другой известный арабский историк IX в. Ибн-Хордадбех также называет Дон «славянской рекой», а торговых людей русов – «род славян». «Нахр ар-Русийа» – именует реку Дон арабский автор Идриси.

В связи с походами русов в IX–XI вв. на Каспий, Северо-Восточный и Восточный Кавказ особый интерес вызывают данные арабского историка X века ал-Масуди, который в своем знаменитом труде «Мурудж ад-Дзахаб», сообщая о пути русов из Черного и Азовского морей по Дону и Волге в

Каспий, называет Дон «Танаисом» и рекой, «вливающейся в залив моря Нитас (Понт) – моря русов, по которому не плавают другие [племена], и они (русы) обосновались на одном из его берегов» [10, с. 15]. Активное участие русов в социально-политической жизни Дербента в 987–993 гг., зафиксированное в уникальной исторической хронике XI века «Тарих Баб ал-абваб», позволило крупнейшему востоковеду, профессору Кэмбриджского университета В.Ф. Минорскому, осуществившему перевод и публикацию этой хроники, предположить существование в X веке базы русов на побережье Каспийского моря, где-то в устье Терека: «База их (русов. – А. К.) могла находиться где-нибудь около устья Терека» [11, с. 152]. Еще одно сообщение хроники «Тарих Баб ал-абваб», связанное с русами и их совместном с аланами походе в 424 г.х. / 1033 году на Дербент и Карах (в Горном Дагестане); позволяет предполагать возможность стационарного пребывания русов в северокавказской этнической среде. Хроника сообщает, что в 423 г.х. / 1031 году русы совершили поход на Ширван, захватили там богатую добычу, но возвращались домой по какой-то причине не на кораблях, а по суше, возможно потеряв суда во время шторма, как это было с эскадрой Петра I на Каспии. Гази Дербента и других «исламских центров» устроили засаду в горных ущельях и «заняв теснины и дороги, предали их мечу» [11, с. 70]. Русы в кратчайший срок собрали войска и уже через несколько месяцев в 424 г.х. / 1033 году «русы и аланы вознамерились отомстить. Они собрались вместе и выступили по направлению ал-Баба» [11, с. 70].

Представляется вероятным, что столь быстрый ответный поход русов и участие в нем аланов может свидетельствовать о их проживании где-то поблизости от Дербента, скорее всего в устье Терека [7, с. 30–40; 8, с. 101–102], так как передвигались русы обычно водным путем – по морю и по рекам. В то же время, их союз с аланами, представлявший весьма внушительную военно-политическую силу на Северном Кавказе, позволяет предполагать, что к этому времени русы уже хорошо освоились в полиэтнической северокавказской среде.

Следует отметить, что именно в низовьях Терека появились первые русские городки и здесь начало формироваться терское (ни-

зовое) и гребенское казачество. Именно здесь, по образному выражению В. А. Потто, была предпринята «первая попытка Московского государства стать твердой ногой у дальних предгорий Кавказского хребта» [12, с. 23].

Ряд материалов археологических исследований и сведения письменных источников позволяют предполагать, что низовья Дона и Таманский полуостров, возможно, были заселены славянами еще до возникновения Тмутараканского княжества (первое упоминание о котором в летописи относится к 988 году) и именно они выступили важным этническим компонентом в процессе его формирования. Вероятно, именно русы Приазовья в конце X – XII вв. составляли ядро русских отрядов, сменивших княжеские дружины и наемные норманнские отряды в походах на Каспий [9, с. 28]. И хотя вряд ли возможно проследить генетическую связь между русами в устье Терека в X–XII вв. и терским казачеством, формировавшимся здесь в XV–XVI вв., хотя по мнению некоторых исследователей «Тмутараканский след» в истории казачества прослеживается [5, с. 11 – 15], несомненным является факт, что именно с территорий низовий Терека сначала Древняя Русь, а затем через пятьсот лет Российское государство, стремилось «стать твердой ногой у далеких предгорий Кавказского хребта»

Где именно возводили свои первые «городки» гребенские казаки конкретные данные отсутствуют. В. А. Потто, ссылаясь на сообщения Ригельмана, считал, что это могли быть урочища «Голаго Гребня», «ущелья Павлова и Кашлаковского», хотя Г. А. Ткачев писал, что «Ригельман определяет эти места, по-видимому, точно, но, к сожалению, его география для нас пустые звуки», так как «эта терминология совсем изгладилась», т. е. старая казачья топонимика на этих территориях, занятых горцами, к XIX в. практически почти исчезла.

Возникновение, по данным Терского областного статистического комитета, самых первых гребенских станиц «Червленая» (1567 г.) и «Шадринская» (1569 г.), хронологически совпадает со временем заложения на Тереке первого русского «городка», построенного воеводами Протасовым и Бабичевым. Чуть позднее, скорее всего в хронологическом отрезке между 1569–1577 гг., на «гребнях» появилось еще три станицы.

Однако весной 1571 года, воспользовавшись тем, что русские войска находились на ливонско-польском фронте, крымский хан со сто двадцатитысячной армией вторгся в южные области России, разграбили их и, дойдя до Москвы, сжег ее, захватив в плен более ста тысяч человек. После этого страшного поражения Русское государство вынужденно было пойти на большие уступки. Иван Грозный даже обещал крымскому хану вернуть Астрахань и приказал уничтожить Терский городок, отведя войска в Астрахань. Однако военный успех и огромная добыча, которую хан захватил в России, а также похвалы турецкого султана, соблазнили крымского хана на новый поход на Москву в 1572 г. Однако на этот раз русские войска во главе с князем Воротынским нанесли страшное поражение татарам и из 120-тысячной армии, вторгшейся в пределы Московского государства, более 100 тысяч человек были убиты, а хан с жалкими остатками своего войска бежал в Крым. Эта блистательная победа русской армии над опасным и коварным врагом, которую Карамзин отнес к «числу великих дней нашей военной славы» [6, с. 722], укрепила позиции России в низовьях Волги и на Тереке и позволила русским заново приступить к постройке Терского городка. О скорейшем возведении городка настойчиво просили кабардинские князья, и родной брат умершего к этому времени Темрюка, князь Канбулат, приезжал в Москву с прошением к царю о постройке городка на Тереке «для бережения их от крымцев и Шамхала Тарковского» [12, с. 26]. Иван Грозный дал согласие и направил с Канбулатом в 1577 году воеводу Лукьяна Новосильцева «для городского дела со многими людьми и с военным боем» [12, с. 26]. Согласно данным «Большого Чертежа», новый городок возводился на левом берегу Терека, напротив устья р. Сунжи, что позволяло его гарнизону контролировать стратегические дороги, по которым Шамхал Тарковский мог совершать набеги на кабардинцев». Несомненно, при этом учитывалась возможность привлечения к обороне городка гребенских казаков, которые вскоре показали свою верность и готовность служить Русскому государству. Согласно сообщению воеводы Новосильцева, по указанию турецкого султана крымский хан направил свои войска через Северный Кавказ на помощь туркам, сражавшимся против персов «за город Шема-

ху и Железные Врата (Дербент)» и «Крымский царевич шел мимо государя нашего города Терки, а с ним было ратных людей полтретьяцать (25) тысяч и лез Сунжу реку» [12, с. 27]. Позднее, когда крымский войска возвращались после неудачного похода и вновь прошли через территории охраняемые стрельцами и казаками, Новосильцев, узнав от последних о том, «что они (татары. – А. К.) через Терку перелезли безвестно, и что с ними было людей тысяч десять. И яз их дошед, и с Божєю помощью и государевым счастьем тех людей побил на голову, и лошадей их отогнал» [12, с. 27]. Это первое официальное сообщение об участии терских казаков в военных действиях против врагов России под руководством царского воеводы, т.е. документально засвидетельствованное начало государственной службы гребенцов на благо России.

Формирование низового терского казачества имело свою специфику, и основу его составляли «гулящие люди», «голытьба», среди которых было много «воровских казаков» и любителей погулять «по морю». Здесь в глухих притеречных местах, на многочисленных островах и протоках, заросших камышом и кустарником, собрались самые разные люди с территорий Русского государства и Северного Кавказа: русские беглые и переселенцы, вольные казаки с Волги, Дона и Яика, «кровники» и «обиженные» кабардинцы, кумыки, чеченцы, ногаи, черкесы.

Когда на основе этого разноэтничного населения Терека сложилось то этно-социальное объединение, которое стали называть терским казачеством, сказать трудно, но с 1577 г., когда воевода Лукьян Новосильцев, по приказу Ивана IV, «на реке Терек, на устье Сунжи реки город поставил», который, как и первый, получил название «Терки», а гребенцы на переправе через Сунжу разгромили отряды крымского войска, «с этих именно пор, т. е. с 1577 г. Высочайше повелено считать старшинство нынешнего Терского казачьего войска» [12, с. 27]. В преданиях терских казаков сообщается, что русский царь поддержал и одобрил их желание охранять южные границы России на Северном Кавказе и «от царя Ивана Васильевича в 1578 году пожалована была им первая по времени Грамота».

С этого времени терское казачество, осуществляя российскую политику в регионе, активно подрывало крымско-турецкие воен-

но-политические и торгово-экономические связи через Северный Кавказ. В 1583 году казаки напали на турецкого правителя Ширвана Осман-пашу, который, исполняя приказ султана, «со значительными силами двинулся осенью 1583 года через шамхальство Тарковское и кумыкские владения на Сунжу, чтобы оттуда степями Северного Кавказа проникнуть в Крым [3, с. 147]. Гребенские казаки устроили засаду в лесу на левом берегу Сунжи и внезапно напали на турок во время самой переправы. Бой завязался жестокий. Осман-паша успел переправиться, но казаки преследовали его три дня, отбили его обозы и захватили множество пленных» [3, с. 147], а затем преследовали до горы Бештау и зажгли степь, обратив турок в паническое бегство.

Несколько ранее в устье Терека на одном из его рукавов, в месте его впадения в Каспий, казаки «построили крепкий городок с пристанью и обширным окопом в виде треугольника, почему он и назывался Треугольным». И хотя этот городок стал надежной защитой, главным оплотом и местом сбора казаков, жили они в основной массе юртами по берегам протоков, на островах и в прибрежной зоне. Главным занятием этой «ватаговой» вольницы были рыболовство, охота, и не совсем мирный промысел на море, а проще говоря, пиратство, на который казаки отправлялись в довольно утлых челнах, нередко тонувших в бурных водах Каспия.

Многочисленные жалобы турецких, персидских, татарских купцов, ограбленных казаками, свидетельствуют, что терцы и гребенцы, как и все пограничное казачество, не только несло государеву службу, но и занималось «лихими» делами, в том числе и походами «за зипунами». Лихие набеги, ночные угоны скота, кутежи и драки в кабаках – все это становилось повседневной жизнью казаков, в которой, однако, основной целью было все же не только добыть себе новое оружие и «зипун», но и показать свою удалость и молодечество, проявить себя в схватке и под пулями горцев, снискать уважение и признание товарищей.

Подобная вольная жизнь казаков дополнялась большой мобильностью значительной части обитателей низовий Терека. Казачьи ватаги пополнялись за счет волжских казаков, прибывавших из Астрахани, а обитатели терских юртов нередко отправлялись на Волгу.

Свою малочисленность и существенные потери, которые казаки несли в столкновениях с горцами, они компенсировали превосходными боевыми качествами и постоянным притоком новых «вольных» людей.

В отличие от низовой терской вольницы, казаки-гребенцы вели более упорядоченный образ жизни и, как свидетельствуют источники, активно занимались сельским хозяйством, разводили скот и освоили многие домашние промыслы. Уникальные сведения о хозяйственной жизни гребенцов оставили иностранные ученые – минерологи Самуил Фрич и Иоганн Гарольд, которые были направлены Москвой на Северный Кавказ для поисков залежей меди и серебра, очень необходимых для пополнения опустевшей государственной казны. Терский воевода Василий Шербатов поручил гребенским казакам быть проводниками, охранниками и переводчиками этих первых западноевропейцев, посетивших данные территории Северного Кавказа.

Из отчетов этих иностранцев, побывавших в городках гребенцов и подробно ознакомившихся с их бытом, становится ясно, что последние сильно отличались по своему культурному развитию и образу жизни от других казачьих объединений России этого периода. Если «донцы и терцы, например, не хотели знать хлебопашества и даже побивали тех, кто им занимался, как ремеслом, несродным казачеству» [12, с. 66], то гребенские казаки активно занимались сельским хозяйством: обрабатывали землю, «сеяли кукурузу и просо, занимались насаждением тутовых деревьев и разводили виноградные лозы» [12, с. 66]. Особо Фрич и Гарольд отмечают тот факт, что казаки широко культивировали овощи и фрукты, практиковали выращивание тутовых деревьев (необходимое сырье для разведения шелкопряда и производства шелка). Следует отметить, что производство коконов шелковичного червя (гренгов) требует специальных навыков и определенного опыта, которым не обладали казаки. Женщины-казачки отказывались «кормить» шелкокрышек, так как очень боялись производимого ими треска при поедании тутовых листьев. На Северном Кавказе шелководством (уходом за червями) занимались кумыкские и кабардинские женщины, женитьба на которых позволяла казакам заниматься шелководством. Гребенские казаки большое внимание уделяли возделыванию винограда,

которого много произрастало в дикорастущем виде в лесах по берегам Сунжи.

Следует отметить, что виноградарство и производство вина, а позднее винной водки («кизлярки») и коньяка, получило широкое распространение в последующие периоды.

В конце XVIII – начале XIX вв. в Кизляре насчитывалось около полутора тысячи виноградников и садов, с которых получали более 50.000 бочек вина (емкость бочек равнялась 40 ведрам). Казаки торговали вином и виноградной водкой («чихирем») в Кизляре и других городах Юга России.

Царское правительство заинтересовалось сообщениями иностранцев и направило по этому вопросу запрос терскому воеводе, который отвечал, что в самих Терках и рядом с ним «виноградное дело не за обычай», но «в казачьих Гребенских городках виноградного кустя добра много, и что, возделывая это кустье, казаки приготавливают из его плодов виноградные напитки, которые продают в Терках и держат про себя».

Сообщая о том, что казаки, «повсюду прилагая свой труд в хозяйстве, добились больших успехов и заметного благосостояния» [12, с. 66], Фрич и Гарольд указывают на занятие домашним ремеслом их жен. «Их жены ткали сукна и галуны для домашнего обихода» [12, с. 66]. Наряду с земледелием казаки занимались и скотоводством, разводили в основном овец и лошадей. Активизировавшиеся во второй половине XVI в. столкновения с горцами не позволяли казакам охранять всю линию «по гребням», растянувшуюся на

многие десятки километров, и в 80-х годах XVI века гребенцы приняли решение перенести свои городки на правый берег Терека. Здесь казаки стали активно осваивать плодородные земли и наряду с кукурузой и просом, на новых территориях появились обширные виноградники и тутовые насаждения, а также плантации новой технической культуры – марены. Из нее получали один из лучших натуральных красителей для текстильного производства, широко востребованный в X–XVIII вв. Марена, главным центром производства которой являлся Дербент, высоко ценилась на средневековом Востоке и вывозилась вплоть до Индии. В XVI–XVIII вв., до момента изобретения в XIX в. химического красителя алазарина, персидские купцы активно экспортировали марену с Северо-Восточного Кавказа, в том числе и с территории низовий Сунжи и Терека, на крупнейшие рынки Баку, Шемахи, Дамаска, Багдада, Самарканда, Бухары, Дели и других центров.

Однако, несмотря на определенные различия в повседневной жизни и быте гребенского и низового терского казачества в XVI веке и, несмотря на все сложности их отношений с местным горским населением Северного Кавказа, одной из главных их задач, как и всего казачества в пограничье Русского государства, были защита интересов и рубежей России на Кавказе. Именно с помощью терского и гребенского казачества Россия смогла, даже в трудный период своей истории, в дни великой смуты и разрухи, сохранить за собой важнейшие рубежи на Тереке.

Литература

1. Баладзори «Книга завоевания стран» / пер. П. К. Жузе. Баку: Издание О-ва Обследования и Изучения Азербайджана, 1927. 42 с.
2. Богаевский А. П. Донской атаман, генерального штаба генерал-лейтенант // Казачество. М.: Изд-во «Собрание», 2007. 383 с.
3. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб.: Тип. Императорской АН, 1869. Ч. I. 385 с.
4. Вдовенко Г. А. Терский войсковой атаман, генерал-лейтенант // Казачество. М.: Изд-во «Собрание», 2007. 383 с.
5. Голованова С. А. Тмутараканский след в ранней истории казачества // Вопросы северокавказской истории. Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2000. Вып. 5. 115 с.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2002. 1024 с.
7. Кудрявцев А. А. Феодальный Дербент. М.: Наука, 1993. 320 с.
8. Кудрявцев А. А. Пути развития северокавказского города. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 351 с.
9. Кудрявцев А. А. Древнерусское государство в истории народов Северо-Восточного и Восточного Кавказа // Древнерусское государство и его значение в исторических судьбах народов России, Белоруссии, Украины. Киев: Изд-во ВГО «Украинская Академия Русистики», 2012. 357 с.

10. Мас'уди. «Мурудж ад-Дзахаб» (Россыпи золота). Paris, 1869. Т.V, Гл. XVII. С.19–20 / пер. Минорского В. Ф. История Ширвана и Дербента. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 265 с.
11. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 265 с.
12. Потто В. А. Два века Терского Казачества (1577–1801). Владикавказ: Электротпечатная Типограф. Терского Област. Правления, 1912. Т. I. 383 с.

УДК 908

Д. В. Лобанова

КОМСОМОЛ СТАВРОПОЛЬЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» (1934–1937 гг.)

В статье рассматриваются основные тенденции комсомольской жизни на Ставрополье середины 1930-х гг. через призму газеты «Молодой ленинец». Автор оценивается информативность и популярность данного издания, выделяются его основные функции, дается предметно-тематическая классификация опубликованных в нем текстов. На основе

представленных материалов делается вывод об идеологической ограниченности и пропагандистской обусловленности советской прессы, которая была направлена на формирование определенных настроений в обществе и молодежной среде в частности.

Ключевые слова: газета, комсомол, молодежь, коммунизм, идеология, пропаганда.

D. V. Lobanova

KOMSOMOL OF STAVROPOL REGION ON PAGES OF THE NEWSPAPER «MOLODOY LENINETS» (1934–1937)

The article studies the main tendencies of Komsomol life in Stavropol Region of the mid-1930th through the prism of Molodoy Leninets newspaper. The author estimates informational content and popularity of this edition, its main functions are considered, subject and thematic classification of the texts published in it are given. On the basis of the presented materials

the conclusion about ideological limitation and propaganda conditionality of the Soviet press which was directed on formation of certain moods in society and the youth environment in particular is drawn.

Key words: newspaper, Komsomol, youth, communism, ideology, propoganda.

Важную роль в формировании человека «нового типа», ориентированного на построение социализма, играли средства массовой информации. Периодическая печать, представляющая собой целый комплекс исторических источников, позволяет погрузиться в жизненный мир людей изучаемого исторического периода, проследить, как информация публичного характера влияла на их настроение и представления о происходящем. Газетные публикации весьма субъективны, но вместе с тем дают прекрасную возможность реконструировать действительность той эпохи во всем ее многообразии. Активно участвующая в формировании общественного

сознания пресса была целиком подвластна интересам партии.

В середине 30-х годов XX века в качестве рупора комсомольской организации в Северо-Кавказском регионе выступала газета «Молодой ленинец». До этого выходила молодежная газета «Большевистская смена». В первом номере «Молодого ленинца», вышедшего в 1934 году в городе Пятигорске, сообщалось, что «с 16 марта подписчикам «Большевистской смены» на Северном Кавказе вместо «Большевистской смены» будет высылаться газета «Молодой Ленинец» – орган оргбюро ЦК ВЛКСМ Северо-Кавказского края» [5, с. 3]. Газета освещала события как

всесоюзного, так и регионального характера. Цена номера была установлена в 10 копеек.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с начала выхода «Молодого ленинца» (март 1934 г.) по август 1937 г. – переименование в газету Орджоникидзевского крайкома ВЛКСМ.

По уровню информативности газета не являлась сугубо комсомольской и вполне могла удовлетворить запросы самой разной аудитории. На первой странице газеты зачастую размещались главные новости в СССР и события из жизни иностранных государств, на последней – информация развлекательно-го характера (объявления о пьесах, звуковых фильмах, литературных вечерах, различных конкурсах, состязаниях и т. д.). Рекомендации о том, как правильно пользоваться газетой, на какой странице найти нужный материал и объяснение того, что из себя представляет передовая статья, нередко давали в своих выступлениях агитаторы-чтецы. Функции, которыми наделялась данная газета, были следующие:

- информирование общества о самых значимых событиях, происходящих в стране и мире, исходя из установок существовавшей тогда политической идеологии;
- поддержание контакта между органами власти и молодежью, создание условий для формирования личного и общественного мнения, а также его выражения;
- укрепление коммунистического духа комсомольцев и агитационно-пропагандистское обеспечение вступления в ряды ВЛКСМ новых лиц;
- удовлетворение образовательных, культурно-развлекательных, рекреационных и иных потребностей читателей.

Выход новой газеты совпал с важным событием начала 1934 года в истории СССР, а именно проведением XVII съезда ВКП(б). Выполнение задач второго пятилетнего плана, развитие науки и техники, подготовка квалифицированных рабочих – все это нашло свое прямое отражение в работе молодежной организации. Обзор всех газетных публикаций, посвященных решениям XVII съезда, на наш взгляд, не является целесообразным ввиду того, что их смысловая часть не имела между собой никаких принципиальных отличий и полностью отвечала поставленным партией задачам. Одним из множества примеров того, какая роль отводилась ВЛКСМ в осуществ-

лении указаний партии, служит следующий отрывок из статьи: «Комсомол края должен приложить все свои силы к тому, чтобы весь положительный опыт мобилизации масс, умелого конкретного руководства, сочетающего поистине социалистический размах с деловой оперативностью, боевую практику с повседневной кропотливой и настойчивой борьбой за овладение техникой машин, агрономией, зоотехникой – весь этот положительный опыт перенести на все колхозы края, в другие национальные общества» [5, с. 1].

Стоит отметить, что в газете особое внимание уделялось жизни молодежи в республиках Северного Кавказа. Надо сказать, что руководство страны, проводя социалистические преобразования в национальных регионах, делало ставку именно на молодежь. Так, уже летом и осенью того же года в Карачае на постоянную работу в аулы было мобилизовано 36 человек руководящих кадров. Все выдвигаемые кандидатуры было решено обсуждать на открытых партийных и комсомольских собраниях с участием колхозников, батраков и бедняков. В автономных областях Северного Кавказа государственный аппарат пополнялся в основном за счет молодых работников. В составе советов Чечни в 1935 году было более 1300 комсомольцев, членами президиумов сельских Советов – 355, членами районных исполкомов – 104 члена ВЛКСМ, 29 комсомольцев работали председателями сельских Советов, 96 – секретарями [21, с. 46].

В первом номере «Молодого ленинца» было опубликовано красноречивое обращение к молодежи первого секретаря Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) Ефима Георгиевича Евдокимова, ставшее, на наш взгляд, своего рода лейтмотивом всех дальнейших выпусков этой газеты: «Деритесь за то, чтобы газета ваша была подлинно острым большевистским оружием! Разите, разоблачайте врага, кулацкие недобитки, подкулачников, жуликов, воров, лодырей! Будьте непреклонны в разоблачении вельможных бюрократов и «честных» болтунов! Деритесь, как молодые львы, за осуществление решений XVII съезда партии, за проведение в жизнь указаний великого СТАЛИНА!» [5, с. 1].

Историко-типологический анализ «Молодого ленинца», основой для которого является предметно-тематическая направленность текстов, позволит определить основные

тенденции комсомольской жизни через призму газетных публикаций.

Первый и наиболее обширный пласт газетных материалов составляют официальные сообщения. К ним относятся нормативно-правовые документы и их проекты (например, проект Устава ВЛКСМ) [14, с. 1], а также доклады и резолюции съездов, пленумов, конференций, отчеты по итогам совещаний, собраний центрального и местного уровня. Объем публикации напрямую зависел от степени значимости текста, масштаба проведенного мероприятия и мог варьироваться от нескольких предложений до двух-трех страниц. В качестве примера можно привести речь Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев [8, с. 1], на заседании Моссовета, посвященном десятилетию Красной Армии [13, с. 1], речь Молотова на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана [9, с. 1], речь Евдокимова на первой краевой конференции комсомола [16, с. 1], и многое другое.

Вторую группу материалов составляют статьи агитационно-пропагандистского характера. Речь идет не только о популяризации ВЛКСМ и агитации вступления в его ряды, но и об улучшении пропагандистской работы среди союзной молодежи. Нередко можно встретить истории из жизни конкретных людей, чьи успехи в комсомоле и в области пропаганды в частности стали образцом для остальных членов комсомола. Одной из целей газеты была пропаганда опыта активистов. «Семь писем об опыте» – так названа заметка о методах работы лучших пропагандистов. Правильная комплектация школы, увязывание прорабатываемых вопросов с практическими примерами, обязательное ведение конспекта, индивидуальный подход, использование первоисточников, обращение к художественной литературе, поддержание хорошей дисциплины – все это, по мнению агитаторов, и является залогом их высоких достижений в пропагандистской деятельности [15, с. 5].

В этот период в республиках Северного Кавказа продолжалась кампания по раскрепощению женщины-горянки. Данный процесс заключался не только в предоставлении женщине социально-экономического и политического равенства, но и в утверждении в обществе совершенного иного к ней отношения. Читая лекцию в 1928 году в Ле-

нинграде, народный комиссар просвещения А. В. Луначарский призывал обратить внимание «на то безобразие, которое все еще имеет место в нашем быту, – мы все еще затаптываем женщину. Мы никоим образом не сможем идти вперед, если, во-первых, мы не дадим женщине возможности вольно развиваться, а во-вторых, если семья будет оставаться эксплуататорской. Ведь иногда действительно не знаешь, какими словами выразить свое презрение и негодование, слушая, как иной коммунист или комсомолец говорит о половом вопросе и об отношении к женщине» [4].

Приведенное высказывание в определенной мере отражают напечатанные на страницах газеты рассказы о том, с какими трудностями приходилось сталкиваться девушкам из коренных народов Северного Кавказа, решивших связать свою будущую жизнь с комсомолом. Повествуя о своей пропагандистской работе, о посещениях с газетой или книгой в руках молодежных вечеров, горянки вместе с тем не скрывали фактов ожесточенного сопротивления и осуждения со стороны местного населения, в особенности мужчин. Комсомолки обвинялись в развращении девушек, обучению их бесстыдству. Родители даже перестали отпускать своих дочерей в ликпункты, боясь за их репутацию. Активисткам не раз угрожали расправой. Были случаи, когда парни (в том числе и комсомольцы) врываются в помещение во время проведения политзанятий, выгоняли и оскорбляли горянок [12, с. 3]. Такие инциденты не оставались незамеченными и могли стать основанием для исключения обидчиков из ВЛКСМ.

Вопросу пропаганды коммунистической идеологии уделялось, пожалуй, самое пристальное внимание. И если в каких-либо ячейках или комитетах о ней забывали, то почти всегда находились люди, готовые не только напомнить о ее важности, но и сообщить о пренебрежительном к ней отношении в вышестоящие структуры. В частности, в одном из выпусков газеты порицанию подверглись секретари первичных комсомольских организаций из колхозов Труновского и Спищевского районов, которые, по мнению автора, слабо удовлетворяли запросы молодежи по вопросам внутрисполитического и международного положения страны. «Мы накануне Международного юношеского дня... Она (молодежь) хочет послушать о важнейших мероприятиях

партии и правительства, об избирательном законе, о решениях февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Молодежь хочет изучить доклад и заключительное слово товарища Сталина, ознакомиться с брошюрами Заковского, Уранова и других» [18, с. 3]. Причиной недовольства становилась и постоянная сменяемость пропагандистов или вообще их отсутствие на занятиях, а также то, что ученики иной раз знали и разбирались в пропаганде лучше, чем их учителя [11, с. 2].

В третью группу логично будет поместить публикации (чаще всего письма), содержащие в себе замечания, критику, жалобы в адрес комсомольских структур разного уровня. В этот период письмо в газету с жалобой на действия должностных лиц являлось весьма эффективным средством защиты интересов граждан, так как газета являлась официальным органом и на ее публикации обязательно должна была быть реакция. «Райком мне не помог» – под таким названием опубликовано письмо комсомолки из г. Георгиевска Раисы Косаревой. Девушка оказалась в сложной жизненной ситуации: муж в армии, на работу устроиться не получается по причине беременности. Получив отказ от Георгиевского комбината № 10 «Союзмука», а затем и ватной фабрики в предоставлении вакантной должности, девушка обратилась с жалобой к председателю горсовета и райпрокурору. Однако, ни они, ни Георгиевский райком комсомола помощи Раисе Косаревой не оказали [17, с. 3].

Невозможно не упомянуть о письме юного корреспондента П. Шандро, рассказывающем об издевательствах над комсомолками со стороны председателя колхоза «Луч» Либкнехтовского района Донцова и парторга Гридина, который, кстати, отказался признавать себя отцом ребенка одной из молодых особ. Девушек, пытавшихся сопротивляться «любезностям», как названы в статье домогательства вышеуказанных лиц, изгоняли из колхоза, исключали из ВЛКСМ, всячески запугивали [7, с. 6]. Можно было бы поставить под сомнение правдивость этой заметки, если бы не была проведена специальная проверка, о результатах которой было доложено на заседании оргбюро ЦК ВЛКСМ Северо-Кавказского края 7 августа 1935 года. По ее итогам материал, опубликованный в газете «Молодой ленинец», признавался подтвердившимся. Меры наказания, определенные Нарсудом

Либкнехтовского района парторгу Гридину (один год условно) были расценены как слишком мягкие. Было решено просить краевую прокуратуру судить Гридина показательным судом [20, с. 57].

Помимо этого, в газете поднимались такие проблемные вопросы, как необходимость прикрепления комсомольцев-одиночек к близлежащим территориальным первичным организациям, смены строгих выговоров методами убеждения. Поступали в газету жалобы на плохую работу молодежи в области культуры и просвещения, на травлю чиновниками тех или иных членов комсомола и передовиков в частности.

Четвертая группа газетных материалов – это объявления, заметки о проведении и результатах различных конкурсов, турниров, праздников, балов, выходе новых книг, театральных представлениях, новых веяниях в культурно-досуговой жизни Северного Кавказа. Как уже было сказано выше, информация развлекательного характера размещалась на последней полосе «Молодого ленинца» в разделах «Физкультура и спорт», «Кино», «Дневник искусств» и др. В мае 1934 г., когда редакция объявила «смотр молодежных литературных сил Северного Кавказа» («Молодой ленинец», 1934, 20 мая), в газете появилась «Литературная страничка». В ней регулярно публиковались художественные произведения местных юных литераторов [19, с. 176].

В 30-е гг. руководство страны большое внимание уделяло развитию спорта, популяризации физкультурного движения. В регионе достаточно часто проводились шахматно-шашечные турниры, конные соревнования (в том числе и среди девушек), состязания стрелков, джигитов, допризывников и др., зарождался парашютный спорт. В колхозе «Красный боец» Пятигорского района комсомольцами даже был организован джаз-оркестр, состоящий из 15 музыкантов, которые с успехом выступали по вечерам в бригадных станах колхозных бригад с западными, национальными и русскими народными танцами и песнями [10, с. 4]. С творчеством российских, советских писателей и поэтов молодежь знакомилась не только индивидуально, но и коллективно. Традиционными стали пушкинские дни, во время которых печатались в газете его самые известные произведения, проводились специальные собрания, перед которыми всем

было необходимо прочесть наиболее известные его стихи, поэмы и рассказы, чтобы потом участвовать в обсуждении. Учитывая то, что уровень грамотности комсомольцев был не одинаков, для тех, кто не мог читать самостоятельно, устраивались громкие читки, порой с привлечением преподавателей литературы.

Так же обстояли дела и с чтением советских книг, особой популярностью среди которых пользовались «Чапаев» Д. Фурманова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Камо» В. Бибенейшвили, «Тропа самураев» А. Рубинштейна, «Энергия» Ф. Гладкова и др. По итогам изучения этих произведений создавались витрины отзывов и вырезок из печати, иногда проводились конференции. Своими эмоциями, впечатлениями от прочтения любимой книги делится в «Молодом ленинце» некий Петр Славин: «Эта книга волнует потому, что читаешь о живых людях, о твоих ровесниках, друзьях, живущих вместе с тобой в великую эпоху социализма..... Я читаю «Люди сталинградского тракторного» и на образах замечательной жизни этих людей я сам учусь работать, жить, чувствовать и побеждать» [6, с. 2].

Пятую группу можно представить как памятные даты из истории России, СССР и дружественных ему государств. Сюда входят дни рождения и смерти известных политиков, революционеров, поэтов, писателей, годовщины знаковых для страны событий. Вот лишь малая их часть: годовщины кровавого воскресенья, революций, убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, смерти Ленина, Кирова, 15-летие взятия Ростова красными войсками, 100-летия со дня рождения Н. А. Добролюбова и многое другое. Каждая из таких заметок сопровождалась обязательной исторической справкой и воспоминаниями современников, если, конечно, таковые имелись.

Отличительной чертой представленной классификации является то, что в каждой из обозначенных групп, впрочем, как и в текущей новостной информации в большей или меньшей степени присутствует идеологический компонент. Поддача материала была таковой, что политическую и иную информацию вообще было сложно отличить от пропаганды, что в свою очередь создавало определенную псевдопрозрачность функционирования политической системы.

Основополагающим принципом комсомольской, да и молодежной печати в це-

лом, являлась идейность. Идеями коммунизма были проникнуты абсолютно все сферы жизни советского человека. Коммунизм по своему предназначению не должен был стать каким-то абстрактным, недостижимым явлением. Напротив, превратив мечты классиков марксизма и их последователей о создании идеального общества в государственную доктрину, советская власть посредством газет и других средств массовой информации поспешила закрепить в умах народа мысль о реальной достижимости провозглашенных идей. Но сама действительность коммунизма породила ряд проблем и противоречий, а также обнаружила, что различные формы социального и экономического неравенства не уничтожаются при новом строе, а лишь меняют свои формы и в каких-то отношениях еще более усиливаются [2, с. 12].

Еще в 1917 году В. И. Ленин в своем «Докладе о мире 26 октября (8 ноября)» на Втором Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов заявлял: «По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [3, с. 21]. Расценивать слова Ленина можно как то, что именно недостаточность информационного потока к народу способствовала неразвитости или даже полному отсутствию политической грамотности масс в имперской России, следствием чего стало ослабление государства и дальнейшее свержение самодержавия. Маловероятно, что Ленин и вправду предполагал создание такого государственного строя, при котором народ будет осведомлен о реальном положении дел в стране и политических планах правящей партии. В реальности же люди знали ровно столько, сколько им было дозволено государством.

Таким образом, газетные материалы представляют большую ценность для написания истории комсомола второй половины 1930-х гг. Пропаганда, осуществлявшаяся через средства массовой информации, была тесно связана с воспитанием, цель и задачи которого состояли в прочном усвоении знаний, образующих основу идейных и общественно-политических взглядов [1, с. 88]. Несмотря на субъективность и конъюнктурность советской прессы, «Молодой ленинец» дает нам яркое представление о том, чем жила молодежь того времени, с чем боролась и о чем мечтала.

Литература

1. Войтасик Л. Психология политической пропаганды / пер. с польского В. Н. Поруса. М.: Прогресс, 1981. 273 с.
2. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность // Кризис коммунизма. М.: Центполиграф, 1994. 500 с.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 35. 600 с.
4. Луначарский А.В. Воспитание нового человека. [Электронный ресурс] URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/vospitanie-novogo-cheloveka> (Дата обращения: 8.09.2015).
5. Молодой ленинец. 1934. № 1.
6. Молодой ленинец. 1935. № 1.
7. Молодой ленинец. 1935. № 122.
8. Молодой ленинец. 1935. № 204.
9. Молодой ленинец. 1935. № 212.
10. Молодой ленинец. 1936. № 4.
11. Молодой ленинец. 1936. № 7.
12. Молодой ленинец. 1936. № 11.
13. Молодой ленинец. 1936. № 27.
14. Молодой ленинец. 1936. № 28.
15. Молодой ленинец. 1936. № 34.
16. Молодой ленинец. 1936. № 42.
17. Молодой ленинец. 1936. № 200.
18. Молодой ленинец. 1937. № 187.
19. Петренко О. А. Газета «Молодой ленинец» как образец краевой молодежной прессы советского периода: историко-типологический аспект // I-формат. Журналистика провинции: научно-публицистический альманах / под ред. Г. Г. Матишова, О. И. Лепилкиной. Ставрополь: Изд-во «Дизайн-студия Б», 2012. Вып. 8. 240 с.
20. Протоколы Заседаний Оргбюро ЦК ВЛКСМ по Севкавказу 14.07.1935-04.03.1936 гг. // Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 1. Д. 3.
21. Тебуев Р. С. Социалистическая индустриализация Карачаево-Черкессии – реальное воплощение в жизнь ленинской национальной политики КПСС (1920-1937) // Вопросы партийного руководства по ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917–1941 гг.). Черкесск: Карачево-Черкесский научно-иссл. институт истории, филологии и экономики, 1984. С. 52–78.

УДК 908

Е. Ю. Любушкина

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО ОТКРЫТИЮ ПРИУТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ НА ДОНУ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

В статье рассматривается работа благотворительных общественных организаций по открытию приютов для детей в Области войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: благотворительные общественные организации, социальная помощь детям, призревание, область войска Донского, социокультурная среда, культура повседневности.

E. Yu. Lyubushkina

**THE ACTIVITIES OF CHARITABLE ORGANIZATIONS
TO OPEN SHELTERS FOR CHILDREN ON THE DON
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX cc.**

The article discusses the work of charitable organizations to open shelters for children in the don army Region in the second half of XIX – early XX centuries.

Key words: charitable organization, social care, child care, Don Cossack oblast, socio-cultural environment, the culture of everyday life.

В настоящее время не теряет своей актуальности проблема исследования опыта работы и роли общественных организаций по оказанию социальной помощи населению в системе государственной политики. Президент Российской Федерации В. В. Путин, обращаясь с ежегодным посланием к Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. отметил: «В таких вопросах, как помощь пожилым людям и инвалидам, поддержка семей и детей, нужно больше доверять и гражданскому обществу, некоммерческим организациям. Они часто работают эффективнее, качественнее, с искренней заботой о людях...» [12]. Вышесказанное подтверждает необходимость и востребованность в качественной работе общественных организаций в современных условиях развития государства, повышает их статус и роль как в «человеческом общении», так и в реализации задач Президента и Правительства Российской Федерации, а также доказывает актуальность изучения накопленного опыта работы общественных организаций в отечественной истории.

В статье автор ставит проблему деятельности благотворительных общественных организаций в Области войска Донского в рамках решения вопроса о пользе их

работы по организации социальной помощи детям (сиротам, неизлечимо больным, инвалидам, слепым, глухонемым и т. д.) как наиболее острой в рассматриваемый период в Российской империи. В досоветский период отечественной истории высказывались различные идеи по организации системы призревания в России. К примеру, в начале XX в. К. И. Ануфриев, анализируя различного рода ведомства и министерства, на которые возлагалась забота о призерии в Российской империи отмечал, что «все эти организации действуют на основании уставов и специальных узаконений, не будучи связаны между собой ни единством плана выполняемой ими общей задачи призерия, ни сознанием необходимого объединения в своей работе, в большинстве случаев игнорируя деятельность остальных органов» [1, с. 193–194]. Рассуждая об эффективной и планомерной организации общественного призерия в России он считал, что «призерие только тогда может дать удовлетворительные результаты, если однородная организация его охватывает всю страну, иначе, при свободе передвижения граждан создается такое затруднение при определении места их призерия, взаимоотношений между губерниями или областями,

в которых приняты различные системы призрения, которые послужат камнем преткновения для развития организации» [1, с. 204].

Иная точка зрения на проблему организации призрения в России представлена в докладе заведующего Саратовским сиротским приютом доктора Б. П. Бруханского, который считал, что «необходимо прежде всего заменить существующую повсюду в России систему централизации призрения детей децентрализацией, поскольку, при централизации, когда приюты находятся почти исключительно в губернских городах, детей подкидышей приводят со всех сторон губернии; необходимо, чтобы в каждом уезде при приюте имелись особые учреждения, попечительства, на обязанности которых лежало бы, во-первых, обследование каждого отдельного случая, во-вторых, назначение того или иного вида помощи и, наконец, в-третьих, контроль над матерями, получающими помощь» [2, с. 394–395].

Одним из видов социальной помощи детям в Области войска Донского и на Северном Кавказе, как и в России в целом, являлось устройство приютов, причем как в городах, так в станицах и селах. Первые приюты на Дону и Северном Кавказе были открыты в первой половине XIX в., в большинстве случаев приказами общественного призрения, а также областными и окружными попечительствами детских приютов: в 1843 г. был открыт детский приют с ремесленным училищем окружного попечительства детских приютов в г. Ростове-на-Дону, в 1850-е годы – Алексеевский детский приют областного попечительства детских приютов в г. Новочеркасске и Николаевский детский приют окружного попечительства детских приютов в г. Таганроге. [4, лл. 21., Об. 5, Об. 11]. Однако широкую практическую реализацию по открытию приютов непосредственно организованной общественностью эта форма работы получила на Дону в 70–80-е годы XIX в., на Кубани и Тереке – в 90-е годы, на Ставрополье – в начале XX в.

На Дону и Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. были открыты различные виды приютов – сиропитательные дома, убежища, денные приюты для маленьких детей, ясли, дома трудолюбия, мастерские и т. д. Однако в Области войска Донского количественные показатели по открытию приютов значительно превышали организацию их в Кубанской и Терской областях, а также в Ставропольской губернии. Кроме того, в Области

войска Донского функционировали приюты различной направленности, в связи с чем, можно выделить следующие их типы: по времени пребывания в заведении детей – долгосрочного или кратковременного проживания или дневного пребывания; по различию полов – только для мальчиков или только для девочек или же смешанного типа – для мальчиков и девочек; по категориям населения – для детей воинов, ушедших на войну, беженцев, для сирот горнорабочих, для освобожденных из мест заключения; по национальному признаку – для детей евреев, армян, поляков и др.

Рассмотрим деятельность некоторых из благотворительных обществ Области войска Донского, занимавшихся непосредственно организацией приютов, обучением и воспитанием детей. К примеру, Донским попечительством о бедных г. Новочеркаска в 1876 г. был основан Мариинский детский приют при содействии супруги бывшего войскового наказного атамана А. Г. Краснокутской [3, л. 190]. При приюте была учреждена школа грамоты и рукодельные классы. Детей обучали также церковному и хоровому пению, девочек – шитью, вязанию, кройке. В 1912 г. в приюте содержались 8 мальчиков и 358 девочек [7, с. 32].

В 1886 г. Донским попечительством о бедных был открыт приют для глухонемых. В нем велось преподавание основных научных дисциплин, а также обучение ремеслам: девочки учились шитью, вышивке гладью, вязаньем кружев, а мальчики – переплетному, столярному, токарному, типографскому ремеслам. В 1901–1902 уч. г. в приюте было 37 мальчиков и 25 девочек. По сословиям дети распределялись следующим образом: из казачьего звания – 21 человек, из сословий крестьян и мещан области войска Донского – 20, лиц разного звания иногородних – 18 и принятых из сиропитательного дома – 3 [6, с. 21].

Ростовским-на-Дону Александровским благотворительным обществом в 1880-е годы были открыты Убежище для детей на 60 человек, рукодельный класс, дешевая столовая. В 1910 г. в открытом Обществе детском убежище ежемесячно содержалось 1 020 детей обоего пола в возрасте от 3 до 17 лет на полном пансионе, причем содержание каждого ребенка обходилось Обществу в 74 руб. [10, с. 31]. Трудовая помощь заключалась в содержании мастерских – отделов по шитью дамской одежды, белья, клейки бумажных пакетов, плетению стульев, чулочной-вязально-

го и сапожного отделов. В 1910 г. сапожной мастерской приюта на Сельскохозяйственной выставке в Ростове-на-Дону была присуждена бронзовая медаль за представленные образцы обуви [10, с. 24].

В 1916 г. в Области войска Донского насчитывалось 25 приютов для призрения детей. Из 9 округов области – 13 приютов для детей было открыто в Черкасском округе, преимущественно в г. Новочеркасске, 5 – в Таганрогском округе в г. Таганроге, 3 – в Донецком округе в ст. Каменской и по 1-му в Усть-Медведицком округе в ст. Усть-Медведицкой, в 1-м Донском округе в ст. Константиновской, в Хоперском округе в ст. Урюпинской [5, Лл.5, 63, 10. Об. 12, 30, 65–66]. Таким образом, из 25 приютов 18 были открыты в городах и 7 в станицах, преимущественно в центрах округов.

В Таганрогском округе приюты открывались с целью призрения младенцев, а также круглых сирот. Так, Таганрогское Мариинское общество «Ясли» (1890 г.) ежегодно оказывало помощь детям, оставшимся без родителей. Если в 1890 г. в приют-ясли было принято 6 младенцев, то к 1 января 1895 г. на попечении Общества состояли 144 младенца в возрасте от 2 дней до 1 месяца [8, с.12]. В целом суточное содержание одного ребенка обходилось Обществу в 16 руб. 34 коп. В 1894 г. из 113 принятых младенцев были подкинuty 61 чел., доставлены в приют от полиции – 44 и приняты от Богоугодных заведений – 8 детей. Из 232 младенцев, призреваемых в 1894 г., 14 возвращены матерям, 22 – усыновлены и 52 – умерли. Отчеты общества свидетельствуют о том, что причиной смерти наибольшего числа детей стали болезни желудочно-кишечного тракта. [8, с. 14]. Другое Общество г. Таганрога – Таганрогское общество призрения неимущих и помощи нуждающимся – с 1892 г. стало призывать сирот, оставшихся без родителей, которые умерли от холеры. В 1901 г. в сиротском приюте находилось 47 детей [3, л. 68].

В 1916 г. окружной начальник Таганрогского округа сообщал войсковому наказному атаману Области войска Донского, что в Таганрогском округе при богоугодных заведениях производился прием подкидышей исключительно новорожденных, которые отдавались крестьянам в деревни на кормление и воспитание за плату от 3 руб. 50 коп. до 3 руб. в месяц. Таких детей в 1916 г. в округе призывалось за счет земских сумм – 69 мальчи-

ков в возрасте от 1 года до 12 лет, 62 – старше 12 лет; 94 девочки в возрасте от 1 года до 12 лет, 81 – старше 12 лет [5, л.6]. Таким образом, продолжали сохраняться традиционные формы благотворительности: воспитание сирот и подкидышей в крестьянском общинном мире. Возможно, возрастали потребности крестьян в дополнительной рабочей силе в связи с расширением товарности хозяйства и более глубоким проникновением в сельский уклад элементов капиталистической модернизации.

В Донецком округе, в ст. Каменской, из 4 заведений для призрения детей функционировал один приют для детей Общества попечения о бесприютных детях и три – для детей беженцев, в том числе один организован поляками – приют для детей беженцев Каменского отдела Польского общества помощи жертвам войны [5, л. 63]. В Усть-Медведицком округе в ст. Усть-Медведицкой при Преображенском женском монастыре в Сиротском приюте для детей воинов на воспитании находились 12 человек [5, л. 10.Об.]. В 1-м Донском округе имелся один «Ольгинский детский приют станицы Константиновской ведомства императрицы Марии», в котором призывались дети сироты и полусироты обоего пола и разного происхождения, а также дети нижних чинов бедного состояния, призванных на военную службу в возрасте от 3 до 12 лет [5, л.12]. В Хоперском округе в ст. Урюпинской с 20 ноября 1912 г. был открыт Мариинский детский приют на 12 детей в возрасте от 5 до 12 лет для мальчиков и от 5 до 14 лет для девочек. В 1916 г. в приюте призывались 20 сирот и полусирот обоего пола [5, л. 30]. Эти сведения доказывают, что в селах, станицах и поселках, при сохранении обычаев общинного уклада, предписывающих призывать сирот в семьях, имелись потребности для создания специальных учреждений.

Не менее значимым на Дону было Донское общество призрения детей Новочеркасского сиропитательного дома имени Марии Николаевны Максимович. В приюте Общества к 1 января 1905 г. состояли 24 мальчика и 35 девочек в возрасте от 8 до 13 лет [5, л.10]. Дети обучались грамоте и Закону Божьему. Мальчики занимались плетением корзин, девочки – рукоделием. Летом мальчики размещались в колонии, где их обучали уходу за садом, огородом и пасекой. Для девочек была оборудована прачечная. По достижении 17-летнего возраста девушек определяли на работу.

Общество содействия воспитанию детей дошкольного возраста в г. Нахичевани-на-Дону было открыто в 1905 г. с целью «содействовать умственному, физическому и нравственному воспитанию детей дошкольного возраста» [11, с.18]. Обществом был открыт детский сад, в который было принято 53 ребенка (25 мальчиков и 28 девочек) [11, с. 15]. В детском саду дети находились с 8.00 до 15.00 часов дня, за исключением воскресных и праздничных дней. Обучение детей проводилось по программе Фребеля с чередованием подвижных и гимнастических игр. Для детей и родителей устраивались утренники, на которых читались рефераты по популяризации идеи Фребелевских детских садов. В конце академического года дети, достигшие школьного возраста, определялись в местные армянские приходские школы. В целях совершенствования персонала детского сада Общество организовывало для воспитательниц командировки в Санкт-Петербург для прохождения Фребелевских педагогических курсов [11, с.17].

Общество «Друг детей» (1917) в г. Таганроге своей задачей ставило дошкольное и внешкольное воспитание. В 1918 г. Обществу была выдана субсидия от Городского управления в размере 25 800 руб. на содержание 6 детских площадок [9, с. 4]. Руководителями проводились родительские собрания в целях популяризации идеи площадок. Кроме того, Общество организовывало полугодовые курсы по внешкольному воспитанию детей с целью подготовки кадров местных работников в детских садах и на площадках. Слушательницами курсов были преимущественно преподаватели низших городских училищ.

Таким образом, благотворительные общественные организации Области войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв. проводили активную работу по выявлению детей, нуждающихся в помощи, размещению их как в приюты, так и определению на воспитание в благополучные семьи, занимались устройством детей в школы, заботились о материальном обеспечении подопечных и дальнейшей их адаптации в обществе. Приюты для детей открывались как в городах, так и в станицах, но в основном – в центрах округов. Преобладающим типом среди организованных для детей приютов был смешанный (для мальчиков и для девочек), однако не менее значимыми по функциональной роли были приюты, принимавшие младенцев (преимущественно в г. Таганроге). Практически во всех учреждениях, принадлежавших благотворительным общественным организациям, с детьми проводились беседы нравственного характера, их обучали грамоте, для проведения досуга устраивались всевозможные развлечения. Филантропические общества на Дону проявляли высокую степень ответственности и бескорыстия, отдавая свои силы и жертвуя значительные средства на оказание помощи детям. Имеющиеся архивные документы не содержат сведений о коррупции и присвоении средств. В целом работу благотворительных общественных организаций региона по оказанию социальной помощи детям можно оценить исключительно с позитивной стороны. Они предлагали новые формы общественно полезной деятельности и внедряли ее в социокультурную жизнь региона.

Литература

1. Ануфриев К. И. Основы обязательного призрения бедных. Б.г., б.м. С. 204.
2. Бруханский Б. П. К вопросу о призрении детей в России. Б.г., б.м. С. 394–395.
3. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 529. Л. 190.
4. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 539. Л. 21.Об., Л. 5.Об., Л. 11.Об.
5. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 833. Л. 5; Л. 63, Л. 10. Об., Л. 12, Л. 30, Л. 65-66.
6. Отчет комитета Донского попечительства о бедных за 1902 г. Новочеркасск, 1903.
7. Отчет комитета Донского попечительства о бедных за 1912 г. Новочеркасск, 1913. С. 32
8. Отчет комитета, состоящего под августейшим ее императорского величества, государыни императрицы покровительством Таганрогского Мариинского общества «Ясли» за 1894 г. Таганрог, 1895. С. 12.
9. Отчет о деятельности общества «Друг детей» за время его существования. Таганрог, 1918. С. 4.
10. Отчет о приходе, расходе и остатке сумм Ростовского-на-Дону Александровского благотворительного общества за 1910-й год. Ростов-на-Дону, б.г. С. 31.
11. Отчет Общества содействия воспитанию детей дошкольного возраста г. Нахичевани-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1908. С. 18.
12. Послание Президента Федеральному Собранию от 3.12.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (Дата обращения 20.11.2013).

УДК 159(479)

Е. М. Марченко

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МАТЕРИНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-х гг. (ИДЕИ И РЕАЛИЗАЦИЯ)

В статье рассмотрены идеологические и юридические предпосылки формирования советского конструкта «сознательного материнства». Определены основные идеи западноевропейских и советских марксистов, влиявшие на социальную политику и юридическую практику государства. Выявлены последствия внедрения правовых новшеств в области материнства и его обеспечения, проанализирована эволюция организационных принципов

и состава организации охраны материнства и младенчества, названы основные причины, обусловившие эту эволюцию.

Ключевые слова: материнство, марксизм, «ответственное материнство», семейное законодательство, алименты, аборт, развод, сеть организаций охраны материнства и младенчества, женотделы, облисполкомы, ясли, консультации, общественное и семейное воспитание.

Е. М. Marchenko

SOCIAL AND LEGAL STATUS OF MATERNITY IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920s. (IDEAS AND IMPLEMENTATION)

The article examines the ideological and legal prerequisites for the formation of the Soviet construct of «conscious maternity». The basic ideas of the Western European and Soviet Marxists to influence social policy and legal practice of the state are specified. Legal consequences of the introduction of innovations in the field of maternity and its provision are identified. The evolution of the organizational

principles of the organization and protection of maternity and childhood are analyzed; the main reasons behind the evolution are singled out.

Key words: maternity, Marxism, «responsible parenthood», family law, child support, abortion, divorce, network of protection of motherhood and childhood, women's departments, regional executive committees, nursery, counseling, social and family education.

Материнство – уникальный социобиологический механизм. Происходя из биологической природы человека, он за тысячи лет эволюции претерпел значительные изменения. Как утверждают специалисты, нельзя говорить об этом явлении как о запрограммированном генетически, пресловутом «материнском инстинкте».

Этологи утверждают, что даже у человекообразных обезьян степень успешности материнской деятельности в значительной степени обусловлена социально [25]. Этнографы подчеркивают, что выявить какие-то универсальные поведенческие доминанты, связанные с материнством, не удалось [21]. Именно поэтому правомернее говорить о способе «материнства», определяющем материнские практики и поведение в зависимости от потребностей и ожиданий социума.

Наиболее активно «воспитанием ответственного материнства» в 1920-х годах занималось советское государство. Стремление коренным образом изменить названный институт определялось необходимостью получить человека нового типа – «Homo Sovieticus».

Идеологические ориентиры вновь создаваемого конструкта «сознательного материнства» были заложены в работах немецких и российских марксистов. К. Маркс и Ф. Энгельс, А. Бебель и К. Цеткин вырабатывали следующую концепцию: буржуазное общество лишило многих женщин условий для реализации своих материнских функций, требовать от них выполнения «природных» обязанностей – неправомерно. Аборты и инфантицид – право женщины, такой выбор она делает только под давлением тяжелых жизненных обстоятельств [13; 24].

Материнство, как и любая другая профессия, требует соответствующей физической и интеллектуальной подготовки, которую должно обеспечить общество, заинтересованное в воспроизводстве здоровых и полноценных своих членов. Общественное воспитание предпочтительнее материнского или семейного, поскольку предусматривает привлечение профессионалов. В полном согласии с данной концепцией высказывались и отечественные теоретики марксизма: Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин.

С установлением советской власти был предпринят ряд мер юридического характера для реализации основных положений приведенной выше концепции. В результате, как отмечал В. И. Ленин, «был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот... не осталось камня на камне от законов, ставивших женщину в положение, подчиненное» [19, с. 285]. Однако, как показал гендерная экспертиза этих юридических новшеств, как сами они, так и их последствия, были весьма неоднозначны.

Наиболее прогрессивная часть нового законодательства касалась женщин, занятых на производстве. Появлявшиеся разрозненно решения об охране материнства в декабре 1918 года были объединены в Кодекс законов о труде, уточненных и расширенных законами 1920 г. Новые нормы юридического и социального обеспечения и охраны материнства женщин, участвующих в производстве, были чрезвычайно прогрессивны и беспрецедентны для мировой правовой практики.

Однако, несмотря на то, что указанные выше нормы были огромным шагом вперед в юридическом обеспечении материнства, касались они преимущественно работающих женщин. Естественно, подавляющее большинство матерей, являвшихся домохозяйками и не занятых в общественном производстве, не могла воспользоваться правами и льготами, предоставленными государством. Особенно это касалось регионов с низким уровнем промышленного развития, в том числе и Северного Кавказа.

Значительно большее влияние на реальный социальный и юридический статус материнства, его материальную обеспеченность, оказывали новые нормы семейного права и брачного законодательства, ставшие

неотъемлемой частью советской социальной политики в отношении семьи. Они определялись в первых декретах большевиков и в Конституции 1918 г., уточняющих и корректирующих их законодательных актах 1920 и 1926 гг.

Основой семьи признавалось действительность происхождения. Никакого различия между родством брачным и внебрачным не предусматривалось. В идеале, забеременевшая и не состоявшая в браке женщина могла разделить с отцом ребенка тяжесть материальных забот, связанных с появлением младенца. Для этого ей следовало обратиться в местный отдел ЗАГСа, написать заявление, указав время зачатия, назвать имя и место жительства отца своего ребенка [16].

Данное юридическое новшество вошло в практику принятым в октябре 1920 г. Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Уже в 1921 году мы можем отметить применение указанной нормы в регионе. В списке сведений о числе актов гражданского состояния, зарегистрированных по Ставропольской губернии, отдельной графой отмечены 7 заявлений о внебрачном зачатии [4, л. 1–20].

Безусловно, данный факт важен как тенденция, однако отметим, что в дальнейшем мы не можем отметить ее значительного углубления или расширения. Газетные полосы уже в конце 1920-х гг. полны сообщений, свидетельствующих о сохранении дореволюционной нормы подбрасывания отцам незаконно рожденных детей, даже без малейшего намека на возможность применения указанного новшества для более цивилизованного решения вопроса.

Таким образом, советское законодательство изменяло традиционные «неслыханно-подлые, отвратительно-грязные, зверски-грубые» [19, с. 159] нормы, касающиеся внебрачных, «нагульных» детей. Однако на социальную практику 1920-х гг. это едва ли оказало заметное влияние. Как отмечал в своей работе, адресованной акушеркам курсов заочной переквалификации при отделе Охраны материнства и младенчества доктор М. Ф. Леви, «существуют данные, показывающие, что исходный вес так называемых «внебрачных» детей ниже и развитие их происходит хуже, чем у родившихся в браке, даже при условии вскармливания материнской грудью» [18, с. 4].

Еще одна новая юридическая норма, самым непосредственным образом повлиявшая на реальный социальный статус матери и ее экономическое положение, – это упрощенная процедура расторжения брака. Согласно декрету 1917 г., развод стал светским и доступным. Как отмечают исследователи, реалии семейных практик и в городе, и в деревне были связаны с нищенским существованием отставленных (разведенных) матерей с несовершеннолетними детьми. При упрощении процедуры развода, неразвитости социальных служб и отсутствии обязательной и фиксированной поддержки со стороны государства, женщины, особенно с несовершеннолетними детьми, были экономически зависимы от своих мужей.

Проблема усугублялась введением в семейный кодекс 1918 г. дореволюционной, распространявшейся ранее на дворян и городское сословие, имперской нормы о раздельном владении супругами имущества. Как подчеркивает Л. И. Завадская, это привело к неожиданным результатам. В случае развода очень ущемлялись интересы неработающих женщин (а их было большинство), ибо они, не имея собственного дохода и имущества, также не имели права и на часть семейного имущества, заработанного мужем в браке. [14, с. 331]. Как результат – появились так называемые сезонные браки, когда мужчина брал жену на время интенсивных полевых или других работ, а по его завершении разводился.

Ярко представить практические результаты советских юридических экспериментов может типичная статья «Каков должен быть брак у трудящихся» 1924 года. Начинается она описанием тривиальной жизненной ситуации: молодая женщина возвращается в дом матери после неудачного замужества. Пока она была в больнице, родив ребенка, дома уже появилась новая жена. Кроме новорожденного у молодой женщины девочка трех лет. Муж «выкинул на улицу», куда ей теперь? – задается вопросом сердобольная соседка. – На бирже и без нее много безработных. Молодая мать признается, что «если б знала три месяца назад, выбросила б семимесячного!» [20].

В целом, неудовлетворенность новыми юридическими нормами, регулирующими брак, прослеживается в материалах VIII окружной терской партконференции в ноябре 1925 года. Вопросы морали и партвоспи-

тания обсуждались в рамках доклада о работе краевой контрольной комиссии (КК), которая часто «превращается чуть ли не ЗАГС». Причиной этому служило то, что «тот или иной товарищ из рабочих или крестьян, попадая на более высокую должность, бросает своих детей, жену-работницу, крестьянку, женится на куколке, говоря, что жена идеологически чужда. Стараются ускользнуть от Советского суда, от обеспечения семьи».

С мест звучали прямые вопросы: «Нельзя ли издать такой закон для коммунистов, чтобы они не разводились с женами?», – ответ на который был, естественно, отрицательный [1, л. 26 об.]. Материалы конференции свидетельствуют, что коммунисты, часто – ответработники, не являли массам образца законопослушного и ответственного поведения, часто отказываясь от обеспечения собственных детей.

Ситуация изменилась только в 1926 г., когда был принят новый Кодекс о браке, семье и опеке (КЗоБСО). Он изменил режим раздельности супружеского имущества режимом его общности. В результате, супруги, не имевшие самостоятельного дохода, получали права на часть имущества семьи. Другое важное новшество, легитимизированное указанным документом, заключалось в том, что придавалось правовое значение фактическим брачным отношениям. Однако, как отмечают исследователи, введение данной нормы привело к правовой неопределенности, так как допускало законность и зарегистрированного брака, и фактического сожительства, при этом вопросы их параллельного сосуществования оставались не отрегулированными. Именно эти юридические неточности обусловили то, что обсуждая вопросы коммунистического быта, на XI окружной партконференции в 1928 году в протоколе отмечается, что случаи многоженства среди коммунистов встречались [1, л.22, 123, 125 об., 133].

Еще одна юридическая новация – алименты, была введена в правовую практику советского государства Уголовным кодексом РСФСР 1922 года. С. Смилович, заведующая Женотделом ЦК, в брошюре «Работница и новый быт», писала: – «пока наше пролетарское государство не в состоянии взять на себя содержание всех детей, закон об уплате алиментов является важной и вполне разумной мерой... и мать... ОБЯЗАНА принять все меры,

чтобы получить с отца ребенка алименты» [23, с. 9.]. Однако выполнение данных рекомендаций не было делом легким. К примеру, батрачку исключили из комсомола за то, что она потребовала в судебном порядке взыскание алиментов с отца ребенка – председателя комсомольской ячейки [1, л.79].

Радикальным социально-юридическим новшеством, выходящим за рамки семейного законодательства, но в значительной степени изменившим прокреативное поведение женщины, явилось официальное разрешение аборта по желанию женщины. Данное право было впервые в мире узаконено в Советской России 18 ноября 1920 года, в законе «Об охране здоровья женщин». В нем отмечалось, что аборт являлся, прежде всего, злом для коллектива. Правительство допускало его лишь как меру временную, главной целью которой является сохранение здоровья женщин, решившихся на данную операцию под давлением «моральных пережитков прошлого и тяжелых экономических условий настоящего» [15]. Операция по искусственному прерыванию беременности была разрешена к осуществлению бесплатно и лишь в советских больницах, под руководством врача. Нарушение одного из указанных принципов влекло за собой судебную ответственность.

Активное обсуждение проблемы аборта производилось на региональном уровне: как партийными органами (женотделы), так и специалистами на страницах печати. Причиной, побудившей общественность обратиться к этой теме, стал крайне высокий уровень «абортизма», названного социально-опасным явлением [12].

Подчеркнем, что вопрос аборта для большинства женщин оставался достаточно сложным, интимным, а обращение за помощью к квалифицированным специалистам было связано с широкой публичной оглаской, привлечением «абортной комиссии»¹. Кроме того, женщинам часто приходится сталкиваться с грубостью и нетактичностью медперсона-

ла. Исследователями также отмечалось, что для советской медицины было нормой проведение аборта без наркоза, что должно было, во-первых, сэкономить наркотики для более серьезных операций, а во-вторых, по-своему дисциплинировать женщину. [6, л. 14, 16]. В итоге, многие нуждающиеся в этой операции обращались не к специалистам, а к «бабкам-шептухам». В сельской местности женщины полностью находились в их руках.

К концу 1920-х гг. услуга бесплатного аборта эволюционировала в сторону ужесточения моральных норм и экономического ограничения. Н. М. Лебина указывала, что сначала в 1926 г. в советской России были полностью запрещены аборты для следующих категорий беременных:

- забеременевшим впервые,
- женщинам, перенесшим эту операцию менее полугода назад.

Одновременно, с середины 20-х гг., началась в печати кампания против абортотворения, в ходе которой осуждался эгоизм нерожавших женщин, вред этой операции для женского организма [17].

Рассмотренная выше юридическая практика в целом соответствовала идеологическим посылам марксистов. Однако для полной реализации, созданной ими концепции требовалось еще создать систему общественного воспитания, передав инициативу во всех областях обеспечения материнства в руки специалистов. Это начинание было осуществлено в рамках организации «Охраны материнства и младенчества» (ОММ). В целом работа в данном направлении производилась на основе принципа, провозглашенного в декрете по комиссариату государственного призрения от 31 декабря 1917 г. В указанном документе охрана младенчества признавалась властью прямой государственной обязанностью, а само материнство – важной социальной функцией женщины.

Координацией мер в данном направлении осуществлялась отделом охраны материнства и младенчества, созданного при Наркомате Государственного Призрения (позднее Наркомат социального обеспечения), возглавляемого с 1918 г. В. П. Лебедевой. С этого времени все учреждения, обслуживавшие детей, объединялись в одну государственную организацию и передавались в ведение отдела ОММ, с тем чтобы «составить неразрывную

¹ Деятельность абортных комиссий, включавших как медиков-специалистов, так и представительниц женотдела и профсоюза заключалась в определении должных медицинских и социальных оснований для производства операции. Ими же распределялись койко-места в больницах для прерывания беременности, в основе их работы лежал классовый принцип, а приоритет принадлежал пролетаркам.

цепь с учреждениями, обслуживающими женщину во время беременности и кормления ребенка грудью; принимать от них и продолжать выполнение одной общей государственной задачи – создания сильных духом и физически граждан» [22].

Однако с созданием в 1918 году комиссариата здравоохранения подраздел был со временем полностью передан в его ведение. К этому моменту в его компетенцию входила организация и функционирование заведений охраны материнства и младенчества открытого и закрытого типа, включая Дома Матери и Ребенка, Дома Ребенка, ясли, детские и женские консультации, молочные кухни, родильные дома, а также подготовка квалифицированных кадров для указанных заведений.

Важным моментом в налаживании работы имели Всесоюзные Совещания по охране материнства и младенчества, деятельность женотделов местных комитетов партии. Именно женотделы поднимали вопросы организации детских домов и очагов, Домов Матери и Ребенка там, где это более всего необходимо, обеспечение детей обмундированием, поддержание заведений в требуемом санитарном состоянии. Самое деятельное участие принимали женотделы в проведении недель и двухнедельников «Охраны материнства и младенчества», проводимые регулярно [9, л. 24].

Только Ставропольским губженотделом положительно решались в 1921 году вопросы об открытии в городе ясель на мельнице Глеева, курсов по уходу за детьми, приюта яслей для детей работниц, одного детского приюта и двух детских очагов [11, л. 1, л. 2, л. 9, л. 10, л. 16]. Деятельницами женотделов проводились ревизии имеющихся учреждений, отмечали и исправляли недостатки в педагогическом процессе, например, предлагали запретить детей из детских домов направлять для исправления в дом дефективного ребенка, способствовали внедрению физкультуры во все детские учреждения города, добывали необходимые для этого инструменты [11, л. 16, 45]. Кубано-Черноморский облженотдел в это же время принимает решение о всяческом содействии открываемым детским площадкам по районам [10, л. 1].

Нальчикский женотдел организовал субботник по починке белья для местного Дома матери и ребенка. Аналогичные орга-

низации Горской республики обращались к деятельности местных детских учреждений, добываясь открытия приюта в беднейшем и разрозненном селе Вердекели, стремились наладить работу имевшихся детских площадок и яслей в Долинском Кабардино-Балкарии, Нальчике, Чечен-ауле, с. Гонга и пр. [8, л. 34, 39, 40–41].

В целом функционирование системы ОММ в значительной степени определялась общей государственной политикой: военный коммунизм, НЭП, свертывание его, начало коллективизации. На первых порах в рамках системы превалировала ориентация на создание учреждений закрытого типа ОММ (Дом Матери и Ребенка, Дом Ребенка и пр.) и создания условий сохранения населения в условиях голода после войны. Деятельность открываемых в указанный период учреждений была направлена на обеспечение выживания населения, прежде всего детей. Санитарно-просветительские и образовательные цели, предусмотренные в идеале для подобных учреждений, судя по архивным материалам, они преследовать в этот критический период просто не могли. Соотношение матерей и детей в Домах Матери и Ребенка в исследуемый период в отдельных случаях было следующим 22:117, 87:915.

Политика широкого социального обеспечения, а также налаживание обширной сети учреждений ОММ в короткие сроки выстраивалась за счет максимального государственного финансирования. Так полугодовой бюджет отдела был равен 300 000 000 руб. [2, л. 5]. Только на восстановление сгоревшей выставки по Охране Материнства и Младенчества, по прошению Наркомздрава Семашко полуразрушенное государство выделяет 118 012 000 руб. [2, л. 5]. В 1919 году из общего бюджета НК Здравоохранения 9 194 735 913 руб. на молочные кухни расходной сметой предполагалось израсходовать 219 870 руб., на ясли для детей до 3 лет – 94 502 руб., до года – 95 777 руб., консультации для матерей – 11 7245 руб. [3, л. 69–70].

С началом НЭПа отмечается резкое уменьшение государственных дотаций и сокращение сети ОММ. Теперь В. П. Лебедева, заведующая отделом Охраны Материнства и Младенчества, отмечала его катастрофическое положение [9, л. 1]. При ограничении финансирования из центра, часть обязанностей по

содержанию заведений ОММ была возложена на местные органы власти. В итоге из целого ряда мест в Отдел поступают сообщения о том, что исполкомы, не имея возможности сохранить всей сети учреждений из-за недостатка денежных средств, идут по линии наименьшего сопротивления, сохраняя приюты для подкидышей за счет консультаций и яслей.

Следствием сокращения финансирования и количества функционирующих заведений ОММ стало «возвращение матери-коммунистки в семью для воспитания своих детей, а отчасти и для организации домашнего питания». Как отмечалось в материалах по коллективизации быта, данное явление имело два негативных последствия. Во-первых, констатировался довольно большой отход матерей-коммунисток от партийной и советской работы. Во-вторых, «перенесение воспитания детей коммунистов в семью, что совершенно объективно поведет к усилению индивидуалистического уклона в психологии подрастающего поколения» [7, л. 21].

В таких условиях государством семье был возвращен приоритет в воспитании и обеспечении ребенка, а в сети ОММ центр тяжести перенесен на создание учреждений открытого типа (консультации, ясли, детплощадки). Так только в Терском округе ясли

функционировали в 7 районах, консультации работали в Минводах, Моздоке и Степновском [5, л. 22, 32]. Источником финансирования были местные власти, которые прежде тратить деньги на них опасались. Комитеты Крестьянской Общественной Взаимопомощи (ККОВ), сельсоветы и стансоветы признавали ясли и детплощадки общественно-полезными и выделяли для них средства в собственных сметах [9, л. 3]. В докладе завтерокрздраватов. Томпакова утверждалось, что созданные в ряде районов консультации уже к 1925 году достигли определенных результатов в снижении детской смертности [5, л. 4]. Отмеченные выше тенденции, обозначившиеся во второй половине 1920-х гг. нашли развитие в следующем десятилетии.

Таким образом, за первое десятилетие советской власти был сформирован и апробирован конструкт «сознательного материнства». Его теоретические посылы – идеи марксистов – были воплощены законодательно, значительно повлияв на такую традиционно интимную область как материнство. Однако полученный практический результат власть не удовлетворил и доказал необходимость корректировки политики в отношении материнства уже в рамках этатистских идей.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 184.
3. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 69.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК) Ф. р. 929. Оп. 2. Д. 228.
5. ГАСК. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 85.
6. ГАСК. Ф.р. 1161. Оп. 1.Д. 661.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 10. Д. 124.
8. РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 10. Д. 17.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 86.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 267.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 298.
12. Аборты. Широкое врачебное совещание в клубе ВСАСОТР // Советский Юг. № 87 (1085). 16 апреля 1924 г. С. 3.
13. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 596 с.
14. Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: Издательство БЕК, 2001. 272 с.
15. Закон «Об охране здоровья женщин» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства (СУР). 1920. Ноябрь. № 90. С. 475.
16. Кодекс законов об Актах Гражданского состояния; Брачном, Семейном и Опекунском праве // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУР). 1918. Январь. № 76–77. С. 933–959.

17. Лебина Н. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...». Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 228–241.
18. Леви М. Ф. Беременность / Курсы заочной переквалификации акушеров при отделе Охраны материнства и младенчества. М.-Л.: Издательство отдела ОММ, 1929. 54 с.
19. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. 632 с.
20. Мак Е. Каков должен быть брак у трудящихся? // Советский Юг. 1924. 20 января. С.2.
21. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука Серия: Этнографическая библиотека, 1988. 429 с.
22. Постановление Народного комиссариата государственного призрения РСФСР от 31 января (13 февраля) 1918 г. «Об организации комиссии по охране младенчества» // СУР. 1918. № 24. С. 24.
23. Смидович С. Работница и новый быт. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. 127 с.
24. Цеткин К. Женский вопрос. Гомель: Гомельский рабочий, 1925 г. 70 с.
25. Чибисова М. Этологические концепции материнства в зарубежной психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/library/?id=385> (Дата обращения: 12.09. 2015).
26. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 томах. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.

УДК 63.3

Е. Ю. Оборский

СТАВРОПОЛЬСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ: ОТ ПОПЫТОК СОТРУДНИЧЕСТВА К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

В статье рассматривается деятельность ставропольских большевиков в период Российской революции 1917 года. Показаны их попытки сотрудничества с новыми государственными органами. Обозначены усло-

вия установления Советской власти на Ставрополье в главе с большевиками.

Ключевые слова: революция 1917 года в России, большевики, Ставропольская губерния, июльский кризис, Советская власть.

E. Y. Oborskiy

STAVROPOL BOLSHEVIKS IN 1917: FROM ATTEMPTS OF COOPERATION TO SEIZING THE POWER

The article studies the activities of Stavropol Bolsheviks during the Russian Revolution of 1917. The focus is on their efforts to cooperate with the new state authorities. The article outlines the conditions for establishing

Soviet power in the Stavropol region led by Bolsheviks.

Key words: Russian Revolution of 1917, Bolsheviks, Stavropol region, July Crisis, Soviet power.

После свержения самодержавия в феврале 1917 года в России установился открытый политический режим, позволивший всем политическим партиям участвовать в борьбе за власть в равных условиях. Большевики Ставрополя так же, как и все прочие партии, начали свою деятельность с агитации и пропаганды, организуя митинги, кружки,

участвуя в демонстрациях и шествиях. Однако в силу своей небольшой численности в течение всего года они практически в первую очередь боролись за пополнение своих рядов, нежели за реальную власть в городе и губернии. По состоянию на 12 марта их насчитывалось 16 человек [16]. В сентябре 1917 г. в Ставропольской городской организации

РСДРП (б) было 56 членов, а к концу осени – около 200 [1, с. 34, 44–45]. Именно поэтому ставропольские большевики, не распыляя своих усилий, работали преимущественно среди солдат ставропольского гарнизона, где получали значительную поддержку. Немногочисленные рабочие (по разным подсчетам, их было в городе от 5 до 7 тысяч человек), не являлись собой образец пролетариата как боевого отряда революции в силу полукустарного характера производства. Они, как и остальные жители губернии, почти не воспринимали большевистскую агитацию, в связи с чем, и мероприятий вне солдатской массы большевики почти не проводили.

Указанные социальные условия и скромное количество членов РСДРП (б) на Ставрополье сочетались с конструктивной позицией одного из лидеров ставропольских большевиков А. А. Пономарева. По крайней мере, в первые месяцы после свержения самодержавия он придерживался умеренных взглядов на политические и общественные преобразования. В апреле 1917 г. им были предложены проекты реформирования продовольственного комитета Ставропольской губернии. В частности, по его мысли, необходимо было создать продовольственную управу, входившую в состав продкомитета и занимавшуюся только техническими вопросами [10, с. 3].

Сам А. А. Пономарев был заведующим статистическим отделом Ставропольской губернской земской управы и имел достаточный опыт работы в структурах местного самоуправления. Предложенные им преобразования могли способствовать проведению земельной реформы, которой ждали все крестьяне, обеспечив, тем самым, поддержку новой власти. Этому же способствовало бы и привлечение опытных чиновников, досконально знающих тонкости продовольственного дела. В таком случае, можно предположить, и будущий хлебозаготовительный кризис был бы не таким острым.

Следовательно, член партии, критиковавшей новую власть, предложил самый реалистичный проект решения земельного вопроса, остро стоявшего перед страной. Значит, А. А. Пономарев пытался действовать конструктивно, практически сотрудничая с новыми властными структурами. При этом в своей политической деятельности он последо-

вательно критиковал и Временное Правительство, и местные органы власти.

Такая позиция наиболее ярко проявила себя во время июльского кризиса, когда большевики вновь попали в весьма трудное положение. После событий 3–4 июля в Петрограде, когда большевиков обвинили в организации беспорядков, измене родине и шпионаже в пользу Германии и были выданы ордера на арест их лидеров, в Ставрополе и губернии всколыхнулись мощные антибольшевистские настроения. Имеется множество различных свидетельств, говорящих о популярности лозунгов, направленных против большевиков. Одной из первых была послана телеграмма князю Львову: «Собрание представителей всех социалистических партий и демократических организаций Ставрополя выражает резкое порицание стремлению большевиков и части Петроградского гарнизона навязать свою волю стране, вопреки решениям съездов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Собрание считает вооруженное воздействие на Временное Правительство актом губительным для дела освобождения родины. Собрание протестует против этого акта, одобряет действия правительства ... и со своей стороны готово поддержать все мероприятия центральной и местной исполнительной власти, направленные на борьбу с анархией и дезорганизацией, вредящими делу свободы и обновления России» [5].

Первой на события в Петрограде отреагировала ставропольская интеллигенция, сосредоточенная во властных структурах и общественных организациях. Попытки большевиков добиться мира оценивались ею как поругание святынь революции и измена духу революции. Как видно, никаких обвинений большевикам в связях с Германией ставропольской властью пока не предъявлено. Очевидно, что эта идея была спущена из центра и широко растиражирована позже.

13 июля в Ставрополе представители различных партий обсуждали вопрос «о мерах борьбы с паникой и разрухой» [6, л. 6–8]. Губернский комиссар Д. Д. Старлочанов, настроенный критично по отношению к большевикам, отметив чрезвычайную серьезность ситуации, предложил всем объединиться и бороться с анархией и дезорганизацией. Прaporщик Михайлов предложил уделить больше внимание подъему и укреплению патри-

отического духа в армии. Ставропольчанин Меркулов высказался о серьезности момента, который должен остановить большевиков и благодаря этому они бросят свою разрушительную агитацию. А. М. Дементьев, отмечая анархизм и дезорганизацию в деятельности ставропольских большевиков, предложил их не арестовывать, а просто выдворить их из города. Член РСДРП Толстов заявил, что большинство социал-демократов хотят совместной организованной работы со всеми партиями для борьбы с анархией. Представитель Совета рабочих и солдатских депутатов М. К. Судавский заявил об отсутствии в Ставрополе серьезной большевистской угрозы и, следовательно, об необходимости принимать какие-либо экстренные меры против большевиков.

В результате была принята резолюция, в которой указывалась готовность подавлять анархические выступления силой. В принципе, все участники собрания выступали в достаточно спокойном стиле и отнеслись негативно к прошедшим событиям, но не предлагали каких-либо срочных репрессивных мер. Особняком стоит мнение прапорщика М. А. Михайлова с предложением создания революционного комитета с особыми полномочиями, власть которого должна быть «безапелляционной». Но предложение принято не было.

Именно с этого момента в газетах стали появляться многочисленные статьи и заметки, рисовавшие большевиков крайне негативно. Все это вынудило обратиться ставропольских большевиков в министерство внутренних дел и лично к министру Церетели с просьбами о помощи [21, с. 44]. Получалось, что большевики, с апреля 1917 г. последовательно критиковавшие Временное правительство, обращались к нему за защитой: «Местные власти в лице губернского комиссара и комитета безопасности в воззвании, а также на собрании 13 июля поднимают травлю большевистской фракции города Ставрополя, **не запятнавшей никакими дезорганизационными выступлениями против существующего порядка вещей** (выделено мной. – Е. О.). Полагая, что действия губернского комиссара и комитета безопасности противоречат ясно выраженной воле ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, просим Вас, министра-социалиста, принять меры к ограждению нас, ваших товарищей по партии,

от возможности эксцессов со стороны малосознательного населения» [18].

Телеграмма, зарегистрированная в суточной ведомости о положении на местах [3], попала во Временное правительство. Оттуда было послано распоряжение: «Главное управление по делам милиции просит Вас произвести по указанному поводу расследование и, в зависимости от результатов последнего, принять надлежащие меры...» [4]. Распоряжение послано... губернскому комиссару Д. Д. Старлочанову, на которого и жаловались большевики.

В результате, репрессивных и иных мер к ставропольским большевикам не предпринималось [21, с. 43–47; 12, с. 37–39; 13, с. 73–74], тогда как, допустим, в соседнем Екатеринодаре проводились обыски и аресты [9, с. 112–113; 15, с. 6]. Это обращение также свидетельствует о небольшом влиянии ставропольских большевиков на народные массы. При угрозе со стороны «малосознательного населения» они обращаются в Петроград (!), чтобы оттуда повлияли на население Ставропольской губернии. Очевидно, что авторитет региональной власти в глазах местных жителей был достаточно высоким, тем более что большая часть населения была солидарна с указанными выше оценками. Например, типичным для образованных слоев местного общества были взгляды, высказанные в письме товарища председателя Ставропольского губернского Совета крестьянских депутатов эсера А. А. Иванчина-Писарева председателю Временного Правительства А. Ф. Керенскому, где большевики зовутся «провокаторами», «немецкими наймитами», «агитаторами» и «шпионами», «предателями», «философствующими негодяями» [11]. В письме осуждаются проводившийся в то время съезд РСДРП (б) и различные действия большевиков.

Стиль и содержание письма характерны для того времени. Крестьяне и горожане Ставрополя уже обозначают различные полюса своих настроений. Время для различных политических колебаний уходит, а июльский кризис спровоцировал виток поляризации в обществе.

Автор, порицая большевиков, отмечает малоактивную позицию властей по отношению к ним. Он делает упор на хлесткие большевистские лозунги, «крикливые и хвастливые фразы», которыми те смогли завоевать

популярность в среде солдат и рабочих. Тем самым, большевики одурманили освобожденный русский народ, «опьяневший от счастья свободы», и превратили российскую демократию в неуправляемую стихию. Необходимо переходить от нерешительных действий и терпимости к большевикам к жесткой борьбе с «антигосударственным ядром» страны.

А. А. Иванчин-Писарев считает, что большевики опираются на эмоции, а не на логичные доводы и бесспорные аргументы. Он выводит это из постоянной поддержки ненависти к буржуазии, царю, войне и категоричности их лозунгов. Поляризация сознания становится неотъемлемой чертой революционной России. Возникает радикальная ментальная оппозиция «за» – «против». Это хорошо видно не только по отношению автора письма к самим большевикам, но и по вопросу войны и мира. Большевики выступали против продолжения военных действий, а значит, страна могла потерять независимость. Следовательно, они – враги России. Для сочувствия большевикам не помогали даже социалистические взгляды А. А. Иванчина-Писарева. Он радикально негативно относится к возможному прекращению войны. Так постепенно закладывались основы идейного противостояния будущей Гражданской войны.

Письмо, очевидно, было написано перед вторым губернским крестьянским съездом, прошедшим с 12 по 15 августа в Ставрополе. В его протоколах можно найти такую запись: «Затем был возбужден вопрос о представлении прав совещательного голоса представителям от с.д. большевистской партии. Собрание абсолютным большинством голосов отклонило это предложение, мотивируя тем, что большевики внесли смуту и развал и без представительства этой организации политический дух знаком трудовому крестьянству» [7].

Любопытно сожаление автора письма отсутствия решительных действий по отношению к большевикам. Но до этого случились расстрел демонстрации 3–4 июля, арест нескольких членов РСДРП (б), на фронте была восстановлена смертная казнь. Однако некоторым политическим партиям и общественным деятелям этого казалось мало. К тому же, некоторые действия Временного правительства и местных властей, скорее, способствовали популяризации большевиков, нежели ослаблению их позиций. Парадокс в том, что

массовая травля, обвинения в предательстве и шпионаже стали спусковым крючком в росте численности лояльных большевизму людей.

Для широких народных масс идеи большевизма и сами большевики не были серьезно знакомы. Многочисленные газетные статьи, гневно клеймившие большевиков, негативные упоминания на митингах, демонстрациях и собраниях фактически стали бесплатной рекламой деятельности партии и ее членов. Сами большевики потом это признавали. По воспоминаниям И. Черкасова, после 3 июля многих солдат Петроградского гарнизона разбросали по фронтам. Все они рассказывали о расстреле демонстрации и других событиях в Петрограде. «Каждый такой солдат иногда и сам не подозревал того, что становился большевистским агитатором» [9, с. 82].

Таким образом, антибольшевистская агитация, совещания, митинги, собрания, телеграммы и письма во власть дали кратковременный положительный эффект временному правительству – большевики вновь ушли в тень. Однако эти действия привели к интенсивной популяризации, как самих большевиков, так и их идей, что сыграло особую роль уже осенью, когда популярность РСДРП (б) стала принимать лавинообразный характер. Следовательно, к установлению Советской власти на Ставрополье причастны не только поступки большевиков, но и «усилия» властных структур.

К активным действиям большевики смогли приступить на волне возмущения корниловским мятежом. 4 сентября 1917 г. было проведено расширенное заседание комитета безопасности, посвященное решению вопроса о создании в губернии и городе «Комитета Спасения Революции», где разгорелся оживленный спор. По решению Совета рабочих и солдатских депутатов «организация такого комитета признавалась необходимой в интересах действительной и скорой борьбы с контрреволюционными попытками, возможными после выступления Корнилова». Губернский комиссар Д. Д. Старлочанов высказался против организации подобного органа, так как в Ставрополе нет условий для контрреволюционных вспышек, и власть справляется с ситуацией. «А. А. Пономарев, возражая губернскому комиссару, указал, что большинство фракции большевиков не стремится к захвату власти и социалистическому перево-

роту (выделено мной. – Е. О.)). А условием для вспышки служит неорганизованность масс и управленческого аппарата, поэтому необходима единая строго революционная власть, так как губернский комиссар и комитет безопасности «бросают в массы антиреволюционные мысли». Меншевик Поляков, возражая лидеру большевиков, указал главный недостаток существующих организаций – малое количество работников, и создание нового органа не устранил этого. В. Краснов, председатель губернского комитета общественной безопасности (КОБ), тоже не видел необходимости в создании нового комитета [6, л.1–3].

По итогам заседания приняли решение создать особый орган, но без подчинения ему местных властей. По предложению губернского комиссара, этот новый комитет лишь объединял все организации, которые боролись с контрреволюцией. По сути, структура региональной власти не менялась.

Деятельность вновь созданного комитета с самого начала подвергалась критике большевиками. М. Морозов, секретарь ставропольской организации, в письме, направленном в ЦК РСДРП (б), написал, что «на первом же заседании Комитет сам сузил свои права и потому является мертвым, бездеятельным учреждением» [14, с. 249].

Однако, образование комитета спасения революции – первая, пусть небольшая и условная, победа большевиков. Вторую победу они одержали на заседании, посвященном обсуждению созыва Демократического совещания. Принятая большевистская резолюция осуждала его, характеризовала как «подделку» Временного Правительства и ЦИК, требовала удаления из состава правительства кадетов и создания «представительства пролетариата и крестьянства». Излагалась также программа большевиков как первоочередные меры власти. Общую картину полной победы портит только одна фраза: «в заседании преобладали солдаты, рабочая секция Совета рабочих и солдатских депутатов была представлена слабо» [19]. А солдаты ставропольского гарнизона давно находились под влиянием большевиков.

Несмотря на первые победы, общая позиция ставропольских большевиков оставалась умеренной. Аргументы в пользу этой точки зрения можно взять из воспоминаний известного кубанского большевика Ф. Я. Во-

лика. По его словам, осенью 1917 года, кубанские большевики решили попросить помощи в Ставрополе и в штабе 39 дивизии, которая к тому времени пришла с Турецкого фронта. «Вот, к этой дивизии, к этому гражданскому комитету, который возглавлялся довольно радикальным товарищем, кажется, по фамилии Пономарев, мы и были посланы с тем, чтобы просить помощи 39 дивизии для свержения казачьего правительства. Прибыли мы в Ставрополь, говорили с этим товарищем, который нам заявил примерно так, что «власть, которую мы посадим с помощью извне не будет крепкой властью, а поэтому вы сажайте сами, мы помогать не намерены. И вообще вопрос о захвате власти, это вопрос назревания условий и так далее». В общем, позиция была занята такая, что мы поговорили, поговорили и ни с чем оттуда уехали» [22]. При этом понять позицию лидера ставропольских большевиков можно – элементарно не хватало сил для работы внутри губернии.

В ноябре по инициативе большевиков Совет рабочих и солдатских депутатов создали временный комитет общественного спасения. Этот орган не заработал как надо и, в результате, «настроение большевиков подавленное» [20].

2 декабря на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов большевики поставили вопрос о переходе власти в руки Советов. Решение принято не было, и прения продолжились на заседании 6 декабря [17]. Целью данного совещания было «прийти к выяснению господствующего в массах взгляда на создание власти» [8]. В итоге были поставлены на голосование резолюции эсеров (от Совета крестьянских депутатов) и большевиков. Первые требовали подчинения Учредительному собранию и созыв Губернского Народного Собрания, «которое только одно и вправе решить вопрос об организации власти в губернии». Большевики требовали передачи власти в руки Советов, образования на их основе Военно-Революционного Комитета и переизбрания Совета крестьянских депутатов. Эсеры поддерживали Совет крестьянских депутатов, меньшевики, народные социалисты, городская дума, торговые служащие, мешане, банковские служащие, союз фармацевтов, союз металлистов, служащие Земгора, 5-ая школа прапорщиков и I Кавказский пограничный полк. За большевиков выступили союзы кожевников и строительный.

Была принята резолюция эсеров, за которую проголосовали 88 человек, против – 78; за большевистскую 82 голоса, против – 84. Эти результаты в очередной раз подтвердили, во-первых, ориентацию ставропольского населения на эсеров, в частности, и, во-вторых, на левые идеи, в целом. Вызывают интерес выдержки из протоколов, передающие атмосферу заседания. «Член собрания Пономарев в своей речи заявил, что служащие Губернской Продуправы, представители которой сидят здесь против него, если не признают новой революционной власти и откажутся с ней работать, должны быть растоптаны ногами. Приведенная фраза вносится в протокол по требованию многих членов собрания. После требования о внесении фразы в протокол, член собрания Пономарев заявил, что произнес эту фразу не в пылу ораторского увлечения, а вполне сознательно...» [8].

Это прямой признак раскола общества. Противостояние, начавшееся в июле, закончилось безапелляционными заявлениями в адрес друг друга. Невозможно выяснить, кто начал первым, ибо деятельность большевиков по достижению мира всегда рассматривалась остальным обществом крайне негативно. Большевики, в свою очередь, желали только подчинения своей политической воле. Шло взаимное непонимание позиций противников. Здесь сыграла свою роль полярность революционного сознания, когда в восприятии действительности отсутствуют полутона. Интересно в протоколе также заявление члена собрания Мениса: «Я считаю, что захват власти принесет неисчислимые бедствия населению губернии, поэтому я предлагаю поименное голосование – пусть история знает, кто за анархию и кто за порядок».

В конце декабря 1917 г. на общегубернском собрании советская власть на

Ставрополье была все-таки установлена. С 1 января 1918 г. губернией управлял Совет народных комиссаров, первым председателем которого стал А. А. Пономарев.

Остается невыясненным только один вопрос: если к концу осени большевиков было всего 200 человек, то каким же образом они смогли захватить власть? Следует признать, что решающую роль при этом сыграли солдаты. В ноябре – декабре 1917 г. в город и губернию резко усилился приток дезертиров, которые приезжали, в основном, с оружием и привносили в мирную жизнь элементы силы. В декабре в Ставрополь перевели 2 Карский стрелковый полк, солдаты которого принимали активное участие в политической жизни губернии [2]. Тогда же попал в Ставрополь и 111 полк из Грозного, в рядах которого был еще один из первых руководителей Советской власти на Ставрополье Н. А. Анисимов. Разумеется, оба полка находились под полным влиянием большевиков. Именно решающая роль большой и организованной, главное, вооруженной, массы повлияла на победу большевиков в г. Ставрополе, в частности, и установление Советской власти в губернии, в целом.

Подводя итог, можно сказать, что деятельность Ставропольской организации РСДРП (б) была успешной с точки зрения борьбы за власть. Несмотря на свою немногочисленность, ставропольские большевики, выстояв в трудный момент лета 1917 г. и обратив его в свою пользу, сумели склонить в свою сторону основную активную силу региона – солдат. Именно военные склонили в нужный момент чашу весов в сторону сторонников советской власти. Хотя в течение всего года активных и энергичных действий по достижению своих целей они не предпринимали и отличались умеренностью своих позиций.

Литература

1. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг.). Сборник документов и материалов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1968. 248 с.
2. Государственный Архив Новейшей Истории Ставропольского края. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
3. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 6. Д. 10. Л. 102.
4. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 234. Л. 1.
5. Государственный Архив Ставропольского Края (далее – ГАСК). Ф. 1658. Оп. 1. Д. 24. Л. 173.
6. ГАСК. Ф. 1658. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАСК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.
8. ГАСК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 54, 155–158.

9. За власть Советов. Воспоминания старых большевиков, участников борьбы за установление Советской власти на Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во 1957. 215 с.
10. Луке И. Д. Продовольствие и общественность. Страничка из истории деятельности Ставропольского Губернского Продовольственного Комитета. Ставрополь: Тип. «Труд» Я. В. Минкина, 1917. 23 с.
11. Иванчин-Писарев А. А. Во имя чего позволено большевикам издеваться над Россией? // Известия. 1999. 13 марта.
12. Иванько Н. И. За власть Советов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1957. 164 с.
13. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1970. 632 с.
14. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март – октябрь 1917 г.): сборник документов. Т. 1. М.: Политическая литература, 1957. 559 с.
15. Полуян Я. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар: [б.и.], 1921. 15 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 1-а. Д. 339. Л. 1.
17. Рутберг. Власть Советов в Ставрополье в 1918 г. (по архивным материалам) // Ставрополье. 1925. № 1. С. 80.
18. Северокавказское слово. 1917. 21 июля.
19. Северокавказское слово. 1917. 17 сентября.
20. Северокавказское слово. 1917. 7 ноября.
21. 1917 год в Ставропольской губернии / под ред. Ф. Головенченко. Ставрополь: [б.и.] 1927. 104 с.
22. Центр Документации Новейшей Истории Краснодарского Края. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 252. Л. 35.

УДК 164.94(43.01)

Т. Н. Плохотнюк**СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА РОССИИ И ГЕРМАНИИ
В ТРАНСГРАНИЧНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Автор статьи сравнивает миграционные общности, сложившиеся в столичных городах России и Германии в результате трансграничной российско-германской миграции. Исследование позволило выявить и объяснить имманентность перемещения населения. Автор анализирует гендерный, возрастной со-

став мигрантов, а также условия жизни мигрантов в столичных городах.

Ключевые слова: трансграничная миграция, миграционная система, Россия, Германия, столица, «притягивающий» фактор миграции.

T. N. Plokhotnyuk**CAPITAL CITIES IN RUSSIA AND GERMANY
IN THE CROSS-BORDER MIGRATION SYSTEM
IN THE LAST THIRD OF XIXTH CENTURY: COMPARATIVE ANALYSIS**

The article presents comparison of immigration communities formed as the result of the Russian-German cross-border migration in the capital cities of Russia and Germany. The study reveals and interprets the immanence of those population movements. The article studies

gender and age features within migrants, and their living conditions in the capital cities.

Key words: cross-border migration, migration system, Russia, Germany, capital city, attractive factor of migration.

Российско-германские трансграничные перемещения населения в последней трети XIX века были одновременными и встречаемыми. Их развитие шло спонтанно, так как представители каждой из сторон выбирали Россию или Германию, мотивируя свой выбор индивидуально. На выезд из Германии в Россию решались те, кто желал найти возможность ведения самостоятельного хозяйства на земле, пусть даже на условиях аренды. Сюда мигрировали сторонники тех или иных религиозных учений, а также те, кто искал необходимые условия для организации собственного дела (дешевле производить там, где это будет реализовано, попутно решая проблемы удешевления процесса производства – стоимость рабочей силы и разных необходимых материалов) и другие.

Таким образом, есть все основания утверждать, что среди мотивов такого движения следует назвать поиски возможности реализации своего потенциала. Как оказалось, российские социально-экономические ресурсы могли обеспечить реализацию ино-

странный потенциал. Кроме того, для немцев-иностранцев наличие ранее оформившейся немецкой колонии в России создавало выгодные условия существования – это смягчало в какой-то мере языковую проблему, национальная школа и церковь способствовали сохранению немецкой традиции.

Выбор германского направления движения российских подданных был предопределен тем, что выход с территории России максимально был облегчен только в приграничных районах. Евреи, проживавшие здесь, были ограничены в возможности продвижения во внутренние губернии сохраняющейся чертой оседлости для них. Многие из поляков, имевшие родственников на бывших польских землях, вошедших в состав Пруссии, предпочитали территориально близкую Германию. Это позволяло им не терять ощущения единства эмоционального пространства. Существования постоянного спроса на сезонный неквалифицированный труд делало это направление для этих групп населения российского приграничья устойчивым.

Последняя треть XIX века была отмечена важным событием – объединением немецких земель в единое национальное государство, столицей которого становится прусский город Берлин. Границы России, как и Германии, не были закрыты для подданных других государств, но ни в 1870-х, ни в 1880-х годах в этих государствах еще не было специального миграционного закона, который регламентировал бы въезд и выезд из страны. Правовая основа такого передвижения между странами обеспечивалась законами о паспортах. Возникающие ситуации, не подпадавшие под нормы паспортного устава, уточнялись и конкретизировались подзаконными нормативными актами, такими как ведомственные циркуляры и распоряжения министерств иностранных дел обоих государств [6, с. 5; 7; 18].

В складывающейся системе легализации трансграничного перемещения консульства были важным структурным звеном. Именно в консульстве предполагаемого государства-реципиента желающие выехать получали необходимое разрешение, а въехав на территорию другого государства, обязательно заявляли о своем прибытии в консульстве государства своего подданства. На основании консульских данных сравним численность мигрантов в столичных городах России и Германии. Судя по этим данным, и в Москве, и в Санкт-Петербурге постоянно присутствовало приблизительно равное количество «райхсдойче» (имперские немцы – немцев, выехавших из немецких земель и сохранивших подданство Германии) – по 6 000–7 000 немцев-иностранцев в каждом из этих городов [16, с. 43–45; 51–52 подсчет]. Российских подданных в Берлине в этот же самый период было на треть меньше. Проведенный подсчет позволил определить, что численность российских мигрантов в Берлине достигала 2,5 тысяч [2, л. 1–350, подсчет].

Российские подданные из числа женщин и детей, равно как и дети, рожденные в Германии от российско-подданных родителей и уже достигшие дееспособного возраста, не имели национального паспорта и могли достаточно продолжительное время находиться в Германии без оного. То есть, на практике и в России, и в Германии иностранцы, не получившие подданства в государстве своего пребывания (русские в Германии, немцы – в России), могли получить работу, находиться

без определенных занятий или на лечении без фиксирования легитимности пребывания за границей со стороны государства, подданными которого они являлись. Дети, выехавшие с родителями, став взрослыми, могли получить разрешение на пребывание в другом государстве без легитимного фиксирования подданства. При этом, например, юноши призывного возраста не являлись на родину для исполнения воинской повинности, а все без исключения не платили налогов в пользу государства, подданными которого они являлись.

На основании Циркуляра Департамента внешних сношений МИДа России от 2 июля 1887 года Генеральное российское консульство в Берлине осуществило перепись российских подданных, проживавших на территории российского консульского округа в Берлине [9, с. 412–413; 415]. Осуществление этой акции стало возможным только в результате проявления доброй воли со стороны российских подданных, проживавших здесь в статусе иностранцев, и было достижением дипломатического искусства служащих консульства, потому как государство не имело механизма, позволившего в принудительном порядке обязать всех подданных, осевших на территории консульского округа, сообщить о себе исчерпывающие данные.

Несомненно, это было еще и следствием проявленной со стороны государства способности к определенному компромиссу. Так, акцентировав предпочтение получения точных данных, а не полного ответа на все вопросы разработанной анкеты, Департамент предложил отказаться от сведений чисто личного характера, таких как: имя, фамилия и других, необходимость сообщения о которых могло вызвать опасения возможного личного преследования [1, л. 68 об.].

На вопросы анкеты ответили 700 человек. Это были те, кто добровольно пожелал сообщить о себе. Считать эти данные исчерпывающими статистическими было бы некорректно. В течение 1870–1880-х годов в Берлине так и не сложилась система строгого учета и обязательной перерегистрации перемещения и выезда из города. Закон от 26 июня 1878 г. требовал наличие паспорта для въезда в Берлин, но не вменял в обязанность берлинской полиции функцию постоянного контроля за состоянием паспорта иностранца [18]. Т. е. наличие просроченного паспорта не

было основанием для высылки из Берлина или иных административных мер по отношению к владельцу паспорта. Таким образом, статистические данные, полученные консульством, невозможно было опровергнуть, подтвердить или уточнить.

60 % российских подданных, проживавших в Берлине, были последователями иудаизма. 19 % от общего числа ответивших на вопросы анкеты, предложенной в консульстве, были протестантами. Затем за ними в процентном отношении в общей численности шли православные – 14 %. Меньше всего было католиков, они составляли 7 %. Иудеи, преобладавая численно, давали самую длительную продолжительность пребывания в Берлине – в среднем 12 лет. Следует отметить, что 50 % евреев въехали в Берлин или в Германию в 1875–1877 гг. [2, л. 1–350].

Самый короткий срок пребывания – 1 год или даже 1887 как первый год пребывания – был у представителей православия, потому что среди них преобладали те, кто выехал по делам своего ведомства – 51 %. Это были преподаватели высшей и средней школы, командированные Министерством народного просвещения в Берлин для подготовки диссертации на соискание ученой степени. В составе этого контингента были, например, командированные Департаментом уделов для обслуживания вновь открытого в Берлине депо конюшен Русского государственного коннозавода (ветеринарные врачи, конюхи, наездники и т. д.), газетчики, журналисты и другие. Это дает основание заключить, что этот контингент был самым сменяемым [2, л. 29, 54, 56–63].

Некоторые православные постоянно проживали в Германии, но регулярно появлялись в России. Это были представители привилегированного сословия, имевшие собственность, как в России, так и в Германии. Например, А. Балашев, потомственный дворянин, камер-юнкер высочайшего двора, женившийся на немке, дочери русского генерала Кубе, каждые два года ездил в Санкт-Петербург. Там он состоял членом опекунского совета Санкт-Петербургских детских приютов [2, л. 36, 67, 78–93].

С. Н. Широков, потомственный почетный гражданин, поставщик германского императорского двора, в России владел рыбными промыслами, а в Европе – икорными

магазинами. Широков жил в Берлине с 1871 года, ежегодно ездил в Астрахань. Сыновья Широкова жили в России, но не они вели его дела в Астрахани, потому как один из сыновей был студентом-медиком, а другой служил в армии [2, л. 67]. А. Владимиров, занимавшийся торговлей, имел торговый дом в России, а в Берлине владел недвижимостью, один из немногих кто платил городские повинности и в Германии и в России, при чем одинаковые суммы – 900 марок в год [2, л. 78].

7 % протестантов – это бывшие российские государственные и военные служащие (по этнической принадлежности все они немцы). Выйдя на пенсию, они перебрались в Берлин, сохранив российское подданство. Основным источником средств существования для них было получение пенсии. Например, с. Реннфельдт, бывший начальник движения Царско-Сельской железной дороги, после выхода на пенсию, жил в Берлине, получая пенсию от российского государства [2, л. 140 об.]. Несмотря на солидный возраст, в среднем 65 лет, пенсионеры продолжали интеллектуальную деятельность. Так, фон Эркерт, генерал-лейтенант в отставке переехал в Германию, чтобы завершить написание истории Кавказа [2, л. 54 об.]. Профессор Санкт-Петербургской художественной академии В. Тим занимался изданием художественного альбома [2, л. 48 об.]. В. Ген, из прибалтийских немцев, бывший библиотекарь императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге занимался наукой [2, л. 248 об.].

Наличие или отсутствие российского заграничного паспорта у российского подданного, проживавшего в Берлине, было связано с местом и годом его выхода из Российской империи. У тех, кто прибыл в Берлин в 1870-е годы, паспорт отсутствовал на момент консульской переписи. Эта группа была представлена в основном выходцами из Калишской, Плоцкой губерний. Около 40 % из них не имели паспорта вообще, так как в момент выезда еще не достигли возраста совершеннолетия. 55 % выехавших из Польши во второй половине 1870-х годов, судя по их возрасту – эта группа представлена рожденными в 1855–1859 гг. – должны были покинуть пределы своего государства на основании официального разрешения. Так как паспортов у них не оказалось, учитывая места их выхода – пограничные территории Польши, то можно

утверждать, что они пересекали границу как жители 21-верстной приграничной полосы при наличии 3- или 8-дневного легитимационного билета или же вообще нелегально. И только 5 % прибывших в конце 1860-х и в течение 1870-х, чей возраст на момент прибытия в среднем был 35 лет, указали в анкете, что имеют паспорт, выданный в год выхода и, следовательно, недействительный к этому моменту [2, л. 1–350 подсчет].

Отметим, что среди выходцев с территории Польши, осевших в Берлине почти не было поляков – всего 57 человек. Поляки составляли контингент сезонных рабочих. Таким образом, российскую Польшу в Берлине представляли евреи, для которых проживание в городах на территории российского государства было ограничено, как и территория проживания в целом, так называемой чертой оседлости. Среди российских подданных в Берлине евреи давали самый высокий процент промышленных рабочих. Они были заняты в основном на фабриках, которые содержали их единовверцы – сигаретной Злоты Рохманн, бумажной Ефима Розенбаума [2, л. 1–350 подсчет]. В коммерческой сфере также преобладали иудеи – 28 %, тогда как православные, занятые в коммерции составляли 13 %, протестанты – 7 %. А из числа российско-подданных католиков в Берлине в тот период никто не занимался коммерцией [2, л. 1–350 подсчет].

Женщины в общем числе российских подданных в Берлине составляли 17 %. 60 из них были представительницами иудейской конфессии; 40 женщин по своим религиозным убеждениям принадлежали к протестантам, преимущественно – к евангелическим лютеранам. Почти в равном количестве были представлены католички и православные – 11 и 8 соответственно [2, л. 1–350 подсчет]. Овдовевших женщин и численно и в процентном отношении оказалось больше всего среди протестанток – 14 вдов, что составило 35 % [2, л. 44 об., 49, 54, 63, 70 об., 96, 120, 130, 188, 216 об., 234 об., 276 об., 323, 349 об.]. Почти такое же количество вдов было выявлено среди иудеек – 13, но в процентном отношении к общему количеству женщин-евреек из России в Берлине они составили 21 % [2, л. 84, 109 об., 114 об., 175 об., 185 об., 238 об., 241, 241 об., 269, 272 об., 291 об., 292, 317]. Овдовевших католичек в процентном отношении

было больше, нежели среди иудеек – 27,2 %, но в численном отношении их было всего 3 [2, л. 9 об, 70, 168 об.]. Вдов из числа российских православных не оказалось.

Семь из тринадцати овдовевших еврейских женщин после смерти мужа добывали средства к существованию самостоятельно, занимаясь пошивом одежды, торгуя, нанимаясь сиделкой; пять находились на содержании детей, и только одна жила за счет дохода с капитала [2, л. 84, 109 об., 114 об., 175 об., 185 об., 238 об., 241, 241 об., 269, 272 об., 291 об., 292, 317]. Источником средств для существования вдов-протестанток были пенсии покойных мужей, средства, получаемые от детей или благотворительных касс, доходы от капитала. Никто из них не обеспечивал себя своим трудом [2, л. 44 об., 49, 54, 63, 70 об., 96, 120, 130, 188, 216 об., 234 об., 276 об., 323, 349 об.]. Вдовы-католички дворянского происхождения жили за счет капитала, оставленного мужьями, вдова из мешан обеспечивала себя, выполняя заказы на пошив одежды [2, л. 9 об., 70, 168 об.].

Еврейские женщины преобладающе были заняты в торговле (14 %), швейном деле (15 %). Среди них были работницы табачной фабрики (7 %). Владелица фабрики Злота Рохманн тоже была из их среды. Почти 9 % еврейских незамужних женщин в возрасте от 20 до 40 лет были нигде не заняты. Три еврейских женщины нашли себе место прислуги. [2, л. 1–350 подсчет] 25 % протестантских женщин имели место горничной или экономки, скорее всего им отдавалось предпочтение при найме на эти места в силу знания ими немецкого языка [2, л. 39 об., 50, 55 об., 60 об., 193, 249 об., 313, 316, 342]. Тогда как православные получали место прислуги в случае выезда вместе с русскоговорящей дворянской семьей, в которой они служили и в России [2, л. 11 об., 188 об., 304].

Берлин привлекал представительниц всех без исключения конфессиональных групп возможностями совершенствования в области искусств – пения, живописи, сценического искусства. Ради этого в Берлин прибыли 18 % католичек, 37 % православных, 5 % иудеек, 10 % протестанток. Численное соотношение приехавших ради обучения пению, рисованию, музыке или же приглашенных для работы в театре во всех группах было примерно одинаковым – 3–4 женщины [2, л. 8, 10 об.,

16, 29 об., 152, 188, 231, 259, 285 об., 288., 294 об., 308 об.].

Почти равным в процентном соотношении для протестантов и иудеев – 19 % и 17 % соответственно – было число студентов. Половина студентов-иудеев обучались в университете (8,5 %), здесь протестанты уступали иудеям – среди них таковых было только 4 %. Самым немногочисленным было православное студенчество – всего 4 % от общего количества православных, проживавших в это время в Берлине. Почти все еврей-студенты сочетали учебу с работой, т. е., средства к существованию они обеспечивали своим трудом [2, л. 1–350 подсчет].

В российских столичных городах немцы-иностранцы составляли около 40 % от общего числа иностранцев, проживавших здесь. В составе этого контингента были выходцы из разных германских земель, представители разных сословий и состояний. Сравнивая немцев Москвы и Санкт-Петербурга, следует говорить о некоторой иммиграционной специализации каждого города, но до определенного времени [13, с. 34–35]. В течение XVIII и первой четверти XIX веков Санкт-Петербург привлекал в первую очередь немцев из числа имеющих образование или знатное происхождение, ищущих приложения своим способностям. То есть сюда приезжали те, кто выбирал для себя государственную и военную службу. Немцы-ученые приезжали по приглашению на службу в Академию наук [10, с. 208–224]. Москва была предпочтительней для немцев-предпринимателей, а также преподавателей высшей и средней школы.

Но в 1850–1860-е годы изменившаяся внутригерманская ситуация, международные отношения резко сократили приток немцев, ищущих места службы в России. Законодательно Россия еще не ограничила доступ иностранцев на государственную службу (это произойдет в конце 1890-х гг.), но начавшиеся в России реформы и процесс объединения в Германии сказались на этом перемещении. Теперь на государственную службу чаще шли те немцы, которые родились в России. При поступлении на службу, они не сохраняли прежнего германского земельного подданства, а переходили в российское. Именно намерение поступить на государственную службу и становилось поводом перехода в подданство [8, с. 237–243]. С середины XIX века при со-

хранении контактов и практики приглашения в Академию наук немцев из Германии, чаще сюда приглашали прибалтийских немцев [10, с. 219].

В 1870-е годы дифференциация потока въезжавших в Москву и Санкт-Петербург стала не столь резкой и проявила тенденцию к дальнейшей нивелировке состава иммигрантов. Теперь участие иностранных немцев-предпринимателей в экономике обеих столиц стало одинаково привычным, хотя по масштабности этого участия Москва оставалась на первом месте. По-прежнему среди прибывавших в одну и другую столицу России в большом количестве были занятые в сфере преподавания и услуг, затем ремесленники.

По сведениям Иностранного отделения Адресной Экспедиции города Санкт-Петербурга число мужчин-иностранцев значительно превышало число женщин. Мужчины составляли 61,96 %, а женщины 38,04 % прибывших. [1, л. 16–17]. Среди немцев, въезжавших в Санкт-Петербург в 1870-е годы, были выходцы из многих немецких земель. Здесь были представлены Пруссия (2733), Саксония (893), Мекленбург-Шверин (707), Гамбург (381), Гессен (246), Бавария (234), Любек (202), Брауншвейг (197), Вюртемберг (163), Баден (151), Саксен-Веймар, Саксен-Кобург-Гота, Саксен-Альтенбург (151), Шварцбург-Зондербсгаузен и Шварцбург-Рудольштадт (77), Ангальт (65), Ольденбург (58), Бремен (47), Рейс-ст. и мл. линий (16), Липпе (5). Таким образом, из 25 германских государств, вошедших в состав Германской империи, были представлены 20. Иммигранты из Пруссии численно превосходили въехавших из других земель во много раз – от 3 (Саксония) до 55 (Липпе) [16, с. 10–15 подсчет].

Обязательная фиксация подданства въехавших была обусловлена развитием межгосударственных российско-германских отношений. В случаях смерти, утраты или расстройства здоровья, антиправового поведения иностранца, государство принимало меры на основе существовавшей договоренности с государством его принадлежности.

В Адресной конторе всех прибывших регистрировали в соответствии с установленными пятью разрядами. Больше всего немцев-иностранцев было зарегистрировано по третьему разряду. Они составили 78,43 % по отношению к общему числу прибывших нем-

цев. К этому разряду относились подмастерье; мастера; незамужние и замужние женщины, а также вдовы, не имевшие занятий; ученики словесности; музыканты; камердинеры; механики; белошвейки; инженеры; модистки; фотографы; кельнеры; мыловары; цирюльники; трактирщики; суконщики; наборщики; фокусники; мельники; штукатуры; литейщики; прачки; частные курьеры; чертежники; землемеры; корсетницы; воздухоплаватели и т. д. [6, с. 97–98].

По первому разряду зарегистрировались 13,18 % иностранных немцев. В этот разряд попали купцы, купеческие приказчики, учителя, артисты, гувернантки, гувернеры, художники, ученые, ортопеды, стоматологи, литераторы, танцовщицы, профессора, философы, правоведы, доктора медицины и повивальные бабки. Численно в этом разряде преобладали купеческие приказчики – их было 325, а купцов – 225. Затем, уступая численно купцам и купеческим приказчикам, но все же исчисляемые сотней, шли мужчины-учителя – 125. В таком же количестве в городе присутствовали немки-компаньонки. Учительниц было в половину меньше – 65. То, что в город прибыли 32 доктора медицины, 7 профессоров, 2 доктора философии и 1 доктор права, есть подтверждение достаточно активных контактов, ценность которых не может определяться одним только количеством прибывших [6, с. 99; 16, с. 10–15 подсчет].

Среди зарегистрированных по второму разряду немцев были повара, садовники, кондитеры, эконоы, агрономы, буфетчики, экономки, смотрительницы за детьми, дворечки, пирожники. Они составили около 2,7 %. Четвертый самый малочисленный разряд – 0,79 %, составили служители, конюхи, кучера, лакеи, служанки. Ремесленные ученики, работники и работницы, земледельцы, составившие около 4,8 % от общего числа зарегистрированных немцев-иностранцев, относились к пятому разряду [6, с. 98].

Деление на разряды кажется очень условным. Можно предположить, что основным критерием такого деления был уровень состоятельности и размер доходов немцев-иностранцев. Иначе трудно объяснить причисление к одному и тому же разряду профессуры (в том числе и тех, кто прибывал по приглашению в Академию наук) и танцовщиц с купеческими приказчиками. Хотя в случае деления

прибывавших на второй и третий разряд этот критерий уже не кажется логичным. Вполне выявляемыми и ясными кажутся критерии причисления к четвертому и пятому разрядам – занятость в сфере услуги и отсутствие квалификации. В любом случае, попытки классификации перемешавшихся, с одной стороны, подтверждают отсутствие у государства успешного опыта регламентации положения иностранцев, с другой – проявление заинтересованности в создании надежной системы надзора и контроля над этой категорией населения.

Самым влиятельным элементом в составе иностранного населения столиц были коммерсанты и предприниматели. Они составляли десятую часть всех переместившихся. Их удельный вес в составе столичного крупного купечества достигал 20–25 %. При этом и в одной и в другой столице немецкие предприниматели и коммерсанты, преобладавая численно, превосходили всех иностранцев своей деловой активностью [11, с. 4–11; 12, с. 10–15]. Так, в первые пореформенные годы германский капитал опережал в Москве по количеству «выбранных» гильдейских свидетельств подданных других иностранных государств (французов, англичан, швейцарцев и т. д.), занимая среди них ведущие позиции. Практически, уже начиная с 1870 г., немецкие капиталы составляли около половины (49,5 %), а с 1881 г. более половины (54 %) от общего числа капиталов этой группы [3, с. 136].

Среди германских капиталов ведущие позиции занимал прусский. В 1865 г. он давал треть (22 из 66) всех немецких капиталов 2-й гильдии, в 1881 г. – уже около 60 % (128 из 214). По капиталам 1-й гильдии в этом году доля прусских капиталов также была очень высока – около 44 % (21 из 48) всех немецких капиталов. Кроме Пруссии в московской торговле и промышленности представлены практически все германские земли – Саксония, Гамбург, Вюртемберг, Бавария, Гессен, Шварцбург, Ольденбург, Брауншвейг, Веймар, Мекленбург, Баден и другие [3, с. 137; 15, с. 23–28].

Большая часть немецких капиталов действовала в промышленности. На базе немецких капиталов 2-й гильдии действовали 35 заводов и фабрик из 62 иностранных, на базе капиталов 1-й гильдии – 5 из 7 иностранных. Немцам-иностранцам принадлежало более

половины капиталов, вложенных в предприятия машиностроения, металлургии и металлообработки (16), в текстильное производство (8); до половины – в производство товаров широкого потребления и продуктов питания (5); почти все иностранные капиталы этой группы в отраслях химической (6), стройматериалов и деревообработки (5) [14, с. 95–96].

Германские предприниматели владели также значительной частью швейных, красильных, кондитерских, механических и граверных заведений (14 из 50 капиталов). В основном, это были сравнительно небольшие фабрики, заводы и мастерские, функционировавшие на базе капиталов 2-й гильдии. Но в руках германских предпринимателей находились и более крупные (первогильдейские) предприятия. Можно отметить, что капиталы немецких предпринимателей сосредоточивались в основном в развивающихся отраслях (машиностроении, металлургии, металлообработке, химической, стройматериалов) и в производстве изделий, требовавших высокого качества работы и выделки и рассчитанных на сравнительно узкий круг потребителей [3, с. 139–141; 15, с. 33; 16, с. 10–15].

В московской иностранной торговле тон задавали опять-таки немецкие предприниматели. Структура немецкой оптовой и розничной торговли в Москве отражала в целом структуру производства и приоритеты развития отраслей экономики в самой Германии, переживавшей период индустриализации и бурного развития ряда отраслей, связанных с техническим прогрессом: машиностроения, химической, электротехнической, стройматериалов и др. [15, с. 43].

Германские подданные активнее других иностранцев занимались посредничеством при операциях заграничных фирм в Москве. Так, в сфере розничной торговли (главным образом по свидетельствам 2-й гильдии) наиболее значительную группу капиталов (40 из 162) составляли разного рода посреднические конторы (агенты, комиссионеры иностранных фирм и т. п.). Следующими по значению были: торговля машинами и приборами (например, швейными машинами, газовыми приборами), металлическими изделиями (24), торговля изделиями легкой промышленности (одежда, обувь, галантерея – 22), химическими и красильными изделиями (18). Затем шли торговля вином, табаком и

чаем (10), посудохозяйственными и скобяными изделиями (10), мануфактурным и текстильным товаром (9), мебелью и экипажами (7), предметами оптики (5), стройматериалами (3 капитала) и прочее (меблированные комнаты, рестораны, ювелирные изделия, цветы). Практически в немецкой торговле в Москве был представлен весь спектр товаров московской торговли, весьма богатой по ассортименту [3, с. 141; 15, с. 45–47; 16, с. 10–15].

Тем не менее, Россия была центром притяжения для немецких предпринимателей, традиционным районом их торгово-промышленной деятельности. Одним из притягивающих факторов было расширение ее хозяйственных возможностей в пореформенный период и оформление огромного потребительского ареала. Кроме того, 1870-е годы – это период благоприятной внешнеполитической конъюнктуры, достаточно тесных отношений России с Германией. Помимо перечисленных экономических и политических условий возможности перемещения немцев, были и другие, прежде всего, социально-психологические [15, с. 12; 17, с. 117].

Так, для немецких предпринимателей психологический комфорт обеспечивался тем, что они находили здесь круг общения, включающий соотечественников. Немцы, как правило, легко обретали чувство родины благодаря наличию немецкой колонии с предоставляемыми ее возможностями свободы вероисповедания и обязательной немецкой школой. Кроме того, русские облегчали им процесс адаптации своей готовностью принять «пришлый» элемент. В Москве и Петербурге совершать сделки можно было быстрее и легче, чем в каком-либо немецком городке. Здесь были все необходимые условия, а с купцами и чиновниками можно было общаться в любое время. Возможны были даже визиты с деловыми целями на дом [17, с. 119–120].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что разнообразие мотивов трансграничного перемещения определялось многообразием участия в жизнедеятельности общества. Важнейшим центром сосредоточения такой деятельности являлись столичные города. Виктор Гюго сравнивал столичный город с каналом, куда «капля за каплей, век за веком, без конца просачиваются торговля, промышленность, образование, население – все, что плодотворно, все, что живительно, все,

что составляет душу нации» [4, с. 82]. Столичный город являет собой уникальное явление, специфика которого заключается в особой динамичности жизни. Он является сосредоточением государственных учреждений, которые осуществляют связи с другими странами, а, следовательно, всегда неизбежны контакты и присутствие различных представителей.

Это, как правило, крупнейший центр торговой и деловой жизни. В нем всегда есть работа, он предлагал вакансии, как требующие квалификации, так и не требующие таковой. Поэтому столица всегда обладает «привлекательными» факторами как для внутренних, так и внешних мигрантов.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.211. Оп.534/2. Д. 459.
2. АВПРИ. Ф. 211. Оп. 534/2. Д. 495.
3. Гавлин М. А. Предпринимательство германских подданных в Москве в 60–90-е гг. XIX в. (по материалам гильдейского налогообложения) // Немецкие предприниматели в Москве: Сборник статей. М.: Общественная академия наук российских немцев, 1999. С. 34–37.
4. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М.: Правда, 1988.
5. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб.: Министерство Финансов, 1893. 462 с.
6. О паспортах русских подданных в России. СПб.: [б.и.], 1860. 44 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. Т. 16. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 880 с.
8. Решетов А. М. Основные этапы жизни и научной деятельности профессора Н. В. Кюнера // Немцы в России: российско-немецкий диалог. Сб. статей / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 108–123.
9. Сборник циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений 1840–1888 / составлен Вице-директором Департамента внутренних сношений МИД Малевским-Малевичем. СПб.: [б.и.], 1888.
10. Смагина Г. И. Российско-немецкие научные связи в XVIII–XIX вв. // Немцы в России: российско-немецкий диалог. Сб. статей / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 208–225.
11. Справочник по лицам Московского купечества. М.: [б.и.], 1869–1913.
12. Справочник по лицам Санкт-Петербургского купечества. СПб.: [б.и.], 1869–1913.
13. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука, 1984. 222 с.
14. Blackwell W. L. The Beginnings of Russian Industrialization. 1800–1860. Princeton. N. J., 1968.
15. Die Deutschen im Ausland und die auslander im Deutschen Reiche. Bearb. Im kaiserlichen Statistischen amte Berlin, Puttkammer und Mьhlbrecht, 1884.
16. Ischchanian B. Die auslaendischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913.
17. Rudolphi E. Unterhaltungen ueber Russland. Bd.2. Altenburg, 1853.
18. Verordnung, betreffend die Einberufung des Reichstages(26.02.1873) [Электронный ресурс]. URL: http://www.documentarchiv.de/ksr/1873/reichstag-einberufung_vo.html (Дата обращения: 22.11.2015).

УДК 159.947:294

Т. Е. Покотилова**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В СВЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

В статье исследуется процесс развития благотворительной деятельности в различных ее формах в системе светского образования Ставропольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. с учетом потребностей проводимых в стране модернизационных преобразований.

Ключевые слова: благотворительность, Ставропольская губерния, Ставрополь, модернизационные процессы, система образования, частная благотворительность, общественные благотворительные организации.

T. E. Pokotilova**CHARITY IN SECULAR EDUCATION IN THE STAVROPOL
PROVINCE IN SECOND HALF XIX – EARLY XX c.c.
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MODERNIZATION PROCESS**

The article studies the development of charitable activity in the system of education in Stavropol province in the second half of the XIX – early XX c.c. as an important factor of Russian modernization changes.

Key words: charity, Stavropol province, Stavropol, modernization processes, system of education, private charity, public charity organizations.

Реформы второй половины XIX века в России актуализировали решение проблемы увеличения числа образованных людей и улучшения качества образования как такового. Новые условия жизни, порождаемые экономическими и социально-политическими преобразованиями, закономерно требовали наличия у населения не только элементарной грамотности, но и серьезных общеобразовательных и даже профессиональных знаний. Одновременно у неравнодушной интеллигенции растет стремление улучшить жизнь народа путем просвещения, сопровождаемое рядом правительственных действий по легитимации общественной деятельности в данной сфере. В эти процессы все шире вовлекаются регионы.

Ставрополье, переживавшее реформы в статусе региона, с одной стороны, с далеко еще не завершенными колонизационными процессами, с другой – с набиравшими темп активными капиталистическими изменениями в социально-экономической сфере, имело свою историю вхождения, как в российское образовательное пространство, так и в благотворительную деятельность в сфере образования и просвещения.

Известно, что с момента своего основания сам Ставрополь очень быстро превращался в место, где расположились военная и гражданская администрации осваиваемого Россией региона, и получил статус административного центра [21, с. 104]. Из Отчета городского полицейского управления Кавказскому гражданскому губернатору о состоянии города Ставрополя за 1838 год [12, с. 126–138], мы узнаем, что в Ставрополе к этому моменту из 5 329 его жителей 1 126 человек были чиновниками! То есть, пятая часть населения Ставрополя представляла собой достаточно образованных людей. Естественно было ожидать, что в условиях приобретения городом статуса губернского и вступления страны в целом в период модернизационных преобразований потребность в таких людях постоянно возрастала.

Первое светское учебное заведение в г. Ставрополе, содержавшееся на общественные деньги и располагавшееся в здании, являвшемся собственностью города, появилось в 1804 г. В конце 1815 года эта «партикулярная» школа приобрела статус приходского

училища и перешла под патронат «учебного начальства». Скорее всего, причиной этому стал недостаток желания у городского общества далее содержать учебное заведение для детей небогатых горожан. Подобные предположения связаны с дальнейшей историей становления системы светского городского образования в городе – до 1862 года более ни одной подобной инициативы по созданию школы для бедных у состоятельных горожан не возникало [8, с. 233–236], тогда как частные учебные заведения для детей из состоятельных семей открывались постоянно: с 1838 г. работал пансион Крупье, в 1847 г. начало свою деятельность женское училище Св. Александры, с 1856 г. к ним присоединилось училище штабс-капитана Демидова и т. д. А когда усилиями бывшего Попечителя Кавказского учебного округа Я. М. Неверова в городе наконец-то открылись две бесплатные воскресные школы, то проработали они недолго – никто из состоятельных горожан не стремился ощутимо сочувствовать их деятельности.

К концу 60-х гг. XIX в. в Ставрополе, население которого насчитывало уже 20 545 жителей, имелось только одно двухклассное уездное училище, в котором обучались 96 учащихся.

18 декабря 1874 год в Ставрополе была проведена однодневная перепись населения города [23]. К учащимся в учебных заведениях, согласно данным переписи, из опрошенных 29 тысяч 617 человек себя отнесли 1219 человек мужского пола и 486 человек женского пола, на домашнем обучении находились 428 человек мужского пола и 236 человек женского пола [25, с. 158–161].

В 1888 году город имел 2 собственных начальных училища [18, с. 102] и был обязан к их содержанию «Городовым положением» 1870 года, хотя расходы на городское начальное образование были отнесены этим документом к «необязательным» и долгое время составляли незначительную часть городских финансов. К примеру, в уже упоминавшемся выше 1838 году расход городского бюджета с населением в 5329 жителей на содержание приходского училища совместно с обеспечением деятельности думы, полиции, словесного суда, квартирной комиссии, пожарной части и богадельни составил 17 791 руб. 10 1/4 коп. [18, с. 102]. В 1888 году Ставрополь, имевший общегодовой доход в размере 144 708 руб.

57 3/4 коп., расходовал на «содержание учебных и общественных заведений и пособие разным лицам» 16 504 руб. 58 коп., при числе жителей в 34 303 человек [11, с. 13, 18–19].

К 1904/05 учебному году в Ставрополе действовали уже 1 двухклассное, 15 одноклассных начальных училищ и 11 послеобеденных классов, работа которых позволила 14 тысячам детей получить начальное образование [14, с. 3]. Источники свидетельствуют, что практически все эти учебные заведения располагались в помещениях, обшедшихся городскому бюджету в 120 тысяч рублей [14, с. 9]. Лишь Павловское двухклассное училище и начальное училище в память А. Н. Некрасова работали в зданиях, предоставленных благотворителями. Причем в первом случае здание стало собственностью училища: оно было подарено ему известным ставропольским благотворителем Лавром Ермолаевичем Павловым. Здание же второго училища было предоставлено безвозмездно с образовательными целями городу Комитетом Попечительства о народной трезвости – ставропольским отделением крупного российского благотворительного ведомства. Расходы на каждого обучавшегося в ставропольских начальных училищах составляли в 1904/05 учебному году 15 руб. 10 коп., а на каждого учащегося Павловского училища было потрачено в среднем 23 рубля 72 копейки, в том числе из капитала, завещанного для этих целей Л. Е. Павловым. По данным источника, все без исключения городские училища имели полноценные библиотеки, которыми пользовались и учащиеся, и учителя. Кроме того, особо нуждавшимся ученикам город помогал «платьем, обувью и учебными пособиями» [14, с. 9].

С ноября 1878 г. в Ставрополе заявило о начале своей работы Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе [28]. К началу XX века это было уже достаточно авторитетное и эффективное общественное объединение, помогавшее в получении начального образования и работавшее на ниве внешкольного воспитания населения города Ставрополя. Открытие и содержание воскресных школ, двух народных училищ, двух бесплатных библиотек числилось в арсенале этой организации к указанному периоду [29, с. 390]. К 1914 году уже в трех школах Общества бесплатно начальное образование получали до 250 человек [5, с. 47].

Созданное в 1898 году по инициативе ряда активных представителей городской интеллигенции, Ставропольское на Кавказе Общество содействия воспитанию и защиты детей [31, с. 1] и указавшее в качестве своей главной цели содействие «в воспитании подрастающего поколения, защищать детей и несовершеннолетних и заботиться о брошенных и беспризорных детях» [31, с. 3], также вносило определенный вклад в совершенствование образовательного процесса на Ставрополье. Так, в организованной в апреле 1899 г. Обществом швейной мастерской для девочек из бедных семей [19, с. 11], последние, наряду с обучением ремеслу, могли получать начальное образование. В открытом Обществе в 1906 г. детском приюте [19, с. 11] все опекаемые сироты школьного возраста получали начальное образование, обучаясь, по договоренности, в Софийской школе комитета грамотности г. Ставрополя, в школе епархиального училища, в приходском училище.

Андреевская начальная школа для мальчиков в г. Ставрополе находилась под благотворительным, в том числе и духовным покровительством Ставропольского Андреевского православного братства [7, с. 853], общественно-религиозной организации, работавшей в губернии с 1873 года.

Свой существенный вклад в оказание помощи в получении начального образования жителям Ставрополя внесли такие национально-благотворительные объединения, как Римско-католическое общество пособия бедным в г. Ставрополе, основанное в 1903 г. [16, с. 1], и Общество вспомоществования недостаточным учащимся и бедным армянам в губернском г. Ставрополе, работавшее с 1908 года [3, л. 1–2 об; 17–19 об].

Очевидно, что постепенно общественное управление г. Ставрополя, в отличие от многих других городов империи [9, с. 298], смогло обеспечивать приемлемый уровень и масштабы начального образования в городе, в том числе, опираясь на благотворительную помощь отдельных благотворителей и общественных объединений частно-правового и иного характера.

Темпы и уровень организации и развития начального образования в ставропольских селах определялись не только проводимой в стране политикой в отношении развития начального образования, но и возможно-

стями достаточно крепких крестьянских обществ, а также потребностью самих селян к получению их детьми образования. Согласно официальному источнику, к началу XX века в Ставропольской губернии насчитывалось 232 сельских училища, из них 6 были двухклассными, 226 – одноклассными; в них обучалось 13 тысяч 512 учащихся. Таким образом, одно училище приходилось на 4 056 крестьян и 2,8 села [1, с. 12–13]. По прошествии почти 15 лет ставропольские земцы, анализируя состояние дел в народном образовании губернии, отмечали: «... Для нашей губернии вопрос о необходимости вечерне-воскресных занятий со взрослыми и начальных школ грамоты для взрослых усугубляется недостаточностью числа начальных школ для всего населения. Громадный процент детей школьного возраста остается за бортом начальной школы и дает впоследствии огромный контингент безграмотных, невежественных взрослых» [5, с. 33].

Хотя те же земцы косвенно давали довольно неплохую оценку уровню и масштабам грамотности сельского населения губернии, обсуждая результаты работы сельских библиотек и Народных домов. Так, например, только с января по декабрь 1915 года библиотека при Летническом народном доме приросла пятьюстами подписчиками. Книг за этот период было выдано 5836 единиц. При этом подавляющее большинство читателей интересовались беллетристикой, небольшая группа – религиозными вопросами, историей, естественными науками, «человек 40–50 подростков запоем читают военные книги». За одиннадцать месяцев 1915 г. библиотеку посетило 6 178 селян. Записавшиеся с августа по декабрь 1915 г. в библиотеку Народного дома села Большая Джалга 228 читателей были представлены детьми 11–13 лет (57 человек), подростками 14–17 лет (63 человека) и взрослыми (108 человек). В подавляющем большинстве это были крестьяне [5, с. 8].

Изученные нами документы из соответствующих фондов Государственного архива Ставропольского края, касающиеся деятельности благотворительных организаций в сфере образования и просвещения, не дают материала о каком-либо особо значимом их вкладе в развитие начального образования на селе в целом. И о том, что их отдельные попытки были не всегда эффективными, мы можем судить опять-таки со слов тех же земских

докладчиков, обсуждавших состояние образования до открытия земства в губернии в 1912 году: «Библиотеки Попечительства о народной трезвости... совершенно не функционируют и книги в них лежали и лежат мертвым материалом без всякого движения; местное общество распространения народного образования по губернии, в силу недостаточности своих средств, не могло широко развить свою деятельность; кооперативы – как частно-экономический институт, – только за последние годы начинают включать в программу своей деятельности просветительские функции: – и население губернии оказалось вне влияния всяких просветительских организаций, просто не имея их» [5, с. 8].

Но, с другой стороны, ряд обществ, занимавшихся работой общеблаготворительного характера, в том числе и по отношению к детям, имели серьезные достижения и в сфере попечения о начальном образовании. Так, например, Песчанокопское общество попечения о детях с начала XX в. выделяло ежегодно по 500 руб. на содержании Песчанокопского высшего начального училища, в двух классах которого к 1915 году обучались 80 учащихся из 10 соседних сел [5, с. 3]. Сверх того, Общество каждый год покупало необходимую для новых классов мебель на сумму до 300 руб. и платило 120 руб. за проживание на съемной квартире одной из учительниц. 100 руб. ежегодно Общество выделяло на ремонт здания училища [5, с. 3].

Значимый вклад в развитие начального образования на территориях проживания т.н. «инородцев» вносили православные братства, действовавшие в губернии. Братство святого Апостола Андрея Первозванного в 1873 г. открыло в селе Дербетовка, рядом с местом калмыцких кочевий, начальную школу. В этом же году Братство назначило учившимся в начальной школе села Большая Джалга детям-калмыкам стипендии [4, с. 138]. Ставропольское Андреевско-Владимирское братство, правопреемник Андреевского и Владимирского братств, взяло на себя полное содержание церковно-приходской школы для крещеных калмыков в селе Князе-Михайловском и школы «в Абганеровском роде ...» для некрещеных калмыков [11, с. 13]. Это Братство платило «денежное пособие» школьному учителю в станице Прочноокская; оплачивало половину жалования школьного учителя

в поселке Просянский; материально опекало школу грамоты на хуторе крестьянина Воробьева, создавая и обеспечивая подобные школы в других хуторах [15, с. 8].

В отличие от начального, среднее образование в дореволюционном Ставрополье имело более содержательную историю поддержки, оказывавшейся в самых различных формах и в более серьезных объемах, как отдельными благотворителями, так и многочисленными организациями. Хотя начало этого процесса было непростым: деньги, необходимые к открытию в Ставрополе первой мужской гимназии, не смогли собрать ни в 1804, ни в 1811 гг. – дворянство было немногочисленным и, в основном, небогатым, а купеческие сборы не дали необходимой суммы. Открытая же в 1837 году в присутствии императора Николая I [10, с. 56–57], Ставропольская мужская гимназия сразу же становится объектом постоянного попечительства со стороны многих состоятельных и знатных персон. Содержание именных стипендиатов; непосредственное участие в жизни учебного заведения путем материальной поддержки его деятельности, в том числе посредством завещаний и исполнения обязанностей Почетного Попечителя гимназии практиковали граф Евдокимов, князь Меликов, Почетный гражданин Моздока Тушмалов, помещик Пятигорского уезда Гавриил Калантаров и многие другие. Привычной стала практика публичной сдачи экзаменов гимназистами в присутствии попечителей и потенциальных благотворителей.

Поскольку «Уставом гимназии и прогимназии» 1864 г. гимназия объявлялась всесословной, помощь в обучении отдельным обучающимся в ней гимназистам из небогатых семей даже в условиях приличного государственного обеспечения деятельности такого рода учебных заведений была очень важна. А с появлением т.н. циркуляра «о кухаркиных детях» 18 июня 1887 г., в нарушение Устава требовавшего от попечителей учебных округов принять самые энергичные меры к очищению гимназий от лиц «низших сословий», актуальность подобного рода помощи неизмеримо возросла. К примеру, смета расходов на содержание 213 частных воспитанников Ставропольской гимназии на 1904 год предполагала траты на каждого из них в размере 163 руб. 31 коп., что составляло 66 % от суммы прихода, но при этом статья расходов

«пособие бедным» в смете сопровождалась прочерком [6, с. 133]. Важно, что к этому времени, в рамках общероссийской тенденции к стремительному росту числа общественных благотворительных объединений, в губернии разворачивают свою деятельность сначала Общество вспомоществования беднейшим ученикам Ставропольской гимназии, затем Общество вспомоществования недостаточным ученикам Ставропольской первой мужской гимназии; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Петровской, Ставропольской губернии, мужской прогимназии; Александровское Ставропольской губернии общество по открытию и содержанию гимназии и прогимназии в с. Александровском Ставропольской губернии.

Известно, что серьезным дополнением к деятельности подобных, специализировавшихся только на попечительстве в образовании, общественных организаций, были и акции обществ, носивших иной характер. Как, например, помощь в получении среднего образования в гимназиях города отдельным, особо отличившимся, воспитанникам приюта Ставропольского на Кавказе Общества содействия воспитанию и защиты детей.

Женские средние учебные заведения, в отличие от мужских, вначале вообще не имели финансовой поддержки со стороны государства, и позже последняя всегда оставалась несоизмеримо меньшей. Так, к 1901 году в России государство тратило на одну мужскую гимназию около 28 155 руб., а на одну женскую – 1 387 руб. [17, с. 12, 174].

Но при этом Ставрополь еще в 1849 году получил женское училище с 6-летним курсом обучения. Его появлением и успешной многолетней работой город был обязан Ставропольскому женскому благотворительному обществу Св. Александры. Это общественное объединение как раз и создавалось по инициативе жены Наместника Кавказского М. С. Воронцова Елизаветы Воронцовой для оказания помощи в получении среднего образования дочерям небогатых жителей Ставропольской губернии [2, с. 76]. Практически все ученицы этого учебного заведения обучались за счет Общества Св. Александры [26, с. 19]. К концу XIX в. эта женская благотворительная организация располагала капиталом в 125 тысяч рублей, ежегодно расходуя около 40 тысяч рублей на обеспечение деятельности уже

семиклассной женской гимназии Св. Александры, содержание и обучение ее почти трехсот учениц [28].

Естественно, что по мере прирастания ставропольских женских средних образовательных учебных заведений в числе, возрастала потребность в организации и осуществлении определенной помощи им и их ученицам. В ответ на существующий запрос рождаются такие благотворительные объединения, как Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольских женских гимназий Ольгинской и Св. Александры; Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской третьей гимназии. В своей работе они ориентировались на опыт благотворительной работы в женском образовании Общества Св. Александры и многочисленных подобных благотворительных организаций, активно и достаточно успешно работавших к этому времени в стране. В практике их работы – оплата за обучение и проживание на квартирах отдельных «недостаточных» учениц; покупка для них учебников и канцелярских принадлежностей; организация их бесплатного питания и предоставления им необходимой медицинской помощи; выделение нуждающимся учащимся продуктов, одежды, лекарств; выплата денежных пособий и др.

Практически каждое учебное заведение либо его отдельные ученицы традиционно находились под попечительством ряда частных благотворителей из числа известных состоятельных ставропольцев и сословных организаций, а иногда и жителей других городов, входивших в Кавказский учебный округ.

К примеру, уже упоминавшийся ранее Л. Е. Павлов выделил место и средства на строительство здания училища Св. Александры [22, с. 350]. На деньги, получаемые им от сдачи в наем одного из домов, с 1881 г. обучались 10 пансионеров училища [20, с. 3]. Этим он продолжил дело купеческого собрания г. Ставрополя, члены которого с 1858 по 1876 г. содержали на средства ставропольского купеческого общества десять полупансионеров этого учебного заведения [13, с. 525].

Событию, когда в начале восьмидесятых годов XIX века статус женской гимназии получило ставропольское женское училище второго разряда [30, с. 148], также предшествовала большая благотворительная активность горожан, представлявших различные

социальные группы. А именно – организованный силами учеников и преподавателей мужской гимназии благотворительный концерт, сборы денег по линии Ставропольского дворянского собрания, отдельные многочисленные пожертвования мешан и купцов г. Ставрополя вкупе с решением губернского Приказа общественного призрения ежегодно выделять на содержание женской гимназии сумму в 440 рублей дали возможность власти пойти на создание новой женской гимназии в г. Ставрополе, получившей название Ольгинской [24, с. 5] и объединившейся в 1871 году с училищем Св. Александры.

За рамками данной статьи остались еще немало примеров, связанных с активной работой значительного количества людей, стремившихся и сумевших, в большинстве своем, частным образом или в составе различных общественных объединений, существенно до-

полнить недостаточные вызовам времени действия российских властей различного уровня по развитию системы отечественного образования. Более того, результатом их непрестанных усилий на благотворительном поприще, в частности на Ставрополье, стал не только рост числа и типов учебных заведений, что важно уже само по себе. Начальное и среднее образование благодаря оказывавшейся в различных видах помощи получали те, кто своим социальным происхождением и отсутствием материальных возможностей не мог на это рассчитывать в иной ситуации. А сами благотворители не только реализовали свою потребность и нравственную обязанность заботы о нуждающемся в ней ближнем, но и приобретали опыт цивилизованного социального действия по вкладу в организацию жизни местного сообщества. Что напрямую отвечало потребностям модернизируемой страны.

Литература

1. Алибеков И. Г. Народное образование на Кавказе. Доклад, читанный на заседании общего собрания членов Императорского Кавказского Общества сельского хозяйства 25 апреля 1903 г. Тифлис: Электротеч. груз. изд. т-ва, 1903. 64 с.
2. Бентковский И. В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. С. 64–95.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5230.
4. Геден, Митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.–Пятигорск: Наука, 1992. 195 с.
5. Доклады губернской земской управы третьему очередному губернскому земскому собранию 1915 года по народному образованию. Вып. 1. Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1916. 140 с.
6. Журналы заседаний Попечительского совета Кавказского учебного округа 15–23 декабря 1903 года в Тифлисе. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1904. 316 с.
7. Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Братства св. Апостола Андрея Первозванного в г. Ставрополе за 1875–1876 (третий) братский год // Кавказские епархиальные ведомости. 1876. № 24.
8. Историческая справка о первых начальных училищах на Кавказе и в Ставрополе // Ставрополь в документах и материалах (1777–2007). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. С. 233–236.
9. История русской культуры: XIX век. СПб.: Лань, 2000. 576 с.
10. Кемпинский Э. В. Высочайший ревизор в Ставрополье. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2000. 79 с.
11. Обзор Ставропольской губернии за 1888 год. Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1889. 87 с.
12. Отчет городского полицейского управления Кавказскому гражданскому губернатору о состоянии города Ставрополя за 1838 год // Ставрополь в документах и материалах (1777–2007). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. С. 126–138.
13. О содержании на счет Ставропольского купеческого общества и тамошних почетных граждан десяти девиц в женском заведении Св. Александры в г. Ставрополе // Полное собрание законов Российской Империи. 2-е собр. Т. 33. Отд. II. № 33932 от 22.12.1858 г. СПб., Типография II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1860. С.525.

14. Отчеты Исполнительной по училишним делам комиссии за 1904–1905 уч. год // Отчеты по Ставропольскому городскому общественному управлению. Ставрополь: [б.и.], 1905. 11 с.
15. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1896 г. Ставрополь: Тип. Т. М. Тимофеева, 1897. 111 с.
16. Отчет о деятельности Ставропольского Римско-католического общества пособия бедным за 1907 г. Год пятый. Ставрополь: Тип. губернского правления. 1908. 13 с.
17. Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 г. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1902. 411 с.
18. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 год. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. 172 с.
19. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1911 год. Ставрополь: Тип. П. Науменко, 1912. 38 с.
20. Отчет состоящего под августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александры за 1892 и 1893 годы. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1894. 20 с.
21. Покотилова Т. Е. К проблеме исторического контекста образования феномена ставропольской общественности // Культура и общество: история и современность. Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ставрополь: ООО «Ветеран», 2013. С. 397–402.
22. Прозрителев Г. Н. Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2010. С. 338–363.
23. Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию Ставрополя на Кавказе. Т. VI. Ставрополь: Типография «Северный Кавказ», 1910. 234 с.
24. Сергиенко В. С. Исторический очерк состояния Ставропольской Ольгинской женской гимназии (1861–1897). Ставрополь, 1898. 105 с.
25. Ставрополь в документах и материалах (1777–2007). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. 496 с.
26. Ставропольская городская Дума. 200 лет. Историческая хроника. М: Воскресенье, 2009. 384 с.
27. Ставропольские губернские ведомости. 1853. № 1.
28. Ставропольские губернские ведомости. 1890. № 3.
29. Ставрополь Кавказский. Историко-статистический очерк // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 320–325.
30. Стрелов В. И. Ольгинская женская гимназия (к 140-летию со дня открытия) // Ставропольский хронограф на 2000 год. Ставрополь: СГКУНБ им. М.Ю. Лермонтова, 2000. С. 148.
31. Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей. Ставрополь: Тип. Т. М. Тимофеева, 1914. 12 с.

УДК 94(470.61). 084.3

Н. В. Пуховский

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДОНСКИХ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ И ПАРТИЙНЫХ СТРУКТУР В 1920–1921 гг.**

В статье исследуется динамика взаимоотношений Дон ЧК и партийных структур. Первый опыт взаимодействия отличался сложностью, противоречивостью и свидетельствовал о ярко выраженном доминировании

партийных органов в решении серьезных профессиональных задач донских чекистов.

Ключевые слова: Дон ЧК, партийные структуры, Донисполком, Донком, Донобластком, Коллегия Дон ЧК.

N. V. Pukhovsky

**THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN THE DON STATE
SECURITY SERVICES AND THE PARTY APPARATUS IN 1920–1921**

The relations between Don Emergency Committee and the Party apparatus are analyzed in the article. The first experience of interaction was challenging and contradictory, it demonstrated significant dominance of the Party apparatus in resolving significant professional

problems of the Don Emergency Committee officers.

Key words: Don EC (Don Emergency Committee), Party apparatus, Don Executive Committee, Don Regional Committee, Don Emergency Committee board.

Органы госбезопасности сыграли колоссальную роль в становлении советской государственности. Борьба с контрреволюцией, антисоветским подпольем, терроризмом, саботажными явлениями, политическим и экономическим бандитизмом – вот далеко не полный перечень мероприятий, осуществляемых чекистами. «Для большевиков ВЧК стала „шитом и мечом“» [4, с. 6]. Советские спецслужбы, являясь «боевым отрядом партии», осуществляли свою деятельность «по директивам, под контролем» ЦК РКП (б) [1, с. 8]. Органы госбезопасности были полностью лишены самостоятельности; были тотально зависимы от партии. Большевистская партия определяла «правовое положение, структуру, основные направления работы», занималась «подбором, расстановкой, обучением и воспитанием чекистских кадров» [1, с. 8]. Бесспорно, столь пристальное внимание к спецслужбам со стороны советской власти было обоснованным и понятным, так как судьба государства во многом зависела от эффективности и результативности работы ЧК. Однако тотальный патронаж со стороны партийных структур создавал множество трудностей в деятельности ЧК.

Донские спецслужбы не были исключением. Дон ЧК в полной мере ошутила в

своей деятельности подчиненность местным партструктурам, что являлось непреодолимым препятствием в работе донских чекистов. Первоначально предполагалось, что местная партийно-политическая элита будет контролировать, направлять Дон ЧК, и даже заботиться о формировании положительного имиджа донских спецслужб. Например, Укомам и Райпарткомам было рекомендовано «принять меры к поднятию авторитета органов ЧК...», а также «бережно относиться» к их деятельности [10, л.57].

К сожалению, вместо консенсуса и сотрудничества, взаимоотношения донских спецслужб и партийных структур зачастую носили деструктивный характер. Донские чекисты справедливо отмечали, что существует «много ненормальностей в планомерной работе с Ревкомом, где ставятся точки преткновения... как в административном, так и в оперативном» плане [3, с. 17]. Действительно, компетенции и функции Дон ЧК в начале 20-х гг. тщательно контролировались Ревкомом, Донисполкомом, что создавало определенные трудности и порой препятствовало эффективной работе. Эта временная издержка, к сожалению, доставляла множество профессиональных хлопот донским чекистам.

Влияние партструктур на Дон ЧК было огромным и почти тотальным. Так, члены Коллегии Дон ЧК назначались Президиумом Донисполкома [2, л. 217]. Более того, чтобы деятельность Коллегии Дон ЧК была подконтрольна, в состав Коллегии вводили представители местной партэлиты. Например, 14 июля 1921 г. товарищ Кацаф – Председатель Донревтрибунала был утвержден Донком членом Коллегии Дончека» [8, л. 76 а].

Кадровые назначения осуществлялись под строгим контролем партийных организаций. В «Циркуляре, направленном Донецким Губкомом КП (б) У в Таганрогский Уком КП (б) Украины» четко прописаны варианты кадровых перемещений с учетом субординации партийных структур:

«а) Уездкомитеты имеют право производить перемещения и отзывать членов партии, сотрудников местных органов ЧК, только с разрешения Губкома в каждом отдельном случае;

б) ЧК все перемещения коммунистов для постоянной и временной работы в пределах губерний производит с ведома Губкома. Отбывающие коммунисты сотрудники ЧК обязаны перед отъездом сниматься с учета в местном партийном комитете.

Этот порядок возлагает большую ответственность на местные парторганы за работу ЧК, а поэтому ходатайства перед Губкомом о перемещении чекистов или возражения против перемещений, могут возбуждаться Укомом лишь при наличии достаточно серьезных оснований» [10, л. 57].

Донобласть не являлась исключением столь пристального влияния партийных комитетов на кадровые ротации сотрудников госбезопасности. Увеличить штат Политбюро Дончека можно было только с разрешения Донисполкома. С согласия Донисполкома в июне 1920 г. штат 2-го Окрполитбюро был увеличен до 15 человек [2, л. 121].

Более того, имели место быть случаи, когда Окрисполкомы смешали «Заведующих Полит-Бюро без ведома и какого бы то ни было на то согласия ДонЧК» [2, л. 57].

Столь бесцеремонное поведение партструктур не только подрывало авторитет донских спецслужб, но и препятствовало их эффективной работе. Именно по этой причине ДонЧК обращается в Донисполком с просьбой «сделать распоряжение Окрисполкомам, чтобы без ведома ДонЧК и полного на то ея

согласия ни один Окрисполком не смешал с должностей Заведывающих Полит-Бюро, а в каждом отдельном случае передавали бы весь материал ДонЧК на предмет установления правильности вины того, или другого Заведывающего Полит-Бюро» (стиль орфография сохранены. – Н. П.) [2, л. 57].

Дон ЧК ставила в известность Донисполком об аресте тех или иных лиц и пребывании их под следствием [2, л. 99]. Небезынтересным является тот факт, что «приговоры, носящие характер высшей меры наказания» необходимо было «приводить в исполнение только после утверждения его Тройкой, т. е. Секретаря Донкома, Преддонисполкома и Преддончека» [8, л. 41 а].

Спустя 2 месяца Донком вновь напомнил, что необходимо «обязательное утверждение Председателем Донисполкома всех смертных приговоров, выносимых Донобчека» [8, л. 76 а].

Профессиональные компетенции сотрудников Дон ЧК были ограничены партийными структурами. В этой связи, весьма уникальным является документ, согласно, которому донские коммунисты решили «довести до сведения ВЦИК и ВЧК, что Донисполком не считает возможным отменить приговор Дончека о высшей мере наказания гражданина Шапран [2, л. 54].

Таким образом, гуманная позиция Дон ЧК встретила решительное сопротивление со стороны донской партэлиты, а также четко продемонстрировала ярко выраженную доминантную позицию Донисполкома, который решил отстаивать свою правоту на самом высоком партийно-государственном уровне. Еще одним фактом бесправия донских спецслужб и их зависимости и подотчетности местным партийным структурам стало заседание бюро Донкома РКП от 18 февраля 1921 г. На заседании было рассмотрено «заявление Окркома 1-го Донокруга об отданном приказе ДЧК доставить под конвоем секретаря Окрисполкома товарища Стрельченко, назначенного на эту должность Окрисполкомом. Донком предложил ДЧК анулировать этот приказ. Товарища Стрельченко оставить в прежней должности» [8, л. 14].

Несмотря на мягкость формулировки, было понятно, что донским чекистам велено следовать партийным предписаниям и не проявлять самостоятельности в решении столь деликатных вопросов.

Донком и Донисполком не только отстаивали интересы своих партийных соратников, но и активно вмешивались в кадровые назначения Дон ЧК. Кадровый вопрос в Дон ЧК приобрел особую остроту в конце 1920-го г. – 1921 г. Проработав в должности Председателя всего 7 месяцев, Савинов в августе 1920 г. был переведен в Ставропольскую ЧК. Новым Председателем Дон ЧК стал Малков Павел Иванович, который, ввиду своего кратковременного пребывания в должности, даже не упоминается в немногочисленных публикациях, посвященных истории донских спецслужб. Уже в декабре 1920 г. Малков был временно назначен «заместителем Полномочного представительства ВЧК на Кавказе», а заместитель Председателя Дон ЧК, Соловьев, был «откомандирован в распоряжение ВЧК» [2, л. 220].

В период с декабря 1920 по июнь 1921 г. руководство Дон ЧК возглавлял Буров Михаил Никитович, уход которого с занимаемой должности получит резонанс далеко за пределами донского региона и продемонстрирует конфликт и противоборство органов госбезопасности и партструктур в центре и на местах. Кадровая чехарда началась после того, как Бюро Донкома РКП (б) 20-го апреля 1921 отклонило заявление Бурова об отстранении его от занимаемой должности и «предложило ему в силу партийной дисциплины продолжать работу» [8, л. 41].

Сложно сказать, чем было продиктовано противостояние между Дон ЧК и Донкомом. Однако на этом же заседании Коллегия Дон ЧК была «обвинена в сепаратизме», ей напомнили, что она «всецело в своих действиях подчинена Донисполкому; и «призвали» ее «к Советской дисциплине» [8, л. 41].

Дальнейшие события развивались стремительно и противоречиво. Кандидатура Каширина, который распоряжением ВЧК был назначен вместо Бурова Председателем Дон ЧК, была отклонена Донкомом 27 мая 1921 г. Бюро Донкома приняло решение «категорически протестовать против действий В.Ч.К. о назначении т. Каширина председателем Д.Ч.К.», оценивая это как «нарушение постановлений партийных и советских съездов и установившейся практики». Донисполком настоятельно требовал «оставить председателем Д.Ч.К. т. Бурова и предложить ему никому дел не сдавать» [7, л. 25]. Состоявшееся уже на следующий день заседание Юго-Восточного Бюро

ЦК постановило: «временно назначить т. Емельянова, с совмещением обязанностей Преддончека; т. Русанову предложить сдать дела т. Емельянову, т. Бурова откомандировать в ЦК» [6, л. 31]. Но, кандидатура Емельянова с точки зрения Донобластка была якобы неподходящей. Абсурдность ситуации заключалась в том, что видимо позиция Донкома и Донобластка в отношении кандидатов-претендентов не совпадали. Донобластком настаивал на утверждении Каширина в должности Председателя и «поручил т. Вирганскому (Председателю Донобластка. – Н. П.) это мнение отстоять» [7, л. 26]. Донком не желал сдавать своих позиций в этой кадровой баталии, поэтому «вторично... ходатайствует перед ЦК об оставлении члена ДИК тов. Бурова председателем ДЧК, отменив отзывание его ВЧК» [7, л. 33 а]. Очередная попытка заблокировать решение о назначении Емельянова в пользу Бурова была предпринята Донкомом в середине июня 1921 г. [7, л. 37 а]. Столь затяжной кадровый кризис был разрешен назначением в июне 1921 г. Емельянова Александра Александровича Председателем Дон ЧК, который ранее занимал аналогичную должность в Курске [5, с. 25].

Однако Донком был непреклонен и постановил «ввиду отрицательного отношения к тов. Емельянову Коллегии чека и Донской организации, просить Ц.К. через Юго-Востбюро заменить кандидатуру тов. Емельянова», а «на должность преддончека» предлагали назначить тов. Квининга, который был в то время Зам. Пред. Дончека» [7, л. 41].

Несмотря на недоброжелательное отношение Донкома к персоне Емельянова он будет занимать должность Председателя Дон ЧК больше, чем его предшественники, с июня 1921 по октябрь 1922 г. Сложно сказать каким было на самом деле отношение донских чекистов к новому Председателю, так как информация о нем весьма противоречива. Отмечают его «незаурядные организаторские способности, умение Емельянова работать с людьми, что способствовало успешному выполнению задач, поставленных перед чекистами Дона» и что «с большой теплотой его проводили на работу в Горский отдел ОГПУ» 20 октября 1922 г. [5, с. 26].

Однако известно также, что в сентябре 1921 г. непримиримые противники Емельянова «товарищи Фастовский, Казанцев и

Папин, в связи с создавшейся склокой Дончека» были арестованы [9, л. 37 б].

Реакция Донкома была незамедлительной. Донком требовал «немедленно освободить арестованных партийных товарищей», аргументируя свою позицию тем, что «арест внесет нежелательное настроение среди работников ДЧК и тем еще более дезорганизует аппарат ДЧК» [9, л. 37 б].

Обвинительный материал должен был быть «предоставлен Донкому» [9, л. 37 б].

Однако кадровый поединок на этом не был завершен. Ввиду того, что 12 сотрудников Дон ЧК подали заявление, выражая тем самым свое нежелание работать под руководством Емельянова, было проведено расследование под руководством ППВЧК, которое вскрыло интересные факты [1, с. 343].

Было установлено, что причиной отсутствия «правильной постановки работы», а также «безинициативности и бездеятельности» Осведомительного Отделения является «неумелое и недобросовестное отношение к делу... Начальника Отделения т.Фастовского» (орфография сохранена. – Н. П.) [8, л. 79 а].

«Для оздоровления Дончека комиссия (ПП ВЧК. – Н. П.) считает необходимым немедленно изъять из ДЧК следующих лиц с привлечением к ответственности: 1) Фастовского – Начосведот – не принимал мер к постановке работ Осведота, а занимался склоничеством против Емельянова, прикрываясь формальным отношением к своим обязанностям и отписками. 2) Папина уполномоченного Экономотделения – не вел никакой работы в ДЧК. С первых шагов повел кампанию против Емельянова. 3) Козинцева – Начальника Секретного Отделения – не принимал мер к постановке работ С.О., безответствен и недисциплинирован, занимался склоничеством и менее всего уделял внимания работе. Удалить из Дончека, как принимавших участие в склоничестве: 4) Дмитриева Помначосведот, 5) Борского помнач., 6) Бурова Ивана служ. в ВЧК.

Сменить как причастных к склоке и не пригодных для работы в ЧК, 7) Галаджиева – Начорготделения и 8) Пупко – Начэкономотделения» [8, л.79а – 80].

Однако на этом внеочередном заседании Донком не столько был озабочен недостойными чекистами, участвующими в склоке (так как было понятно, что коммунисты прило-

жат максимум усилий для оправдания склочников и снятия с них каких-либо санкций), сколько персоной товарища Емельянова. В отношении Емельянова позиции партактива разделились. Некоторые партфункционеры считали, что «Преддончека т. Емельянов справлялся со своей работой, хотя и не проявил всех мер к ликвидации склоки.... Все же т. Емельянова, потерявшего свой престиж, нужно в будущем снять», так как он «дискредитирован по советской и партийной линии» [8, л. 80].

Прозвучало мнение «о немедленном снятии тов. Емельянова» [8, л. 80]. Еще более оригинальным оказался пассаж, согласно которому «т. Емельянова нужно снять, но не раньше, чем он закончит чистку ДЧК и др. чрезвычайных организаций» [8, л. 80].

На заседании Бюро Донобластка РКП /б/ от 28-го октября 1921 года события развивались самым интересным образом. ПП ВЧК обвинили в невыполнении «постановления секретариата ДК от 22 октября об освобождении сотрудников ДЧК и непредставлении обвинительного материала в ДК» [7, л. 82]. Более того, было принято решение «предать ППВЧК партийному Суду за неподчинение партдисциплины. Оставить прежнее постановление Комитета в силе и требовать немедленного освобождения арестованных т.т. Означенное постановление сообщить Ю.В. Бюро ЦК и Крайпроверкому». Таким образом, кадровый конфликт Дон ЧК стал резонансным событием и трансформировался в конфликт между ПП ВЧК и донскими партактурами, которые для его разрешения обратились в Юго-Восточное Бюро РКП(б). с требованиями:

– объявить т. Трушину (Начальник ПП ВЧК) выговор с занесением в партийную книжку;

– отозвать т. Трушина из пределов Донобласти;

– оставить в силе постановление ДК и предложить ППВЧК немедленно освободить арестованных партийных товарищей;

– дело о сотрудниках ДЧК из ППВЧК изъять и если потребуется передать ДРТ [7, л. 84 б].

Стоит учитывать, что вышеизложенный кадровый конфликт, в разрешение которого активно включились коммунисты, являлся свидетельством отсутствия разграничения профессиональных и партийных полномочий.

Практика взаимодействия ДонЧК с местными коммунистами в 1920–1921 гг. была сопряжена с целым рядом трудностей, в частности, в решении профессиональных чекистских задач, кадровых вопросов и пр. Зачастую местные коммунисты игнорировали мнение и профессиональную целесообразность донских чекистов, но зато в полной

мере демонстрировали собственные властные амбиции и всякий раз напоминали о необходимости соблюдения субординации. Первый опыт взаимодействия был сложным, неоднозначным, диктовал поиск решения назревших проблем, в том числе и во взаимоотношения Дон ЧК и местных партийных органов.

Литература

1. ВЧК 1917–1922. Энциклопедия / сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов. М.: Вече, 2013. 512 с.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Р-97. Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК) 1920–1924 гг. Оп. 1. Д. 516.
3. ГАРО. Р-97. Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК) 1920–1924 гг. Оп. 3. Д. 7.
4. Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР (1918–1953). М.: Кучково поле, 2011. 752 с.
5. На страже Отечества. Очерки, статьи, интервью, документы. Ростов-на-Дону: Омега-принт, 2008. 496 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.65. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б). Оп.1. Д.9.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р-4. Донской областной комитет РКП(б). Оп.1. Д.80.
8. ЦДНИРО. Ф.Р-4. Донской областной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 83.
9. ЦДНИРО. Ф.Р-4. Донской областной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 87.
10. ЦДНИРО. Ф.104. Таганрогский окружной комитет ВКП(б) 1920–1929 гг. Оп.1. Д.14.

УДК 94(47).084

Г. Н. Рыкун

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

В статье проводятся исторические параллели между периодом создания антигитлеровской коалиции в начале Второй мировой и Великой Отечественной войны и современными усилиями России по консолидации международных усилий по борьбе с терроризмом

в Сирии. Автор акцентирует внимание на схожести и различиях этих процессов.

Ключевые слова: международная коалиция, двойные стандарты, исторический опыт, военное сотрудничество, борьба с терроризмом, превентивные меры.

G. N. Rykun

**HISTORICAL EXPERIENCE IN THE MODERN PRACTICE
OF INTERNATIONAL MILITARY COOPERATION**

The article traces back historical parallels between the period of establishing the anti-Hitler coalition in the Second World War on the one hand, and the beginning of the Great Patriotic War and present-day Russia's efforts to consolidate international efforts to fight terrorism

in Syria on the other hand. The author focuses on similarities and differences of these processes.

Key words: international coalition, double standards, historical experience, military cooperation, fight against terrorism, preventive measures.

Сегодня весь цивилизованный мир следит за тем, как, кем, каким образом и с помощью каких средств ведется борьба с центром международного терроризма на территории Сирии. Россия находится на передовой этой борьбы, призывая все мировые державы объединиться, отбросить в сторону политические амбиции и совместными усилиями ликвидировать этот оплот зла и насилия. С высоких политических трибун звучат не только призывы, но и проводятся параллели между сегодняшним днем и историческим прошлым, в частности, периодом подготовки и создания антигитлеровской коалиции, что стало залогом уничтожения фашизма. Немало говорится сегодня и о двойных стандартах в деятельности отдельных государств. Что же связывает события настоящего и прошлого?

Ответ на этот вопрос нужно искать в динамике развития событий второй половины 1930-х годов. Двойные стандарты имели место и в довоенной политической жизни. Ярким примером служит Мюнхенский сговор между Германией и Италией, с одной стороны, Великобританией и Францией, – с другой. Последние пошли на территориальные уступки и удовлетворение требований А. Гитлера и

Б. Муссолини. Взамен они получили обещание сменить вектор германской агрессии в Европе на восточное направление. При этом правительства Великобритании и Франции отказались поддержать предложение СССР об оказании военной помощи Чехословакии, что имело роковые последствия не только для англичан и французов, но и для народов всего мира [2, с. 23].

Осознав ошибочность своей позиции, Великобритания и Франция пошли на сближение с СССР. В августе 1939 года состоялись переговоры с советским руководством, однако и на этот раз Запад отказался от предложения заключить военную конвенцию на случай германской агрессии. Соединенные штаты Америки в лице президента Ф. Рузвельта заняли выжидательную позицию, одобряя действия советской стороны, но не предпринимая никаких мер по их реальной поддержке. В современной ситуации на Ближнем Востоке американская администрация также ограничивается пока лишь риторикой о необходимости совместной борьбы с терроризмом, но конкретных шагов в этом направлении не предпринимает. Как и в довоенный период, она внимательно следит за развитием собы-

тий, контролирует ход боевых операций, чтобы не опоздать к подведению итогов.

Что касается международной политики советского руководства перед началом Второй мировой войны, то она развивалась преимущественно в двух направлениях. С одной стороны, СССР предпринимал меры превентивного характера с целью предотвращения германской агрессии, с другой стороны, – делал реальные шаги в направлении создания антигитлеровской коалиции. Эти два направления актуальны и в современных условиях. Они как в зеркале отражаются в политике российского руководства. Россия вступила в войну с международным терроризмом на дальних подступах, чтобы не допустить его проникновения внутрь страны, одновременно она инициировала создание широкой анти-террористической коалиции.

После начала Великой Отечественной войны первый реальный шаг к созданию международной антигитлеровской коалиции был сделан в результате подписания 12 июля 1941 года в Москве соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне с Германией. Представители двух государств обязались оказывать взаимную помощь и не заключать мирных договоров или перемирий с членами «оси» без обоюдного согласия. Буквально через несколько дней Великобритания предоставила Советскому союзу кредит в 10 млн. фунтов стерлингов на закупку вооружения [4]. В конце этого же года было достигнуто соглашение с правительством США по ленд-лизу оружия, боеприпасов, промышленного оборудования и продовольствия на сумму около 11 млрд. долларов.

Официальной датой создания антигитлеровской коалиции считается 1 января 1942 года, когда представители 26 государств, в том числе и Советский Союз, подписали в Вашингтоне Декларацию объединенных наций и был создан объединенный комитет начальников штабов, призванный координировать действия с частями американской и английской армий. Однако еще почти в течение полугода на различных уровнях проводились двух – и трехсторонние переговоры и консультации и только к маю 1942 года были урегулированы все вопросы и подписан советско-английский договор [3], а в июне – советско-американское соглашение о принципах взаимопомощи и совместной войне против агрессии [6, с. 198–202].

В то же время между участниками антигитлеровской коалиции сохранились существовавшие еще до Второй мировой войны политические и идеологические противоречия, что являлось, прежде всего, следствием отсутствия опыта и практики социально-экономического и политического сотрудничества. Взаимодействие между главными учредителями коалиции осуществлялось на основе двусторонних соглашений, что, собственно, и являлось основным критерием оценки антигитлеровской коалиции в качестве временного союза. Однако предсказанная временность не исключила возможность решения в рамках коалиции таких вопросов, как послевоенное обустройство Европы и распределение сфер влияния в различных районах мира. К тому же и практика взаимодействия антигитлеровских держав, несмотря на целый ряд издержек и трудностей, показала их способность к взаимопониманию и успешному сотрудничеству при наличии общности политических интересов.

Это положение характерно и для современной расстановки сил в борьбе с ИГИЛ в Сирии. Соглашаясь с необходимостью ликвидации очагов террористической угрозы, Запад традиционно выставляет политическую цену своему участию в этой борьбе. Сегодня западные лидеры требуют от России отказаться от поддержки существующего режима в Сирии, хотя это требование никак не вписывается в общий формат борьбы с терроризмом. Их цель очевидна – после разгрома отрядов радикальных исламистов распространить свое влияние в Сирии, имеющей выгодное геополитическое положение, необходимое для контроля над всем ближневосточным регионом. Можно предположить также, что полный разгром ИГИЛ, по всей видимости, не входит в планы Запада. Эта структура нужна ему как средство дальнейшей дестабилизации ситуации в Ираке, Иране, Афганистане и ряде других стран.

Подобная тактика решения международных проблем со стороны Запада общеизвестна. Свою цену имело и его согласие на участие в антигитлеровской коалиции. Поддержку Советскому Союзу в борьбе с фашизмом Великобритания и США выразили в первые же дни Великой Отечественной войны, однако, не спешили с реализацией своих намерений. До подписания указанного выше договора почти на протяжении года велись

переговоры с правительством У. Черчилля, которого в большей мере беспокоили вопросы послевоенного устройства европейского континента и место Великобритании в системе послевоенных международных отношений. Не возникало сомнений в том, что она стремилась к лидерству, четко обозначив границы своих политических и территориальных устремлений, которые одновременно являлись условиями оказания помощи Советскому Союзу в войне против Германии. Их суть заключалась в разделении Восточной Европы на конфедерации, что позволяло оказывать необходимое влияние на конкретные правительства и контролировать их деятельность в русле интересов Великобритании. С официальной точки зрения, эта позиция объяснялась необходимостью принятия предупредительных мер для устранения в будущем возможностей новой агрессии со стороны Германии [7, с. 195–196]. Но фактически Великобритания не скрывала своих далеко идущих планов и экспансионистских намерений, к тому же и большинство правительств стран заявленного региона в то время находились в эмиграции на ее территории.

Что касается советской стороны, то она заявила о желании закрепить результаты военной кампании 1939–1940 годов и провести корректировку границ ряда восточноевропейских государств за счет Германии и ее европейских союзников (Италии, Венгрии, Румынии). Кроме того, руководство СССР включило в список своих требований военное присутствие в Румынии, что было вполне объяснимо активным участием армии этой страны в оккупации ряда советских территорий и наличием общей границы [5]. В силу этих же причин аналогичные требования советская сторона предъявляла к Финляндии, но при этом не претендовала на контроль над Болгарией, Венгрией и Польшей [8, с. 127].

Но даже эти требования были фактически проигнорированы Великобританией. Уже к концу 1941 года она имела в своем арсенале согласованное с эмигрантскими правительствами восточноевропейских стран решение о создании, по крайней мере, двух конфедераций – греческо-югославской и польско-чехословацкой. Каждая из них, по замыслу правительства У. Черчилля, могла быть расширена за счет соседних государств, в том числе и Румынии [9, с. 130–131]. Этот пример

наглядно свидетельствует о том, что союзнические отношения для Запада использовались, прежде всего, для удовлетворения собственных интересов, что, собственно говоря, характерно и для современного периода.

Советская сторона, напротив, шла на уступки. В течение июля 1941 года были установлены дипломатические отношения с правительствами Чехословакии и Польши, находившимися в Лондоне. При этом СССР признал суверенитет Чехословакии в ее прежних границах [1, с. 244]. В Москве понимали, что никакие договоренности с этими правительствами не могли повлиять на положение дел на фронте, поскольку они не имели ни экономической, ни военной опоры, а их членство в коалиции носило чисто формальный характер. К тому же и на территории СССР имелись не менее авторитетные политики названных стран, которых можно было использовать в угоду удовлетворения политических амбиций. Перед советским руководством в то время стояли совсем другие задачи, связанные с германской агрессией. Потенциальные союзники еще не были готовы к военному сотрудничеству, германская армия развивала наступление на европейской части страны, поэтому не было никакой необходимости заглядывать в будущее, не решив проблемы текущего момента [8, с. 154]. В этой связи советское правительство не проявило какой-либо озабоченности по поводу английского варианта обустройства послевоенной Европы и в принципе согласилось с предложением Великобритании [8, с. 127].

Сегодня анализ работы по созданию антигитлеровской коалиции представляет интерес в том смысле, что она выявила целый ряд компонентов, важных для понимания и оценки механизмов сотрудничества различных государств в рамках реализации общих задач. В первую очередь, речь идет о стремлении стран Запада не только расширить зону своего влияния, но и определить его территориальные масштабы. Например, та же Великобритания не скрывала своих намерений после победы над фашизмом расширить влияние на Балканском полуострове и в Восточной Европе, а положение о конфедеративном устройстве этих регионов потребовалось в качестве предупредительной меры на случай изменения внешнеполитического курса СССР после войны. Это говорит о том, что коалиция

создавалась не ради оказания помощи Советскому Союзу, а в целях устранения угрозы европейскому континенту в случае смены советского внешнеполитического курса.

Тем не менее, такая схема международного военного сотрудничества позволяла успешно решать вопросы и на тактическом, и на стратегическом уровне, поэтому этот исторический опыт не потерял актуальности и сегодня. В решении задачи по устранению угрозы распространения терроризма должны быть заинтересованы все государства независимо от их политической ориентации, но и сегодня Запад традиционно просчитывает вероятные последствия. В годы Второй мировой войны предметом западной аналитики являлись потенциальные возможности СССР в утверждении своих позиций в Европе и мире. Сегодня его не в меньшей степени волнуют такие проблемы Ближнего Востока, как возрождение Сирии, а, возможно, и перспективы появления на политической карте региона новой реальной силы в лице Рабочей партии Курдистана, которая долгие годы добивается создания государственности для курдского народа.

Думается, что главной проблемой взаимодействия различных государств в антитеррористической операции в Сирии будет военная составляющая. Несмотря на согласованное участие в боевых ударах по ИГИЛ сразу нескольких стран, все еще отсутствует международная координирующая структура. Несогласованность действий приводит к возникновению не только взаимных претензий, но и непредвиденных потерь.

В рамках антигитлеровской коалиции основные противоречия между ее членами также лежали в военной плоскости. Достаточно вспомнить, что вплоть до середины 1943 года, когда силами Красной Армии был достигнут перелом в Великой Отечественной войне и она перешла в наступление по всему фронту противостояния с вермахтом, какой-либо определенности по поводу открытия второго фронта еще не существовало. Союзники предпочитали вести боевые действия на второстепенных направлениях, а также при-

нимать участие в воздушных налетах на города и промышленные центры Германии. Правда, американская сторона дважды (в 1942 и 1943 годах) намеревалась приступить к практической реализации военных планов против фашистской Германии в Европе, и оба раза У. Черчиллю удавалось убедить союзника в том, чтобы сосредоточить основные усилия сначала в Северной Африке, а затем в Сицилии. Наконец, на переговорах в Квебеке в августе 1943 года была достигнута договоренность об открытии второго фронта в мае 1944 года посредством десантирования американских и английских войск во Франции. Советский Союз, в свою очередь, заверил союзников в том, что предпримет все меры для отвлечения основных сил противника на Восточном фронте. Несмотря на многочисленные недостатки в практике военного взаимодействия, союзники по антигитлеровской коалиции обеспечили его всеми необходимыми механизмами координации и управления. Их слаженные и согласованные действия на заключительном этапе войны позволили провести ряд успешных операций по ликвидации последних оплотов нацизма в странах Европы и на территории самого Третьего рейха.

Таким образом, практика создания и деятельности международных военных коалиций свидетельствует о том, что их участники в своем стремлении к достижению общей цели будут решать и главную проблему, и сопутствующие вопросы в русле своих национальных интересов. Это необходимо учитывать особенно в тех ситуациях, когда речь идет о дальнейшей судьбе целых народов и континентов. К сожалению, фактор политической и экономической заинтересованности присутствует в любых войнах и конфликтах, его нельзя сбрасывать со счетов, особенно в таком регионе, как Ближний Восток с богатым природно-ресурсным потенциалом. История уже доказала, что широкая международная коалиция при активном участии высокоразвитых мировых держав способна противостоять любой агрессии и стать условием сохранения человеческой цивилизации.

Литература

1. Бенеш. Э. Воспоминания: 2 т. Т. 2: От Мюнхена к новой войне и новой победе. Прага: Орбис, 1948. 500 с.
2. Лиддел Гарт. Б. Г. Вторая мировая война / пер. с англ. М.: Воениздат, 1976. 679 с.
3. Известия. 1942. 12 июня.

4. Правда. 1941. 14 июля.
5. Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. М.: Наука, 1997. 288 с.
6. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы / редкол.: Г. А. Арбатов и др.: в 2 т. Т. 1.: 1941–1943 гг. М.: Политиздат, 1984. 510 с.
7. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы / М-во ин. дел СССР. В 2 т. Т. 1.: 1941–1943 гг. М.: Политиздат, 1983. 542 с.
8. СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 2 т. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 1996. 856 с.
9. Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, Macmillan, 1976. 320 p.

УДК 070.3

А. В. Танцевова

«ОГОНЕК» – ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ: К ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В 1920-е ГОДЫ

В статье анализируется процесс создания и функционирования в 1920-е годы массового общественно-политического, литературно-художественного и иллюстрированного еженедельника «Огонек», главным редактором которого был М. Е. Кольцов. На своих страницах журнал транслировал новые советские ценности, его фотоотчеты и фото-

репортажи разносторонне освещали события и явления, максимально приближая читателя к проблемам и потребностям общества, несли в себе элементы пропаганды нового строя.

Ключевые слова: периодика 1920-х годов, журнал «Огонек», М. Е. Кольцов, фотоотчет, фоторепортаж, акционерное издательское общество «Огонек».

A. V. Tantseva

«OGONYOK» – THE WEEKLY JOURNAL OF THE SOVIET COUNTRY: THE HISTORY OF FUNCTIONING IN THE 1920s

The article analyzes the process of foundation and functioning of the mass, socio-political, belles-lettres and illustrated weekly journal «Ogonyok», the editor of this journal was M. E. Koltsov. The study proves that the Soviet moral values were promoted on the pages of the weekly; there were numerous photo essays and photo reports about different events and

phenomena that informed the readers about the up-to-date problems. It is concluded that weekly journal «Ogonyok» was propaganda because the reporters promoted the Soviet state system.

Key words: the periodicals of the 1920s, the weekly journal «Ogonyok», M. E. Koltsov, photo essay, photo report, the Publishing House «Ogonyok».

Общественно-политический, литературно-художественный и иллюстрированный еженедельник «Огонек» – один из самых популярных журналов нашей страны. За свою долгую историю он неоднократно менял издателя, главных редакторов, концепцию, формат, макет, но всегда отличался насыщенностью актуальной информацией, прекрасным

литературным языком, фото и иллюстративным рядом, представленным в каждом номере. Менялись эпохи, страна, люди, а журнал всегда был интересен своим читателям, так как это был журнал о них и для них.

Общественно политические и литературно художественные еженедельники появились в конце XIX века, но особую попу-

лярность они получили в первые десятилетия XX столетия. В период становления советской власти, именно еженедельники ярче и образнее отражали на своих страницах новые идеи и ценности, формируя определенную модель социального поведения и отношения к новой власти. «Огонек» был одним из ярких представителей данного типа периодики. Нужен был близкий и понятный читателю журнал и «Огонек» стал таким еженедельником, сочетающий в себе достоинства газеты и журнала.

История «Огонька» начинается в 1879 году, как еженедельного иллюстрированного журнала литературы, науки и искусства, который стал выходить в Санкт-Петербурге. Издателем его был Г. Д. Гоппе, редактором – Н. П. Аловерт. В тот период в журнале печатались Г. Данилевский, гр. Е. Салиас, В. Крестовский, Я. Полонский, Вс. Соловьев, А. Майков, А. Островский, А. Потехин, К. Случевский, Н. Морской и др. В предисловии к первому номеру журнала отмечалось, что это совершенно оригинальное издание, ничего общего не имеющее с другими русскими иллюстрированными журналами, и первый иллюстрированно-литературный журнал в России [12, с. 1]. К журналу выходило и бесплатное Приложение с репродукциями картин известных зарубежных художников. Уже тогда акцент в журнале был сделан на иллюстрацию, «рисунок говорит глазам, в то время, как писатель – уму читателя» [12, с. 1].

Журнал просуществовал всего четыре года и был закрыт во время контрреформ Александра III, в 1883 году. Возобновлен выпуск журнала был лишь в 1899 году. Он выходил уже как иллюстрированное обозрение общественной и политической жизни, науки и изящных искусств, приложение к газете «Биржевые ведомости», выпускаемой в С.-Петербурге крупным издателем С. М. Проппером. Редактором был И. И. Ясинский. Почти одну треть объема журнала, выходившего в те годы на восьми страницах одной восьмой части печатного листа, занимали фоторепортажи. Это было время перемен, революционного брожения и читатель нуждался в освещении общественно-политических событий, так быстро меняющихся в калейдоскопе эпохи. Относившийся к новому типу еженедельного тонкого иллюстрированного журнала «Огонек» вместе с тем позиционировал себя как литературно-художественный еженедельник.

С 1902 г. «Огонек» стал самостоятельным и одним из самых дешевых журналов России для семейного чтения. С его страниц читатель узнавал новости общественно-политической жизни, науки, литературы и искусства. Содержание еженедельника отражало реальную жизнь и многообразие происходивших событий, но менее всего он акцентировал внимание на вопросах политики. Позже поменяется концепция издания, расширится тематика, вырастит тираж «Огонька». В еженедельном художественно-литературном журнале «Огонек» за 1914 год уже можно встретить полное отражение политической и общественной жизни России и всего мира. Журнал рассказывал читателю о самых ярких художественных выставках, произведениях искусства, театральных постановках, об открытиях и изобретениях [13, с. 2]. История дореволюционного «Огонька» прекратилась в 1918 г., когда журнал был закрыт как антисоветский.

Советская власть ставила задачи полноценно и ярко осветить, и объяснить изменения, затронувшие все сферы жизни общества. В период отсутствия телевидения и только зарождающегося радиовещания печать была основным регулятором общественного сознания. Страна нуждалась в общественно-политическом журнале, который мог составить конкуренцию «ожившим» в период НЭПа старым буржуазным изданиям. Свою новую историю, уже советского периода «Огонек» ведет с 14 февраля 1923 г., когда было получено разрешение Главлита на его издание [15, с. 192]. Инициатором создания нового «Огонька» был известный публицист и журналист Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд). Именно его одержимости и таланту во многом и обязан журнал своим появлением. Как писал в воспоминаниях его брат Борис Ефимов «никто не поручал брату создавать журнал, никто не присылал ему выписки из решения, не выделял средств, не предоставлял помещения, не утверждал штата – основной движущей силой нового издания была кольцовская кипучая инициатива, молодая энергия» [2, с. 13].

Инициативную группу по созданию журнала составили единомышленники М. Е. Кольцова – писатель Е. Д. Зозуля, журналист Л. С. Рябинин, издательский работник Э. Г. Голомб. В будущем именно эта группа

станет основой редакции «Огонька», которую возглавит М. Кольцов, его заместителем станет Е. Д. Зозуля, ответственным секретарем – Л. С. Рябинин, управляющим главной конторой – Э. Г. Голомб, заведующий фоточастью – В. П. Микулин, фотографом – Отто Шмидт. Все они войдут и в совет «Огонька», куда позже добавятся руководитель «Мосполиграф» И. З. Желудков, председатель правления «Мосполиграф» Н. Т. Поляков, В. Ф. Зайцев и К. И. Черепов [5, с. 21].

Первый номер журнала «Огонек» вышел в свет 1 апреля 1923 г. Создавая принципиально новый журнал со старым названием, Кольцов предполагал сделать его периодическим изданием, на страницах которого освещалась бы разнообразная картина «быта и строительства молодой Советской страны» и параллельно отображался бы «лихорадочный темп сложной и интересной жизни Запада, борьбы классов и групп в странах всего мира» [5, с. 21]. Изначально большую часть его материала составляли зарисовки, фотографии, которые создавали визуальный образ, понятный читателю. Журнал носил воспитательный, просветительский характер, пытаясь объяснить во многом малограмотному читателю суть новой политики, нового образа жизни. Он отличался от дореволюционного «Огонька», рассчитанного на более узкий круг читателей, именно своей простотой, незатейливостью и массовостью. Журнал был нацелен на массового читателя, на огромную читательскую аудиторию новой России. Уже в своих первых номерах «Огонек» обратился к литераторам, художникам, фотографам и организациям СССР с просьбой присылать литературный материал, фотографии, зарисовки и документы о современной жизни.

Первоначально журнал не имел четко продуманной концепции. Основными рубриками были: «Окно в мир», повествующая о наиболее ярких мировых событиях; «Кулисы истории», где часто печатались документы и приводились факты из недавней прошлой страны; «Спорт» и «Бытовой юмор», то появлялись на страницах отдельных номеров журнала, то исчезали. Особой популярностью пользовался жанр путевого фотоочерка о походах, экспедициях в малознакомые, экзотические места. Это развивало интерес не только к достопримечательностям своей страны, но и к зарубежью. Впервые именно

на страницах «Огонька» был напечатан кроссворд. Все это было направлено на расширение кругозора читателей. Позже редакция журнала выработала продуманную коммуникативную стратегию по созданию и развитию иллюстрированного еженедельника для широкой аудитории. В ней прослеживалась преемственность с дореволюционным «Огоньком».

С момента возникновения до начала 1926 г. журнал «Огонек» официально входил в систему издательства «Мосполиграф», однако зависимость его от этого издательства носила чисто формальный характер. Трест «Мосполиграф» отпустил организаторам журнала ссуду в размере 8 100 рублей, которая впоследствии полностью возвратилась тресту при создании Акционерного издательского общества «Огонек». Распространение журнала в кредит взяла на себя Центропечать. Первоначально он выходил раз в неделю, иногда раз в десять дней. Популярность еженедельника уже в 1920-е годы была колоссальна: в 1923 году тираж «Огонька» составил 42 тысячи экземпляров, а уже в 1928 году тираж поднялся до 425 000 экземпляров [10, с. 24]. Это был успех, который сотрудники редакции стремились закрепить расширением содержания, увлекательной формой подачи материала. «Успех «Огонька», секрет этого успеха – с первых номеров заключается, в том, что от него «Огонька» ждали бульварного желтого чтива, трюков, экзотики, смеси (слоны на велосипедах, черепахи курящие папиросы), а «Огонек» с первых номеров давал серьезное чтение, лучших писателей, обильную информацию, реальные фотоснимки, без монтажа, жизнь советских людей и новой страны, заграничные обзоры и фотоснимки» – писал заместитель главного редактора журнала Ефим Давидович Зозуля [14, л. 26]. Большая популярность «Огонька» также объяснялась его дешевизной, по сравнению с другими изданиями. Если цена за один номер журнала в 1924 году составляла 15 копеек, то с 1926 года она была уже 10 копеек за один экземпляр. Понижение цены был сознательный шаг редакции, который действительно привел к повышению тиражности журнала.

Несмотря на небольшой состав сотрудников журнал «Огонек» быстро развивался. В 1923–1924 гг. с помощью воздушной почты журнал наладил постоянную связь с иностранными изданиями, заключил соглаше-

ние об обмене фотоснимками с рядом иностранных агентов. Организацией экспорта и импорта фотоснимков из-за границы занималось бюро «Руссфото». Сформировался и постоянный актив фотокорреспондентов «Огонька»: А. Шайхет, с. Фриндланд, И. Рикк, с. Образцов, И. Горохов, А. Ларин, В. Комаров, А. Рушковский, А. Маевский, Г. Петрусов, Н. Трофимов, В. Сосновский, с. Шемиот, М. Озерский, Н. Перелякин, Е. Полуэтов, В. Смолин, С. Шеткин, Д. Багаев, А. Янишевский и др.

В это время сложились и принципы работы редакции: хороший литературный язык, фото и иллюстративный ряд, классический макет, наличие рубрик в каждом номере. Журнал не был ориентирован на какую-либо определенную социальную группу и являлся массовым иллюстративным еженедельником Советской страны. Как отмечали современники его «...читают в парикмахерских, столовых и пивных. Он продается на вокзалах, в киосках. Его выписывают рабочие и крестьяне. Его дают в качестве приложения провинциальные газеты, например, донбасская газета и др.» [17, с. 24].

В центре внимания журнала всегда был человек, его проблемы, жизнь и быт. «Огонек» отвечая требованиям читателя, фиксировал внимание на событиях современности, преподносил их с максимальной простотой. На обложках журнала часто появлялись фотографии обычных людей. Так, например, в выпуске № 2 за 1925 г. на обложке была размещена фотография работницы, только что сдавшей экзамен на ликпункте, которая благодарила партию «за ту огромную работу, которая проводится в борьбе с вековой темнотой» [9]. Стремясь к разнообразию, журнал наряду с сатирическими статьями и карикатурами в лубочном стиле, публиковал оперативные заметки о событиях не только в России, но и за рубежом. При «Огоньке» функционировало «Бюро клише», которое снабжало редакции провинциальных газет и журналов оригинальными клише по всем вопросам международной и внутренней политики РКП (б) и советской власти, по очередным агитационным кампаниям и специальным вопросам организации сельского хозяйства и промышленности.

Брендом «Огонька» стали иллюстрации и фотографии. «Метод выполнения этой

задачи, – как отмечалось в редакционной статье «Огонька» за 1924 г., – редакция мыслила себе – изобразительный. Метод не рассказа, а показа. Иллюстрации, рисунки, снимки, яркое художественное слово» [5, с. 21]. Сам Михаил Кольцов всегда очень внимательно относился к иллюстративному ряду «Огонька» и хотел, чтобы в нем «было много фото, иллюстраций, занимательных мелочишек, чтобы его читали в поезде, в трамвае, в обеденный перерыв, в фойе кино и за семейным столом, – что-то вроде дореволюционного «Огонька» [5, с. 21].

Самыми популярными жанрами были фотоочерк и фоторепортаж. Фотоочерк был задуман как серия снимков, которая сопровождалась небольшим текстом. Снимки могли быть как последовательными, то есть описывающими события в их хронологической последовательности, так и снятыми в случайном порядке, но связанными воедино одной идеей или темой. Визуальный образ действительно воздействовал на читателей куда эффективнее, чем просто текст. Отличительной чертой фоторепортажа была строгая документальность, этот жанр позволял фотографу фиксировать реальную жизнь, не вмешиваясь в ее течение. Фотоочерки и фоторепортажи на страницах «Огонька» разносторонне освещали события и явления, максимально приближая читателя к проблемам и потребностям общества, несли в себе элементы пропаганды нового строя. «Агитация пропагандистки, – говорил Михаил Кольцов, – заключена в самом подборе снимка и его информационном объяснении. Читателю дана возможность спокойно рассмотреть иллюстрацию, прочесть, что на ней изображено и самому сделать неизбежный вывод («неизбежность вывода – само собой зависит от редакции, подбирающей снимок»). И это импонирует, очень подкупает читателя, которому материал дается без сюсюканий и окриков, в простом, живом и в то же время деловом, серьезном порядке» [4, с. 25].

С помощью фотоочерка власть, используя в основном иллюстративный ряд с минимальным набором слов, могла доступным языком освещать строительство новой жизни, изменения быта простых людей. Фотографии передавали определенное настроение, конструировали историю того или иного события, а текст – кратко пояснял его. Четкость, логичность, краткость, аналитичность,

иллюстративность – вот к чему призывала редакция своих фотокорреспондентов и фотохудожников. Так во многих номерах журнала мы можем наблюдать целые фотоэтюды, занимающие сразу две страницы. В № 24 за 1928 год был помещен большой фотоколлаж, посвященный возвращению М. Горького в СССР [11, с. 9–10]. И таких примеров много. Темы фотоочерков были разнообразны: хроника партийных съездов, первых строек, борьба с беспризорностью, открытие новых театров, научные открытия, спорт, а также внешнеполитические темы – борьба рабочих за свои права в Европе. Отсюда и разновидность фотоочерка как жанра: портретный, проблемный, путевой.

Особенностью журнала, было знакомство читателя с лидерами партии и страны. На его обложках печатались их портреты, сначала В. И. Ленина, позже – И. В. Сталина. Значение фотоиллюстраций в «Огоньке» было столь велико, что они не только несли большую смысловую нагрузку в виде фотожанров, художественных полосных фотографий и разворотов, но все чаще выполняли роль суперобложки журнала, вытеснив репродукции, плакаты, перерисованные художниками фотографии, характерные для других изданий. Постепенно тема суперобложки журнала стала определять и содержание всего номера. Так шло конструирования образа новой власти.

Значительное место на страницах журнала «Огонек» занимали научно-просветительские материалы из различных областей научного знания, авторами которых были советские ученые. Журнал тем самым выполнял и важную просветительскую и воспитательную миссию. Так, например, в 1923 г. в журнале были опубликованы статьи профессора П. Ю. Шмидта «Новые чудеса биологии» [16, с. 13], очерк профессора Кирхберга «Молния как двигатель» [3, с. 11], фотоочерк «Наука в России. Нижегородская радиолаборатория» [6, с. 10], фоторепортаж «Новые раскопки в древней Татарии», рассказывающий об археологических исследованиях золотоордынских памятников Увека, Водянского Мечетного Городища, Старого и Нового сарая в 1919–1922 гг. [7, с. 18]. Публиковались заметки, очерки и статьи к юбилеям, годовщинам смерти советских и зарубежных ученых, раскрывающие жизненный и творческий путь людей науки [8,

с. 17]. Немаловажную роль в журнале играли карикатуры. Разнообразие их тематики и насыщенность поражает. В карикатурах отображались такие темы как: борьба с классовыми врагами, религией, взаимоотношения политических сил на международной арене, бюрократизм, и т. д. Это были рисунки замечательных карикатуристов: Б. Ефимова, К. Ротова, Дени, В. Коздинского, Ю. Ганфа, К. Елисеева и т. д.

Уже на втором году существования «Огонька» Михаил Кольцов предложил выпустить приложение к журналу – дешевую общедоступную библиотеку, куда должны были войти новые, впервые публикуемые, произведения советских писателей. Книги, выпускавшиеся библиотекой «Огонька», стали выходить с 1925 года. Первым приложением стала книга А. Лондра «Кайенна», восьмым – книга Е. Зозули «Рассказы», тридцать третьим – книга М. Кольцова «Западные рассказы». С тех пор эти маленькие книги стоимостью в несколько копеек выходили еженедельно, с очередным номером журнала и пользовались огромной популярностью у населения. Создание популярной Библиотечки «Огонька» связано с именем Е. Д. Зозули, который пятнадцать лет проработал в руководстве журнала.

Расширяющиеся масштабы издательской деятельности журнала привели к возникновению в феврале 1926 г. Смешанного акционерного издательского общества «Огонек». Еще до его создания, в 1925 г., М. Е. Кольцов писал: «Огонек» может служить характерным примером для типизированного издательства: почти вся его деятельность сосредоточена на одном издательском фабрикате, иллюстрации. Рядом с основным иллюстрированным еженедельником (снабженным для литературного подкрепления библиотечкой) созданы: 1) бюро клише, обслуживающей иллюстрацией провинциальную прессу, 2) бюро «Руссфото», занимающееся экспортом и импортом снимков из-за границы, 3) отдел иллюстрированной рекламы, 4) фото архив, уже насчитывающий 10 000 снимков, 5) сеть фото-корреспондентов по СССР, насчитывающая несколько сот человек, 6) организуется специальный журнальчик, посвященный вопросам фотолюбительства и фото-репортажа и т. д.» [4, с. 26]. Таким образом, «Огонек» превратился из простого еженедельника в Смешанное акционерное издательское общество «Огонек» по изданию массовой периодики.

Общество было создано для развития издательской деятельности в стране, распространения и экспедиции изданий, для организации рекламного и публикационного дела

По структуре общество представляло собой добровольное объединение, кооперацию свыше полутора десятков советских издательских единиц. Его основной задачей было издание массовой популярной периодики журнального и книжного типа, несущей в себе определенные идеологические установки советской власти: «Огонек», «Библиотека Огонька», «Женский журнал», «Чудак», «Советское фото», «За рулем», «Изобретатель», «Журналист», «Женский журнал» и его приложение – «Библиотека «Женского журнала»», «Детский уголок», «Наша кухня», «Здоровье женщин», «Шитье на дому» (комплекты выкроек), а также ежемесячный журнал «Друг детей» и его приложение «Детские первомайские сценарии». Принципы работы были прежними – массовость, доступность, обратимость изданий. А отсюда и тиражность изданий общества, какой не было у других. Дешевизна изданий акционерного общества объяснялась и тем, что оно не организовывало дорогостоящих отделений распространения на местах, а пользовалась уже существующей сетью. Акционерное общество «Огонек» организовало свои собственные экспедиции: почтовую и багажную — для обеспечения современного и аккуратного снабжения сво-

их непосредственных подписчиков и своей контрагентуры на местах [14, л. 12].

Первый номер журнала «Огонька» с грифом Смешанного акционерного издательского общества вышел 7 марта 1926 г. тиражом 240 тысяч экземпляров. В этом же году вышло первое приложение к «Огоньку» – тиражом 125 тысяч экземпляров. Им стало издание первого 12-томного полного собрания художественных произведений Л. Н. Толстого в связи со столетним юбилеем писателя. Все издания акционерного общества «Огонек» работали не только в русле государственной политики, но и активно откликались на читательский спрос. Смешанное акционерное издательское общество «Огонек» в декабре 1931 г. было реорганизовано в Государственное журнальное газетное объединение «Жургаз» [1, л.125–126]. Реорганизация, по сути, завершила уже давно происходивший процесс расширения издательской деятельности «Огонька», ставшего к тому времени типизированным издательством массовой периодики. В систему издательства к моменту переименования уже входило около 30 журналов и газет, являвшихся органами крупнейших культурных литературных технических и прочих объединений и добровольных обществ [24, л. 10]. Журнал «Огонек» будет развиваться в составе «Жургаза» до 1938 года, после ликвидации последнего журнал перейдет в издательство «Правда».

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.2306. Оп.69. Д.2124.
2. Ефимов Б. Жертва культа личности. Лондон: Flegon-press, 1967. 39 с.
3. Кирхберг. Молния как двигатель // Огонек. 1928. № 24. С. 9–10.
4. Кольцов М. Е. «Огонек» и его опыт // Красная печать. 1925. № 17/18. С. 25–26.
5. Первый год «Огонька» // Огонек. 1924. № 14. С. 21–22.
6. Наука в России. Нижегородская радиолaborатория // Огонек. 1923. № 4. С.10.
7. Новые раскопки в древней Татарии // Огонек. 1923. № 5. С. 18.
8. Огонек. 1923. № 5. С. 17.
9. Подпись на обложке // Огонек. 1925. № 2. С. 24.
10. Огонек. 1928. № 16. С. 24.
11. Огонек. 1928. № 24. С. 9–10.
12. От редактора // Огонек. 1879. № 1. С.1–2.
13. От редактора // Огонек. 1914. № 1. С.1–2.
14. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.216. Оп.1. Д.9.
15. Скороходов Г. А. Михаил Кольцов. Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1959. 239 с.
16. Шмидт П. Ю. Новые чудеса биологии // Огонек. 1923. №3. С.13.
17. Шуйский Ф. О массовых журналах // Красная печать. 1925. № 17/18. С.22–24.

УДК 63.4

Н. А. Трапш**«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ XIX СТОЛЕТИЯ В СЕТЕВОМ
ДИСКУРСЕ АДЫГСКИХ И АБХАЗСКИХ БЛОГЕРОВ**

В предлагаемой статье рассматриваются нарративные построения абхазских и адыгских блогеров, посвященные актуальным проблемам истории Западного Кавказа XIX столетия и сформировавшиеся в рамках виртуального диалога в сетевом пространстве. Автор выделяет имманентные особенности блогерских нарративов, а также оценивает научное значение интерактивных текстов, созданных непрофессиональными пользова-

телями. Особое внимание уделяется объективной роли сетевого дискурса в процессе последовательного формирования индивидуальной и коллективной исторической памяти, существенно трансформирующейся в информационном обществе.

Ключевые слова: Западный Кавказ, Абхазия, блогер, виртуальный дискурс, историческая память, нарратив, сеть.

N. A. Trapsh**«MEMORY WARS» IN VIRTUAL SPACE: THE REGIONAL
HISTORY OF XIX CENTURY IN THE NETWORK DISCOURSE
OF ADYGHE AND ABKHAZ BLOGGERS**

The article discusses the narrative construction of Abkhazian and Adyghe bloggers devoted to topical problems of Western Caucasus history in XIX century and formed within the virtual space of dialogue in the network. The article highlights the inherent features of blogging narratives, as well as evaluates the scientific importance of interactive texts created by non-

professional users. Particular attention is paid to the role of the network objective discourse in the process of successive formation of individual and collective historical memory, substantially transformed in the information society.

Key words: Western Caucasus, Abkhazia, blogger, virtual discourse, historical memory, narrative network.

Сложный феномен исторической памяти, формирующейся асинхронно и интегрировано в индивидуальном и общественном сознании, традиционно является важнейшим индикатором этнического менталитета, оказывающего непосредственное воздействие не только на социально-политические процессы, но и на профессиональную исследовательскую практику. В частности, комплексное изучение Западного Кавказа XIX столетия невозможно осуществить вне особого социокультурного контекста, включающего бытовые и научные представления об указанном событийном комплексе, сформированные массовым сознанием за последние 150 лет. Длительная борьба с имперской экспансией давно стала своеобразным «местом памяти» для большинства кавказских этносов, явля-

ясь отправной точкой не только для истинной оценки великого прошлого, но и для социально-политического моделирования перспективных изменений.

В предшествующий период стереотипные индивидуальные и коллективные представления о разнообразных событиях и неоднозначных явлениях XIX столетия передавались по трем ментальным каналам: семейные предания, фольклорные произведения и региональная историографическая традиция. По справедливому замечанию Л. Н. Мазур, «изучая процессы формирования исторической памяти, очень важно определить место и роль информационных каналов, тем более что они могут меняться, отражая исторические особенности коммуникационной среды. Длительное время ... это касается прежде всего

традиционного общества ... за формирование исторической памяти отвечал устный канал информации, опиравшийся на личностный опыт и бытование технологии передачи сведений о прошлом – из уст очевидцев своим слушателям ... Он определял характер эволюции исторической памяти – естественный, основанный на биологических законах функционирования памяти» [9, с. 247]. Многоканальная трансляция обуславливала невероятную устойчивость сложившихся оценочных конструкций и превратилась в мощный фактор этнической мобилизации, осуществлявшейся преимущественно в рамках локальных интеллектуальных элит. Но для значительной части автохтонного населения Кавказская война с предшествующими и последующими событиями постепенно превращалась в застывший символ славного прошлого, используемый преимущественно как эффективное средство патриотического воспитания. Подобная ситуация определялась тем важнейшим обстоятельством, что большая часть многообразного эмпирического материала, посвященного трагической региональной истории XIX столетия, была доступна интеллектуальным элитам, ожесточенные дискуссии которых не всегда адекватно воспринимались широкой общественностью.

Консервативную систему последовательного сохранения исторической памяти радикально изменила информационная революция, создавшая новый канал полноценной трансляции соответствующих стереотипных образов, исследовательских интерпретаций и индивидуальных аллюзий. Виртуальные порталы и социальные сети не только обеспечили всеобщую доступность значительных массивов профильной информации, но и позволили широким слоям региональной общественности принять активное участие в проблемном диалоге. Применительно к избранной проблематике следует выделить также и то важное обстоятельство, что виртуальная среда позволила включить в живую дискуссию многочисленных представителей зарубежной диаспоры, имеющих собственный взгляд на трагические страницы кавказской истории XIX столетия.

Сетевые сообщества, эффективно формирующие устойчивые стереотипы индивидуального и массового сознания, давно превратились в популярный объект исследова-

тельской практики для отечественных ученых, представляющих различные отрасли социального и гуманитарного знания [см., например, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 12, 13]. В частности, особое внимание уделялось разнообразным механизмам виртуального конструирования исторической памяти о знаковых событиях и явлениях, среди которых выделялись Ледовое побоище, Куликовская битва, Смутное время и особенно Великая Отечественная война [см., например, 6]. Однако соответствующие ментальные образы формировались, как правило, профессиональными исследователями, практическая деятельность которых детерминировалась как социальной и собственно научной конъюнктурой, так и прямым влиянием политических и государственных институтов. Сетевая среда в данном случае может рассматриваться лишь как эффективный ретранслятор сконструированных объяснительных моделей, которые последовательно интерпретировались заинтересованными пользователями виртуальных информационных ресурсов. В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляют самостоятельные нарративы, создаваемые непрофессиональными участниками интерактивного диалога и обладающие определенной научной ценностью.

Интересным сегментом сетевого диалога стала развернувшаяся в последнее время интенсивная полемика абхазских и адыгских блогеров, посвященная актуальным проблемам региональной истории. Своеобразным катализатором виртуальной дискуссии стала неоднозначная позиция абхазского руководства, связанная с публичным отрицанием «черкесского геноцида». В контексте указанного обстоятельства исходным предметом эмоциональной полемики стала двусмысленная ситуация, в рамках которой Абхазия официально признает геноцидный характер принудительного выселения значительной части собственного автохтонного населения как после известного восстания 1866 года, так и на завершающем этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но отказывает в подобном заключении по отношению к трагическим событиям начала 60-х гг. XIX столетия на Западном Кавказе. Справедливости ради необходимо заметить, что соответствующий подход не разделяется абхазским интеллектуалами и прежде всего профессиональными

историками, традиционно рассматривающими махаджирскую трагедию как общекавказское явление.

«Черкесский вопрос» давно является одной из наиболее дискуссионных тем в сетевом пространстве, приобретшей особую актуальность перед Зимними олимпийскими играми в Сочи 2014 года. Соответствующий виртуальный диалог синхронно стал значимым объектом научных и популярных исследований, большинство которых детерминировалось политической конъюнктурой и не содержало качественного анализа нарративных исторических построений, предлагаемых противоборствующими сторонами. В контексте указанного обстоятельства определенным исключением выглядит масштабная статья Е. А. Виханской, которая достаточно объективно проанализировала сложную структуру сетевой активности вокруг «черкесского вопроса» [3]. Однако основное авторское внимание было сосредоточено на социально-политических аспектах рассматриваемого дискурса, тогда как собственно историческая информация, обсуждаемая профильными сайтами и блогерами, осталась на периферийном уровне исследовательского анализа.

Локальные нарративы различного масштаба, создаваемые непрофессиональными пользователями, как правило, концентрируются в профильных группах социальных сетей, создающих благоприятные возможности для активного обсуждения предлагаемых идей и подходов. Классическим примером подобных сообществ являются закрытые и секретные группы «Герои-предводители горцев Западного Кавказа в Русско-Кавказской войне 19 века», «Российское ОД «Адыге Хасэ», «Государство Черкесия», «Western Caucasus», созданные в предшествующий период в сетевом пространстве Facebook. Как представляется, в указанных рамках исследовательский интерес представляют профильные посты, опирающиеся на размещаемый источниковый материал или характеризующие существующие историописательные концепции. Следует заметить, что непрофессиональные пользователи, как правило, скептически относятся как к документальным материалам, так и к предшествующей историографической традиции. В архивных документах, созданных официальными лицами, они видят естественное отражение государственной политики, которая

направлена на последовательное формирование искусственной картины предшествующей истории, соответствующей ментальным установкам правящей элиты. В подобном ракурсе рассматривается и предшествующая историография, которая, по распространенному мнению, имеет исключительно конъюнктурный характер. Вследствие указанных обстоятельств приоритетный характер приобретают нарративные источники, субъективный характер которых преодолевается посредством традиционной рационалистической критики.

Главной темой сетевого обсуждения абхазских и адыгских блогеров, помимо упоминавшегося официального признания «черкесского геноцида», стала этническая принадлежность садзов или джигетов, населявших обширный район в междуречье Бзыби и Псоу, оказывавших ожесточенное сопротивление российским войскам и почти полностью изгнанным после окончательного покорения Западного Кавказа. Адыгские блогеры утверждают, что абхазские историки и общественные деятели необоснованно рассматривают указанные горские социумы как имманентную часть собственного этноса, территориальные границы которого они искусственно расширяют едва ли не до современного Туапсе. Противоположная сторона приводит собственную аргументацию, в соответствии с которой садзы в социально-политическом и лингвистическом измерении были гораздо ближе к восточным соседям, нежели к вольным черкесским сообществам Западного Кавказа. Следует заметить, что приведенные позиции находят эмпирическое подтверждение в синхронных нарративных источниках, созданных известными авторами из противоборствующих политических групп (Ф. Ф. Торнау и Т. Лапинским, И. Бларамбергом и Дж. А. Лонгвортом, Г. И. Филипсоном и Д. Уркхартом). Российские офицеры, британские агенты и польские авантюристы единогласно признают, что р. Бзыбь была реальной границей Абхазского княжества, а джигетское дворянство было практически независимо от соседних владетелей и имперских властей. Одновременно трудно отрицать, что матримонийные, хозяйственные и социальные связи родственных джигетов и абхазов имели более тесный характер, чем аналогичные контакты с адыгскими социумами Западного Кавказа, что также подтверждается синхронными нарративными источниками.

Другим распространенным сюжетом является последовательное отрицание абхазского сопротивления имперской экспансии со стороны черкесских блогеров, которые полагают, что сукхумские владельцы добровольно присоединились к царской России и активно поучаствовали в последовательном вооруженном покорении независимых горских сообществ. В данном контексте они опираются не только на эмпирический материал, реконструированный из синхронных нарративных источников, но и на официальные документы, созданные российскими офицерами и чиновниками. Абхазские пользователи в ответных постах справедливо указывают на то существенное обстоятельство, что в рассматриваемых источниковых комплексах совершенно недвусмысленно указывается на реальную ограниченность личной власти абхазских владельцев, которые не контролировали значительную часть местных сообществ и опирались на вооруженную поддержку царской администрации.

В указанной дискуссии присутствует и естественный политический подтекст, определяемый своеобразным «грузинским фактором». Адыгские блогеры, испытывающие естественную признательность к официальному Тбилиси за недавнее признание «черкесского геноцида», осознанно стремятся заретушировать реальное участие Грузии в длительном и кровопролитном покорении Кавказа,

синхронно указывая на «серьезную» роль абхазских владельцев в имперской экспансии. Более того, современная актуализация джигетской проблемы также соответствует грузинским интересам, позволяя втянуть этнических адыгов в замороженный конфликт с Абхазией. Однако справедливости ради необходимо заметить, что политические мотивы не являются главным фактором, определяющим естественный характер и реальное содержание рассматриваемой сетевой дискуссии, порожденной преимущественно ментальными факторами.

Продолжающаяся дискуссия имеет некоторые характерные особенности, среди которых необходимо выделить активное взаимодействие сетевых субъектов с разным уровнем исходной интеллектуальной и профессиональной подготовки, искусственную актуализацию рассматриваемых исторических событий, умелое использование разнообразного источникового материала и профильных фрагментов предшествующей историографической традиции. Как представляется, подобный диалог после частичной деконструкции может способствовать как естественному приращению собственно научного знания, так и последовательному формированию новых устойчивых фрагментов исторической памяти, неразрывно связанных со сложной и противоречивой историей Западного Кавказа XIX столетия.

Литература

1. Баринова Д. С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М.: РАН. ИНИОН, 2013. С. 19–35.
2. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. 320 с.
3. Виханская Е. Л. «Черкесский» дискурс в Интернете: Поиски пути из прошлого в будущее. (Аналитический обзор) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М.: РАН. ИНИОН, 2013. С. 228–248.
4. Вышегородцев Д. Е. Особенности сетевых сообществ Интернета: Русскоязычный сегмент: дисс. ... канд. соц. наук. М.: МГСА, 2002. 123 с.
5. Давыдов А. А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 92–101.
6. Денисов Ю. П. Социальные сети русскоязычного интернета как источник формирования образа Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/111-9922> (Дата обращения: 11.11.2015).
7. Дружинин А. М. Протестные сообщества в современном Рунете // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М.: РАН. ИНИОН, 2013. С. 201–214.
8. Зайонц В. В. Социально-антропологический подход к исследованию Интернет-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 1 (54). С. 200–205.

9. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 243–356.
10. Омельченко Е. А. Поведенческие практики и социально-сетевые предпочтения нового поколения российской молодежи в начале XXI века // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М.: РАН. ИНИОН, 2013. С.19–35.
11. Печенкин В. В., Зайонц В. В. Сетевые методы исследования виртуальных сообществ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 71–75.
12. Прочко А. А. Принципы формирования научных интернет-сообществ // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М.: РАН. ИНИОН, 2013. С. 311–328.
13. Усачева О. А. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М.: РАН. ИНИОН, 2013. С. 214–228.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 322

Е. А. Авдеев

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Предметом данного исследования является современное состояние правовой политики в области государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Целью настоящей статьи является теоретический анализ современного состояния законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений и оценка перспектив его дальнейшего развития. Возрождение религии, рост числа религиозных организаций в российском обществе являются объективными факторами, актуализирующими необходимость

определения правильного вектора конфессиональной правовой политики, совершенствования законодательства в сфере регулирования государственно-конфессиональных отношений и обеспечения правового диалога между государственными и конфессиональными институтами.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религия, религиозная организация, законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений.

E. A. Avdeyev

RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CONFESSIONAL LEGAL POLICY

The subject of this study is the contemporary condition of legal policy in the field of state-confessional relations in the Russian Federation. The purpose of this article is a theoretical analysis of the contemporary condition of legislation in the field of state-confessional relations and evaluation of prospects of its further development. Revival of religion, increase in the number of religious organizations in the Russian society are objective factors that actualize the

necessity to determine the correct vector of legal policy in confessional area, to improve legislation in the sphere of regulation of state-confessional relations, and to provide conditions for a legal dialogue between government and confessional institutions.

Key words: state-confessional relations, religion, religious organization, legislation in the field of state-confessional relations.

Современные социально-политические процессы характеризуются разнонаправленностью. Углубление взаимодействия и взаимовлияния различных регионов, нивелирование социокультурных различий и универсализация на основе массовой культуры и либерально-правовых ценностей актуализирует тенденции, имеющие противоположную направленность – стремление к многополярности и многосубъектности мирового развития,

демодернизация, возрождение традиционных культур, этнических и религиозных ценностей [1, с. 23–26; 3, с. 18–21].

Одним из актуальных трендов современного общества является повсеместное возрождение религии и как следствие – увеличение числа верующих, распространение ценностей традиционных религиозных культур, рост престижа и влияния религиозных организаций. Религия в современном обще-

стве оказывает значительное влияние на развитие культурных, социально-экономических и геополитических процессов [2, с. 13–17]. Деятельность религиозных организаций оказывает заметное влияние на ход многих политико-правовых процессов. В итоге развитие правовой культуры и правосознания, достижение социального мира становится невозможным без учета религиозного фактора. Религия в современном мире приобретает статус постоянного и эволюционирующего компонента правового развития общества и входящих в него различных этносоциальных групп, без учета которого устойчивое и преемственное развитие становится невозможным [12, с. 129–130].

В нашей стране религиозное возрождение становится значимым фактором социокультурного развития с начала 90-х годов прошлого века, сохраняя свою актуальность и в наши дни. Например, за последние годы наблюдается постоянный рост количества зарегистрированных религиозных организаций. По состоянию на 1 января 2014 г. в России действует 26 442 зарегистрированных религиозных организации, количество не считающих себя верующими по сравнению с 2000 г., когда данный показатель был равен 32 %, в 2014 г. снизилось и составило 19 % [4, с. 181–184].

В этой связи одним из обязательных условий дальнейшего стабильного развития России становится выработка правильного вектора правовой политики в сфере государственно-конфессиональных отношений, что предполагает дальнейшее совершенствование правового регламентирования в сфере государственно-конфессиональных отношений, регулирование деятельности религиозных организаций, выстраивание отношений, основанных на принципах правового диалога между государственными и конфессиональными институтами, обеспечение реализации прав человека в сфере свободы совести и вероисповедания.

Например, положения Конституции Российской Федерации, касающиеся прав граждан на свободу совести, Федеральный закон «О свободе вероисповеданий» (принят в 1990 г.), Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (принят в 1997 г.), отразившие новые реалии российского общества и взаимоотношений

государства и религиозных объединений на основе конституционного принципа равенства религиозных конфессий, способствовали фактической реализации принципа свободы совести и сформировали достаточно эффективные на тот момент юридические механизмы государственной регистрации и последующей деятельности религиозных организаций. В настоящий момент требуется дальнейшая работа власти, институтов гражданского общества и конфессиональных институтов, направленная на совершенствование юридических механизмов в области противодействия государственной регистрации и деятельности на территории Российской Федерации всевозможных религиозно-экстремистских движений и организаций.

Одним из приоритетных направлений в области обеспечения национальной безопасности России является совершенствование юридических механизмов, противодействующих деятельности тоталитарных религиозных сект, нетрадиционных конфессий и экстремистских религиозных организаций, имеющих деструктивную направленность, ставящих своей целью разрушение традиционных ценностей основ российской государственности, увеличение этноконфессиональной конфликтности.

В свете вышеизложенного анализ современного состояния законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений и оценка перспектив его дальнейшего развития имеют научную, практическую и социально-политическую значимость.

На сегодняшний день основным законом Российской Федерации, регулирующим государственно-конфессиональные отношения, является Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», от 19 сентября 1997 г. (в редакции Федерального закона от 13 июля 2015 г.) [10].

Он регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений. В законе подтверждаются основные нормы международных договоров, и Конституции Российской Федерации о праве на свободу совести и свободу вероисповедания (статья 3).

Нормативным документом, регулирующим государственно-конфессиональные отношения как на федеральном, так и на

региональном уровне, является Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [11]. Данный нормативный акт определяет порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности.

Значительным событием в области государственно-конфессиональных отношений за последние годы стало принятие Федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [7]. В новой редакции статья 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповедания» предусматривает наказание за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, в том числе совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, а также ужесточение санкций за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Этим же федеральным законом в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях внесены поправки в части ужесточения наказания за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений, или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него. Также введен новый состав административного правонарушения: умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение.

В 2014 году был принят Федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 315-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9]. Указанный закон вводит новую категорию достопримечательных мест – «религиозно-исторические места», к которым будут относиться объекты религиозного назначения, являющиеся объектами культурного наследия. По словам юриста Московской патриархии иноксении Ксении (Чернеги), придание объектам религиозного назначения, являющихся объектами культурного наследия статуса «религиозно-историческое место», позволит осуществлять охрану духовного наследия, сохранение и защиту особого уклада жизни монастырей [6].

В соответствии с принятым законом условием доступа к памятникам религиозного назначения и нахождения в границах территорий указанных объектов является соблюдение требований к внешнему виду и поведению, соответствующих внутренним установлениям религиозной организации, если таковые не противоречат законодательству Российской Федерации.

Также вышеуказанный закон вносит дополнение в статью 13 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 7-ФЗ), в соответствии с которым Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям предоставляется право за счет средств своих бюджетов оказывать финансовую поддержку мероприятий по сохранению находящихся в собственности религиозных организаций объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и выявленных объектов культурного наследия религиозного назначения (представленные выше изменения в Федеральный закон № 7-ФЗ вступили в действие с 22 января 2015 г.).

В нынешнем году Государственной Думой Российской Федерации был принят законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и признании утратившими силу положений отдельных законодательных

актов Российской Федерации» [8] в части совершенствования правового регулирования порядка создания и государственной регистрации религиозных организаций. Законопроектом предусматривается новая редакция статьи 9 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии с которой отменяется пятнадцатилетний срок, в течение которого религиозная группа не могла получить статус юридического лица без подтверждения ее существования на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет, выданное органами местного самоуправления, или подтверждения о вхождении в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией.

Законопроект также предусматривает сокращение периода, в течение которого на местные религиозные организации, не входящие в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, будут распространяться ограничения, установленные абзацем четвертым пункта 3 статьи 27 действующей редакции Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: они не смогут создавать духовно-образовательные учреждения и будут ограничены в праве приглашать иностранных граждан для осуществления миссионерской деятельности. В то же время им разрешается выступать в качестве юридических лиц, формировать общее имущество, выступать и защищать свои интересы в суде, издавать и распространять религиозную литературу.

Кроме того, законопроект предполагает изменение порядка уведомления о создании религиозной группы – такое уведомление будет представляться в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере государственной регистрации религиозных организаций. В соответствии с законопроектом уведомление органа юстиции о создании религиозной группы должно содержать информацию о местах совершения богослужений, других обрядов и церемоний, что позволит религиозной группе проводить религиозные собрания без предварительного уведомления органов исполнительной власти или местного самоуправления.

В конце 2014 года Правительство Российской Федерации внесло в Государствен-

ную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» [5], регламентирующий порядок реализации прав осужденных в сфере обеспечения свободы совести и вероисповедания, а также порядок взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями.

Цель законопроекта – реализация положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, которая предусматривает развитие сотрудничества с традиционными конфессиями, обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах, а также реализацию совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов.

Таким образом, законодательное регулирование государственно-конфессиональных отношений предполагает, во-первых, обеспечение конституционного права человека на свободу совести и вероисповедания, во-вторых, сотрудничество органов государственной власти и религиозных организаций, в первую очередь принадлежащих к традиционным для нашей страны конфессиям, в целях достижения этноконфессиональной стабильности и согласия в обществе, в-третьих, предупреждение негативных тенденций в сфере конфессиональных отношений, выражающихся в отсутствии традиции соблюдения законности, стремлении к использованию религии в качестве средства пропаганды межконфессиональной розни и экстремизма.

Подводя итог, следует подчеркнуть необходимость сотрудничества между органами государственной власти и религиозными организациями (прежде всего речь идет о традиционных для России конфессиях) в целях обеспечения стабильности и межконфессионального мира. Современная социально-политическая ситуация требует дальнейшего совершенствования политико-правовых технологий регулирования в сфере государственно-конфессиональных отношений с целью профилактики предотвращения экстремизма, деятельности, направленной на повышение этноконфессиональной конфликтности, разрушения ценностных оснований российской культуры и государственности.

Например, сохранение и укрепление российской федеральной системы невозможно без обращения к медиаторскому потенциалу государственно-конфессиональных отношений, представленному на Северном Кавказе адато-шариатскими правовыми нормами в рамках этнонационального правового сознания и правовой культуры, которые могут быть использованы для противодействия экстремизму и сепаратизму [12, с. 129–130].

В этой связи актуальной становится совместная деятельность государства, религи-

озных организаций и гражданского общества, направленная на дальнейшее совершенствование правового регулирования государственно-конфессиональных отношений, институционализации правового диалога между государством и конфессиями, обеспечение наиболее полной реализации конституционного права на свободу совести и вероисповедания, устранения существующих сегодня несоответствий между законами и социальными практиками, прежде всего на региональном уровне.

Литература

1. Бакланов И. С., Бичахчан М. К., Бакланова О. А. Социальная детерминация динамики правосознания: современный российский опыт // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 23–26.
2. Бакланов И. С., Хубиев А. О. Структуры гражданского общества в политическом процессе современности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 1. С. 13–17.
3. Бакланова О. А. Специфика исследования коллективизма как базового типа социального бытия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 1. С. 18–21.
4. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения Российской Федерации в 2013–2014 годах / под редакцией А.В. Журавского: в 2 т. Т. I. М.: ФОК-ГИС, 2014. 214 с.
5. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=129669> (Дата обращения: 21.09.2015).
6. Право на справедливость. Интервью с игуменией Ксенией (Черной) [Электронный ресурс]: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3978985.html> (Дата обращения: 21.09.2015).
7. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: федеральный закон от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26.
8. О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»: федеральный закон Российской Федерации от 13.07.2015 // Российская газета. 2015. № 6725.
9. О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 22.10. 2014 г. N 315-ФЗ // Российская газета. 2014. № 6516.
10. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (Дата обращения: 21.09.2015).
11. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности: федеральный закон от 30.11.2010 г. № 327-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 49.
12. Шустева А. И. Государственно-конфессиональные отношения в контексте политико-правового обеспечения национальной безопасности // Юрист – Правоведь. 2008. № 4. С. 129–130.

УДК 34:002

Б. Г. Койбаев, З. Т. Золоева**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РЕГИОНОВ: ОПЫТ КАНАДЫ**

В статье рассмотрены подходы Канады к вопросам региональной информатизации. Авторы предприняли попытку выявить положительный опыт, который может быть использован Российской Федерацией для дальнейшего

развития законодательства в сфере региональной информатизации.

Ключевые слова: информационное право, региональная информатизация, правовая политика Канады.

B. G. Koybaev, Z. T. Zoloeva**LEGAL ASPECTS OF INFORMATIZING THE REGIONS: THE CANADIAN EXPERIENCE**

The article describes the Canadian approach to the issues of regional informatization. The authors have attempted to specify good practices that can be used by the Russian Federation

for the further development of legislation in the sphere of regional informatization.

Key words: the information law, regional informatization, the legal policy of Canada.

В условиях продолжающейся в РФ административной реформы особое значение приобретает использование опыта развитых стран в сфере правового регулирования процесса информатизации. Исследование авторами статьи опыта Кореи позволило прийти им к заключению о том, что отражение в политике Российской Федерации иностранного опыта будет иметь положительные результаты и способствовать дальнейшему развитию процесса информатизации и его правовому обеспечению [2, с. 100].

Актуальность исследования вопросов региональной информатизации не вызывает сомнения, в условиях расширения полномочий региональных органов государственной власти и модернизации процесса оказания государственных услуг.

Как известно, в России существуют определенные сложности, связанные с многоуровневостью системы государственного управления, в связи с чем возникает необходимость налаживания процессов внутреннего взаимодействия между ее элементами. Это и обусловило выбор для исследования схожего с Российской Федерацией федеративного государства – Канады, чей опыт в сфере правового регулирования информатизации регионов представляется интересным.

Начало разработке проблем информатизации Канады было положено в 1994 году, когда был принят Телекоммуникационный Акт, способствовавший увеличению конкуренции в ИКТ-секторе.

Важную роль в регулировании вопросов информатизации имел закон Канады «О доступе к информации» 1982 года, который регулировал вопросы доступа граждан к правительственной информации, а также закреплял обязанность органов государственной власти предоставлять информацию гражданам по запросу.

Д. Ремсу, старший юрисконсульт Министерства юстиции Канады в своем докладе [4] «Прозрачность принятия решений в Канаде – правовая структура электронного правительства» отмечает важность процесса гармонизации для решения проблемы информатизации государства и создания электронного правительства. Процесс гармонизации характеризуется с одной стороны восприятием международных норм (прежде всего разработанных в рамках UNCITRAL), а с другой, деятельностью Конференции Канады по единообразному законодательству внутри государства. В 1999 году ею был принят Единообразный закон об электронной торговле, (принятый на основе Типового закона об электронной торговле UNCITRAL 1996 г.) в соответствии с которым устанавливались:

- всесторонняя минимальная гибкая схема, позволяющая правительствам выполнять программы и оказывать услуги в электронном режиме, а гражданам и предприятиям – подавать электронную информацию государственным органам на надежных носителях;

- возможность заключение электронных контрактов между сторонами;

– не отдается предпочтение определенным технологиям;

– полномочие правительства указывать необходимые характеристики электронного документа – для соблюдения должной эквивалентности бумажному варианту;

– принцип согласия в обязательном или необязательном использовании технологи [4].

Единообразное законодательство, на разработку которого оказали влияние Типовой закон и лежащие в его основе принципы приняты в ряде провинций и территорий, включая Альберту (2001 год), Британскую Колумбию (2001 год), Манитобу (2000 год), Нью-Брансуик (2001 год), Ньюфаундленд и Лабрадор (2001 год), Новую Шотландию (2000 год), Нунавут (2004 год), Онтарио (2001 год), Остров Принца Эдуарда (2001 год), Саскачеван (2000 год) и Юкон (2000 год), провинция Квебек (2001 год).

В рамках процесса гармонизации Канадской конференцией по единообразным законам также был принят Закон Канады от 13 апреля 2000 г. «О доказательствах», соответствии с которым подлинность электронного документа характеризуется надежностью архивной системы, поддерживаемой соблюдением отраслевых стандартов, а также показаниями под присягой и их перекрестной проверкой.

Физические лица могут получать доступ и корректировать документы о себе, находящиеся в ведении федеральных агентств, а также в регулируемых государством структурах – телекоммуникационных компаниях и банках в соответствии с законами «О частной жизни» 1983 г. [10] и «О защите персональной информации и электронных документах» 2000 г. [11].

Однако некоторые провинции, например, Альберта, Квебек и Британская Колумбия ввели свои собственные законы по защите частной информации. Эти акты предназначены для закрытия всех персональных данных потребителей и клиентов и обеспечения их достоверности. Такая информация может включать любые данные: имя, адрес, номер телефона, номера социальной и кредитной карточек и даже ДНК, – так как она может быть использована для идентификации конкретного человека [5, с. 84].

29 ноября 2004 г. вступила в силу Стратегия Правительства Канады в области связей

с общественностью. Ее целью стало обеспечение эффективного управления и надлежащей координации в области связей с общественностью на уровне Правительства Канады, а также достижение такого порядка, при котором система связей с общественностью отвечала бы самым разным потребностям населения в информации [1, с. 103]. В соответствии со Стратегией в дальнейшем такое регулирование распространится на все виды бизнеса, за исключением регулирования в провинциях, принявшие собственные законы.

Процесс информатизации Канады всегда сопровождался активной поддержкой на региональном уровне. Во всех провинциях Канады приняты законы о свободе информации и в большинстве из них есть Комиссар по информации для осуществления наблюдения и контроля над исполнением норм закона. Создание электронного правительства сопровождалось принятием в регионах своих программ по развитию электронных правительственных услуг. Правительства регионов Новой Шотландии, Нью-Брансуика, Ньюфаундленда и Острова Принца Эдуарда в сотрудничестве с компанией Unisys запустили проект «Восточная Канада Онлайн», призванный упростить получение региональных правительственных услуг [3, с. 181].

Учитывая историческое наследие и федеративную форму государственного устройства, в Канаде существует ряд проблем в сфере информатизации. По нашему мнению, одна из причин этих проблем кроется в социально-экономическом и географическом различии регионов, что ведет к образованию цифрового разрыва. Цифровой разрыв в Канаде многоаспектен. Так, одной из его сторон выступает неравномерность доступа в Интернет. Некоторые сельские районы, например, не имеют широкополосного доступа вообще и все еще зависят от коммутируемого телефонного модема или медленных ADSL скоростей [6].

Вторым аспектом существующего цифрового разрыва является стоимость доступа в Интернет. Разрыв наблюдается как в сравнении с другими странами, так и внутри страны. Несколько международных исследований свидетельствуют о том, что канадцы не могут получить такую же скорость и сервис для широкополосного доступа в Интернет, как граждане других развитых стран, и они платят более высокую среднюю цену за месяц

использования [7]. На региональном уровне высокая стоимость доступа в Интернет наблюдается прежде всего в сельской местности, где чаще всего используется либо фиксированная беспроводная связь, либо спутниковый доступ, в связи с чем и существует различие цен [6].

Третьим, не менее важным аспектом цифрового разрыва, является ненадежность интернет-услуг в сельской местности, по причине того, что система в целом не может справиться с объемом деятельности.

Уровень цифрового разрыва стал вызывать беспокойство, и Комиссия по радио, телевидению и телекоммуникациям Канады призвала на публичных слушаниях осенью 2010 рассмотреть вопрос о необходимости новой «нормативно-правовой базы», чтобы «обеспечить всех канадцев доступом к недорогим широкополосным услугам». Но данная инициатива не вызвала положительных реакций в обществе. Так, руководители крупных кабельных и телекоммуникационных компаний, которые доминируют в отрасли, утверждают, что без огромных государственных субсидий, они никогда не смогут провести проводные соединения в малонаселенные сельские районы [9].

Особого внимания заслуживают проводимые в Канаде инициативы по поддержке коренных народов, именуемых Первыми нациями. В связи с чем, интерес представляет проект «Первая миля» (First Mile Project) [12], в рамках которого был создан портал с одноименным названием.

Проект «Первая миля» уникален своим акцентом на развитие интернет – инфраструктуры на местном уровне. Портал «Первая миля» представляет собой онлайн-пространство, основу которого составляет раздел обмена опытом, преследующий цель распространения передовой практики между регионами. Информация на портале специально разработана для удовлетворения уникальных

характеристик каждого региона, учитывает демографический профиль и географию.

В рамках проекта было реализовано несколько инициатив. Так, например, в отдаленной деревне Форт Северн, расположенной в провинции Онтарио, предпринята попытка разработки собственного интернет-контента, программ и услуг. На сегодняшний день они создали свои собственные: радиостанцию, кабельное телевидение, сообщество в Интернете, услуги мобильного телефона, сообщества для руководства и поддержки услуг, включая телемедицину, дистанционное образование и проведение видеоконференций. А в провинции Британская Колумбия (остров Бэнд Си-абед) в 2007 году запустили беспроводную широкополосную сеть, которая полностью принадлежит и управляется компанией группы и не получает внешнее финансирование [8].

Все это позволяет сделать вывод о том, что во многом высокие позиции в мировых рейтингах Канады обусловлены применением комплексного подхода к решению проблемы модернизации государственного управления, четко прослеживается проводимая в стране политика по разграничению полномочий между уровнями власти.

Анализ опыта Канады показал, что процесс региональной информатизации в этой стране сопровождается реализацией региональных проектов электронного правительства и происходит в рамках проводимых административных реформ. В процессе исследования было выявлено, что региональные власти рассматриваемого государства, иногда опережая федеральное законодательство, принимают правовые акты, регулирующие вопросы информатизации. По мнению авторов, отражение в политике Российской Федерации этих тенденций будет иметь положительные результаты и способствовать дальнейшему развитию системы правового регулирования процесса региональной информатизации.

Литература

1. Институты транспарентности государственного управления: канадский опыт для России / под ред. О. В. Афанасьевой и С. В. Кабышева. М.: Формула права, 2006. 205 с.
2. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые аспекты информатизации в республике Корея // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 1. С. 96–101.
3. Приходько Л. Канадский проект электронного правительства // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 5. С. 173–184.
4. Ремсу Д. Канада – правовая структура электронного правительства Презентация для семинара Российской Федерации Оттава, Канада, 5 марта 2007г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.google.ru> (Дата обращения: 21.09.2015).

5. Тризно Т. А. Электронное правительство как инструмент реализации государственной информационной политики Канады: дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2014. 184 с.
6. Bates T. Canada's digital divide and its implications for other countries. 2010. April 4. [Electronic resource] URL: <http://www.tonybates.ca/2010/04/04/canadas-digital-divide-and-its-implications-for-other-countries/> (Дата обращения 12.10.2015).
7. Broadband and telecom. OECD Broadband Portal [Electronic resource] URL: <http://www.oecd.org/sti/broadband/oecdbroadbandportal.htm#prices> (Дата обращения 12.10.2015).
8. First Nations, First Mile Project: putting the «last mile first» [Electronic resource] URL: <http://www.ethnosproject.org/putting-the-last-mile-first-first-nations-first-mile-project/> (Дата обращения 12.10.2015).
9. Marlow I., Mc Nish J. Canada's digital divide. [Electronic resource] URL: <http://www.theglobeandmail.com/report-on-business/canadas-digital-divide/article4313761/?page=all> (Дата обращения 12.10.2015).
10. Privacy Act. 01.06.1983 [Electronic resource] URL: <http://laws.justice.gc.ca/en/P-21/index.html> (Дата обращения 12.10.2015).
11. The Personal Information Protection and Electronic Documents Act (PIPEDA) 13.04. 2000. [Electronic resource] URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/P-8.6.pdf> (Accessed: 12.10.2015).
12. First Mile Project [Electronic resource] URL: <http://www.firstmile.ca/> (Дата обращения 12.10.2015).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-11

С. Н. Бредихин, Т. В. Марченко

КАТЕГОРИЯ ΦΥΣΙΣ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИХ ТЕКСТАХ

В данной статье рассматриваются репрезентации глубинного смысла в исторически развивающемся концепте φύσις, изначально принадлежавшем лишь греческой классической философии, но претерпевшем ряд трансформаций суперструктуры смысла и ноэматическую деструкцию отдельных квантов иерархической структуры. При этом рассматривается и актуализация ноем периферического поля в ассоциативном ряду в рамках философии экзистенциализма и их прямая

зависимость от лингвокультурного кода различных языков, а также дается описание отдельных квантов глубинного ноэматического содержания греческого философского концепта в контекстуальном окружении экзистенциалистских терминов на примере немецкой лингвокультуры.

Ключевые слова: ноэматическая иерархия, смыслопорождение, константы смыслопорождения, психолингвистика, функциональный смысл.

S. N. Bredikhin, T. V. Marchenko

ΦΥΣΙΣ CATEGORY IN EXISTENTIAL TEXTS

The article deals with the study of deep sense presentation in historically developing concept φύσις, which originates from classical Greek philosophy and has undergone a number of transformations of sense superstructure and noematic destruction of certain quanta of hierarchical structure. At the same time the actualization of periphery noemes in association line within the framework of existentialism philosophy is studied, as well as their direct

dependence on linguoculture code of different structure languages. There is also a description of particular quanta of deep noematic content of Greek philosophic concept in existential terminology context as regards German linguoculture.

Key words: noematic hierarchy, sense generation, sense generation constats, psycholinguistics, functional sense.

Одним из ключевых концептуализированных понятий как греческой, так и классической и позже – экзистенциалистской философии является понятие «φύσις». Чаше всего эта концептуализированная конструкция переводится как «природа», и именно подобный глубинный смысл находит свое отражение в работах Аристотеля – «самосушее» [2, с. 119]. М. Хайдеггер же полагает, что это узואльное употребление не является исконным и, усматривая в этом слове связь с изначальным пониманием Бытия производит этимологический анализ данного понятия в своей работе

«Введение в метафизику». «Смысл не дан нам изначально, а является динамичным явлением, возникающим при каждом порождении и рецепции текста на основе новых деривационных моделей трансформации суперструктуры смысла; это феномен, благодаря которому мы перестраиваем воспринимаемый нами мир объективной реальности. Единственной формой наличия и существования смыслов (как отдельных лексем, так и целого текста) является его порождение и перерождение, т. е. творимость в каждый конкретный момент» [3, с. 28]. При этом речевая коммуникация

представляет собой стратегический процесс, в котором «ориентация на рецептора неизменно связана с учетом наличия/отсутствия у него определенных фоновых знаний, то есть определенной совокупности сведений культурно- и материально-исторического, а также прагматического характера» [7, с. 67]. Потенциально возможная частотность актуализации определенных языковых единиц прецедентного характера также «способствует закреплению в культурной памяти представителей, определенной лингвокультуры конкретных сведений, формирующих общую картину мира и обуславливающих вариативность/детерминированность интерпретации действительности» [7, с. 67].

Все многообразные отклонения глагола «быть» определяются тремя базовыми основами.

1. Самой древней является «es», на санскрите «*asus*», жизнь, сущее, то, что, исходя из него самого, стоит и покоится в самом себе: самобытное

2. Следующее «*bhu*, *bheu*». К ней относится греческое *φύω*, восходить, властвовать, исходя из него самого приходить в бытие и в нем оставаться.

Данный корень «*bhu*» толковался до сих пор согласно обычному и внешнему пониманию, как «*φύσις*» и «*φύειν*», и могло переводиться как «природа» и «расти». Однако в данном аспекте возможно толкование более раннего этимологического смысла, который рождается в нозмной иерархии смысла в полемике с началом греческой традиции, «расти» в данном случае имеет метасмысл «восходить», исходными нозмами-доминантами для которой, в свою очередь, остаются «присутствие» и «наличие». В недавних лингвистических исследованиях корневое «*φύ-*» этимологически связывается с «*φά-*» соответственно полным понятием «*φαίνεσθαι*». Если следовать данной логике, то «*φύσις*» имеет метасмысл «восхождения к свету» «*φύειν*», он «светится», «про-ясняется», а потому и «появляется на свет» – существует.

3. Третьей основой представлена лишь парадигма словоизменения германских глаголов с семантикой «Бытия»: «*wes*» именно от данной прагерманской формы происходят, например, древневерхненемецкое «*wesan*», обозначавший «жить, пребывать и находится» [10, s.151–152].

Супплетивная глагольная конструкция «*sein*», «*быть*» практически во всех индоевропейских языках образуется от трех основ – *es*, *bheu*, *wes*. Ф. Шпехт говорит о родстве корней «*bhau*» (*scheinen*) и «*bhu*» (*wachsen*, *werden*). Архетипические формы вербализуют изначальные смыслы «Бытия»: 1) жизнь как нечто самобытное; 2) восхождение, «приход в стояние»; 3) пребывание. Подобная градация полностью совпадает с членением аспектов философских понятий Ультра-, Супра- и Гипер-Бытия: «Стоит только начать рассматривать виды Бытия в философии как мета-уровни, и сразу то, что до этого казалось путаницей, становится кристально ясным. Истинное последовательное явление должно полностью пройти все мета-уровни Бытия перед тем, как попасть в мир языка...» [4, с. 194]. Именно по данным основам выделяется два основных «бытийностных» типа – динамический (вторая основа) и статический (первая и вторая основа). Понятие «*φύσις*» происходит от второй основы, в которой смысл бытия проявляется наиболее динамично. «Бытие», понимаемое в экзистенциалистской философии как «*φύσις*», – это восхождение, «про-яснение», выход из потаенности в присутствие, раскрытие.

Der griechische Ausdruck φαίνόμενον, auf den der Terminus «Phänomen» zurückgeht, leitet sich von dem Verbum φαίνεσθαι her, das bedeutet: sich zeigen; φαίνόμενον besagt daher: das, was sich zeigt, das Sichzeigende, das Offenbare; φαίνεσθαι selbst ist eine mediale Bildung von φαίνω, an den Tag bringen, in die Helle stellen; φαίνω gehört zum Stamm φα- wie φώς, das Licht, die Helle, d. h. das, worin etwas offenbar, an ihm selbst sichtbar werden kann. Als Bedeutung des Ausdrucks «Phänomen» ist daher festzuhalten: das Sich-an-ihm-selbst-zeigende, das Offenbare. Die φαίνόμενα, «Phäno-mene», sind dann die Gesamtheit dessen, was am Tage liegt oder ans Licht gebracht werden kann, was die Griechen zuweilen einfach mit τὰ δντα (das Seiende) identifizierten. [10, s.28]. – Греческое выражение φαίνόμενον к которому восходит термин «феномен», производно от глагола φαίνεσθαι, который означает: казать себя φαίνόμενον означает поэтому: то, что показывает себя, самокажущее, очевидное; само φαίνεσθαι. – медиальная форма от φαίνω, выводить на свет, приводить к ясности; φαίνω принадлежит к корню φα- как φώς свет, ясность, т.е. то, в чем нечто обнаруживает себя,

само по себе способно стать видимым. Как значение выражения «феномен» надо поэтому фиксировать: само-по-себе-себя-кажущее, очевидное, *φαίνόμενα* «феномены» суть тогда совокупность того, что лежит на свету или может быть выведено на свет, что греки временами просто отождествляют с *τὰ δντα* (сушее).

Для полного представления рассмотрим нозму в структуре понятия и вычленим узловую последовательность связанных этимологических глубинных содержаний, которая данный аспект «Бытия» будет определять как «*das aufgehend-verweilende Walten*». Новое толкование концепта «Бытие» придает абсолютно новое звучание и всем остальным категориальным понятиям, а значит маркирует применение тех «схем действования» реципиента, которые выведут к интенциональным актам автора и дают правильные тактики интендирования «именно в текстах подобного рода для интерпретации смыслов...», привлекают не только нозматическую рефлексия, но и выходить на уровень феноменологической, повторяя путь автора по порождению того или иного конструкта» [4, с. 179]. Еще в рационализме «Бытие» имело нозму «присутствия» (Anwesenheit, Wesen) чего-то для сознания. «Бытийствует» лишь то, что может быть «по-мыслимо». «По-мысливанием» определяется статус сушего. Посредством трансформации перераспределения и актуализации квантов собственных актов мышления делается акцент на независимом от нашей субъективности «восходящем акте властвования». Использование именно этой трансформации позволяет переосмыслить структуру. «Посредством порождения или актуализации квантов смысла собственных актов мышления осуществляется распрямление реципиентом элементов смысловой структуры и опредмечивание субъективных актов рефлексии, сюда относится порождение кванторов личностной периферийной зоны, их интерпретация и актуализация их нового In-sein (Бытие-в), перераспределение периферийных нозм в и их актуализация в ядерной структуре» [4, с. 317].

Для философа использование подобного рода растягивания и модификации смысла в рамках определенного вертикального контекста открывает практически безграничные возможности создания новой рефлексивной реальности с парадигматическими

аллюзивными переходами, «отвлеченность и обобщенность могут проявляться, прежде всего, в том, что почти каждое слово выступает здесь как обозначение общего понятия или абстрактного предмета» [1, с. 554]. В аспекте выбора номинации «особое значение позиция интерпретатора имеет на таких этапах информационной цепочки, как отбор фактов и непосредственно интерпретация событий» [6, с. 600]. При этом с когнитивной точки зрения вся совокупность культурных принципов, убеждений и взглядов индивида «формирует некоторую интерпретативную рамку для оценки происходящих событий и окружающей среды в целом. Как правило, индивид принимает эту рамку как данность, поэтому любые корректировки или принципиальные изменения в существующей системе его принципов сопряжены с определенными психологическими и коммуникативными сложностями» [8].

Wir wissen: Sein eröffnet sich den Griechen als φύσις. Das aufgehend-verweilende Walten ist in sich zugleich das scheinende Erscheinen. Die Wortstämme φύ- und φά- nennen dasselbe [9, с. 76].

Главным методом этимологизации при разложении понятий может выступать народная этимология, как у Платона в «Кратиле», но для М. Хайдеггера главным является «проникнуть в сущность бытия из сущности языка» отсюда и вывод о «взаимопоглощенности языка и бытия».

Das »Sein« ist der »allgemeinste« Begriff: τὸ δν ἐστὶ καθόλου μάλιστα πάντων. Illud quod primo cadit sub apprehensione, est ens, cuius intellectus includitur in omnibus, quaecum-que quis apprehendit. »Ein Verständnis des Seins ist je schon mit inbegriffen in allem, was einer am Seienden erfasst. « Aber die »Allgemeinheit« von »Sein« ist nicht die der Gattung. »Sein« umgrenzt nicht die oberste Region des Seienden, so-fern dieses nach Gattung und Art begrifflich artikuliert ist: οὔτε τὸ δν γένος. [10, с. 3] – «Бытие» есть «наиболее общее» понятие: τὸ δν ἐστὶ καθόλου μάλιστα πάντων. Illud quod primo cadit sub apprehensione est ens, cuius intellectus includitur in omnibus, quaecumque quis apprehendit. [Бытие есть наиболее общее из всего бытие не есть также и род]. «Некая понятность бытия всякий раз уже входит во всякое наше восприятие сушего». Но «всеобщность» «бытия» не есть таковая рода «Бытие» не очерчивает верховную область сушего, насколько последнее концептуально артикулировано по роду и виду: οὔτε τὸ δν γένος.

Понятие «*φύσις*» не только обрастает оттенками смысла. В исследовании вопроса о «бытийности» в работе «*Einführung in die Metaphysik*» Хайдеггер толкует «*Aufgehen*» (восхождение) посредством понятия «*Erscheinen*» (явленность), «*φύσις*» представляется через «*φαίνεσθαι*», а в «*Sein und Zeit*» он сводит «*das Sichzeigen*» (показывание себя) к «*das Sein*» (бытию). Феноменологическое восприятие феномена означает бытие сущего (*das Sein des Seienden*) как показывающее себя (*als das Sichzeigende*), его смысл, модификации и дериваты. Бытие показывает себя само, является, выходит на свет и потому может быть зафиксировано в разумной форме *λόγος*. «Казалось бы необходимым в данном процессе наличие некоторой формы «переводческой адаптации», и обращение к понятию «перевода» часто связано с постулатом о принципиальной непереводаемости, повторной творимости некоторых понятий. Однако в данном случае для нас ситуация перевода как такового представляет собой лишь фон для описания и анализа способов трансляции внутренней формы слова, а также иерархического состава нозм в иную лингвокультуру» [5, с. 1140].

В «Бытии и времени» мы еще можем наблюдать различие между двумя глаголами «*sich zeigen und scheinen*» и между *dem (wahren) Phanomen der Phanomenologie* и неким *bloßen Erscheinung*, во «Введении в метафизику», лишь указывается разграничение греческих корней, и речь идет о взаимопроникновении «бытия» и «явления», а также о размежевании бытия как явности и «кажимости» (*Schein*).

«Кажимость» как некий не собственный модус «бытия» также присутствует в поле периферических нозм в конструкте «*φύσις*», оно вербализуется в том, что всегда является лишь в метасмысле «присутствие», а само

же «бытие» содержит в себе и нозму «выхода в присутствие», явление, и вместе с тем «*das Sichverborgenheit*» – сокрытие себя, отсутствие. В той же этимологической связи находится и глагол «*erscheinen*», который выражает еще одно фундаментальное свойство бытия – квант «небытие» – тот отправной пункт, откуда и проистекает «бытие», «основание как безосновность». И именно поэтому каждое «бытие», имеющее истоки в «небытии», предоставляет возможность выбора познающему субъекту, правда эта возможность основана не на субъективном и интенциональном, а на объективном плане, многообразии выбора есть проявление сокрытости бытия.

Особая трансформация расширения смыслового поля, актуализации периферических нозм, а возможно и создание в принимающей лингвокультуре и собственной когнитивно-валерной системе построена, прежде всего, на «адаптации (как нозматической/семантической, так иногда и морфологической) заимствованных понятий в системе рефлексивной реальности принимающей лингвокультуры и системе принимающего языка» [5, с. 1140] и, безусловно, представляет собой многоплановый и многовекторный процесс, который имеет в системе деривации нового неузуального смысла развернутую поэтапную структуру. Функциональное поле концептуальных образований, подобных концептуализируемому и каждый раз по-новому интерпретируемому понятию *φύσις*, представляется практически безграничным, ведь с каждым новым направлением, выстраиванием нового ассоциативного ряда, иерархическая структура смысла многомерного понятия обретает все новые и новые грани.

Литература

1. Аликаев Р. С., Бредихин С. Н. Философский научный текст и обобщенность его содержания // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Морально-этические аспекты и темпорально-экологические императивы инвенционного процесса генерации новых научно-технических знаний». Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. С. 533–537.
2. Аристотель. Метафизика // Соч.: в 4-х т. Т.1. М.: Мысль, 1975. С. 65–448.
3. Бредихин С. Н. Нозматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Нальчик: КБГУ, 2014. 39 с.
4. Бредихин С. Н. Нозматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. 392 с.

5. Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1140 [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/121-17525 (Дата обращения: 10.12.2015).
6. Марченко Т. В. Аллюзии и цитаты как средства реализации интерпретационной функции масс-медиа // Всероссийская научно-практическая конференция «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований». Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. С. 600–603.
7. Марченко Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальности в дискурсе масс-медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1(1): в 2-х ч. Ч. II. С. 66–68. [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/19.html (Дата обращения: 10.12.2015).
8. Марченко Т. В. Речевые стратегии и тактики гармонизации общения в поликультурной среде // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/121-19480 (Дата обращения: 10.12.2015).
9. Heidegger M. Was ist Metaphysik? Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1971. 110 S.
10. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. Elfte, unveränderte Auflage, 1998. 450 S.

УДК 801.31

С. В. Гусаренко

ПРОПОЗИЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ АКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье пропозиция рассматривается в референциально-прагматическом аспекте как компонент высказывания, взаимодействующий с когнитивно-семантическими структурами в ходе оперативной обработки речевых произведений.

Ключевые слова: Пропозиция, пропозициональный акт, референция, прагматическая пресуппозиция, импликатура, энтропия, актуальный дискурс.

S. V. Gusarenko

PROPOSITION AS A COMPONENT OF ACTUAL DISCOURSE

In the article proposition is regarded in its referential and pragmatic aspect as a component of an utterance which interacts with cognitive and semantic structures during operative processing of speech products.

Key words: proposition, propositional act, reference, pragmatic presupposition, implicature, entropy, actual discourse.

Понятие пропозиции проделало сложный путь от логики до деятельностных теорий языка. При всем разнообразии трактовок до определенного момента в логике понятие пропозиции в конечном итоге сводилось к значению предложения, некоей объективной категории, не зависящей от прагматических факторов и напрямую связанной со значением истинности [16; 11 и др.]. Между тем разработка понятия пропозиции в «инструментальных» концепциях языка [5; 12; 14] привела к пониманию того, что истинностные

значения не являются ключевыми свойствами пропозиции: для актуализированного высказывания, то есть примененного в конкретной ситуации с конкретным намерением, гораздо более важными выступают такие свойства пропозиции, как ее отнесенность к действительности, ее направленность на референт. Н. Д. Арутюнова пишет в этой связи: «Это свойство (направленности на референт. – Г. С.) имплицитно речевой характер пропозитивной семантики, которая не может быть выделена у единиц языка, пока они не соотнесены

с миром, у тех атрибутов, которые не «зацепились» за какой-либо предмет или явление» [3, с. 79]. С другой стороны, интерес исследователей от самой пропозиции смещается в сторону глаголов пропозициональной установки (пропозиционального отношения), поскольку значение таких глаголов определяет характер «приложения» пропозиции к действительности, коммуникативной ситуации и, что не менее важно, к прагматике говорящего и адресата-интерпретатора. Очевидно, что для исследования, в котором пропозициональная семантика высказываний вводится в системную связь с референциальными его характеристиками, такой подход к определению пропозиции представляется наиболее приемлемым. Тем не менее необходимо остановиться на некоторых других вопросах, непосредственным образом связанных с темой данного раздела.

Прежде всего сформулируем требования, которым должна отвечать пропозиция в рамках модели актуального дискурса, под которым мы понимаем микросистему когнитивно-семантических структур, формирующуюся и функционирующую в качестве оперативного обеспечения когнитивной обработки высказывания. Во-первых, пропозиция должна быть не чем иным, как аналитическим представлением той части высказывания, которая на семантическом уровне отображает некое положение дел в мире, описываемое этим высказыванием. Во-вторых, пропозиция должна обладать качествами знаково-символической структуры, поскольку в план ее содержания должны входить и референциальные значения, которые не могут быть присущи строго семантическим структурам: референция есть свойство знака – на уровне от слова и до текста – как семиотического целого, а не какой-то из его составляющих [1]. В-третьих, пропозиция в модели актуального дискурса, включающей прагматическую составляющую, должна аналитически представляться в связи с предикатами пропозициональной установки. Сказанное приводит к необходимости обращения к понятию пропозиции в собственно лингвистических исследованиях.

У Е. В. Падучевой пропозиция есть результат предикации [13, с. 23] и выступает в данном случае как семантическая структура, на концептуальном уровне отображающая факт действительности. С другой стороны, од-

ним из ключевых понятий, применяемых для описания пропозициональных оснований дискурса, является понятие пропозициональной репрезентации. Причем сразу следует отметить, что когнитивистское понимание пропозициональной репрезентации [8] отличается от понятия пропозиции в лингвистической семантике, где этот термин трактуется как «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложений конструкций (номинализаций)» [4, с. 401], или же как «естественный аргумент модальных операторов и предикатов пропозициональной установки» [13, с. 36]. То есть в данной трактовке пропозиция есть не что иное, как некая семантическая структура – результат научной рефлексии, логически выведенный посредством определенных исследовательских процедур. Пропозициональная репрезентация – это, напротив, явление естественного характера, символическая структура в когнитивной сфере адресата-интерпретатора, близкая к поверхностной форме предложения [9, с. 235].

Между тем Е. В. Падучева дает также такое определение пропозиции: «Пропозиция – это то, что фигурирует в речевом акте, т. е. то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению, то, что может быть предметом просьбы, приказания, пожелания, обещания» [13, с. 36] – и в этом определении явно прослеживается присутствие субъекта-деятеля («может быть подвергнуто» – кем?) – того, кто совершает все эти акты просьбы, пожелания, обещания, что несколько приближает понятие пропозиции к когнитивно-деятельностному подходу в изучении этого вопроса. Таким образом, пропозиция как логически выведенная семантическая структура, с одной стороны, представляет собой искусственное образование, полученное в результате исследовательских процедур, с другой – есть естественная семантическая структура, которой оперирует субъект при совершении разных типов речевых актов. Такое положение дел позволяет сделать вывод, что не следует противопоставлять понятия пропозиции и пропозициональной репрезентации при описании семантических структур дискурса.

Таким образом, на основании уже существующих трактовок пропозиции в лингвистике и выдвинутых выше требований к

этому понятию, применяемому для построения модели актуального дискурса, понятие «пропозиция» в контексте нашего исследования объединяет в себе, во-первых, значение, приближающееся к значению термина «пропозициональная репрезентация», то есть к значению знаково-символической структуры в ментальной сфере адресата речи как прямой производной от воспринятого в ходе речевого акта высказывания; во-вторых, значение когнитивно-семантической структуры, на концептуальном уровне отображающей положение дел в мире посредством этого высказывания; в-третьих, значение ментальной знаково-символической структуры, обладающей референцией; в-четвертых, значение естественного аргумента предиката пропозициональной установки.

Из сказанного следует, что под пропозициональным актом следует понимать акт формирования ментальной репрезентации высказывания, когнитивно-семантическое действие, в результате которого происходит актуализация стандартных значений языковых единиц, формирующих высказывание в совокупности с соединением этих значений в когнитивно-семантическое единство, своего рода когнитивно-семантическую синтагму – завершенную и нерасторжимую последовательность значений, формирующих значение более высокого уровня.

Таким образом, стандартная семантика языковых единиц, актуализируемая в ходе оперативно-когнитивной обработки речевых произведений, выступает в свою очередь стимулом для актуализации референциальных структур знания и прагматических пресуппозиций, включая дискурсивные пресуппозиции [2].

Предложенная трактовка пропозиции в контексте данного исследования требует некоторых уточнений. Пропозиция отображает факт действительности с той мерой достоверности, какой ее себе представляет говорящий (пишущий), с одной стороны, и адресат – с другой; делая оговорку о мере достоверности, мы тем самым подчеркиваем, что модель актуального дискурса, на наш взгляд, может не включать как обязательный компонент коррелят грамматической модальности высказывания, поскольку сам актуальный дискурс – это результат усвоения поверхностных структур, в том числе и их грамматических значений; с другой стороны, модально-грамматическая

характеристика высказывания, хотя и является одной из составляющих предикативности предложения, не определяет его пропозициональную структуру; иными словами, говорит ли некто о каком-либо факте или явлении с уверенностью, с сомнением или вопрошает об этом, принимает ли некто сказанное об этом факте или явлении как истину или сомневается – в любом случае этот факт (или явление) может быть отображен в одной и той же семантической структуре, о чем неоднократно писалось самыми авторитетными лингвистами [13, с. 36; 4, с. 401]. В этом отношении весьма показательно положение, высказанное Ф. Джонсоном-Лэрдом: «Процессы понимания вымышленного дискурса не отличаются по существу своему от процессов понимания истинных утверждений» [9, с. 237]. Однако отметим, что модальные значения тем или иным образом эксплицируются при семантической записи значения показателя функции высказывания, его пропозициональной установки.

Пропозиция включена в модель актуального дискурса прежде всего по той причине, что именно эта семантическая структура в сочетании с референциальным и иллокутивным [12] актом придает смысл высказыванию. Пропозиция является значимым компонентом структуры актуального дискурса, поскольку «... процессы понимания не могут быть ограничены поверхностными структурами – они требуют привлечения концептуальных процессов, основанных на пропозициональных репрезентациях» [8, с. 184]. Добавим, что в свою очередь пропозиция репрезентируется поверхностной структурой, и поэтому при анализе поверхностных структур в случае необходимости можно прибегать к термину «репрезентант пропозиции» (а также «репрезентант» другого компонента актуального дискурса), поскольку мы имеем дело в данном случае не с самим компонентом актуального дискурса, а именно с его материально-знаковой репрезентацией в поверхностной структуре.

Следует также отметить, что поскольку пропозиции формируются в конечном итоге из значений слов и синтаксических структур, то должно быть прямое соотношение между пропозициями и простыми предложениями, при котором одному простому предложению соответствует одна пропозиция [8, с. 167].

Исчисление пропозиций при анализе поверхностных структур также необходимо

для определения стабильных структур актуального дискурса, поскольку, во-первых, пропозициональное содержание является не-пременной составляющей всякого речевого акта [14, с. 162] и, во-вторых, именно пропозициональная репрезентация высказывания подвергается когнитивной обработке [9, с. 235]. Однако исчисление пропозиций актуального дискурса требует некоторых предварительных замечаний, которые определили бы основания, на которых базируется это исчисление. Если в качестве примера рассмотреть высказывание *Иван Иванович – это и есть водитель, которого вы вчера видели*, то можно допустить, что пропозициональные репрезентации здесь отображают два факта действительности: *Иван Иванович есть водитель* и *Вы видели водителя*. Однако даже без контекста и без учета ситуации общения очевидно, что главное предложение здесь – это не сообщение о профессиональной принадлежности Ивана Ивановича, и это становится очевидным только благодаря придаточному *которого вы вчера видели*. То есть при всей определенности семантического состава пропозиции *Иван Иванович есть водитель*, смысл ее и место в макроструктуре дискурса [8] может быть определено только с учетом пропозиции *Вы видели водителя*, и более того – референция компонента *водитель* может быть определена только благодаря пропозиции *Вы видели водителя*. С другой стороны, пропозиция *Вы видели водителя* обретает смысл и свое место в макроструктуре дискурса только как некий компонент, проясняющий референцию предыдущей пропозиции, и при построении модели актуального дискурса в этом и подобных случаях мы будем прибегать к термину «вспомогательная пропозиция» («подчиненная пропозиция» в логической семантике [10, с. 23]). И о семантико-прагматической достаточности актуального дискурса высказывания *Иван Иванович – это и есть водитель, которого вы вчера видели* можно говорить только в том случае, если мы его будем рассматривать как единую структуру, в которую на определенных условиях включена вспомогательная пропозиция.

Следует также отметить, что при построении модели актуального дискурса, как представляется, следует посредством кореферентных имен прояснять референцию анафорических компонентов, входящих в вы-

сказывание и, соответственно, в его пропозицию, и это необходимо по той причине, что всякая пропозициональная репрезентация только тогда обретает семантическую определенность, когда обладает референциальной определенностью. Такой подход, с одной стороны, будет в необходимой мере отражать действительное положение дел, а с другой – будет способствовать более упрощенной семантической записи при построении модели актуального дискурса. Таким образом, при выведении пропозиций высказывания *Иван Иванович – это и есть водитель, которого вы вчера видели* есть основание пропозицию придаточного представить не как *Вы видели которого (то есть водителя, который есть Иван Иванович)*, а как *Вы видели водителя*, если точнее, то как *Вы видели водителя (Ивана Ивановича)*. Такая формальная репрезентация имеет право на существование, прежде всего потому, что компоненты *водитель*, *Иван Иванович* и *которого* кореферентны.

При рассмотрении пропозициональных структур актуального дискурса особого внимания заслуживают импликатуры как не имеющие эксплицитной репрезентации пропозиции [6], поскольку, не будучи эксплицитно выраженными, они, тем не менее, играют не меньшую роль в понимании речевого произведения и распознавании коммуникативного намерения автора, чем эксплицитно представленные пропозиции. Импликатура, в частности, может выступать, с одной стороны, в качестве энтропийного фактора, поскольку, как еще одна семантическая структура наращивает структуру актуального дискурса и исчисление ее требует дополнительных семантических операций; с другой стороны, импликатура возникает в результате актуализации дискурсивных и прагматических пресуппозиций [15], и ее формирование редко протекает с участием структур только актуального дискурса, то есть того фрагмента текста (разговора), который функционирует в определенный момент, и требует обращения к уже полученным знаниям из предшествующего фрагмента дискурса и/или релевантным фоновым знаниям автора или адресата. Таким образом, импликатура, как и рема, имеет двойственный характер: во-первых, она выступает как энтропийный фактор, усложняя семантическую структуру актуального дискурса; во-вторых, импликатура выступает как

структурообразующий компонент актуального дискурса, то есть выполняет антиэнтропийную функцию.

Отсюда следует, что особого внимания требует вопрос об исчислении имплицитных (то есть не имеющих выражения в эксплицитных структурах) пропозиций дискурса [6] как структурных составляющих актуального дискурса. Очевидно, что если порождение имплицитности протекает при участии конвенциональных средств, то исчисление ее в подавляющем большинстве случаев происходит без затруднений, поскольку адресат в силу своей коммуникативной компетенции обладает навыком такого исчисления. Кроме того, всегда следует иметь в виду, что, следуя принципу кооперации [6], всякий говорящий (пишущий) ставит себе целью создание текстов, поддающихся пониманию и интерпретации, в противном случае сама коммуникация теряет смысл, и исключения составляют разного рода загадки, шифровки и паразитические употребления речи (например, чтобы сбить кого-либо с толку, затянуть время или создать впечатление умной речи путем затемнения смыслов), которые не являются объектом нашего исследования. Имплицитность вызывает тем больше затруднений у адресата, чем дальше от семантических структур актуального дискурса располагаются релевантные дискурсивные и прагматические presuppositions, дальше – в смысле фреймовых или ассоциативных корреляций семантики актуального дискурса и названных presuppositions: все зависит от количества (в буквальном смысле) семантических идентификаций, которые должны произойти, прежде чем адресат распознает имплицитный посыл автора. Под семантическими идентификациями мы понимаем, как референциальные акты, так и акты

установления упомянутых выше фреймовых и ассоциативных корреляций, а также акты актуализации дискурсивных и прагматических presuppositions [7].

Следует также добавить, что исчисление имплицитности, по Г. П. Грайсу [6], на наш взгляд, мало чем отличается от «достраивания» эллиптических образований или установления референции анафорического местоимения. Мы имеем в виду тот факт, что сама структурно-семантическая недостаточность эллиптического предложения и естественная, так сказать, семантическая недостаточность местоимения выступают как нарушения постулата количества принципа кооперации Г. П. Грайса, то есть распознаются как сигналы к осуществлению соответствующих семантических операций. Из сказанного следует, что, по-видимому, не стоит рассматривать исчисление имплицитности как семантическую операцию особого рода, хотя протяженность ее и сложность может быть больше, чем при понимании эллиптического предложения или анафорического местоимения.

Таким образом, при построении модели актуального дискурса с учетом приведенных выше данных и их анализа следует исходить из того, что одной из стабильных, неизбежно присутствующих в нем компонентов, независимо от состава поверхностной структуры высказывания, при когнитивной обработке которого образуется данное дискурсивное образование, является пропозиция. Из этого следует, что для более глубокого понимания процедур оперативной обработки речевых произведений необходимо в первую очередь рассматривать взаимодействие пропозиции с другими когнитивно-семантическими структурами, участвующими в когнитивной обработке высказывания.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции. Вступит. статья в кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 5–40.
2. Арутюнова Н. Д. Понятие presupposition в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз, 1973. Т. XXXII. Вып. I. С. 85–95.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Издательство АКИ, 2007. 384 с.
4. Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Слов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 79–128.
6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 217–237.

7. Дейк Т. А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. М.: Прогресс, 1989. С. 12–40.
8. Дейк Т. А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. С. 153–211.
9. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. С. 234–257.
10. Зализняк А. А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1990. С. 21–33.
11. Кашнелльсон С. Д. О теории лингвистических уровней // Дискуссия о системности в языке. М.: [б.и.], 1962. С. 32–41.
12. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 87–116.
13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М.: Едиториал, 2004. 288 с.
14. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
15. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.
16. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С. 181–210.

УДК 070:796

Е. Н. Ежова, А. А. Буров

«ДАВАЙТЕ МЕНЯТЬСЯ СОЗНАТЕЛЬНО!»: ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследование посвящено анализу медийных ресурсов пропаганды здорового образа жизни в России, выявлению механизмов регулирования информационной сферы в этой области. Особое внимание в работе уделено программам федеральных и региональных те-

левизионных каналов, направленных на формирование здорового образа жизни.

Ключевые слова: средства массовой информации, здоровый образ жизни, спортивная информация.

Y. N. Yezhova, A. A. Burov

«LET'S CHANGE CONSCIOUSLY»: DEVELOPMENT OF HEALTHY LIFESTYLE VALUES IN MEDIA OF MODERN RUSSIA

The research is devoted to the analysis of media resources, propaganda of healthy lifestyle in Russia, identification of regulation mechanisms of the information sector in this area. Special attention is paid to the federal and regional

programs of the television channels aimed at healthy lifestyle development.

Key words: mass media, healthy lifestyle, sports information.

«Давайте меняться сознательно!» – именно под таким лозунгом проходит в 2015 году комплексная коммуникационная кампания по пропаганде здорового образа жизни «Здоровая Россия», которую Минздравсоцразвития России проводит с 2009 года. Кампания реализуется по трем направлени-

ям (борьба с потреблением табака, борьба с чрезмерным потреблением алкоголя, внедрение культуры здорового питания) и задействует все каналы массовой коммуникации.

Сегодня средства массовой информации имеют огромный потенциал воздействия на умы и сердца людей, медиа уже не столь-

ко отражают объективный мир, сколько конструируют свою картину мира, свою версию объективной реальности, формируя, таким образом, систему ценностей, норм и идеалов общества. А именно прочную систему ценностей сегодня следует рассматривать как основу формирования сильного государства.

Сегодня в Россию пришла «спортивная весна». Проведение зимней Олимпиады в Сочи, подготовка к футбольному Чемпионату мира-2018 послужили огромным консолидирующим импульсом для российского общества, значимым фактором формирования общероссийской гражданской идентичности и одновременно актуализировали ценности здорового образа жизни. В этой ситуации сегодня очень необходима четкая государственная политика, которая бы была направлена на интеграцию и регулирование всех медийных и в целом информационно-образовательных ресурсов пропаганды здорового образа жизни.

Государственное регулирование этой сферы отражено в следующих документах: Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»; «Стратегия развития физической культуры и спорта Российской Федерации на период до 2020 года»; Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 гг.»; «Концепция информационно-образовательной кампании по пропаганде физической культуры и здорового образа жизни среди детей, подростков и молодежи» (2003). Однако актуального специфического документа, который бы обеспечивал координацию работы всех средств информации в сфере пропаганды здорового образа жизни, нет. Разработанная в начале 2000-х годов «Концепция информационно-образовательной кампании по пропаганде физической культуры и здорового образа жизни...» представляется уже в некоторых аспектах устаревшей.

В советский период пропаганда спорта и здорового образа жизни рассматривалась как часть политической системы. Остановившаяся в 1990-х гг. популяризация массового спорта в настоящее время возрождается. Однако, как отмечает Е. Л. Вартанова, сегодня меняется общий контекст упоминания «здоровья». Это связано с тем, что «наши СМИ – как и массмедиа многих рыночных медиасистем – нацелены на создание имиджа молодых, успешных, сильных, здоровых.

Это связано с продвижением в обществе образа успешного человека, который способен выдержать жесткую конкуренцию на рынке труда, стимулирующую развитие общества потребления» [1, с. 1].

Сегодня перед нашей страной ставится глобальная задача – способствовать формированию здорового поколения, сформировав целостную систему физического воспитания, охватывающую широкие круги; обеспечить публичность, открытость спортивной деятельности, активно используя все ресурсы медиасреды. И с этой целью используются все каналы массовой коммуникации: печать, телевидение, радио и интернет.

В России насчитывается более 400 федеральных и региональных печатных изданий, включая интернет-издания, пропагандирующих спорт и физическую культуру. По сравнению с федеральными медиа, местные СМИ способны достичь большего успеха в популяризации здорового образа жизни благодаря доступности, близости к своему читателю, ведь такого рода информация не только направлена на формирование «правильных» ценностей, но и способна серьезно активизировать деятельность чиновников различного уровня в этой области [2, с. 186].

Особенно популярным ресурсом для передачи информации о здоровом образе жизни является сегодня телевидение. 1 ноября 2015 года начал вещать в эфире созданный по поручению Владимира Путина спортивный телеканал «Матч ТВ», руководить которым будет Тина Канделаки. По ее словам, «именно спорт и спортивный образ жизни необходимы россиянам для повышения конкурентоспособности нашей страны во всех сферах».

В современном пространстве телевизионных передач, позиционирующих себя в качестве просветительских и ориентирующих на пропаганду здорового образа жизни, выделяются такие как «Жить здорово с Еленой Малышевой» (Первый канал) и «О самом главном» (Второй канал). «Жить здорово с Еленой Малышевой» – телепередача о здоровье, в которой пропагандируется здоровый образ жизни, рассказывается об актуальных вопросах здравоохранения, анализируется образ жизни в целом. Передача впервые стартовала на телеэкранах 16 августа 2010 года. Жанровые разновидности программы – ток-шоу. Целевая аудитория – женщины от 25 до 65 лет. Аль-

тернативной программой является передача телеканала «Россия 1» «О самом главном», в которой доступно рассказывается о красоте, здоровье и долголетию. Ведущие – кандидат психологических наук, врач-реабилитолог Сергей Агапкин и актриса Ольга Будина.

Сегодня открывается все больше и больше специальных профильных телеканалов, содержащих трансляции разнообразных игр и программы, связанные со спортом. Одним из лидирующих по праву признан канал «Россия-2», который открылся 12 июня 2003 года и изначально именовался «Спорт». А в кабельных сетях с 1 октября 2009 года работает канал «КХЛ-ТВ», транслирующий игры хоккейной лиги.

Значительное место тема здорового образа жизни занимает и на каналах общей направленности. Первый канал еженедельно транслирует главные матчи чемпионата премьер-лиги России по футболу, освещает значимые спортивные мероприятия. Спортивный комментатор канала – Виктор Гусев. Существенно повысила рейтинг канала телепрограмма «Ледниковый период». Огромной известностью пользуется цикл программ «Бокс. Бои сильнейших профессионалов мира».

Наканале «Россия» и «Россия-2» (ВГТРК) также транслируются значимые спортивные события. На канале работают Дмитрий Губерниев, ведущий спортивного блока в программе «Вести» и ряда спортивных программ; Илья Казаков – комментатор, ведущий передачи «Футбол России». На этом канале интересна телепередача «Задай вопрос министру» с Александром Кузмаком, который беседует с министром спорта Российской Федерации Виталием Мутко.

«Третий канал» выпускает передачу «VIP Спорт», посвященную элитным видам спорта, которые пользуются немалым интересом в нашей стране. Ведущий передачи Юрий Лешок старается сам освоить каждый вид спорта, о котором рассказывает в очередном выпуске. Помощь Юрию оказывали довольно известные люди, увлекающиеся тем или иным видом спорта, например, предприниматель-миллиардер Алишер Усманов или политик Леонид Рейман.

«НТВ-Плюс Спорт», начавший свое вещание в 1996 году, стал первым специализированным спортивным каналом в нашей стране. Позже появились тематические

каналы: «НТВ+ Футбол», «НТВ+ Наш Футбол», «НТВ+ Спорт Онлайн», собственно сам «НТВ+ Спорт», «НТВ+ Теннис», «НТВ+ Спорт Классика», «NBA TV», отдел технического контроля «Спорт», «Eurosport», «Русский Экстрим», «Боец», «Extreme Spoils», «HD Спорт», «Eurosport HD», «Eurosport» и другие. Главная их особенность состоит в направленности на определенный вид спорта. Спортивный комментатор канала, ведущий программы «Футбольная ночь» – Георгий Черданцев.

Телекомпания РЕН ТВ также увеличивает сегодня число трансляций спортивных мероприятий: футбольные матчи, боксерские поединки, бои без правил. Телеканал продолжает показ серии документальных фильмов «Звезды спорта» о самых ярких личностях из мира спорта. Новый спортивно-развлекательный суперпроект канала – «Реальный спорт» с ведущей Викторией Лопыревой, где в динамичном стиле с юмором и оригинальным взглядом на вещи рассказывается обо всем самом интересном и захватывающем, что случилось в мире спорта за прошедшую неделю.

Региональные телепроекты, пропагандирующие спорт и здоровый образ жизни, представлены значительно в меньшей степени. На ГТРК «Ставрополье» Александр Чинокалов ведет программу «Профессионалы о спорте»; на канале «26 регион» Сергей Рыбалко ведет программу «Овертайм». Особо значимым в этой области телепроектом является для Ставрополья проект «Философия Скакуна» на канале «26 регион», в которой заслуженный мастер спорта по спортивной акробатике, заслуженный тренер, автор научных трудов в области гимнастики Василий Александрович Скакун пропагандирует зрителям здоровый образ жизни.

Современный контент о здоровом образе жизни заполнил сегодня не только сферу традиционных СМИ, но и интернет-пространство. И это также важно учитывать при формировании государственной политики в области здорового образа жизни, поскольку социальные сети в настоящее время являются доминирующим информационным каналом для молодежи, который может самым неожиданным образом повлиять на формирование установок общественного сознания.

Огромный поток порой некачественной информации о здоровье часто дезориентирует аудиторию, порождая целый ряд

противоречий и парадоксов. В медиапространстве рассказы о здоровом образе жизни соседствуют с показами криминальных моделей поведения, с демонстрацией травмирующих жизненных ситуаций, с общим ростом агрессии и уровня враждебности, с образцами поведения, где нет места идее здоровья как физического и душевного благополучия. Складывается огромный диссонанс между провозглашенным и изображаемым [3, с. 2].

Е. А. Войтик в своем диссертационном исследовании вывела пять тематических блоков информации, посвященной формированию здорового образа жизни:

- медиатексты, поднимающие «философские» и «социальные» вопросы, в частности такие, как «что такое здоровый образ жизни сегодня», «способен ли спорт повлиять на здоровье нации»;

- медиатексты, раскрывающие общие вопросы о влиянии физической культуры и спорта на здоровье человека, содержащие советы, посвященные ведению рационального образа жизни, противостоянию стрессовым нагрузкам и негативным явлениям (курение, алкоголь, наркотики, асоциальное поведение);

- медиатексты, в которых основной акцент сделан на информировании о конкретных акциях, характерных для здорового образа жизни («Днях здоровья» и т. п.);

- медиатексты, предлагающие практические рекомендации и методики в сфере поддержания здорового образа жизни (в качестве экспертов и ведущих рубрик чаще выступают спортивные специалисты, медики);

- медиатексты, отражающие деятельность личностей, активно ведущих здоровый образ жизни [2, с. 187–189].

Последним трендом в освещении проблемы здорового образа жизни стала тема возрождения комплекса ГТО, который может быть первым шагом к здоровому образу жизни, а его развитие и успешная реализация повлияет на оздоровление нации.

Важным стимулирующим фактором в увеличении количества публикаций о ЗОЖ могут стать конкурсы для СМИ на лучшее освещение этой проблематики. Такие конкурсы в 2012–2014 гг. прошли практически во всех регионах страны. В 2012 г. Правительство Ставропольского края также проводило конкурс среди СМИ на лучшее освещение мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни, духовных ценностей, профилактику правонарушений.

Говоря об огромном влиянии СМИ на наш образ мыслей, наше восприятие мира, нельзя не сказать о рекламе, которая в современном мире играет роль одного из главных смыслообразующих оснований. Американский историк Даниил Бурстин сказал: «Покажите мне рекламу той или иной страны, и я все скажу об этой стране». На самом деле реклама не в меньшей степени, нежели СМИ, навязывает нам определенную картину мира. В этом смысле потенциал воздействия рекламы чрезвычайно велик, и этот потенциал нужно грамотно использовать.

Сегодня остается не в полной мере задействованным ресурс социальной рекламы в пропаганде здорового образа жизни. Для такой рекламы характерно использование двух полярных стратегий – стратегии позитивной аргументации (делай то, что способствует решению проблемы и в целом гармонизации жизни) и стратегии негативной аргументации (не совершай действий, которые могут привести к возникновению проблемы, разрушению определенной сферы жизни человека). Ученые сегодня приходят к выводу, что гораздо более эффективной является стратегия установления позитивных моделей поведения, пропаганда же негативных установок, как правило, приводит к углублению проблемы, продуцированию еще большего зла, т. е. более эффективной оказывается, к примеру, не борьба против наркотиков, а пропаганда здорового образа жизни.

Литература

1. Вартанова Е. А. Тема здоровья, его сохранения и поддержания – основа контент-стратегий современных российских СМИ // Медiascope. 2014. № 5 (47) 21 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediascope.ru/files/MediaTrendi_47.pdf (Дата обращения: 05.10.2015).
2. Войтик Е. А. Концепции раскрытия темы «Спорт как элемент здорового образа жизни» в современных российских СМИ // Вестник АГУ. 2013. № 4. С. 184–190.
3. Фролова Т. А. Журналистика: здоровье здоровых // Медiascope. 2014. № 5(47) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediascope.ru/files/MediaTrendi_47.pdf (Дата обращения: 05.10.2015).

УДК 81'3

Е. А. Луговая

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖАНРА «FANTASY»

В статье рассматриваются индивидуально-авторские метафоры в произведениях С. Лукьяненко «Дневной дозор» и «Ночной дозор», которые выступают как типологические

характеристики, позволяющие описать жанровое своеобразие произведений «fantasy».

Ключевые слова: жанр «fantasy», метафоризация, теория метафоры.

Е. А. Lugovaya

METAPHORISATION AS THE TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF «FANTASY» GENRE WORKS

The article deals with individual metaphors in works of S. Lukyanenko «Dnevnoy Dozor» and «Nochnoy Dozor» which serve as typological characteristics that allow to describe the «fantasy» genre.

Key words: «fantasy» genre, metaphorization, theory of metaphor.

Жанр «fantasy» обращает на себя внимание писателей в первую очередь тем, что дает большую свободу авторской фантазии и разрешает ввести в повествование порой самые невероятные элементы. В отличие от научной фантастики, «fantasy» не жаждет объяснить мир, в котором происходит действие произведения, с точки зрения науки. Сам данный мир существует гипотетически, часто его месторасположение относительно человеческой реальности никак не оговаривается: то ли это параллельный мир, то ли иная планета, а его физиологические законы могут отличаться от земных. В подобном мире может быть подлинным существование богов, колдовства, мифических существ (драконы, эльфы, гномы, тролли), привидений и всех других фантастических сущностей. В то же время принципиальное отличие чудес «фэнтези» от их сказочных аналогов в том, что они являются нормой описываемого мира и функционируют системно, как законы природы.

Одним из представителей современного «fantasy» является С. Лукьяненко. Его творчество оригинально и не может быть оценено с точки зрения традиционной литературы. В «Дозорах» Лукьяненко рассказывает о магах и чародеях как о профессорах, магических посохах, обмене телами, чтении мыслеобразов и т. п. Сергей Лукьяненко обрисовывает необычные, сверхъестественные вещи

как обыкновенные, имеющие объяснение. Наиболее частотным средством образной выразительности в произведениях С. Лукьяненко, позволяющим описать вымышленный им мир во всем его многообразии является метафора.

Изучение метафоры имеет длительную историю и давние традиции в литературоведении и лингвистике (А. А. Потебня, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, А. И. Ефимов, В. П. Григорьев, Л. Ф. Тарасов, В. П. Ковалев, Н. А. Басилая, Е. А. Некрасова, Н. А. Кожевникова, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Складневская и др.). Исследование этого сложного, многоаспектного явления сравнительно недавно активизировалось и в других областях научного знания – философии, логике, психологии, социологии, теории информации, компьютерных технологиях (так, появились новые понятия «политическая метафора», «компьютерная метафора»). Это обусловлено прежде всего антропоцентризмом современного гуманитарного знания, стремлением к постижению сущности образного мышления, определению механизма создания метафоры, выявлению способов и моделей метафоризации, так как метафоры являются важнейшим компонентом национальной языковой картины мира. Поэтому, несмотря на огромное количество работ по теории метафоры и прикладных исследований в области метафо-

рического словоупотребления, проблема метафоризации остается актуальной.

В лингвистических работах В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой, В. В. Петрова, М. В. Никитина, Л. Д. Гудкова, В. И. Постоваловой, Е. А. Селивановой отмечается, что традиционное изучение метафоры не отвечает в полной мере требованиям современной семасиологии. «Метафоризация во многом обусловлена картиной мира носителей языка, т.е. народной символикой и ходячими представлениями о реалиях, признаках, действиях, образующими коннотации слова... Метафоризация стимулируется свойствами реалии, а не значением слова» [6, с. 140].

В зарубежном и отечественном языкознании существует ряд концепций, в каждой из которых предлагается тот или иной подход к объяснению сущности процесса образования метафор и их реализации в художественном тексте [5, с. 16–20]:

- интеракционистская, в которой представлены две разновидности: психолингвистическая (И. Ричардс), где утверждается, что в процессе метафоризации происходит объединение двух мыслей о разных вещах, в результате чего создается референция и новый смысл, связанный с новым объектом; логическая (М. Блэк, Т. Виану), где метафора понимается как «взаимодействие двух разных референтов» [2, с. 41];

- ассоциативная (Дж. Серл): метафора «возникает в результате диффузного ассоциативного объединения двух понятий, предметов» [1, с. 87];

- трехчленная механистическая (Х. Деламар): метафора выступает в роли переносного значения от исходного слова на результирующее через смежное понятие;

- концептуально-антропоцентрическая (М. Эптер, Ф. Мур, Р. Туранго): метафора базируется, прежде всего, на интенции, цели, мотиве субъекта;

- возможных миров (К. К. Жоль): при переносе происходит столкновение смыслов как возможных фиктивных понятий;

- синергетическая (М. Эптер): в процессе метафоризации возникает значительное психологическое напряжение между первым и вторым значениями, что со временем приводит к эмоциональному шоку;

- двойственно оппозитивная (В. И. Постовалова): пояснение через двойственную мыслительную операцию утверждения и от-

рицания, о чем свидетельствует исследование начальных стадий развития мышления;

- антропометрическая (В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова): «... в результате замысла, цели, намерения человека создается вспомогательное понятие на основе ассоциативных комплексов (ореолов) – энциклопедического, рационально-культурного, личностного знания – и возникает предположение о подобии; контекст осуществляет фокусирование, вследствие чего осуществляется фильтрация – объединение новейших признаков со старым значением – и происходит формирование нового концепта» [7, с. 114];

- «словесных оппозиций» (М. Бирдсли, Н. В. Черемисина): при метафоризации используется «два уровня значения в самом модификаторе»; слово представляет собой совокупность его коннотативных значений, черпаемых из «общего множества акцидентальных свойств, присущих объектам или приписанных им», – «потенциального диапазона коннотаций слова»; основой образно-ассоциативного подобия могут служить как ведущие, так и второстепенные, «случайные» коннотации слова, «потенциальные» семы. В настоящее время в учении о метафоре намечены новые ориентиры в соответствии с современными лингвистическими направлениями – когнитивной лингвистикой, этнопсихолингвистикой, коммуникативной лингвистикой. Так, в когнитивной лингвистике, как отмечает А. Ченки, метафора «рассматривается как главное средство нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа» [5, с. 81].

Метафоры в произведениях С. Лукьяненко подразделяются:

- на общеязыковые: *горящие глаза, холодная война, сухой закон, львиная доля* и др.;

- индивидуально-авторские: *рафинированный интеллигент, кислотный прикид, потный сухарь, жадный сумрак* и др. (рис. 1).

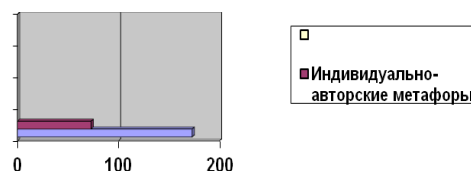

Рис. 1. Классификация метафор в творчестве С. Лукьяненко

Следует обозначить, что метафора наличествует в творчестве С. Лукьяненко как истинная семантико-синтаксическая единица. Отсюда следует, здесь мы можем говорить о признаках метафоры:

– признак семантической двуплановости. Этот признак следует, прежде всего, расценивать с точки зрения объяснения прямого и переносного значения. Можно привести не мало значений, где прямое и переносное значение выявляются таким образом, что проявляются их общие черты. В такой степени, стержневое и переносное значение в слове *пульс* соединены в представлении о темпе, ритме, в слове *изнанка* – о скрытой, оборотной стороне чего-либо. К примеру, *холодная война*, в данном примере не говорится о боевых действиях в принципе, а имеется в виду отношения между героями произведения;

– признак отвлеченности. В прессе метафоризации слово делает большую семантическую работу, вследствие которой его значение становится общим и тем самым не в такой степени определенным. Например: *захлебывающийся голос, капризная нотка*;

– признак экспрессивности. Признаком метафоры считается ее оценочное качество. Делая упор на признак ключевого и переносного значения, сопоставляя их, выявляется, что метафора обостряет внимание на какой-либо семантической черте, заключенной в стержневом значении. К примеру, *живая кровь, мистическая нить, тяжелый взгляд*;

– синтаксический признак. Этот признак проявляется в синтаксических критериях метафоризации слова, которые даются словарями и справочниками: *светлые эмоции, скрипучий голос, тяжелая музыка* и др.;

– морфологический признак. Считается числовой характеристикой метафор-сушительных. Дается словарями или справочниками: *выжатый лимон (о человеке), горячее сердце, львиная доля*.

По степени сложности структуры метафорических переносов была создана следующая классификация:

– простые метафоры – одночленные и двучленные *легкое неодобрение, энергетические всплески, ровным голосом*;

– элементарные метафорические конструкции, в которых ядро метафоры выражено словосочетанием *львиная доля, рафинированный интеллигент, кислотный прикид* и др.;

– метафорические цепочки, состоящие из ряда простых метафор, развивающих одну и ту же метафорическую тему принимающего *демонический облик, не темного мага вне классификаций, а веселого и неистощимого в выдумках Иного, Здесь же будет пахнуть серьезным магическим вмешательством, и если есть в лагере хоть один наблюдатель от Светлых, или, чем Тьма не шутит, Иной от Инквизиции*;

– сложные метафорические конструкции, возникающие на базе элементарных метафорических конструкций, метафорических цепочек и метафорических сравнений *приблизительный баланс глобальных силовых очагов, Я угадал – в синей мгле открылся портал. Рядом, за прозрачной перегородкой, в багажном зале. Ослепительно белым сиянием резануло по глазам, и в сумраке стало ненормально светло, хотя по-прежнему напроць отсутствовали тени. Это было до жути страшное зрелище – невыносимо яркий свет и ни намек на тень*.

Семантические особенности метафоры реализуются, в том числе в синестических метафорах в произведениях С. Лукьяненко, мы обнаруживаем следующие виды метафор.

1. Метафоры, основанные на осязательных ощущениях: *животворящее тепло, сладкая боль, тихие касания, агрессивная липкость*;

2. Метафоры, основанные на зрительных ощущениях: *стеклянные глаза, каменные морды, слезавая красота, серые люди, мрачная улыбка*;

3. Метафоры, основанные на звуковых ощущениях: *зовущая мелодия, усталый голос, мертвая тишина, вкусно произнес*;

4. Метафоры, основанные на вкусовых ощущениях: *злой чеснок, мягкая сладость, мягкая горечь, вкусная кухня*;

5. Метафоры, основанные на обонятельных ощущениях: *безвкусный воздух, легкое дыхание, неподвижный воздух, сырой воздух*.

В свойстве тропа метафора предстает изобразительно-выразительным средством, исполняя образную функцию. Образные метафоры соединяются с художественными формами отображения мира, с оценками объекта или явления, что оказывать содействие описанию их природы, порождая надлежащие эмоции.

Образ – это базисный прием словесного художественного творчества. Функция метафоры как художественного средства, в отличие от сравнения, – не только усилить признак, но и создать новоиспеченный образ, вызвать новое зрелище в воображении. Метафора-троп – это и есть пролегающие от образа словесные средства, словесные сравнения, создающие новое художественное содержание. Метафора принимает участие в художественном слове в развернутом виде или в виде одного слова, содействуя при этом эмоциональному насыщению и происхождению совершенного нового содержания, нужного автору данной работы. Это содержание – объект, данный в аспекте его переживания

субъектом путем соединения двух сфер – логической и эмоциональной.

Таким образом, метафоризация является типологической характеристикой произведений современного «fantasy». Употребление индивидуально-авторских метафор способствует более полному и глубокому выражению смыслового и эмоционального содержания текста. С. Лукьяненко творчески преобразует единицы языка, расширяет рамки обыкновенных способов выбора и объединения слов, употребляет нестандартные приемы синтаксических конструкций, тем самым достигает ощущения близости космоса, виртуального мира и мира индивида.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 2012. С. 5–32.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 2012. С. 153–172.
3. Лукьяненко С. Дневной дозор [Электронный ресурс] URL: http://www.rusf.ru/lukian/books/dnevnoy_dozor. (Дата обращения: 15.10.2015).
4. Лукьяненко С. Ночной дозор. [Электронный ресурс] URL: http://www.rusf.ru/lukian/books/nochnoy_dozor. (Дата обращения: 15.10.2015).
5. Метафорические номинации в языковой картине мира // Научные труды. Серия: Филология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 32–37.
6. Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
7. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.

УДК 82.1

А. В. Останкович, Е. Н. Пономаренко

**ИЗ АМЕРИКИ В «ТИШИНУ МОНАСТЫРЯ»
(О ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ В ЛИРИКЕ Е. А. ХРИСТИАНИ)**

Статья посвящена исследованию места базовых для русской культуры и ментальности православных образов в творчестве Е. А. Христиани, одной из поэтесс русской Америки.

Ключевые слова: концепт, образ, ментальность, эмиграция, русские «американцы», Христиани, полусонет.

A. V. Ostankovich, E. N. Ponomarenko

**FROM AMERICA INTO THE «SILENCE OF THE MONASTERY»
(ON RELIGIOUS IDENTITY OF E.A. CHRISTIANI'S LYRICS)**

The article studies the relevance of basic Orthodox images as regards Russian culture and mentality in the works of one of the Russian poets of America – E. A. Christiani.

Key words: concept, image, mentality, emigration, Russian «Americans», Christiani, half-sonnet.

Я здесь не равен себе, здесь я минус что-то, оставленное в России, при том болящее и зудящее, как отрезанная нога, которую чувствую нестерпимо отчетливо, а возместить не могу ничем. И в той или иной степени, с разными изменениями, это есть или будет у всех. И у Вас.

В. Ф. Ходасевич в письме
к М. О. Гершензону от 29 ноября
1922 г.

Православная Церковь в Америке имеет более чем двухсотлетнюю полную драматических событий историю. Первая мировая война и ряд социально-политических катаклизмов, происходивших в России с 1917 г., повлекли за собой, с одной стороны, внушительный для Северо-Американской епархии приток прибывших в США славян-эмигрантов, а с другой – значительно ослабили ее связь с Русской Церковью. События, происходившие в России, сделали сообщение между епархиями невозможным. Была прекращена не только духовная, но и финансовая поддержка американской Православной Церкви. Связь между Матерью-Церковью и ее заокеанской паствой была нарушена. Неоднозначное положение, в которое попали православные российские эмигранты, не побудило их прервать связь с духовной традицией. Уже к 1921 г. американская Православная Церковь объединила под своей юрисдикцией около 300 тыс. верующих,

ей было построено до 300 храмов. Сыграло ли свою роль в условиях всеобщего кризиса качество, присущее русскому менталитету, которое А. С. Хомяков называл соборностью? Вероятно. Образ Православной Церкви, чтимый и трепетно хранимый в памяти эмигрантов, стал опорой их духовной жизни, побудил к организационной и творческой деятельности, что в полной мере отразилось в поэтическом творчестве русских «американцев».

«Четырнадцать» – группа русских поэтов, оказавшаяся вследствие исторических катаклизмов на другом континенте, попавшая в условия географической, культурной и языковой изоляции, не утратила метафизического состояния, названного в фольклорной традиции «русским духом». Поэты русской Америки сумели создать не просто плодотворную и самобытную поэтическую школу, но и настоящий славянский микромир за океаном, остров русской культуры, органично существовав-

ший в отрыве от метрополии. «Американцы» осознавали себя хранителями и продолжателями русской национальной культуры, причем в ее домодернистской и предреволюционной ипостаси. Об этом ярко свидетельствует и ориентация их творчества на образцы и проблематику классической русской поэзии (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет и др.), и факт публикации произведений в дореформенной орфографии, и общественная деятельность. Так, например, в связи с годовщиной смерти Пушкина в Нью-Йорке был создан Пушкинский комитет, под эгидой которого во многих городах США прошло чествование великого русского поэта. Впоследствии комитет под председательством Георгия Владимировича Голохвастова продолжил свою масштабную деятельность по популяризации русской культуры.

Пожалуй, датой, от которой следовало бы вести отсчет полноценной литературной жизни русской Америки, следует считать 1925 год – время издания поэтического сборника с ностальгическим названием «Из Америки», в который вошли произведения четырех авторов: Е. А. Христиани, Г. В. Голохвастова, Д. А. Магулы и В. С. Ильяшенко. Решение издаваться под одной обложкой, разумеется, свидетельствует об их единстве, наличии ряда общих тем, мотивов, образов и не сводится к географической близости или к сходству их изгнанныческих судеб. Среди основных черт поэтики сборника автор предисловия к нему А. И. Назаров выделял его «несовременность и приверженность к традициям, в которых не исчерпаны и неисчерпаемы возможности неповторяемого творчества» [2, с.12]. Впрочем, эта «несовременность», аполитичность и тотальное умолчание о «злободневных» темах в творчестве «американцев», органично сочетались с религиозно-мистической образностью, характерной для русского символизма, и особой страстью к твердым стихотворным формам: сонетам, терциям, триолетам, испанским децимам, вилланелам и др. Находясь в условиях вынужденной изоляции, «счастливо» избежав участия в событиях 1917 г. и в братоубийственной гражданской войне, наделенные, в силу этих причин, особой ментальностью «американцы» в изящной и прихотливой стихотворной форме воссоздавали в своих произведениях идеальную картину русского мира.

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей религиозной и цивилизационной самоидентификации Евгении Александровны Христиани (Марковой) сквозь призму значимых для ее поэзии православных образов-символов. Стихотворения Христиани открывают сборник «Из Америки», и, следовательно, «задают тон» и установку всей книге. Подчеркивая незаурядный талант молодой поэтессы, Назаров характеризовал ее творчество следующим образом: «Непосредственная, первоначальная свежесть своеобразно соединяется в ее стихах с ранней зрелостью чувства и четкостью формы, придавая целому характерный, на редкость пленительный облик <...>. Вспоминая имена соперниц – не сказать ли лучше: союзниц Е. А. Христиани в области поэзии? – ее имени, по справедливости, легко отвести одно из первых мест в их ряду» [2, с.11].

Для высокой оценки современника есть основания. Вся поэзия Христиани представляется дорогой познания истины. В стихотворении «На пути в монастырь...» мерные двустопные восьмистопного хорея, симметрично цезируемые на четвертой стопе, естественно передают ритм свободно перемещающегося в пространстве человека:

Дальше в поле ухожу я под душистый шепот ржи,
Дальше, дальше убегает поворот моей межи.

Жарко мне в одежде черной, но легко идти межой,
Отдыхая от тревоги умиленной душой.

И, безмолвная, иду я и гляжу в немую высь:

И, как в той, как в прежней жизни, думы вдаль
мои неслись,

Так теперь в лазури неба я, как облако, плыву,
К вечной жизни, к светлой жизни братьев радостно зову.

И, мне чудится, услышат и поймут они мой зов...
И я вижу ласку неба в синих глазках васильков.

И люблю я беззаветно эти синие цветки,
И мне кажется, что в поле только я и васильки.

А вдаль, как отражение, блещет солнце куполов,
И доносится чуть слышно мерный звон колоколов;

И легко иду межой я, светом радости горя,
Под покров единой правды – в тишину монастыря. [5, с. 8–9]

Длина стиха, цезура, парная рифмовка стихов с мужскими клаузулами, катаlecticский характер последней стопы, предполага-

ющий после себя, или декламационную паузу, или сравнительно долгое произнесение, ритмико-синтаксическая завершенность двустихий упорядоченно связаны в композиционно-образной системе произведения. Особую роль в образной и ритмической композиции выполняют внутренние рифмы: 1-й стих (ухожу я) – 5-й стих (иду я); 6-й ст. жизни – 8-й стих (жизни); 7-й стих (неба) – 10-й стих (неба); 15-й стих (отраженья) – 17-й стих (межой я).

В горизонтали и вертикали стиховой материи явственно ошутимо центрирующее значение звуков [ш] и [ж], формирующих единство зрительно-звукового пространства, которое синхронно разворачивается в образно-смысловой горизонтали, согласуемой с материальным перемещением героини в пространстве, и вертикали, связанной с устремленностью ее духа:

1. Дальше... ухожу... душистый **шепот** ржи
2. Дальше, дальше... убегает поворот моей **межи**
3. Жарко... одежде... **межой**
4. ...душой
5. ... гляжу...
6. ...прежней **жизни**...
- 7.
8. ... **жизни**...
9. ... услышат...
10. ...вижу...
- 11.
12. ...кажется...
13. ...отраженья блещет...
14. ...слышно...
15. ...**межой**...
16. ...**тишину**...

Обращает на себя внимание композиционно-образная рамка групп 1, 2, 3-го стихов и 15, 16-го стихов: *шепот – тишину; межи, межой – межой*. Первая пара связана с выражением умиротворенного состояния души, настроения, упований героини. Вторая – с пространственным образом духовного плана.

В художественной системе стихотворения свое отражение нашли многие образы, традиционно ассоциирующиеся с Русью, идиллическими русскими пейзажами, широтой узнаваемого национального хронотопа: «поле», «шепот ржи», «поворот межи», «лазурь неба», «немая высь», «васильки», «солнце куполов», «звон колоколов». Лирический сюжет стихотворения можно конкретизировать следующим образом: героиня (повествование происходит

от первого лица, что максимально сближает ее с автором) направляется в монастырь (при этом ей «жарко в одежде черной», что вызывает ассоциации с монашеской рясой, как правило, сшитой из грубой и плотной черной ткани) и созерцает окружающие типично русские пейзажи, исцеляющие ее душу от печали и вселяющие в сердце мир, покой и упование в возможность всеобщего исцеления истиной.

Впрочем, за этим внешним эксплицитным сюжетом можно увидеть и менее очевидный имплицитный смысл, акцентуализирующийся в стихах «И, безмолвная, иду я и гляжу в немую высь: / **И, как в той, как в прежней жизни**, думы вдаль мои неслись». Интерпретировать «прежнюю жизнь» можно двояко: ориентируясь на событийный план стихотворения, следует обозначить ее как «жизнь в миру», ориентируясь на биографическое «я» автора – как «жизнь в России». В этом случае стихотворение начинает приобретать новые смыслы и превращается в поэтический манифест, призывающий «братьев» к «светлой жизни». Обращение именно к братьям, а не к сестрам (что было бы логичнее для героини-монахини) неверно свести к желанию удержать ритм или закрепить гендерную сущность, потому что «брат» – это важный для русской культуры концепт, обозначающий не только родственную связь, но и особую степень духовного родства, общность мировоззренческих установок (не случайно в русском языке существует лингво-специфическое понятие «брататься» – то есть «вступать в тесную дружбу, в братские отношения» [3, с. 58] или «братство» – «то же, что содружество» [3, с. 58]).

Выходит, лирическая героиня обращается к своим «братьям» по перу и изгнанию? В этом случае смысл стихотворения начинает приобретать пророческие и дидактические интонации («И мне чудится, услышат и поймут они мой зов...»): сохраните в памяти идиллический образ России, с ее широкими полями, «немой высью» бескрайних небес, блеском солнечных лучей на золотых куполах, ради сохранения своего духа, но будьте готовы и к новой «светлой» жизни за пределами родины.

Существующее, преимущественно в подтексте, прошлое и лирическое настоящее пути героини оппозиционно соотносятся в повторяющихся словообразах «**жизни**», расположенных в симметричных предцезурных позициях 6-го и 8-го стихов. Именно в их

пространстве личностное чувство стремится слиться со всеобщим. Впрочем, ощущение полного единства тут же подвергается сомнению – «чудится...кажется», что, конечно же, не отменяет его эмоциональной и онтологической ценности, но значительно динамизирует развитие лирического сюжета, ритмически соответствующего шаговому характеру преобразования чувств. Путь героини по меже – дорога для каждого, дорога между чего-то, посреди раскинувшегося вокруг мира. Но межа – это и символическая граница сводного выбора между прошлым и настоящим. Вся совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей пути, образуют концептосферу, неизменно и осязаемо присутствующую в национальном русском сознании. Путь героини стихотворения осуществлен в телеологической перспективе. Его конечный этап – это не материализованное пространство монастыря, а обитель духа, условное место успокоения души и обретения сакральных ценностей. Подобное восприятие соответствует традиционному для русской культуры представлению о духовном пути, не имеющем конечной цели, поскольку весь его смысл заключается в следовании к ней. Концепт пути является смыслообразующим центром всего стихотворения и аккумулирует в нем разнообразные коннотации «жизненного пути». Перемещение героини происходит из неназванной, а значит, из любой точки, где был или не был дом – в любом случае из пространства обыденной индивидуальной жизни – к монастырю, воспринимаемому средоточием «единой» для всех правды. Монастырь в контексте стиха – это общий дом, где живет охраняемая под «покровом» веры, людей и стен истина. Однозначно положительная коннотация монастыря традиционна для национального сознания. Она связано с историей и объединяющей ролью монастырей (прежде всего Троице-Сергиевой лавры и ее традиций, позже Оптиной Пустыни) в жизни Руси как государства и как духовной общности людей в православии.

Вдохновенно-простое задушевное настроение стихотворения органично поддерживает прецедентная цветовая гамма «золота на голубом». Всеобъемлющая и всепроникающая лазурь бескрайнего неба, символически обозначающего высшую сферу духа, преломляется и в вешнем мире (в виде «синих глазок васильков» – любимого и неоднократно ис-

пользуемого Христиани образа) и полностью заполняет собой стихотворное пространство, потому что «голубой цвет есть цвет радости и блаженства высшей жизни» [1, с. 143]. П. А. Флоренский также утверждал его божественное происхождение: «Голубой цвет, лазурь небесного свода, означает первоначально, на языке божественном, вечную Божественную истину» [4, с. 555]. Объединившая голубой фон с традиционным православным образом «солнца куполов» цветопись стихотворения придает хронотопу его целого свойства вечных красоты, добра и истины. Блистающее на голубом фоне золото преобразует реальное пространство и линейное течение времени, перемещает их в метафизическое пространство неба, веры, духа.

Эмоционально контрастное чувство выражено в стихотворении «Каждый вечер, с молитвой, в безвестном краю...». В нем на смену полю душистой ржи приходит пустыня безбрежной «печали подлунной»; полные надеждой на светлое завтра русские пейзажи сменяются на безрадостный «безвестный край», а лирическая героиня, одухотворенная светом правды, трансформируется в героя, утратившего веру. Все эти модификации рожают ощущение полнейшего экзистенциального одиночества, покинутости и фатальной неудовлетворенности жизнью: «И напрасно зовет к жизни душу мою, / Словно мать над пустой колыбелью ребенка». Тем не менее, в стихотворении вновь появляется традиционный для православной русской культуры концепт «молитва» как возношение ума и сердца к Богу. «Возношение» это осуществляется средствами музыки, с которой лирический герой обращается к звездному небу. Вера в «пустыне безбрежной печалей подлунных» ослабла, но не исчезла вовсе. Обращение к христианским ценностям, смирение и душевная кротость, настойчивость («Каждый вечер с молитвой...») в обращениях к Богу свидетельствуют о том, что только в молитве, одухотворяющей творческий импульс, лирический герой видит возможность исцеления:

Каждый вечер, с молитвой, в безвестном краю –
По пустыням безбрежным печали подлунной, –
Ишет музыка цитры моей тихострунной
В звездном небе потухшую веру свою,

Но напрасно рыдает, то глухо, то звонко,
И напрасно зовет к жизни душу мою,
Словно мать над пустой колыбелью ребенка [5, с. 17].

Стихотворение исполнено в характерном для русских «американцев» жанре полусонета. Созданный Ильяшенко, достигший наибольшей своей высоты и расцвета в творчестве Голохвастова, он версифицировался в поэзии остальных представителей литературной группы. Полусонет представляет собой сочетание двух субстроф, катрена и терцета, рифмующихся по схеме **авва сас** с вариациями клаузул и каталектик. Стихи четырехстопного анапеста полусонета Христиани имеют традиционные для полусонета рифмосочетания: **аВВаСаС**.

Его строфы представляют собой развернутое синтаксическое единство, части которого стягиваются к предикативной основе в третьем стихе: «Ишет музыка...», – которая метафорически выражает лирического героя как личность и как субъекта творчества. «Музыка... цитры» становится определением поэзии, тщетно стремящей обрести «потухшую» веру в мире вечных светил и исцелить душу лирического героя.

Условие полусонета, определяющее рифменную трансляцию 4-ого стиха в 6-ой стих, предполагает кульминационную роль 6-го стиха в композиции целого. Ритмически стих усилен дополнительной ударностью в третьей стопе в сочетании «**к жизни душу**», содержащем выражение состояния ожидаемого и желаемого, но неосуществленного преобразования лирического героя, подчеркнутого длительностью, повторяемостью ожидания («**каждый** вечер») и его тщетностью («но напрасно.../и напрасно...»).

Традиционные для русской ментальности православные концепты и образы (монастыря и церкви, солнца их куполов, лазури неба и синевы васильков, пути-дороги, братства, молитвы, жизни, души, веры) находят конкретно-историческую и личностную выраженность в творчестве Христиани, свидетельствуют о глубокой и напряженной погруженности ее духа в мировоззренческую традицию утраченной России.

Литература

1. Вейнингер О. Последние слова. М.: Сфинкс, 1909. 186 с.
2. Назаров А. И. Вступительная статья / Христиани Е. А., Голохвастов Г. В., Магула Д. А., В. Ильяшенко В. С. Из Америки. Нью-Йорк: Monolit Press, 1925. С. 9–16.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
4. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. В 2 т. Т.1. М.: Правда, 1990. 840 с.
5. Христиани Е. А., Голохвастов Г. В., Магула Д. А., В. Ильяшенко В. С. Из Америки. Нью-Йорк: Monolit Press, 1925. 263 с.

УДК 81

А. Г. Попова**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УБЕЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОЙ ВИДЕО РЕКЛАМЫ)**

В данной статье проводятся в анализ и идентификация языковых и неязыковых средств убеждения в англоязычной социальной видеорекламе. Выявляются механизмы взаимодействия вербальных и невербальных средств убеждения в англоязычной социальной видеорекламе.

Ключевые слова: реклама, убеждение, языковые средства, неязыковые средства, социальная видеореклама, механизмы взаимодействия.

L. G. Popova**LINGUISTIC MEANS OF PERSUASION IN SOCIAL VIDEO ADVERTISING (BASED ON BRITAIN VIDEO ADVERTISING)**

The article sets a task to analyze and identify the linguistic and nonlinguistic means of persuasion in the English social advertising. The mechanisms of interaction of verbal and nonverbal means of persuasion in the English-language social video advertising are revealed.

Key words: advertising, persuasion, linguistic means, nonlinguistic means, social video advertising, the mechanisms of interaction.

Реклама сегодня играет важную роль в жизни каждого современного человека. Социальная реклама не несет в себе коммерческой направленности, а направлена на изменение социального поведения. Носители современной социальной рекламы очень разнообразны. К социальной рекламе мы можем отнести: СМИ, прессу, наружную и интернет рекламы также проведение различных акций и мероприятий.

Сегодня социальная реклама представляет собой совокупность языковых и не языковых средств, предоставляемых рекламными носителями. Хотелось бы отметить, что социальная реклама редко бывает, основанной только на тексте, в ней преобладает роль звукового и образных рядов.

Н. С. Валгина отмечает, что убеждение – основной, наиболее универсальный метод руководства и воспитания [6, с. 284]. И. Д. Ладанов придерживается мнения, что убедить кого-либо в чем-либо – значит добиться такого состояния, когда убеждаемый, вследствие логических рассуждений и умозаключений, согласится с определенной точкой зрения и будет готов защищать ее или действовать в соответствии с ней [8, с.182].

В работе А. М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е. В. Землянской «Основы психологии управления» основными средствами убеждения выступают графический знак, образ, тембр речи, жест, мимика, эмоционально-волевые состояния, ритм речи и действий, свет и цвет наглядного средства, результаты труда, статус и авторитет убеждающего. Следует отметить, что не все люди в равной степени обладают готовностью принять точку зрения воздействующего лица. Чаще всего воспринимается лишь та информация, которая согласуется с имеющимися установками [3, с. 208].

Сообщение, заключенное в тексте, может быть, представлено вербально (словесный текст) или иконически (изобразительно). У. Эко в своей работе подчеркивал, что смысл иконического знака не всегда так отчетлив, как думают, и подтверждается это тем, что в большинстве случаев его сопровождает подпись; даже будучи узнаваемым, иконический знак может толковаться неоднозначно и поэтому требует, когда нужно точно знать, о чем идет речь, закрепления в словесном тексте.

Отобрав и проанализировав 70 роликов социальной рекламы фестиваля «Каннские львы» за 2006–2011 годы (включитель-

но), мы пришли к выводу, что рекламный текст складывается из вербальных и невербальных компонентов. К невербальным компонентам мы отнесли изобразительно-графические: размер, цвет, звук, композиция и т. д. Они выполняют информативно-экспрессивную функцию, а также выступают в тесной взаимосвязи с вербальными компонентами – слоганом, названием предмета рекламы, коммуникативно-адресным сообщением, аргументами, рекламным образом, тоном рекламного объявления.

Для реализации такой коммуникативной стратегии, как убеждение в современной английской рекламе активно используются средства разных языковых уровней (лексического, морфологического, синтаксического), из которых наибольшим разнообразием отличаются средства, такие как:

1) выразительные средства фонетики:

– аллитерация: *Take time to be a dad today (выбери время, чтобы быть отцом); Never drink and drive (никогда не пей и не садись за руль);*

– ассонанс: *Choose or lose (выбери или потеряй); Wipe off 5 (сотри 5);*

– повторение гласных звуков создает определенный ритм фразы и наделяет ее определенной фоносемантикой. Мелодичность слогана обращает на него дополнительное внимание, и слоган в чем-то становится сходным с джиглом (короткой рекламной песенкой);

2) выразительные средства лексики:

– метафора: *Stop the bullets. Kill the gun (Останови пули. Убей оружие).* Метафора является средством воплощения основного замысла, основной идеи. Воздействуя косвенно, большей частью «в обход сознания», метафора уменьшает критичность потребителя по отношению к рекламе, поскольку реципиенту трудно противиться собственным мыслям или ассоциациям;

– метонимия: *See the person, not the disability (смотри на человека, а не на инвалидность).* Метонимия чаще всего настраивает на восприятие глобальных проблем, играя на смыслах общее – частное;

3) выразительные средства синтаксиса:

– императив: *Know your limits; Start drinking milk now (знай свои ограничения, начинай пить молоко сейчас).* Императив несет вызов, заряд на адресата;

– расширенные конструкции: *It's not the drinking, It's how we're drinking (Это не то что мы пьем. Это то, как мы пьем).* Усиливает значение не повторяющегося элемента фразы.

Специфические виды тропов, повлиявшие развитие в рекламе:

– антономазия: *Waking up the neighborhood (пробуждение окрестности)* Каждый изображенный индивид или отдельная вещь представляет свой род или вид. Молодой парень, играющий на ударных инструментах, делает, то что «делают все соседи». Таким образом указание на какой-то отдельный случай приобретает смысл примера;

– метафтонимия: *Be their voice (будь их голосом)* – создает образность, подключает ассоциации.

В видеорекламе к иллюстрации мы можем относить: музыку и цветовое сопровождение.

В данной классификации преобладает доминанта текста, зафиксированная в 36 случаях. В 14 случаях из семидесяти доминантным является видео ряд, и 20 роликов представляют собой полностью спаянный текст. Интересными для исследования представляются случаи (20 видео), когда процесс разделения видео и текста, с точки зрения их доминантной роли, не представляется возможным. Однако это не идет вразрез с теоретическим осмыслением рекламного текста – согласно классификации Н. С. Валгиной, все рекламные сообщения это креолизованные тексты. Именно в данном случае можно говорить о высшей степени креолизации текста. 29 % случаев демонстрируют нам полную спаянность креолизованного текста социальной рекламы.

Определенная часть информации в видео роликах социальной рекламы подается на визуальном уровне, другая часть – на вербальном уровне, а какая-то часть информации может быть не представлена адресату вообще.

59 % случаев демонстрируют нам полную спаянность вербальных и невербальных средств убеждения в тексте социальной рекламы. Примерами данных видео являются такие ролики, как *Handguns (пистолет)* и *Power of Wind (сила ветра).*

Handguns (сила ветра) – социальная реклама, призывающая к разоружению населения. Кроме сюжета видеоряда (перестрелки

на улицах, бытовые ссоры), следует отметить демонстрацию в видеоязыка жестов (имплицитность) – сложенные «пистолетом» пальцы являются символической заменой реального оружия. Слоган *Disarming Britain* (Разоружаемая Британия) и пояснительный рекламный текст (эксплицитность) следуют за кадрами и несут дополнительную смысловую нагрузку, и именно сочетание текста и видео приводит рекламу к ее конечной цели – убедить гражданское население отказаться от широкого использования огнестрельного оружия.

В рекламном видео *Power of wind* (сила ветра) главный герой ролика – ветер, который выглядит как человек, больной аутизмом (стилистический прием фикция). Он сидит на приеме у психоаналитика и рассказывает о своей жизни и проблемах, и все это подкре-

пляется небольшими сюжетными вставками. Подпись *Wind* (ветер) в конце и слоган *Let's put his energy to good use* (позвольте переложить его энергию в хорошее применение) (эксплицитность) подводят нас к решению проблемы, одновременно поясняя поведение героя во вставках, но и видео раскрывает природу ветра (имплицитность): он сильный и, как многим кажется, бесполезный либо доставляющий неудобства или причиняющий ущерб. Однако его можно «укротить» так, что ему это даже понравится, он готов трудиться и приносить пользу.

Таким образом, мы пришли к выводу, что взаимодействие текста, звука и изображения обуславливает реализацию коммуникативной цели убеждения.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. факультетов иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003. 128 с.
2. Баева Г. В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе: на материале немецкой пресс-рекламы: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Тамбов: ТГУ, 2000. С. 23–25.
3. Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Основы психологии управления. Харьков: Университет внутренних дел, 1999. 528 с.
4. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: Рип-холдинг, 2003. 54 с.
5. Бове К., Арене У. Современная реклама. Тольятти: Довгань, 2004. С. 66–68.
6. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос. 2003. 81 с.
7. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология словарь справочник. Минск: Хэлтон, 2003. 399 с.
8. Елина Е. Семиотика реклама. М.: Дашков и Ко, 2009. 136 с.
9. Ладанов И. Д., Жариков Е. С. Руководитель и умение убеждать. М.: Профиздат, 1988. 300 с.
10. Попова Л. Г. Лингвистические средства убеждения в англоязычной социальной рекламе [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2167/55484_560c.pdf (Дата обращения: 15.10.2015).
11. Попова Л. Г. Лингвистические средства убеждения в англоязычной социальной рекламе // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, К. К. Андреев, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2013. [Электронный ресурс] URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_13_2167.htm (Дата обращения: 15.10.2015).
12. Свинцов В. И. Истина и коммуникации. М.: ФН, 1991. 43 с.
13. Семеницкий С. А. Компрессия французского рекламного текста: прагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. Наук. Минск: ГЛУ, 1999. 17 с.
14. Уэллс У., Бернет Д., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб.: Питер, 2003. 800 с.
15. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 2000. 302 с.
16. Dixon D., Horton D. Verbal Behaviour and General Behaviour Theory. N.Y.: Holt. 2002.
17. Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. the Measurement of Meaning. Urbana: University Illinois Press, 2001. 317 p.

УДК 185(47+57)

Г. Е. Селиверстова

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Х. ВОСТОКОВА В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЭПОХИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА: К МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОКАМ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В статье рассматривается деятельность поэта и ученого-энциклопедиста А. Х. Востокова в общей парадигме научного знания конца XVIII – первой половины XIX века. Творчество А. Х. Востокова обнаруживает корреляции с

важнейшими научными идеями эпохи в лингвистической и стиховедческой сферах его научной деятельности.

Ключевые слова: А. Х. Востоков, эпистема, метапоэтика, рецепция, просветительство.

G. E. Seliverstova

**THE ACTIVITY OF A. KH. VOSTOKOV IN EPISTEMOLOGICAL FIELD OF XVIII –
EARLY XIX c.: TO THE METHODOLOGICAL SOURCES OF PHILOLOGY**

The article deals with the activity of a poet and encyclopaedist A.Kh. Vostokov in the general scientific framework in XVIII – early XIX c. A.Kh. Vostokov's works directly correlate with

А. Х. Востоков – основатель сравнительного изучения славянских языков, автор знаменитой «Русской грамматики» и новаторского «Опыта о русском стихосложении», является создателем методологии современной национальной филологической науки. Исследователь применил к народному стиху новый, интонационный, анализ стихотворной речи, установил прямую зависимость стихотворного строя от свойств языка. С помощью сравнительно-исторического метода, положившего начало научному изучению славянских языков, Востоков совершил ряд фундаментальных открытий в области языкознания: определил отличительные признаки праславянского, церковно-славянского, старославянского и русского языков, древнеболгарскую природу старославянского языка, описал значение носовых гласных в старославянском языке, гласную природу -ь и -ѣ, объяснил образование окончаний в прилагательных, доказал отсутствие в церковно-славянском языке деепричастий и наличие супина.

Основу исследования творчества ученого представляет рассмотрение его деятельности в эпистемологическом пространстве эпохи. По словам Е. А. Баженовой, «работу сложного механизма» науки обеспечивает текст, отображающий «взаимодействие од-

the most relevant ideas of the epoch as regards linguistics and prosody.

Key words: A.Kh. Vostokov, episteme, metapoetics, reception, enlightenment.

ного этапа в развитии отрасли знания с последующим»: «Среди экстралингвистических факторов, оказывающих систематическое влияние на процесс текстообразования в научной сфере и характер смысловой структуры произведения, важнейшую роль играют компоненты научно-познавательной деятельности, обобщенные в понятии эпистемической ситуации» [1: [б.и.], 26]. М. Фуко определяет эпистему как исторически изменяющуюся структуру, возникающую в определенный период времени и объединяющую принципы мышления [12, с. 11]. В основании эпистемы лежат «глубокие идеи», способствующие наиболее адекватному анализу художественного и научного творчества.

Как отмечает К. Э. Штайн, начало XIX века является этапом «восприятия и усвоения», когда «определяются особенности становления русской поэтической системы, усвоение ею собственной народной традиции и европейских достижений в стихосложении» [14, с. 21]. Рефлексия автора, посвященная осмыслению собственного творчества и творчества других художников слова, совокупность представлений о языке, о художественном мышлении, обозначаемая термином «метапоэтика» [13, с. 13], отражает тесную связь идей автора с эпистемологическим пространством

эпохи. Метапоэтика А. Х. Востокова, т. е. система его представлений о творчестве, демонстрирует характерную для того периода времени черту: в атмосфере экспериментов над словом поэт одновременно представал как ученый, осмысливающий свое и чужое творчество в трактатах, стихах о поэзии. В ходе метапоэтических полемик, экспериментов в области поэзии и рефлексии над ней складывались поэтические стили, инструментарий, техника стиха.

Конец XVIII – первая треть XIX в. – начало так называемой «современной» эпистемы, для которой М. Фуко определяет историю в качестве основного способа бытия предметов познания [12, с. 15]. Познание нацеливается на изучение организации, внутренних связей элементов, обеспечивающих функционирование объекта [12]. В различных областях знания происходят явления одного порядка: ценность объекта определяется уже не только другими объектами, а его внутренними связями, свойствами, функциями, областями, не сводимыми к представлению объекта в действительности – трудом (в экономике), органической структурой существа (в биологии), способом изменения самих слов вследствие их взаимозависимого грамматического положения – флексией (в грамматике).

Творчество А. Х. Востокова органично входит в эпистемологическое пространство своей эпохи и коррелирует с крупнейшими научными идеями своего времени. Мировоззрение Востокова было сформировано на основе идей эпохи Просвещения с ее верой в человеческий разум, тексты Востокова о творчестве содержат установки на художественное и научное познание как неотделимые процессы, характеризующие личность поэта. «Истинная наука», «истинное просвещение», по словам Востокова, – «путь здравого смысла и добродетели» [2, с. 39]. Философским ориентиром последователей А. Н. Радищева, в том числе и Востокова, были идеи немецкого философа, просветителя, искусствоведа, писателя И. Г. Гердера. Согласно Гердеру, «язык – это и орудие науки и одна из ее составных частей» [5, с. 117]. А. Х. Востоков, являющийся членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», в своих поэтических текстах выражал философские и политические идеи русского просветительства, ставил задачу создания гражданской и философско-науч-

ной поэзии, отвечающей критерию «пользы»: поэзии присваивалась задача служить средством выражения конкретной философской, моральной, социально-политической либо научной мысли. Востоков в своем поэтическом творчестве дает завет «из источников науки нектар пить» [4, с. 263].

XVIII век в России прошел под знаком реформирования русского литературного языка и поисков новых форм стиха, что отразилось в теоретических изысканиях того времени. «Опыт о русском стихосложении» (1812) А. Х. Востокова стал первым исследованием лингвистических особенностей размера русского народного стиха. Трактат отображает научный подход в формировании теории русского стихосложения, основанный на глубоком и всестороннем изучении фольклорной природы русского стиха в сопоставлении с другими системами стихосложения.

Новаторская работа А. Х. Востокова в деле образования русского стиха шла в двух направлениях. С одной стороны, он утверждал формы античной лирической поэзии: в «Опытах лирических» «он показал образцы стихов Сафического, Алкейского, Егегического, и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных, или неуважаемых» [15, с. 88]. С другой стороны, внимание Востокова привлекали литературная обработка и имитация стиховых форм русской народной поэзии. Реформирование русского стихосложения, начатое

В. К. Тредиаковским, М. В. Ломоносовым и продолженное А. Х. Востоковым, фиксирует переход от силлабики к силлабо-тонике. Ломоносов заимствовал античные названия для размеров, образцы которых были им даны в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739). Он критически изучил трактат Тредиаковского «Новый и краткий способ», оценил главное его достоинство – обращение к стопному стиху, установил на равных основаниях хореический, ямбический, трехсложные дактилический и анапестический размеры. Однако он не смог до конца преодолеть «своеобразное сопротивление естественных фонетических свойств языкового материала» [7, с. 25]. Именно Востоков в «Опыте о русском стихосложении» обосновал частичное несоответствие метрической системы свойствам русского языка, глубоко и с привлечением опыта предшественников и современников

проанализировал методы преодоления этого несоответствия, нормы замены метрических стоп пиррихием. По его мнению, Ломоносов европеизировал русское стихосложение (обратившись к «немецким образцам»), свойства русского языка допускают употребление только определенных размеров – ямба, хоря, дактиля, амфибрахия и анапеста [14, с. 106].

При этом Ломоносов не ориентировался на фольклорный стих, Востоков же обосновал возможности тонической системы стихосложения, классифицировал Русские народные стихи, определил для каждого из их типов наиболее подходящее содержание. В противоположность Тредиаковскому, также ориентировавшемуся на народно-песенную ритмику, Востоков предложил размерять стих не стопами, а прозодическими периодами, состоящими из нескольких слов и обозначающими одну «нераздельную купу мыслей» [3, с. 99]. Таким образом, обратившись к фонетическим свойствам русского языка, используя лингвистическую терминологию для обоснования тонического характера народного стихосложения, Востоков заложил основы интонационного анализа стиха: «Когда слова занимают свое место в периоде или в стихе, хотя нередко по связи мыслей, ими изображаемых, сливаясь одни с другими как бы в один состав, теряют они либо усиливают свое ударение на счет ближестоящих» [3, с. 98–99]. Прозодический период – единица, объединяющая несколько слов на основании не только ударения (тактового в современной терминологии), но и смысла (означает «нераздельную купу мыслей»), таким образом, автор обращается к содержательным особенностям стихотворной речи, ее семантике.

В области науки о языке исследования А. Х. Востокова опирались на опыт западноевропейских и отечественных ученых. Труды Востокова по российской словесности («Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная» (1831), «Словарь церковно-славянского языка» (1858–61), «Опыт областного великорусского словаря» (1852) с «Дополнением...» (1858), «Описание словенских рукописей Румянцевского музеума» (1842) содержат авторские установки, в совокупности составляющие авторский взгляд на язык, функционирование его в поэтическом тексте, отражение в языке народно-го миропонимания.

В XIX столетии в лингвистике в связи с открытием санскрита зарождается сравнительно-историческое направление. По словам Е. Семереньи, ученые (А. Л. Шлёцер, Х. Я. Крус) уже в середине XVIII века близко подходили к формулированию основных положений метода [8].

И. Г. Аделунг в 1781 г. сформулировал точные критерии разных степеней родства, выдвинув требования сравнивать грамматические структуры, а также корни и их значения, то есть словарный состав. Началу нового направления в языкознании содействуют труды Расмуса Раска, Якоба Гримма и Франца Боппа. Раск обосновывает важность этимологии как объяснения языка: проследить историческое развитие языков поможет не сходство отдельных слов, но разработка всей грамматической структуры, так как грамматическое соответствие является более надежным признаком родства языков. Ф. Бопп в работе «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германских языков» (1816) рассматривает одну сторону языка – глагольную флексию; путем сравнения форм различных языков он показывает, что эти формы в основном общие, а следовательно, указывают на общее происхождение [9, с. 58].

Отечественные языковеды в первой половине XIX века ставили целью закрепить нормы русского литературного языка, сформировать грамматическую терминологию современного русского языка. Выдвигалась идея о том, что использования материала только одного русского языка недостаточно для исчерпывающего его изучения, необходимо найти и систематизировать общие и различные черты, имеющиеся в русском и других языках [11]. Возникновение сравнительно-исторического языкознания в России связывают с именем А. Х. Востокова. В статье «Рассуждение о славянском языке» Востоков разрешил ряд основных вопросов славянской филологии, установив деление на периоды в истории славянского и русского языков, выяснив отношения языка древнерусского к церковно-славянскому, а также польскому и сербскому, определив звуковое значение юсов путем сопоставления форм из Остромирова Евангелия с формами польского языка. В более поздних лингвистических трудах ученый последовательно применяет сравнитель-

но-исторический метод, его приемы входят в структуру метаязыка произведения. Так, в описаниях рукописей прослеживается постоянное сравнение фактов русского языка (называемого автором *новый, позднейший, язык народа Русского*) и церковно-славянского (*богослужебный, книжный, древний, церковный, Словенский, старинный*), с привлечением данных диалектов Паннонского, Болгарского, Моравского, Сербского, Краинского, Валахского, Хорустанского. Сравнительное изучение языков поставило вопрос о связи языка с формированием народного духа. Это своего рода «глубокая идея», ставшая краеугольным камнем научного мышления того периода и определившая ход языковых исследований. Востоков идею воплощения национального характера в языке затрагивал в связи с описанием памятников письменности («Остромирова Евангелия») и составлением диалектологического словаря. Эта проблема была поставлена в трудах мыслителя и лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта. Он ввел понятие «внутренняя форма языка», вкладывая в это понятие идею «духа народа», заключенного в строе его национального языка. Внутренняя форма выступает посредником между звуком и понятием, образует принцип развития данного языка [6, с. 100]. А. Х. Востоков считал обращение к внутренней форме слова необходимым условием правильного понимания текста. Исследуя текст Фрейзингенской рукописи, Востоков обращается к внутренней форме слова *Бали, балии; Балование*: «Балование (*balouvanige*, III, 92), врачевание. В древнем болгарском переводе оглашений св. Кирилла Иерусалимского (по списку XVII в.) встречается слово *балованіе* в значении врачевания... Собственное значение слова *балій*, происходящего, как кажется, от глаг. *баю*, есть обаятель, тот, кто заговаривает, нашептывает. Так употреблено слово *сие* в старинном переводе книги Даниила Пророка... Известно, что у народов непроясненных должность врача и

обаятеля или колдуна (шамана) обыкновенно соединяется в одном лице. Фрейзингенский миссионер не нашел, вероятно, для выражения понятия о враче, другого слова в языке словен своей епархии» [10, с. 29]. Востоков проводит тщательный лингвистический анализ, включающий в себя обращение к этимону слова, осознаваемому носителями языка. Исследователю важно привести не просто значение слова, а раскрыть его внутреннюю форму, чтобы объяснить такой ход переводчика рукописи – приращение слову непривычного значения. Востоков приводит значения слов со сложной структурой представлений, требующих реконструкции внутренней формы с целью познать слово в его глубинной сущности.

Рассмотрение художественного текста во взаимосвязи с метапоэтическими данными, включение их в эпистемологическое пространство эпохи нацеливает исследователя на адекватное прочтение и понимание текста. Метапоэтические идеи А. Х. Востокова тесно взаимодействуют с важнейшими политическими и философскими вопросами своего времени: общими идеями эпохи Просвещения с ориентацией на научное познание, философией языка И. Г. Гердера, исследованиями Р. Раска, Ф. Боппа, Я. Гримма, реформированием стихотворной речи в трудах А. Н. Радищева, М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского. Вывод о необходимости соответствия стихосложения свойствам русского языка привел ученых к мысли обратиться к опыту русского устного народного творчества и подготовил появление «Опыта...», в котором исследуются особенности русского народного стиха и обосновывается применение народных русских размеров в современной поэзии. Труды западноевропейских лингвистов подготовили почву для развития сравнительно-исторического языкознания в России, обоснования этого метода («Рассуждение...») и лингвистических открытий Востокова.

Литература

1. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». Вып. 5. 2009. С. 24–31.
2. Востоков А. Х. Дневник 1807–1811 годов // В. И. Срезневский Заметки Александра Христофоровича Востокова о его жизни // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. Т. LXX. С. 725–837
3. Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. Изд. 2-е, значительно пополненное и исправленное. СПб.: Морская Типография, 1817. 158 с.

4. Востоков А. Х. Стихотворения // Поэты-радищевцы (И. Пнин, В. Попугаев, И. Борн, А. Востоков) / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. Н. Орлова. Изд. 3-е. Библиотека поэта. Малая серия. Л.: Советский писатель, 1961. С. 208–369.
5. Гердер И. Г. Избранные сочинения. М. – Л.: Госполитиздат, 1959. 392 с.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 37–284.
7. Калачева С. В. Художественный метод и стихотворная форма в эпоху романтизма // Творческие методы и литературные направления / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. М.: Изд-во МГУ, 1987. 203 с.
8. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Едиториал УРСС, 2002. 400 с.
9. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Едиториал УРСС, 2004. 160 с.
10. Филологические наблюдения А. Х. Востокова / Изд. И. Срезневский. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1865. 426 с.
11. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. М.: КРАСАНД, 2010. 184 с.
12. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сac, 1994. 407 с.
13. Штайн К. Э. Метапоэтика А. С. Пушкина // Пушкинский текст: сборник статей научно-методического семинара «Textus». СПб. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 8–15.
14. Штайн К. Э. Петренко Д. И. Метапоэтика: «размытая» парадигма // Русская метапоэтика: учебный словарь. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. С. 17–36.
15. Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. М.: Наука, 1973. 248 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Евгений Александрович – студент магистратуры Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ewg.avdeev@yandex.ru.

Ануприенко Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь) / anupr2014@yandex.ru.

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / bredichinsergey@yandex.ru

Буров Александр Архипович – доктор филологических наук, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / professorburov@rambler.ru.

Василенко Виктория Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой культурологии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / vasilvika@yandex.ru.

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ludku@yandex.ru.

Галушко Анастасия Александровна – аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) / kafedra12@yandex.ru

Головина Эльза Тариеловна – заведующая библиотекой Ставропольского президентского кадетского училища (г. Ставрополь) / golovina.elza@yandex.ru.

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой культуры русской речи Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / kaf.KRR@yandex.ru.

Дмитриев Владимир Александрович – доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея, доцент кафедры этнографии Института истории (г. Санкт-Петербург) / Dmitriev_home@mail.ru.

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир) / dudarev51@mail.ru

Ежова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой средств массовой информации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ezhova.elena1@gmail.com.

Захарченко Ольга Николаевна – аспирант кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / okabyaka@mail.ru.

Зельнишкая (Шларба) Рица Шотовна – научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург) / riza81@yandex.ru.

Зозуля Игорь Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / zozulya-igor@yandex.ru

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru.

Истягин Вадим Роланович – аспирант кафедры исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону) / istyagin@ro.ru.

Калинченко Светлана Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь) / Sbkalina7@mail.ru.

Каменева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Ставропольского государственного музея-заповедника (г. Ставрополь) / KamenevaGN@mail.ru.

Каширина Татьяна Владиславовна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой международных отношений Дипломатической академии МИД России (г. Москва) / Kashirina73@mail.ru.

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru.

Кудрявцев Александр Абакарович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / kaa0210@yandex.ru

Лобанова Дина Васильевна – аспирант кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / lobanova.dina@mail.ru.

Луговая Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь) / ek.lugovaya@yandex.ru.

Любушкина Елена Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь) / luybyshkina@rambler.ru.

Марченко Елизавета Михайловна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь) / ms.marchenko.elizaveta@mail.ru.

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru.

Оборский Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / oborskye@gmail.com.

Останкович Анатолий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ost_av@mail.ru.

Плохотнюк Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / plokhotnjuk@gmail.com.

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / t.pokotilova@gmail.com.

Пономаренко Елена Николаевна – магистр Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ln-pn@yandex.ru.

Попова Лариса Геннадьевна – преподаватель иностранных языков Ставропольского базового медицинского колледжа (г. Ставрополь) / Lorik-2105@yandex.ru.

Пуховский Николай Викторович – соискатель кафедры Отечественной истории Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) / k-n-v17@rambler.ru.

Рыкун Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры туризма и гостиничного дела Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорск) / Galina.rykun@gmail.com.

Садченко Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / sachochek@rambler.ru.

Селиверстова Галина Евгеньевна – аспирант кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) HYPERLINK «mailto:Gala-kti-ka@mail.ru» / Gala-kti-ka@mail.ru.

Танцеева Анастасия Владимировна – аспирант Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ / Kolesnikova_av@list.ru.

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) / tirpizn@sfned.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avdeev E. – Master Student, Institute of Law, North-Caucuses federal university / ewg.avdeev@yandex.ru.

Anuprienko I. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of History and Law of Stavropol State Pedagogical Institute / anupr2011@yandex.ru.

Bredikhin S. – Dr. of Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / bredichinsergey@yandex.ru.

Burov A. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of philology and Educational Technologies in Philological Education of Pyatigorsk State Linguistic University / professorburov@rambler.ru.

Vasilenko V. – Dr. of Historical Sciences, Holder of Chair of Culturology and Artsof Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / vasilvika@yandex.ru.

Velichko L. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / ludku@yandex.ru.

Galushko A. – Post Graduate of Institute of History and International Relations of Southern Federal University / kafedra12@yandex.ru

Golovina E. – Head of Library Stavropol Presidential Cadet School / golovina.elza@yandex.ru.

Gusarenko S. – Dr. of Philology Sciences, Holder of Chair of Culture of Russian speech of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / kaf.KRR@yandex.ru.

Dmitriev V. – Dr. of Historical Sciences, Chief Researcher of Department of the Caucasus and Central Asia (the Russian Ethnographic Museum), Associate Professor of Chair of Ethnography, Institute of History of St. Petersburg State University / Dmitriev_home@mail.ru.

Dudarev S. – Dr. of Historical Sciences, Holder of Chair of General and Russian History of Armavir State Pedagogical University / dudarev51@mail.ru

Ezhova E. – Dr. of Philology Sciences, Professor, Head of Chair of Mass Media of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / ezhova.elena1@gmail.com.

Zaharchenko O. – Post Graduate of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / okabyaka@mail.ru.

Zelnitskaya R. – Researcher of Department of Ethnography of the Peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, the Russian Ethnographic Museum / riza81@yandex.ru.

Zozulya I. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / zozulya-igor@yandex.ru.

Zoloeva Z. – Senior Teacher of Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) / 4noiabria@mail.ru.

Istiagin V. – Post Graduate of Chair of Historical and Political Sciences of Rostov State University of Economics / istyagin@ro.ru.

Kalinchenko S. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Philosophy and History Stavropol State Agrarian University / Sbkalina7@mail.ru.

Kamenava G. – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of Department of history of Stavropol State Museum – Conservancy Area / KamenavaGN@mail.ru.

Kashirina T. – Dr. of Historical Sciences, Holder of Chair of Foreign Affairs of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation / Kashirina73@mail.ru.

Koibaev B. – Dr. of Political Sciences, Professor of Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) / koibaevbg@mail.ru.

Kudryavtsev A. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / kaa0210@yandex.ru

Lobanova D. – Post Graduate of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / lobanova.dina@mail.ru.

Lugovaya E. – PhD in Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Russian Language of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / ek.lugovaya@yandex.ru.

Lyubushkina E. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of History and Law of Stavropol State Pedagogical Institute / luybyshkina@rambler.ru.

Marchenko E. – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer of Chair of History and Law of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / ms.marchenko.elizaveta@mail.ru.

Marchenko T. – Candidate of Philology, Associate professor, department Theory and Practice of Translation of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University/ tatiana-marchenko-25@yandex.ru

Oborskiy E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / oborskye@gmail.com.

Ostankovich A. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of National and World Literature of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / ost_av@mail.ru.

Plohotnyuk T. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / plokhotnjuk@gmail.com.

Pokotilova T. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / t.pokotilova@gmail.com.

Ponomarenko E. – Master Student of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / ln-pn@yandex.ru.

Popova L. – Foreign Language Teacher of Stavropol Basic Medical College / Lorik-2105@yandex.ru.

Puhovskij N. – Post Graduate of Institute of History and International Relations of Southern Federal University / k-n-v17@rambler.ru.

Rykun G. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Service, Tourism and Recreation of North Caucasus Federal University (branch of NCFU in Pyatigorsk) / Galina.rykun@gmail.com.

Sadchenko V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / sachochek@rambler.ru.

Selivyorstova G. – Post Graduate of Russian language of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / Gala-kti-ka@mail.ru.

Tancevova A. Post Graduate of Russian presidential Academy of national economy and state service under the RF President / Kolesnikova_av@list.ru

Trapsh N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Special Historical Disciplines and Documentation of Institute of History and International Relations of Southern Federal University / tirpizn@sfsedu.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2015. № 4 (8)

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерицян
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 23.10.2015

Формат 60х84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 21,74
Заказ 331

Уч.-изд. л. 20,32
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.